

фантастическая
методика

Кирилл Шарапов

Обратное зеркало

С а м и з д а т

Это моя самая первая книга, написана очень давно, тогда я был немного другим человеком, «Обратное зеркало» — это книга упущенных возможностей. Это книга русской государственности. Вариант на тему, а что было бы, если к власти пришел человек, который сделал бы именно эти шаги. Шаги, которые бы превратили Русь в великую державу. Именно поэтому герой книги — Князь Ингвар Новгородский, сын великого Рюрика — попал в наш мир, где жил до двадцати лет, а затем вернулся обратно. И знание истории позволяет ему, не совершать ошибок своих предшественников. За основу взят эпизод призвания варягов на Русь.

Кирилл Юрьевич Шарапов

Обратное зеркало

*Звонко лопалась сталь под напором меча,
Тетива от натуги дымилась,
Смерть на копьях сидела, утробно урча,
В грязь валились враги, о пощаде крича,
Победившим сдаваясь на милость.*

В. Высоцкий

Предыстория первая

В год 879 от Рождества Христова или 6397 год, если считать от сотворения мира, с острова Буяна, что расположен в холодных морях, близ норвежских берегов, отправились в плавание восемь боевых ладей и столько же транспортных судов, их путь лежал на восток в сторону загадочных славянских земель, где правили племена варваров.

Высокий крепкий человек, с бритой наголо головой, с которой свисал лишь длинный чуб, и с синими длинными усами стоял на палубе самого большого и крепкого корабля и вглядывался в холодную синюю даль. Где-то впереди, среди лесов, около огромного озера Ильмень, ждал его новый дом. Месяц назад к нему в ноги пали посланцы из далекого града Китежа, что стоит на краю бескрайних южных степей. Раньше там не было ни села, ни города, он появился словно из ниоткуда. Спустя пятьдесят лет городу покорились все близлежащие племена, и он превратился в Китежское княжество. Вот оттуда и прибыли послы к варяжскому князю Рюрику. Много ценных даров они сложили к ногам варяга, но еще более ценным было их предложение:

— Княже, мы привезли тебе просьбу великого князя Китежского Ярослава вот слова его: «Нужна мне опора на землях северных. Построй там град, и сядь в нем князем, укрепляй оборону этих земель, приумножай свое богатство, дань я с тебя возьму малую, а с юга защитой встану».

Это предложение подоспело как нельзя во время, вражда варяга и конунга викингов Отона переросла в войну, и выигрывал в ней не Рюрик, а предложение Ярослава позволяло спасти род от уничтожения. И он согласился. Спустя месяц Рюрик с родом и дружиной отплыл от родных берегов Буяна и через двадцать дней должен был вступить на славянские земли близ озера Ильмень.

— О чем думаешь, княже? — раздался за спиной Рюрика хриплый голос.

— Да так, Хельги, думаю, что ждет нас на земле новой.

— А, что ждет? — удивился верный княжеский воевода, — мы ж не с набегом туда идем, а по приглашению. Сделаем, как Ярослав сказал, город красивый и крепкий поставим, будем опорой Китежу, а он нас с юга от диких кочевников закроет, так и будем жить.

— Ладно, Хельги, может ты и прав, но Отон в покое нас не оставит. Отобьемся ли — ведь наверно там не будет непреступных скалистых берегов Буяна?

— Да, скалистых берегов там нет, — с тоскою сказал Хельги, — а вот местное племя ильменских славян есть или забыл, что Ярослав вместе с землею отдал и народ, что ее населяет. Племя большое, одно из самых крупных в землях китежского князя, и воинов оно много даст, и дружину сможет прокормить. Породнимся с ними, и будет у нас опора против Отона.

— Ладно, Хельги, ты прав я зря волнуюсь. — И оборвав разговор, снова стал смотреть в холодную даль.

А воевода отправился к гребцам, а то весла с правого борта опускались в воду быстрее, чем с левого: «Что-то у князя на душе скверно, чует он неладное что ли, а может, кажется мне».

Через двадцать дней четырнадцать ладей пристали к берегам Ладожского озера, еще две ладьи были потеряны во время шторма. Высыпав на берег, воины спешно ставили большой шатер для Рюрика и его малолетнего сына Ингвара, которому не было еще и года. Вечером,

когда в лагере варягов был большой праздник, и все воины и свободные люди веселились, в шатер к князю вошел его ближайший помощник Буревой.

— Княже, все разместились, праздник в самом разгаре, ты бы к людям вышел.

— Конечно, верный друг, сейчас Ингвара спать уложу и выйду.

Буревой поклонился и покинул шатер. Если бы Рюрик в этот момент посмотрел на своего верного друга, он бы увидел жгучую ненависть в глубине его глаз. Но сейчас его занимал только сын. Через десять минут князь вышел из шатра и направился к веселящейся толпе. Сзади слышались легкие шаги, он обернулся и увидел Буревоя во главе десятка воинов.

— А это ты? — сказал Рюрик, слегка замедлив ход, дожидаясь своего советника, — ты чего не на празднике?

— Да дело одно к тебе есть, князь.

— Ну, рассказывай, что за дело, да пойдем к людям.

— Да так, не дело даже, а просьба одного хорошего человека, просил он тебе передать, что с Буяна ты ушел вовремя, но от смерти не уйдешь, — и большим засапожным ножом ударил Рюрика в живот, разрывая легкую ткань рубахи князя. Рюрик удивленно посмотрел на убийцу. — Отон велел передать, что нигде не будет покоя роду Рюриковичей, все здесь поляжете. Буревой обернулся к воинам, что стояли за ним, — не шадить, никого и некому будет мстить.

Старший из ратников кивнул и бросился в сторону веселящегося народа. Сам же Буревой с пятью телохранителями метнулся к княжескому шатру. Через секунду варяжский лагерь взорвался звоном мечей и секир, криками боли и ненависти. Из бойни, что секунду назад была праздничной толпой, вынырнул десяток воинов, и рубились они так мощно, что никто не мог их остановить. Впереди в окровавленной рубахе с обнаженным мечем несся Хельги, он рвался к княжескому шатру, предупредить, защитить, но было поздно. У шатра шел бой, там два стражника сдерживали пятерых нападавших во главе с Буревоем. Хельги споткнулся обо что-то мягкое, лежащее на земле, опустив глаза на досадную помеху (в мыслях он уже был там, у шатра, где шел бой), он вскрикнул, тело его князя и родича с ножом в животе еще жило, но глаза уже подернулись мутной пеленой. Упав на колени рядом с ним, он осторожно приподнял голову Рюрика.

— Хельги, — зашептал Рюрик, — спаси сына, это Буревой, он служит Отону, иди в Китеж. — Струйка крови сбежала с уголка губ, великий варяг умер.

Хельги оглядел людей, стоящих рядом с ним, их было не больше четырех десятков простых ратников с окровавленными мечами в руках, это все, кто смог вырваться с праздничной тризны.

— За Ингвара! — заорал Хельги и бросился к шатру.

— За Ингвара! — заорали воины и с такой силой ударили в строй предателей, осаждающих княжеский шатер, что сразу опрокинули и рассеяли десяток воинов под предводительством Буревоя.

Но тот, поняв, что сейчас верх не его, побежал в сторону поляны, где недавно был праздник, а теперь шла резня. Оба воина, защищавших шатер, были ранены, но живы. Хельги ворвался внутрь, схватил маленького князя и с оставшимися верными воинами заспешил в сторону леса.

Безумный бег по нескончаемым зарослям продолжался два дня. На третий Хельги остановился посреди широкой поляны, в центре которой был небольшой холм.

— Здесь, друже, мы либо за Рюрика отомстим, либо все в землю ляжем, — обратился он к своим последним воинам.

— Любо! — гаркнули в ответ ратники, и стали готовиться к битве.

Погоня появилась через три часа. И началась сеча лютая. В уставших беглецов летела туча стрел, многие из них нашли свои цели, но воинство Хельги дралось храбро и платило одним своим за пятерых чужих, но слишком мало их было. Воевода Рюрика стоял на вершине холма и смотрел, как последние десять ратников отходят к нему, а воинов Буревоя в броне, с щитами было не меньше сотни.

— Вот и все, князь, — обратился Хельги к маленькому свертку на земле, — не выполнил я последнюю волю Рюрика, знать прогневили мы богов чем-то, зато умрем как мужчины.

В этот момент битва докатилась до вершины холма, воины в простых рубахах бросились в атаку так отчаянно, что враги на мгновение дрогнули, но явно неравны были силы — и вот уже один Хельги бьется над свертком с молодым князем. Не заметил он, как в его спину летит стрела, не видел Хельги, как под его ногами сверток с младенцем Ингваром, окутывается легкой дымкой. Храбрый воевода резко выпрямился, глянул вниз — дымка в этот момент растаяла, и сверток пропал.

— Спасибо, Боги, — сказал он и умер.

Предыстория вторая

Весна 1982 года, село Спасское Нижегородской области.

Дарья Владимировна Никитина, учительница истории в Спасской сельской школе шла своей каждодневной дорогой. Она помнила ее наизусть: село Спасское — поле — маленькое кладбище. Нестарая еще женщина ходила сюда к сыну. Ее Игореша погиб год назад, в черном пламени афганской войны, вдалеке от родного села, среди песчаных барханов, под ярко голубым небом.

Не доходя до могилы, она услышала детский плач. Оглянувшись и убедившись, что на маленьком кладбище никого кроме нее нет, она подошла к могиле сына и оцепенела, среди цветов, которые каждый день она приносила, лежал младенец, с вьющимися золотистыми волосами, а ее сын смотрел с фотографии на мальчика и улыбался. «Хорошая фотография!» — подумала учительница. Станным показалось другое: раньше он смотрел куда-то в даль, а теперь — на ребенка, Дарья взяла младенца на руки, взгляд сына обращался уже к ней. И вдруг она услышала голос. Голос, который она в последний раз слышала полтора года назад, она не могла ошибиться. Это был голос сына. Звучал он ниоткуда и отовсюду сразу:

— Мама, этот ребенок появился здесь сегодня утром, за час до твоего прихода, возьми его и воспитай так, как воспитала меня: храбрым и сильным. Но запомни, что через двадцать лет он исчезнет. Он не принадлежит ни нашему времени, ни нашей реальности. В девятнадцать лет ты должна рассказать ему историю его появления. Зови его Ингвар, почти как меня. Ему предстоят великие дела.

— Сынок, откуда ты все это знаешь? — взмолилась Дарья.

— Мертвым ведомы дороги живых, я — ведогон, дух этого рода. Прощай.

Весна 2001 года.

Ингвар Игоревич Никитин сидел у постели тяжело больной бабушки и слушал историю своего появления на свет и не находил слов. Но это говорила женщина, которую он любил и считал своей бабушкой. Ингвар был в военной форме и служил в псковской воздушно-десантной дивизии. Дарья Владимировна закончила рассказ и закрыла глаза, бог даровал ей спокойную и легкую смерть. Тогда, в 82-ом, она все представила так, что Ингвар, ребенок ее сына, а мать подкинула его к ней в дом. Как и ее сын, он стал настоящим мужчиной.

На похоронах бабушки, идя за гробом, Ингвар думал, что он теперь совсем один, ушел последний близкий ему человек, а впереди — неизвестность. Он не знал, кто он и откуда, и где она эта его реальность. Гроб опустили в яму, по крышке застучали комья земли, два дюжих деревенских парня с лопатами быстро закопали могилу. Немногочисленные провожающие разошлись. Ингвар остался один, ему хотелось подумать и погоревать на родных могилах. Поправив цветы на свежем холмике, он посмотрел на соседнюю могилу, и взгляд его пересекся со взглядом отца на фотографии. И тут Ингвар, как и когда-то его приемная бабка, слышал голос:

— Нам надо поговорить полночь, здесь.

— Отец это ты? — мысленно спросил он.

— Нет, я не твой отец, — отозвался голос, — ты должен это знать, она должна была тебе рассказать.

— Да, я все знаю, — крикнул Ингвар.

— Все. В полночь, — прошептал голос и пропал.

После поминок, Ингвар убрал со стола посуду, быстро вымыл ее, прибрался в доме. Без двадцати двенадцать он вышел из дома и пошел в сторону кладбища. Ровно в назначенный срок он стоял перед могилой того, кого девятнадцать лет считал отцом.

— Ты пришел вовремя, — произнес голос, — я — ведогон — дух твоего рода, а теперь слушай. Ты — человек другого мира, в том мире история развивается параллельно, он почти — наша копия, он — его зеркало, но что-то в его истории пошло по-другому. Там нет Руси, какую ты знаешь по учебникам истории, в том мире Рюрик пал от руки предателя, а его воевода Хельги, которого ты знаешь, как вещего Олега, не смог защитить тебя, и был убит. Боги сохранили сына Рюрика, и ты появился здесь. Из-за этого в том мире все пошло не так, там нет ни Киева, ни Новгорода, зато сто лет назад там появился город Китеж, исчезнувший с этой земли во время монголо-татарского нашествия. Через год ты вернешься обратно. Помни, ты обязан стать для Руси Рюриком, Китеж не должен пасть, он — последний оплот, если он погибнет, тот мир будет обречен. У тебя есть ко мне вопросы?

— Как я уйду из этого мира?

— Для этого мира ты просто умрешь. Что будет с тобой в том мире, я не знаю.

— Но меня никто не спрашивал, хочу я куда-то или нет!

— Извини, таков замысел творца, — произнес голос, — ты чужой в этом мире. Помни, что тот мир похож на этот, но он другой. При переходе я снабжу тебя самым необходимым тебе для начала знанием, ты ведь должен будешь знать язык тамошних племен. А теперь, прощай, я рассказал тебе все, что мог, и снова поговорить с тобой смогу лишь там.

Антитеррористическая операция была в разгаре, по чеченской республике шли колонны бронированной техники, тяжелые штурмовики держали под контролем небо, стирались с лица земли аулы, Русь мстила. Банды Хаттаба и Басаева отступили в горы. Группа специального назначения, в составе которой был и рядовой Никитин, заканчивала зачистку села Комсомольского. Вопреки данным разведки, сопротивления почти не оказывалось, в одном из домов была жиденькая пулеметная точка, но ее уничтожили выстрелом из гранатомета. Зачистка была почти закончена, оставалось проверить всего несколько домов, и все — обратно в палатки до следующей операции.

В тот день Ингвару впервые дали в подчинение двух бойцов. Они выбрали дом по правой стороне улицы и приготовились войти. Порядок был вполне обычным: Ингвар шел по центру прямо напротив двери, справа от двери застыл с АКМ на изготовку Андрей Немцов, в его глазах читалось большое желание побыстрее все закончить. Слева его прикрывал Серега — хмурый владимирский парень, чем-то похожий на кавказца — такой же смуглый, чернявый и бородатый.

«Ну, что пошли?» — спросил Ингвар взглядом. Глаза Сереги ответили, куда бы все это шло. Но тут же ударом сапога Серега распахнул дверь. Ингвар, как ураган, ворвался внутрь и откатился вправо от входа, прикрывая ствол, вход в другую комнату, сзади уже ворвались ребята. Они быстро обследовали дом.

— Здесь чисто, — закончив осмотр, сказал Ингвар, но смутное чувство беспокойства не оставляло его: все время казалось, что дом больше, чем кажется. — Обшарить дом еще раз, — приказал он.

Бойцы молча выполнили приказ командира. Из соседней комнаты раздался голос Андрея.

— Здесь хитро спрятанный лаз, сейчас проверю.

— Отставить! — приказал Ингвар. — Идем в обычном порядке: сначала я, за мной Серега, ты замыкающим.

Они подошли к обнаруженному лазу. Он действительно был неплохо замаскирован и находился за шкафом, вплотную придвинутым к стене. Ингвар толкнул заднюю стенку шкафа и прыгнул в проход, взрыва он уже не услышал.

Глава первая Китеж-град

Ингвар лежал на берегу реки по пояс в воде. Вода приятно холодила ноги.

— Я...Что со мной? Где я? Неужели все это правда?!

Он встал и ощупал себя. «Вроде все цело», — мелькнуло в голове. Он еще раз осмотрелся, рядом валялся АКМ, на голове маска, на плечах бронежилет и разгрузка: «Четыре полных рожка тут, один в автомате, две гранаты, нож «Пластун» за голенищем — не так все плохо».

Посидев минут десять, перекусив и выкурив сигарету, он решил: «Хватит загорать, пора идти, не дожидаться же здесь комитета по встрече».

Зная, что, двигаясь по берегу реки, он быстрее наткнется на людей, Ингвар пошел вниз по течению. Идти было легко, нежаркое осеннее солнце светило в спину, следы людей не попадались. Отмахав за пару часов километров семь, он сел передохнуть. Прислонившись к дереву, достал сигарету и закурил. По ногам скользнула тень. Быстро подняв глаза, он увидел приставленное к груди копьё, а в десяти метрах Ингвара обступали люди с луками, наконечники стрел которых были нацелены прямо в горло. Прикуренная сигарета выпала на жухлую осеннюю траву.

— Ты кто? — спросил по-русски человек в остроконечном шлеме, державший копьё у его груди.

«Это неправда, сон, бред», — пронеслось в голове, но укол копьё доказывал обратное. Еще Ингвар отметил странный выговор, но вопрос понял и внимательно присмотрелся к человеку с копьём. Мужику было лет тридцать пять: густая борода, высок, нет, рост примерно с Ингвара, в котором было без малого два метра, но ширина плеч просто ужасала. «Раза в два больше, чем у меня», — подумал уже бывший десантник. Тело мужика было упрятано в кольчугу, достигающую колен, икры закрывали металлические поножи, на ногах — кожаные сапоги. Ингвар поймал себя на мысли, что даже не пытается схватиться за автомат. Мужик повторил вопрос.

— Ты кто?

Десантник тяжело вздохнул, да и что он мог ответить, что он сын Рюрика, погибшего вместе с верным воеводой двадцать лет назад?

— Меня зовут Ингвар, — выдавил он из себя. Слова звучали странно, как-то по-другому, но человек с копьём их понял. — Кто вы такие, где я, какой сейчас год?

— Ну, парень, у тебя и вопросы, — сказал мужик, — странный ты какой-то, одежда не наша, оружия при тебе нет, — на автомат Ингвара он и внимания не обратил, — на хазарина ты вроде не похож, на грека тоже. А год сейчас 899, месяц октябрь, находишься ты на берегу реки Днепр, зовут меня Даниил и я — сотник князя Мстислава Китежского.

Название города было знакомо, потому что Ингвар после памятного разговора с ведогоном перерыл горы научной литературы и отыскал легенду о мифическом граде Китеже: в XIII веке город осадили полчища монголо-татар. Всю ночь жители упорно держали оборону на стенах, а на утро, пойдя на приступ, враги города не увидели, он просто исчез. Ингвар тогда вспомнил старый афоризм: «Если где-то, что-то пропало, значит, это что-то, где-то появится».

— Придется тебе прогуляться с нами, — заявил сотник тоном, не терпящим возражений. — Кстати, ты — урман?

— Нет, — ответил Ингвар, — назвали в честь отца.

— Понятно, — кивнул Данила. — Пошли.

Под пристальным взглядом воинов Ингвар двинулся за сотником. За всю дорогу стрелки так и не произнесли ни слова, но по ним было видно, что воины они бывалые и готовы к любым неожиданностям. Они шли настолько бесшумно, что Ингвар со своей десантной подготовкой производил шум за весь отряд. Внезапно лес кончился, и глазам открылось широкое степное пространство, упиравшееся в речной язык, где на высоком холме, окруженном с трех сторон рекой, стоял огромный каменный город.

— Вот он Китеж, — произнес сотник восхищенным голосом, — жемчужина Руси.

За двадцать минут они дошли до ворот города. Сотника здесь знали и сразу окликнули, увидев с ним незнакомого человека в странной одежде с непонятным предметом в руках:

— Данила, кого привел?

— Да вот парень на секрет наткнулся, да странный какой-то, ничего не знает, кроме имени, да и одежка не наша, но и не хазарская, хочу вот с князем потолковать, что с ним делать?

Стены города начинались у подножья холма. Высокие, сделанные из камня, они уходили в небеса метров на двадцать, множество высоких башен, в одной из которых находились ворота. «Странно, — подумал Ингвар, — на Руси не любили строить из камня, да и откуда в степи ему взяться?» По истории покинутого недавно мира, он знал, что основным материалом для славян служило дерево, недостатка в нем никогда на Руси не было, кроме того, славяне считали, что дерево более полезно для людей, чем сырой холодный камень. Но высоченные стены, сложенные из каменных глыб, доказывали обратное. «Вот и начинаются различия того и этого мира», — мелькнуло в голове десантника. Массивные железные створки были распахнуты, мост через ров опущен, тяжелая железная решетка ворот поднята. Вверх вела широкая дорога, на которой свободно разъезжались две телеги. Ингвар шел под конвоем прямо к вершине огромного холма и продолжал дивиться разнице двух миров. В городе камня тоже было намного больше, чем дерева, самые богатые дома были сложены именно из него. «Ведогон предупреждал, миры похожи, но они разные. Значит, многое из того, что я знаю по истории того мира, здесь бесполезно. Другая архитектура, другая культура, все придется изучать заново». На самом верху стоял княжий двор, обведенный вторым кольцом стен. В воротах застыли два ратника в кольчугах, с длинными мечами на поясе, с копьями в руках. Когда сотник приблизился к воротам, копья нацелились ему в грудь.

— По какому делу? — пробасил старший. — Князь отдыхает, никого не велел пускать.

На что сотник развел плечи еще шире и рывкнул так, что на десять метров у всех заложило уши:

— Я бился на Калке! Не тебе меня расспрашивать! Прочь с дороги! О своем деле я скажу только князю!

И вдруг со стены раздался другой голос, который привык повелевать дружинами, карать виноватых и награждать отличившихся:

— Ну что ты кричишь под стеной, Данила Святославович? Всех просителей мне распугал, за что спасибо. Зайди в терем, скажи, что надо.

Копье ратника поднялось так же легко, как и опустилось.

— Не держи зла, сотник, я исполняю службу, — сердечно произнес ратник.

Они вошли во двор. Князь стоял на крыльце и смотрел прямо на Ингвара. Выслушав

историю сотника, он осмотрел Ингвара еще раз, затем спросил:

— Что сотник сказал — правда?

— Да князь, твой сотник не обманул. Я действительно из далеких краев, и жил в другом времени, и был на другой войне, но прихотью судьбы очутился здесь.

— Хороший ответ, — проговорил, улыбаясь, князь. — Наш город, сто лет назад исчез прямо из-под носа врагов, обступивших его, и появился на этом месте. Я же — князь Мстислав Китежский — говорю тебе, что рад видеть такого, как мы. Поведай нам о себе.

Ингвар открыл было рот, чтобы начать свой рассказ, но тут он заметил резкое движение с правого боку. Рефлекс опасности сработал, как всегда, безупречно: пережат, автомат на изготовку, рука привычно передергивает затвор. Мимо просвистел метательный нож и ударил князя в плечо. Короткая очередь и метатель ножей валится на землю. Оглядевшись, бывший десантник обнаружил, что стоит на прицеле у десятка лучников. Осторожно положив автомат на землю, Ингвар отошел в сторону. Князь распрямылся. Один из воинов осмотрел тело, валяющееся на земле, и крикнул:

— Жив и почти здоров, только ноги перебиты.

Метателя подтащили к князю, и начался обычный допрос: Кто таков? Кто послал?

Пленник был так ошеломлен, что ответил на все вопросы.

— Зовут меня Славом. Извини, князем величать тебя не буду, не признаю таковым. Послал меня князь Влад, а хотел он смерти твоей.

— Ну, за то, что правдиво все рассказал, умереть тебе легкой смертью, — молвил Мстислав.

— И еще, — произнес несостоявшийся убийца, — черное колдовство тебя не спасет, — он бросил быстрый взгляд на Ингвара. — Я все сказал.

Из княжеских ножен молнией вылетел меч, и голова незадачливого убийцы покатилась по двору.

Князь подошел к Ингвару:

— А теперь возьми свое, — он явно затруднялся назвать незнакомый предмет, — оружие и следуй за мной. Ну, сотник, быть тебе полутысячником, — произнес князь, проходя мимо Данилы, — а пока иди, отдыхай.

Лицо бывшего сотника просто светилось от счастья.

— Спасибо, княже, — проревел он, — век не забуду. — И, поворачиваясь, чтобы уйти, подмигнул Ингвару.

Бывший десантник, очутившийся по воле богов в другом мире, теперь был точно уверен — он приобрел верного друга на всю жизнь. Подняв автомат, Ингвар двинулся за князем, провожаемый настороженными взглядами дружинников из личной охраны Мстислава. Мутный человек, но они четко выполняли приказ ему не препятствовать. Князь не спешил, давая Ингвару возможность смотреть по сторонам.

Княжий терем представлял собой крепкое двухэтажное строение. Мощные крылья расходились вправо и влево, полукругом охватывая двор. Весь первый этаж был сложен из добротных каменных глыб, окна больше всего напоминали бойницы лучников, второй этаж был полностью деревянным, но сложенным из огромных бревен, толщиной в два обхвата, и по крепости не уступающим камням первого этажа. Князь вел Ингвара по узким переходам. Множество дверей, мимо которых они проходили, были закрыты, но некоторые из них были распахнуты и открывали вид на просторные горницы. Они поднялись по прочной дубовой лестнице на второй этаж в княжеские покои. Если первый этаж занимала челядь и охрана, то

второй — князь, княгиня и их гости, здесь же находилась и княжеская сокровищница.

Князь сел за дубовый стол, на котором была расстелена карта, принадлежащих ему земель, а также земель союзников и данников. Мстислав указал на место против себя и уже хотел было начать разговор, как вдруг дверь распахнулась и в комнату вбежала юркая служанка. Сняв с князя расшитую рубаху, испачканную кровью, она промыла и перевязала рану. «Рана неглубокая, князь, скоро затянется», — сказала она и тихо исчезла.

— Отложи свое оружие, здесь тебе ничего не грозит!

Ингвар послушно положил автомат рядом.

— Я знаю, что у тебя много вопросов, и я на них обязательно отвечу. Но сначала я задам свои. От твоих ответов может зависеть судьба княжества и твоя собственная.

Ингвар кивнул в знак согласия.

— Спрашивай, княже, но скажу сразу, я не смогу сделать такое оружие и даже если бы мог, не стал бы.

Князь улыбнулся. В его глазах читалось любопытство, но Ингвар понял, что угадал единственно верный ответ.

— Одним вопросом меньше, тогда другой, что известно про наш город в твоём времени?

Подумав, Ингвар начал говорить:

— Существует две теории, по одной из них город исчез при осаде его стен татаро-монголами, по второй был затоплен. Мне теперь ясно, какая теория верна.

Мстислав сдвинул брови и напряженно взгляделся в глаза парня, прежде чем задать новый вопрос.

— Ведаешь ли ты, что было далее в истории Руси?

Ингвар напряженно произнес:

— Да, князь, я знаю, как развивались события до и после вашего исчезновения. Но не знаю, пригодятся ли мои знания здесь, насколько этот мир похож на тот, другой? Я уже заметил множество исторических различий, например, большое количество каменных строений.

— И еще одно, — спросил Мстислав, — чем ты занимался в своем мире?

— Я был воином, князь, в огромной армии, но мои воинские знания не применимы для этого мира. Мы не воюем в поле, у нас есть железные птицы, которые способны одним своим ударом уничтожить этот город, у нас есть железные кони, против которых ваши стрелы и мечи бесполезны. Там каждый воин имеет такой гром, — он указал на автомат. — В том мире почти не осталось чести, там правит ложь и корысть. Там везде правят деньги.

Князь помрачнел.

— Да, страшный мир ты нарисовал, вы уподобились богам, но войны продолжаются, не хотел бы я, чтобы воины из того мира пришли в наш. Но в чем-то наши миры похожи, у ромеев давно правят деньги, и не с вашего мира это началось.

Князь хлопнул в ладоши — слуги внесли кувшины с вином и разную снедь. После того, как они удалились, опасливо поглядывая на Ингвара, князь поднял серебряный кубок:

— Теперь можешь задавать свои вопросы, хотя и не на все я дам ответ.

Ингвар, взвесив все «за» и «против», решил, не открывать князю то, что рассказал ему ведогон.

— Мой первый вопрос не труден, князь: как давно находится город в этом мире?

— Город исчез из того мира примерно в 1234 году, здесь появился 75 лет назад, на месте, где тогда стоял Киев.

Ингвар выслушивал ответы князя на протяжении двух часов. Картина получалась примерно такая. Вокруг Китежа, как и в том мире, жило много свободных племен. Город возник на территории полян, которые были так ошарашены его появлением, что тут же признали власть тогдашнего князя Ярослава (он умер лишь 10 лет назад, прожив сто пятнадцать лет). После Ярослав покорил вятичей, радимичей, Ильменское племя словен (что проживали около озера Ильмень, где в другом мире стоял Новгород), а пять лет назад, уже при Мстиславе Китежском, были покорены древляне. Китежане жили по законам «Русской правды», собирали налоги (полюдье). В этой истории двух реальностей пересекались. На князе лежала забота об обороне молодого Китежского государства от внешних врагов. Хазары нападали не только на границы княжества, но и на саму столицу — Китеж. Слишком близко подступали к городу степи, слишком незащищен он был с юга. Поэтому Китежский князь понемногу окружал княжество крепостями, «рубил города» на границах со степью, укрепляя саму границу валами и засеками, чтобы хазары не мешали торговому движению на юг. Два раза князь сам напал на степняков.

Хазары этого мира сильно отличались от тех, которые были в том, другом мире, различие начиналось уже с того, что были они не оседлыми иудеями, а обычными кочевниками, верившими в своих степных богов. Так же, как и в том мире, была у них столица Итиль. Но жили они не торговлей, а разбоем. И умели только две вещи: грабить и разводить коней. Кони были великолепные: быстрые, выносливые и китежане (в редкие минуты перемирий) покупали их для своей легкой кавалерии. Но самой важной была торговля с Византией. Эта Византийская империя была стабильной и в два раза больше. Каждое лето русские купцы являлись в Царьград на торговый сезон, продолжавшийся шесть месяцев. По договору Ярослава с греками никто из них не имел права оставаться на зиму. В Китеж также приходили греческие моноксилы, китежане же ходили на ладьях, которые могли поднять на борт несколько сот пудов груза и до пятидесяти человек.

Что касается религии, то китежане вернулись к исконной вере отцов — язычеству. Но поскольку слово «язычник», с легкой руки римлян, называющих так варваров, не верующих во Христа, считалось бранным, то славяне стали именовать себя исконниками. Пантеон их богов выглядел так. Первое место среди богов занимал бог Солнца — Дажьбог. Небо, в котором он жил, называлось Сварогом и считалось отцом солнца, потому Дажьбога именовали еще Сварожичем. Ветер имел свое божество — Стрибога. Очень почитался славянами Велес — покровитель стад или «скотий бог». Другим значимым божеством был Перун, который являлся верховным богом воинов и покровителем дружины. Его олицетворением славяне считали грозу с ее смертоносными молниями и страшным громом. Если в том мире Перун управлял золотой колесницей, то в этом он ездил на богатырском коне. Были и другие боги, отвечавшие за повседневную жизнь людей.

Князь некоторое время смотрел на задумавшегося Ингвара, затем тихо сказал:

— Я знаю, тебе сейчас нелегко, нам поначалу тоже было трудно. Пути назад мы так и не нашли. Если ты рвешься домой, то путь спрашивай не у нас, но если захочешь остаться — мы будем рады. Походи здесь пару дней, осмотришься, а потом поговорим. Степан, — крикнул князь, и тут же появился подросток лет тринадцати, — покажешь Ингвару его комнату, а потом город. Отвечай на любые его вопросы, дай все необходимое, через два дня, или когда он попросит, приведешь ко мне. Все. Идите.

Через некоторое время Ингвар, растянувшись на ложе, пытался разобраться в том, что же ему делать дальше. Если он правильно понял слова ведогона, то в тот мир дороги нет, да

и не осталось там ничего: ни семьи, ни друзей (Андрей и Серега наверняка погибли в том доме). Зато его с детства привлекало холодное оружие, битвы на мечах, и русская история, в которой он сейчас очутился «по самое не хочу». Так стоило ли искать путь назад? С этими мыслями он заснул. Во сне ему явилась белая тень и тихо-тихо сказала: «Ты все правильно сделал. Никто не должен знать, что ты сын Рюрика. Расстанься с прошлым и просись к князю в дружину, недолго тебе быть простым ратником. Один из твоих друзей выжил, и вы обязательно увидите, но это будет не скоро».

Проснулся Ингвар часам к пяти. Встав и сделав сорок отжиманий, ополоснулся водой из медного таза. Обведя комнату взглядом, он чуть было не опрокинул таз с водой: в углу на сундуке тихо, как мышка, сидел тот самый Степан, приставленный князем, и внимательно наблюдал за ним. Посмотрев на разгрузку и автомат, Ингвар подумал: «А пошло все это! Моя старая жизнь ушла, значит и вещи из нее должны уйти!»

— Эй, Степан, найди мне вашу одежду и мешок.

Парень исчез и вернулся так быстро, что бывший десантник не успел бы сосчитать до десяти. Переодевшись в простую полотняную рубаху и такие же штаны, подпоясавшись кушаком, сменив берцы на добротные кожаные сапоги, он приступил к основной процедуре: разобрал автомат до последнего винтика. Теперь никто в этом мире его не соберет — кроме него.

Все детали оружия, включая гранаты без запалов, он сложил в два полиэтиленовых пакета, найденных в камуфляже и плотно упаковал. Камуфляж засунул в мешок, в три презерватива, что постоянно таскал в бумажнике, сложил часы, паспорт и сам бумажник с военным билетом. Упаковав все это в мешок из рогожи, посмотрел на проводника и спросил:

— Степан, мне нужен самый глубокий омут в Днепре, до дна которого никто не смог бы достать? Есть такой?

— Как не быть, «Ольгин омут», туда Вячко нырял, а он у нас лучший пловец, даже половины не одолел. Но туда только на лодке!

— Лодку сможешь достать? — Степан быстро закивал. — Тогда веди.

Провожатый метнулся к выходу, бывший десантник двинулся следом. Через двадцать минут Степан вывел его на пристань, где, выбрав лодку, сел на весла. Скоро все было кончено, опасный груз отправился на дно Днепра. Ингвар, на всякий случай запомнив место (вдруг что случится), обратился к парню:

— Забудь, что мы здесь делали, этот сверток может погубить весь мир, — Степан опять часто закивал. — А теперь показывай город.

Проводник вел его по широким улицам. Город был огромен и богат. Дома двухэтажные: нижние этажи из камня, верхние из дерева. Улицы и даже улочки замощены булыжником, торговая площадь размером со стадион, рядом с ней расположены три трактира. Степан говорил, что все это было построено после исхода: так китежане называли перемещение между мирами. Вечером поднялись на городскую стену. Ингвар с восхищением смотрел на высохшую осеннюю бесконечную степь с тусклыми огоньками деревень, да и сами стены поражали своей мощью.

— Слушай, а откуда вы камень берете, ведь вокруг степь? — обратился Ингвар к проводнику.

— Ну, степь ведь не бесконечная, — отозвался Степан, — там, в двух днях доброй скачки, — он махнул рукой в сторону леса, темнеющего за Днепром, — есть большая гора.

Ярослав, тогдашний князь, приказал возить камень оттуда. Десять лет тянулись в сторону Китежа огромные караваны с глыбами, каменотесы, нанятые в Византии, обучали местных изготавливать растворы и обтесывать камни. Гору ту почти целиком разобрали, но камня там еще на два таких города хватит.

— Сколько же нужно народа, чтобы защитить эту громадину? — спросил восхищенный Ингвар.

Вообще, по словам Степана, дружина Китежа насчитывала десять тысяч воинов, не считая ополчения, размер которого варьировался от десяти до сорока тысяч, но можно было собрать и больше. Земли китежского княжества сильно разрослись за последние время, и народ, благодаря дружине князя, стерегшей землю от набегов хазар, плодился с огромной скоростью. Большинство дружинников несли дозоры в трех степных крепостях, в городе была только княжеская полутысяча и отроки, проходящие обучение на воинских дворах.

Вечером, лежа на лавке, Ингвар, думая, как и что ему сказать завтра князю, незаметно уснул.

С утра, бродя по городу, он стал замечать на себе быстрые взгляды прохожих. «Я становлюсь популярным», — усмехнулся про себя Ингвар. А Степан, словно угадав его мысли, сказал:

— Ты пришел из другого мира, у тебя в руках был гром, так чего же ты хочешь? Ведь только князь знает, что грома больше нет.

— Веди к князю, — приказал Ингвар.

Через двадцать минут они уже были на княжьем дворе.

— Князь ждет тебя в своих покоях. Степан проведет, — сказал стражник и посторонился.

Мстислав стоял у окна спиной к двери.

— Ты хотел меня видеть?! — не то спрашивал, не то утверждал он.

— Да, князь, я все для себя решил и хочу остаться, мне незачем искать обратной дороги, там у меня ничего нет. В моем мире я был военным, так не откажи мне быть твоим воином и здесь. Я уже присягал служить России, а здесь Русь — это Вы. Позволь служить тебе.

— Хорошие слова, и мое сердце радуется, слыша их. Ты сказал, что хочешь служить мне, да будет так. Я принимаю твою службу. А то, что ты избавился от своего грома, только к лучшему, все должно идти своим чередом. Степан проводит тебя к воинскому дому. Поступаешь в распоряжение Данилы Святославича. Все. Да, вот еще, возьми эти деньги на первое время, тебе нужна воинская справа и конь. Найди знатока, пусть поможет выбрать, а еще лучше попроси Данилу, думаю, он не откажет. Иди.

Степан довел Ингвара до воинского дома и простился с ним, сдав на руки Даниле.

— А я все думал, когда же объявится мой найденыш. Гляди-ка дождался, пойдем, устрою тебя, а за тем на торг.

Через час они уже бродили между навесами торговцев, успев сторговать еще один комплект одежды и сапоги.

— Теперь пойдем брони смотреть, — пробасил Данила, — даже место знаю прекрасное, — добавил он.

По всей лавке были развешаны десятки прекрасных кольчужных рубах, пластинчатых броней, похожих на рыбу чешую. С помощью Данилы Ингвар выбрал именно пластинчатую броню из замечательной стали. Затем пришел черед меча. Ингвару понравился узкий булатный клинок длиной около метра, с трехрядными долами по всей

длине. Ножны у меча были деревянные, покрытые кожей. Данила со всех сторон оглядел выбранное оружие, попробовал его на изгиб, балансировку и подытожил: «Добрый клинок». Здесь же подобрали шелом и поножи. Княжеский кошель изрядно полегчал, но и покупок осталось немного: лук со стрелами и конь.

Лук для Ингвара Данила выбрал сам: «Тонкое это дело. Они у нас особенные». И действительно, китежские луки были уникальным оружием: сложносоставной, частично позаимствованный у кочевников, частично — у других племен славян, лук собирали из нескольких пород дерева, скрепленных специальным клеем, секрет которого мастера охраняли не хуже княжеской казны. Полутораметровый, с тетивой из шелковых нитей или сплетенных жил, он посылал стрелы на огромные расстояния. Бронебойные восьмидесятисантиметровые стрелы, выпущенные из таких луков, с легкостью пробивали кольчуги и доспехи на расстоянии до трехсот метров. Эти стрелы до тридцати штук хранились в берестяном туле с плотной крышкой, защищавшее содержимое от непогоды.

Дальше Данила отправился выбирать коня. На какое-то время бывший десантник остался один у оружейного прилавка и решил добавить к своему вооружению еще и метательных ножей (детская забава превратилась в мастерство: в учебке он перерубал спичку с двадцати шагов). Вернувшийся полутысячник, увидев покупку, одобрительно крикнул: «Молодец, оставь мальчишку у оружейного прилавка, он тут же купит ножик». Но, увидев смущенное лицо Ингвара, расхохотался так что, у продавца сорвало шапку.

Конь, которого привел Данила, настороженно косился на Ингвара, но был великолепен: черный, словно вымазанный сажей, с тугими буграми мышц под гладкой кожей.

Данила, видя, с каким восхищением Ингвар рассматривает коня, сказал:

— Если сможешь завоевать его уважение, он вынесет тебя из любой битвы, никогда не даст упасть. Имя ему — Черен. Да, совсем забыл, мы ж тебе еще щит не подобрали. Пошли к Стаху, он — лучший в Китеже мастер.

Стах встретил их в дверях мастерской:

— Никак Данила Святославович пожаловал, да не один, это никак тот парень, что помог тебе полутысячником стать?

— Верно молвишь, — отозвался Данила, — тот самый, найденьш, что жизнь князю спас, да мне помог, звать его Ингваром, и теперь он княжий отрок, подбери ему щиты для конного боя и пешего.

Пеший щит оказался большим и круглым с металлическим шипом в центре, вокруг которого располагалось изображение герба княжества: орел с короной на голове. Миндалевидный конный щит был также с гербом.

— Хорошая защита, парень! — проговорил Стах. — Ты хорошо начал и, думаю, мы о тебе скоро услышим. Удачи!

По дороге к воинскому дому Ингвар вспомнил вопрос, что давно хотел задать да все забывал.

— Данила, а кто такой Влад?

Лицо полутысячника потемнело. Он шепотом сердито произнес:

— Никогда не произноси это имя при князе. Это можно сделать только в одном случае, если ты приговорен к смерти, как тот метатель ножей, но при этом ты умрешь мучительной смертью. А Влад — брат нашего князя, они — близнецы. Ярослав оставил княжеский трон Мстиславу, видя в нем более достойного приемника. Влад посчитал это несправедливостью и, разругавшись с братом, ушел в степь, обещав отомстить. Его воинский стан находится в

пятнадцать дней скачки от Китежа, прямо в сердце степи. Десять лет как он ушел, уведя с собой триста человек. Теперь их три тысячи. Они грабят караваны Китежа, убивают купцов и охрану. Князь охотится за Владом уже семь лет, но и Влад охотится на князя: три года назад его люди в стенах княжеского детинца попытались убить Мстислава, но погибла его жена, княгиня Ольга, а их дочь, Ярослава, была похищена. Скорее всего, ее уже нет в живых. Через два дня к стенам Китежа прискакал посол Влада и сказал, что если князь хочет увидеть свою дочь живой, то пусть отречется от великокняжеского престола в пользу Влада, и, получив дочь, убирается из Китежа. Все это проходило прямо перед городскими воротами. Мстислав тогда вышел к посланцу и сказал: «Да, была у меня дочь — самая красивая девушка в Китеже, да выкрали ее недруги. Но если я соглашусь на предложение Влада, то потеряю не только дочь, но и честь, а спасая ее, отдам княжество на растерзание врага. Так что нет у меня с этого дня дочери, и запрещаю я кому-либо при мне упоминать ее имя, под страхом мгновенной смерти». Вот так князь лишился и жены, и дочери. Упаси тебя боже, при нем об этом вспомнить. Два раза потом приходил Влад под эти стены вместе со степняками, но нам удалось отбиться и разбить их в союзе с верными клятве племенами. Но предатель опять ускользнул, и третья встреча братьев будет последней.

За разговором они не заметили, как дошли до воинского дома.

— Запомни, — прощаясь, произнес Данила, — теперь это твой меч, твой конь и твой лук. От того, как ты их будешь содержать, теперь зависит твоя жизнь, а также жизнь тех, кто рядом.

Утром на улице моросил мелкий дождик, небо было тяжелое и грустное, но климат был теплее, чем в прошлом мире Ингвара, зимы такой, которую он знал по крепким морозам, здесь не было, а холодом считался ноль градусов. Сорок минут Данила заставлял бывшего десантника бегать с трехпудовым грузом на плечах, затем учил ударам деревянным мечом, оттачивая приемы в поединках. После обеда была верховая езда. Вечером, когда Ингвар выскоблил до блеска своего коня и собирался провалиться в спасительный сон, к нему подошел Данила.

— Молодец, — произнес он, — у тебя есть все задатки, чтобы стать великим воином, но у тебя не хватает нашей практики и нашего опыта, это поправимо. Зато у тебя есть то, чего нет у многих хороших воинов, — он сделал эффектную паузу, — у тебя есть чутье: откуда будут нападать, и как будут бить. А теперь отдыхай.

Последних слов Ингвар уже не слышал — он спал.

Но в этот день случилось еще одно событие: возле воинского дома он встретил двух отроков, крепких ребят, лет семнадцати, и уже вдогонку услышал:

— Эй, урман, рыба сыта, убирайся из Китежа, пока ноги держат!

Ингвар привык, что его имя вызывало у других насмешки, сначала в родном селе, затем в армии. Но он умел постоять за себя.

— Ты что-то имеешь против моего имени? И, кстати, я — не урман, а варяг, — бросил отрокам Ингвар.

— Гляди-ка, а эта нормандская гиена еще и по-нашему скулить умеет!

И тут Ингвар показал, на что способен рядовой десантных войск, пусть и бывший: прыжок к противнику — короткий удар ребром ладони в плечо (лопата по-десантному), и отрок валится на пол со сломанной ключицей. Разворот, с ноги — в челюсть второго, добивающий удар. Этот очнется минут через двадцать. Осмотревшись, и никого не заметив, Ингвар вошел в дом. С утра все началось снова: бег, мечи, лук, верховая езда. Но Данила был

какой-то хмурый и только в конце дня, подойдя к Ингвару, спросил:

— Отроков зачем покалечил? Один три месяца на лавке проваляется.

— Впредь будут знать, что норманнские гиены могут не только скулить, но и ключицы ломать!

— Добре, — сказал Данила, — но если в следующий раз задумаешь поскулить, обойдись без переломов.

Ингвар молча кивнул, а потом добавил:

— Я не скулил, а выл в полный волчий голос.

С этого дня к нему прочно прилепилось прозвище «варяжский волк».

После занятий каждый вечер Ингвару хотелось умереть. Так шли дни. Затем добавилась охранная служба. Он и раньше занимался тяжелой монотонной работой. Но здесь это была другая работа. Данила только посмеивался, видя, как его друг радуется удачному выстрелу из лука, хорошо отбитому щитом хитрому удару.

Однажды утром, выйдя во двор, Данила с удивлением заметил, как Ингвар за час до подъема оттачивает удары мечом. В свете факелов блистало лезвие, Ингвар из ничего рождал хитроумные финты, бил из невозможных позиций, но на каждый его удар была верная защита, ему не хватало «личного удара», как называл его Данила, не было у парня «коронки», что сомнет любого врага.

— Пстой, — сказал Данила. — Я научу тебя удару, удару, секрет которого в нашем роду передается из поколения в поколение. Ты достоин моего выбора. Теперь смотри.

И перед глазами Ингвара засверкал стальной вихрь, град ударов обрушился на воображаемого противника. Данила на время скрылся за пеленой стали, вот последний удар — и кольчуга на тренировочном столбе или по-другому балде, распадается на части, как будто она не железная, а бумажная. Удар этот издавна называли «харлужный град». Он выполнялся в несколько приемов и обязательно мечом, выкованным из стали особой закалки. День за днем Данила терпеливо обучал Ингвара, и уже через месяц он выполнял «харлужный град» быстрее и мощнее своего учителя.

— Запомни, — постоянно твердил Данила, — любой другой клинок этого удара не выдержит. И еще, никогда не наноси заключительного удара, если не хочешь убивать противника.

С конем Ингвар освоился быстро, несмотря на отсутствие опыта в прошлой жизни. За короткий срок он освоил те приемы, которым остальные ратники учились с детства, чем покорила своего Черена, они вскоре стали лучшими друзьями.

Так продолжалось семь месяцев. Заканчивалась весна. Индивидуальные тренировки сменились боями в пешем и конном строю. К нему приглядывались. Сначала он поражал всех своим упорством. «Чужак ведь», — удивлялись люди. А затем он устроил представление на базарной площади с метательными ножами: сначала, отойдя метров на двадцать и театрально раскланявшись, Ингвар неуловимым движением с двух рук послал ножи в цель. Узкая заборная доска была пробита насквозь, а между лезвиями, нельзя было просунуть даже палец. Затем он повторил тоже в кувырке. Народ сходил с ума от такого развлечения. Ингвар видел, как улыбаются хмурые воины с посеченными лицами, как жадно смотрят молодые девки, как за друга радуется Данила: парень сам тренировался в свободное время.

И тут из толпы раздался властный голос:

— А на мечях со мной сможешь?

— Что ж, можно и на мечях, — ответил Ингвар.

Толпа подалась в стороны и образовала круг. В него вышел человек огромных размеров, на голову выше Ингвара, и в два раза шире его в плечах, но при этом ловкий и подвижный. В глазах Данилы застыл ужас.

— Бой до первой крови, — прорычал человек и обнажил меч под стать себе, такой же тяжелый и огромный.

Ингвар понял, что его противник с легкостью играет франкским двурушником. Увидев глаза Данилы, Ингвар напрягся, но тут же успокоился. Страх ушел. Он обнажил клинок и интуитивно почувствовал все приемы, на которые способен этот богатырь. Эта перемена в Ингваре не ускользнула от глаз противника — он напрягся и атаковал, перетекая из одного удара в другой, выдавая невозможные с таким мечом удары, и постоянно наступая. Под таким напором Ингвар отступал, но вдруг понял, что здесь это — поражение, а в бою — смерть. Осознав это, он перестал пятиться, остановился, почувствовал, что противник за ним не успевает, и понял, что может закончить поединок одним ударом. Но, чтобы не обижать воина, позволил ему почти победить себя, а затем Ингвар отступил немного назад и, выверенная до мелочей, атака богатыря ушла в пустоту. Он словно провалился вперед за своим тяжелым мечом. «Игры закончились, — в голове Ингвара как будто кто-то зажег табло с надписью «Game over», — теперь отскок вправо, ткнуть мечом, как простой палкой, ага, зацепил. Все».

Над площадью повисло молчание, люди боялись даже дышать.

— Знатный поединок, — пробасил богатырь, — хотел посмеяться я, а посмеялись надо мной. Ты чей, парень?

— Не гневайся, Добрыня Никитич, мой это отрок, — произнес Данила, входя в круг.

— Гневаться? — произнес богатырь. — Спасибо тебе, Данила Святославович, за такой замечательный урок и что такого орла воспитал.

Затем он посмотрел на Ингвара:

— Я знал только одного человека, способного справиться со мной, и звали его Рюрик. Спасибо тебе, поучил старика.

И, раздвигая народ, он двинулся прочь. Полутысячник хлопнул Ингвара по плечу:

— Ты знаешь, кого только что побил?

Ингвар молча пожал плечами:

— Выскочку и зазнайку!

У Данилы глаза на лоб полезли. Он аж задохнулся от такой наглости.

— Выскочка?! — Это лучший меч Китежа. Зазнайка?! — Воевода Добрыня Никитич? Да о нем гусяры не одну былину сложили. Тебя еще на свете не было, а он с маленьким отрядом помочь пытался одному варяжскому конунгу, в хирде которого начался бунт. Но опоздал. Казнит себя, что заговорщики таки убили Рюрика и его сына, которого до последнего защищал его воевода Олег. Кстати, княжича, как тебя Ингваром звали.

Теперь бледнел Ингвар, он сильно пожалел о сказанных в горячке словах и завертел головой, проверяя, слышал ли их еще кто-нибудь, но все уже были заняты своими делами.

— В казарму?

Слово «казарма» прижилось с легкой руки Ингвара: впервые войдя в воинский дом, он аж присвистнул: «Прям родные казармы». Данила, стоящий в этот момент рядом, заинтересовался незнакомым словом — пришлось объяснить. Через неделю уже все отроки называли воинский дом не иначе, как казармой.

После этого боя с воеводой уважение к Ингвару стали испытывать абсолютно все: от ветеранов до молодых отроков, которые очень быстро возвели его в ранг былинного героя, и на змея ходившего, и кощея валившего. Не обошел вниманием этот случай и князь, вечером того же дня он позвал Ингвара к себе.

— Ты что ж это творишь, а?! Влетает ко мне сегодня мой воевода и вместо «здравствуй» орет с порога: «Отдай мне этого отрока, слышишь, не отдашь, украду!»! А я сижу и ничего не понимаю. Каково, а? Я ему: «Чего шумишь, давай по порядку». А он стоит счастливый, будто в первый раз на девку залез, и заявляет: «Представляешь, меня сегодня твой отрок побил. Да как побил — играючи, даже Рюрик так не мог. Походя, наказал старика за гордыню». Ну, и рассказал мне, как дело было. А ты что скажешь?

Воцарилось тяжелое молчание.

— Княже, прости неразумного. Если б знал, что это твой воевода, ни в жизнь не вышел бы, а побил я его по недоразумению: замешкался воевода, а я и воспользовался. Если б не это — пустил бы он меня на ремни.

Тут князь расхохотался, но смех был какой-то двойной:

— Нет, ты слышишь, Добрыня, какой орел? Замешкался ты, значит!

Ингвар быстро повернулся — у него за спиной по лавке катался от хохота воевода. Когда минут через десять хохот стих, князь поднял на Ингвара глаза:

— Я давно слежу за твоими успехами. Данила сообщал мне, что на мечях тебе нет равных, как и в метании ножей, играешь копьем и стреляешь из лука как степняк, на коне едешь, как будто в седле родился. Что на это скажешь? — князь ждал ответа.

— Княже, Данила — все ж друг мне, вот и хвалит.

— Да, князь, парень далеко пойдет. Дозволь с собой в степь взять, на Влада поохотится, — проговорил воевода.

— Что ж, добре, ступай отрок, собирайся, через четыре дня выступите. Но сегодня ты будешь посвящен в воинское братство перед лицом бога воинов.

Около полуночи в казарму зашел Данила и поманил парня к выходу. Ингвар послушно пошел за ним. Выйдя из города, они повернули на восход и долго шли. Когда они поднялись на высокий холм, где на вершине виднелось нагромождение камней, вдруг вспыхнул яркий свет факелов.

Мстислав, возникший из темноты, заговорил:

— Гляди! Это — Перун, бог мужчин, войны, победы. Я обещал тебе бога и братство, — говорил Мстислав, обращаясь к Ингвару. — Вот твой бог и вот твои братья. Мы — дружина Перуна. Мы выше рода, мы сила русского языка, его меч и щит. Правит нами не воля князей-старшин, а наша воля. Я — князь дружины. Ты хочешь быть с нами, Ингвар? Клянись Перуном, Ингвар!

У ног божества разожгли угли, раздули маленьким мехом синее пламя. Факелы погасли, сквозь угольный чад чувствовался запах раскаленного железа.

— Подними левую руку над головой, чтобы принять знак братства, — приказал Мстислав.

Ингвар видел, как из углей князь-воевода достал железный прут на деревянной ручке. Конец железа рдел звездочкой. Скопив глаза, Ингвар смотрел, как звездочка приблизилась к левой подмышке. Ожог, боль, запах паленых волос и горелого мяса. Мстислав показал новому брату-дружиннику клеймо, остуженное живым телом. Перед Ингваром скрестили два меча, словно указывая на четыре стороны света и напоминая о вечной верности братству.

Дружинники подходили, обнимали нового брата. Ингвар не помнил, как очутился в казарме, как завалился на лавку и уснул. Во сне он видел белый город, себя в княжеском плаще и огромный пехотный щит, прибитый на врата града. А через четыре дня его ждала степь.

Глава вторая Стенной заслон

Воевода пришел за ним рано утром.

— Ты готов? — проревел он. — Если нет — брошу здесь.

Ингвар вышел в полном боевом оснащении. На плечах в первых утренних лучах красиво переливался пластинчатый доспех, на узорном, вышитом поясе висел меч, в руках пехотный щит и копье, щит для конного боя закинут за спину. За Ингваром шел Черен, к седлу которого был приторочен лук с тулом стрел. Закрепив пехотный щит на седле, Ингвар взлетел на коня:

— Я готов, воевода.

«Орел!» — отметил про себя воевода.

— По коням — проревел он команду, и сто человек взлетели в седла.

Хоть и покидали Китеж рано, но народ валил к воротам проводить их. Люди благословляли, кричали: «Слава!». Отряд покинул город.

Скакать по ровной, как княжий стол, степи было одно удовольствие. Но через три дня воевода удвоил стражу.

— До пограничной крепости еще три дня, но степь под боком.

Еще два дня прошли в бешеной скачке. На третий — головной дозор заметил следы чужих коней.

— Воевода, — произнес десятник, принесший весть, — здесь были степняки числом малым, всего трое. Они что-то искали, но затем повернули в степь.

— Ладно, — прорычал воевода, — на этот год мы их потрепем и отобьем желание ходить в наши земли, но сначала надо добраться до крепости.

Крепость открылась неожиданно, хотя Ингвар и ждал чего-то похожего: крепкий высокий частокол с деревянными башенками, на которых, глядя далеко в степь, стояли дозорные. Ворота распахнулись, и отряд влетел внутрь. Воевода спрыгнул с коня, бросив поводья ратнику.

— Запалишь коня — на ремни порежу.

Парень побледнел и повел коня по кругу, давая остыть.

— Ингвар, отдай коня и следуй за мной, — бросил Добрыня через плечо.

Они вошли в просторный дом воеводы. Ингвар огляделся: огромный стол, на нем карта степи, две лавки, стены увешаны оружием — вот все, что он заметил. Вошел слуга, принес кувшин с вином, двух огромных жареных гусей, два кубка. Они быстро поели, вернувшийся слуга забрал остатки еды. Дождавшись его ухода, воевода заговорил:

— Сейчас здесь тысяча мечей, завтра подойдут еще две тысячи, отдых два дня, затем — в степь, будем ловить летучие отряды степняков, все кроме тебя и крепостной сотни. У вас будет другая задача. Какая, узнаешь завтра на совете тысячников. А теперь ты пойдешь и поговори с людьми из здешнего гарнизона. Это самые опытные и умелые воины княжества, лучше только в охране князя, да и ее он отсюда набирает. К вечеру перед домом выстроишь свою сотню. Если есть вопросы, задавай их сейчас.

— Дозволь спросить, воевода: как ты познакомился с тем варягом — Рюриком?

— Что тебя так заинтересовало? — спросил вместо ответа воевода.

— Просто совпадение моего имени с именем его сына, — ответил Ингвар первое, что пришло в голову.

— Ну-ну. Двадцать лет назад призвал Ярослав, тогдашний князь Китежа, на Русь род варяжский честный и смелый, и сказал его конунгу Рюрику: «Нужна мне опора на землях северных. Построй там город и сядь в нем князем». Рюрик, у которого не сложились отношения с тамошним конунгом, согласился. Но пришла беда, откуда не ждали. Рюрик почти дошел до земель тех, что выделил ему Ярослав, оставалась пара дней пути. Человек же, которому Рюрик очень доверял, был подкуплен королем и поднял мятеж. Тогда разделилась дружина рюрикова на «верных» и «неверных», конунг же был убит ножом в спину, еще до начала бунта. Олег, принявший последний вздох Рюрика, обещал позаботиться о его сыне, Ингваре, твоём тезке. «Верные» варяги проиграли бой. Олег с Ингваром и малой кучкой воинов стали пробиваться к Китежу, я же с малым отрядом по договору был на Ильмень-озере, но не дождавшись, пошел навстречу его отряду да опоздал: предатели настигли их раньше, в этой схватке, защищая Ингвара, погиб Олег и все его воины, сын Рюрика пропал. Мы нашли следы побоища, но ни трупов, ни раненых нигде не было.

Добрыня закончил рассказ и опустил взгляд. Поэтому он и не заметил злую искорку, что вспыхнула в глазах Ингвара.

— А что стало с предателем? — спросил он.

Воевода встрепенулся:

— Прислуживает тому самому конунгу, имя которому Отон, а зовут изменника Буревой.

— Я это запомню!

— Ну, все. Иди, — тихо сказал Добрыня, — сотня должна быть готова к вечеру.

Ингвар два часа шарахался по крепости. Средний возраст людей был 30–35 лет, а он высматривал самого старого и опытного воина.

Наконец ему на глаза попался крепкий мужик лет сорока пяти, с седой головой и шрамом через все лицо. Он проводил тренировочный бой на мечах, сразу против четверых ратников, которые были не новичками, а вполне зрелыми бывальными воинами. Седовласый даже не вспотел, но его противники уже были в мыле. Меч вылетел из рук одного, едва не задев напарника. Обезоруженный тут же вышел из боя, видимо, считаясь убитым. Седой же был быстр, как вода в горной реке: его меч на мгновение раньше оказывался в месте удара противника и надежно прикрывал своего хозяина, меч был нигде и везде одновременно. Через двадцать секунд сражающихся стало двое, через пять — противников не осталось.

— Моя бабка держит меч лучше, — проворчал седовласый, — а вам, олухи, только оглоблями махать.

После такой речи седой воин погнал проигравших тренироваться, а сам отправился к бадье, чтобы умыться. Ингвар протянул ему ковш с чистой, прохладной водой. Седой осмотрел его с ног до головы, взял ковш и, кивнув в знак благодарности, одним глотком выпил воду. А затем хмуро поинтересовался:

— Ты изучал меня в бою. Зачем?

— Может, потому, что мне нужен такой сотник, как ты. Мне надо собрать сотню и выстроить ее вон перед тем домом через час. Но мне нужна лучшая сотня.

— А если я откажусь? — проговорил седой.

— Что ж ты сразу не отказался?

— А чего отказываться? Нужно предложение узнать, а потом уже говорить, да или нет. Я — Ратибор, и я — сотник.

— Я — Ингвар, и мне нужен опытный сотник, чтобы выполнить задание воеводы.

Ратибор поднял глаза, этот парень ему определенно нравился: «Умен. Нет опыта? Но

это проходит быстро, так же как и молодость».

— Я, пожалуй, соглашусь.

— Тогда бери всех, кто нужен. Нужны лучшие: стрелки, пехотинцы, желательно, поровну, да чтоб на конях сидели не как девки.

Сотник кивнул и пропал. Через сорок минут Ингвар любовался на блистающий броней строй пехоты: «Прямо как у Пушкина: «чешуей как жар горя...», клонировал он их что ли?».

Добрыня оглядел строй и одобрительно крикнул:

— Ну, орел, ничего сам не делает, нашел таки самого умного и умелого.

После смотра Добрыня отозвал Ингвара в сторону:

— Если бы не нашел Ратибора — не видать тебе сотни как своих ушей. Есть у тебя чутье, а значит то, что я задумал, сработает. Пока отдыхай — расположишься в моем доме.

Но отдыхать Ингвар собирался не в доме воеводы, о чем ему и сообщил:

— Нет, воевода, спать я буду в своей сотне.

И направился в сторону костров Ратибора.

У костров сидели воины, среди которых Ингвар быстро нашел сотника. Тот указал ему на место рядом с собой, положил седло под голову и тут же уснул. Ингвар же сел у костра и стал приглядываться к ратникам, ко всем сразу и к каждому в отдельности. Ратибор взял самых зрелых воинов двадцати пяти — тридцати лет. Исключая десятников, многим было за тридцать. Он прислушивался к разговорам. Никаких пламенных речей не было, воины шли в степь как на работу. В полночь его все-таки свалил сон, а утром разбудил страшный грохот, земля тряслась под ним в прямом смысле слова. Он вскочил и бросился к воротам. В крепость входили полки Китежа. Колонной, по трое в ряд, шла тяжелая конница. Воины на могучих конях, в чешуйчатых доспехах, с длинными копьями, устремленными остриями в небо. За ними шла легкая кавалерия, созданная совсем недавно, лет двадцать назад. От тяжелой ее отличали более быстрые степные лошади и легкие кольчуги, кроме коротких пик, каждый всадник имел небольшой лук наподобие степного, из которого удобно стрелять на полном скаку. Кавалерия прошла. В ворота входили пешие лучники, с комбинированными луками. С ними они могли остановить атаку даже тяжело бронированной византийской конницы, а их длинные стрелы прошибали латы с двухсот шагов. И, в заключение, в ворота крепости вошла гордость Китежа — тяжелая пехота, с тяжелыми копьями, в двойных комбинированных кольчугах, вместо колец в которых на груди были вставлены толстые стальные пластины. На поясе у каждого висел в ножнах длинный меч, а на левой руке — большой пехотный щит. Действовала китежская пехота в плотном строю, частично подражая хирду викингов, частично русской пехотной стене, где воины сражались боевыми тройками. Этот строй мог остановить любую атаку, а его атакующие ряды могли обратить в бегство любого противника. Пехота вошла внутрь. Ворота захлопнулись. Вечером в доме воеводы состоялся военный совет, на котором присутствовал воевода, его тысячники и Ингвар с Ратибором. Сначала задачу поставили тысячникам: углубиться в степь на четыре дня скачки и атаковать два лагеря хазар, оттянув на себя все силы степняков, находящихся в направлении этой точки. Определили и время: полки Китежа выходят завтра на рассвете в полном составе.

Тысячники кивнули, все было предельно ясно. Они знали, что их ждут бесконечные стычки с подавляющим числом противника.

— Все свободны кроме Ингвара и Ратибора, — произнес воевода.

Тысячники Китежа недоуменно переглянулись и покинули совет.

— Ингвар, — сказал Добрыня Никитич, — твоя задача в сто раз сложнее, но ради нее и затеяна вся компания. Наши тысячи оттянут на себя как можно больше степняков. Вы же должны помешать сговору Влада и степных вождей. Вот место курултая, — воевода ткнул пальцем в карту, — где на совете должны встретиться ханы. Перехватить караван с золотом, что Влад посылает степнякам, нужно не позднее этого места, — и он снова указал точку на карте, — если вы не сумеете сделать это тихо, то в лагере степняков вам подготовят душевную встречу, при удачном исходе — уходите в сторону крепости, что на западе степи. По дороге к каравану стычек избегать, на обратном пути — как придется. Постарайтесь привести караван Влада и не допустить возникновения союза. От этого будет зависеть, будет ли у нас пара спокойных годов или весной в Китеже будет жарко и дымно. Вопросы задавайте сейчас, потом будет некогда.

Ингвар и Ратибор обдумывали сказанное и молчали. Наконец Ингвар подал голос:

— Воевода, сколько стражников в караване?

— Ну, если соглядатай князя не оплошал, то их будет около двух сотен. Примерно поровну — степняков и воинов Влада. Влад, скорее всего, пошлет тяжелую пехоту — свою гордость. — Воевода вопросительно глянул на Ингвара и его сотника, те молчали. — Тогда все — подвел он итог, — и пусть Перун укажет вам путь.

Воины поклонились и вышли.

Выступали на рассвете. Сотня сразу после совета простилась с друзьями и отделилась от войска. Выставив караулы прямо в центре лагеря, Ингвар и Ратибор устроили малый военный совет, решали, как лучше дойти до места перехвата каравана, какой должен быть порядок движения. Обсудив все, легли спать. На заре войско стало готовиться к выходу, и сразу стало понятно, где бывалые воины, а где новички. Сотня Ингвара собралась в одно мгновение, но кое-где в войске началась суета. Авангард из трехсот всадников еще час назад ускакал ловить наблюдателей степняков — они не должны знать, куда идет сотня. Войска покидали крепость. Последними уходили воины Ингвара, они договорились с воеводой, что через час попробуют незаметно отделиться от войска. И это им удалось, ни один из вражеских наблюдателей не заметил, как в овраг спустилась сотня ратников и пропала, а войско ушло дальше. Первая цель отряда Ингвара была в пяти днях скачки. Каждый ратник имел конный и пехотный щит, лук с сотней стрел, меч и копье и вел в поводу заводного коня. Первые дни были спокойными, два раза они замечали крупные отряды степняков, размерами до пяти тысяч, которые двигались в сторону войск Добрыни Никитича, но сотня успевала уйти с их дороги. Один раз их чуть не заметили — спас овраг. Колодцы попадались регулярно, так что ни люди, ни кони недостатка в воде не знали, правда, у одного из колодцев они почти наскочили на разъезд степняков, но благодаря разведчикам Ратибора их перерезали раньше, чем те что-то заподозрили. На пятый день они были в точке нападения. И сразу наткнулись на хазар, что перекрывали место, где Ратибор с Ингваром решили перехватить караван. В короткой стычке было уничтожено пятнадцать степняков, стороживших холмы, которые выбрали для засады китежане.

— Все здесь, ни один не ушел, четырнадцать убитых и один пленный, — подвел итог, хмурый десятник Мал, — мы их теплыми на ножи взяли, нас похоже здесь и не ждали. Но давайте лучше хазарина допросим, может он чего и скажет.

Результат допроса поразил всех. Если бы не этот пленный, вся операция была бы поставлена под удар. Оказалось, что у дозорных с караваном хорошо налаженная связь: при подходе караванщики должны увидеть пламя костра, которое должно вскоре потухнуть. Это

означало, что все спокойно и можно следовать дальше. Любой другой знак: отсутствие костра или его негаснущее пламя, — расценивался как сигнал опасности, и караван должен был немедленно исчезнуть (при таком раскладе погоня на чужой территории ничего китежанам не дала бы). Затем, когда караван подходит к холму, один из отряда должен крикнуть по-хазарски название следующей отметки, где будет гореть такой же костер. Название плененный тоже сказал.

На двух небольших холмах Ратибор посадил в засаду самых лучших лучников. В месте, где горел костер, разместили следопыта, одетого в одежду пленного и хорошо говорящего по-хазарски. Конницу спрятали впереди и позади холмов, так чтобы караван оказался зажатым в квадрат. Лучшие следопыты стерли все следы пребывания китежан. Никто из каравана не должен был уйти. Ратибор с Ингваром возглавляли конные отряды по двадцать человек, два полусотенных командовали отрядами стрелков такой же численностью. А два десятка конников оставили в резерве. Караван появился на закате, что было на руку Ингварову воинству, так как заходящее солнце било противникам в глаза. Воевода не ошибся — ровно двести человек. Половина степняков, половина людей Влада. Заметив костер, караван остановился. Щук, так звали следопыта, играющего роль хазарина, залил костер. И караван медленно потянулся в проход между холмами. Чтобы не насторожить караванщиков решили играть спектакль до конца: Щук выкрикнул название следующего пункта проверки. Когда караванщики, потеряв к нему интерес, начали двигаться, Ингвар громко свистнул, и на холмах поднялись лучники. Одновременно прозвенели сорок стрел, и много седел опустело. Противник заметался, на таком расстоянии китежские луки пробивали людей насквозь, чем прорубали гигантские бреши в рядах противника. Степняки падали с коней один за другим, их кожаные куртки с нашитыми на них металлическими пластинами были плохой защитой от бронебойных стрел. Зато тяжелые всадники Влада почти не понесли потерь — на них были чешуйчатые доспехи. Вначале они потеряли троих, пораженных в лицо. А когда опустили личины, вообще, свели потери на нет. Разделившись и спешившись, они пошли на штурм холмов, прикрываясь тяжелыми пехотными щитами. Сзади них шли оставшиеся степняки, стреляя из луков, используя воинов Влада как укрытие.

Ингвар все точно рассчитал, и теперь пришла пора действовать конникам. Два отряда всадников ударили одновременно, выбрав один из отрядов врага. Воины Влада развернулись к новому противнику, подставив лучникам свой бок — вот падает воин со стрелой в проушине, у другого стрела нашла незащищенное горло. Конники Китежа атаковали копьями накоротке. Ингвар на полном скаку врезался в строй врагов одним из первых: остановка коня, рука выбрасывает копьё вперед, незнакомый воин падает с пробитой грудью, и напарник перерубает копьё — теперь оно больше не нужно. Ингвар, отбросив обрубок, берется за меч, и, как в тот памятный бой с воеводой, руки налились силой, а тело стало гибким. Противники слишком медлительны. Он легко скользит между ними. Вот воин Влада замахивается мечем, но как медленно, резкий взмах Ингвара — и вражеская рука с мечем отделяется от тела, еще удар — и голова катится по земле. Вот два противника подняли на мечи китежанина — Ингвар бьет их со всей силы. От страшного удара сверху вниз ближайший воин распадается надвое, второй в страхе бежит, но китежская стрела догоняет его в спину и он валится на красную от заката и крови траву.

Внезапно все кончилось. Ингвар оглядел поле боя: везде трупы врагов, но вот лежат трое китежан, а рядом их убийца, с тремя стрелами в груди. Когда конники Китежа и пехотинцы Влада сшиблись, как потом доложили Ингвару, штурмующие другой холм

развернулись и кинулись на помощь собратьям. Не соверши они эту глупость — плохо пришлось бы китежанам, а так, подставив спины под стрелы, враги потеряли пятерых. В это время их с боков сдавили резервные китежские конники, но пехотинцы Влада как безумные продолжали идти и почти дошли до дороги, но основная конница, ударившая с разгона, стоптала их строй. Они рассыпались и погибли все разом.

Караван был в руках Ингвара. Всего за весь бой он потерял одиннадцать ратников убитыми и шестнадцать ранеными. Ратибор приказал добить троих тяжелых, Ингвар не позволил: «Там, где я раньше служил, был закон — выносить всех, даже убитых. Собрать мертвых и устроить раненых». Воины бросились исполнять приказ. Ингвар с Ратибором осмотрели караван: десять лошадей, груженных серебром, золотом и камнями. Неожиданно один из тюков зашевелился. Ингвар достал меч, резким движением разрезал ремни, стягивающие его, и отпрянул назад — это была девушка: узкое лицо, зеленые рысьи глаза, густые рыжие волосы.

— Вот так сокровище, — произнес Ратибор, — и что нам с ним делать?

Но Ингвар не слышал его, он смотрел в эти зеленые глаза и понимал, что уже пропал.

— Она поедет с нами, — выдал он.

Ратибор посмотрел на него, и хотел было возразить, но понял, что это бесполезно. Решение Ингвара можно было отменить, только убив его. Подбежал десятник и доложил:

— Отряд готов выступить, раненые устроены, в строю семьдесят три человека и пять легко раненых, — и, замывшись, добавил, — погибших собрали.

— Как тебя звать? — спросил Ингвар у девушки.

— Ярослав, — произнесла она.

— Верхом ехать можешь?

Она кивнула. Ингвар помог ей сесть в седло свободного коня и приказал трогаться. Когда до места, где должен был состояться курултай, оставалось около часа, Ингвар остановил отряд, чтобы разделить его.

— Все живы? — спросил Ингвар.

— Одного тяжелого не довели, а остальные вроде живы, — отозвался Ратибор.

— Врачевать умеешь? — обратился Ингвар к девушке.

Она часто закивала.

— Осмотри раненных и сделай все, что сможешь. — Повернувшись к легко раненым, приказал, — вы останетесь с караваном. За нее, — кивок в сторону девушки, — отвечаете головой. Минут через сорок отправляйтесь вслед за нами. Недалеко от ставки ханов я оставлю человека. Если все пройдет хорошо, мы соединимся с вами в лагере, если для нас дело обернется худо — уходите к западной китежской заставе. Ты все понял?

Десятник кивнул. Отряд из семидесяти с небольшим человек растворился во тьме. Через некоторое время китежские воины спешили на подступах к ханской ставке. Ингвар с Ратибором решили сами разведать обстановку.

— Лагерь небольшой, ханов должно быть трое, и если каждый привел сотню, то их, в лучшем случае, человек триста.

— Верно мыслишь, воевода, — согласился Ратибор.

— Тогда сделаем так: разместить с этой стороны тридцать лучших лучников, а я с оставшимися конниками налечу с противоположной стороны.

— Идея хороша. Если степняки развернутся, чтобы встретить конных, стрелы из темноты существенно уменьшат их число, — сказал сотник.

— Нет возражений, Ратибор? Давай приступать. На тебе стрелки.

Через десять минут все было готово. Разведчики китежан бесшумно взяли на ножи часовых. Конные обошли лагерь и встали точно напротив лучников. Ингвар, убедившись, что степняки ничего не подозревают, дал сигнал к атаке. Конники ворвались в лагерь, сделав по одному выстрелу из лука на полном скаку. Затем они, убрав луки, взялись за копья. Эффект неожиданности, на который так рассчитывал Ингвар, сработал: степняки не успели опомниться, как в середине лагеря появились ратники Китежа в блестящих пластинчатых бронях, в чешуйках которых отражалось пламя костров. Отчаянные попытались оказать сопротивление, но их было немногим больше десятка, и китежские всадники быстро смяли храбрецов. Суматохи добавили летящие из темноты стрелы. Лагерь напоминал муравейник, в который кинули факел. Степняки метались, пытаясь спастись от вездесущих руссов, но все было напрасно, через полчаса бой закончился. Отряд Ингвара потерял еще тринадцать воинов убитыми, пятнадцать были легко ранены. Через десять минут подошел караван. Поручив ратникам заботу о раненых и убитых, Ингвар с Ратибором решили удостовериться, что ханы мертвы. Их тела обнаружили быстро. Двое лежали зарубленными в шатре, третий со стрелой в глазнице — в самом центре лагеря. Ингвар признал в нем человека, командовавшего теми отчаянными храбрецами, что пытались остановить конников. Вернувшись к ратникам, он дал час на отдых и сбор трофеев. Затем подошел к Ярославе.

— Ты как? — спросил он, заглянув ей в глаза.

— Это сделал ты? — тихо спросила она и посмотрела на разгромленный лагерь.

Он не мог отвести глаз, ему почему-то стало стыдно:

— Да, и я тоже.

— Увези меня отсюда. Я не могу видеть эту бойню, — попросила девушка.

— Скоро тронемся, — проговорил он успокаивающе, — помоги раненым.

Она кивнула и убежала. Через час их поредевшая сотня была готова выступить.

— Мал! — крикнул Ингвар. Появился хмурый десятник, — будешь при девушке, отвечаешь головой. Теперь она — твоя основная забота. Десяток передашь Ратибору. Вопросы?

Десятник отрицательно покачал головой, — У тебя на все десять минут.

Мал исчез. Подошел Ратибор:

— Вернулись разведчики. На три часа скачки степь пуста.

«Это хорошо, — подумал Ингвар, — у нас есть часа четыре, прежде, чем они найдут наш след».

— Все. Выступаем.

Караван тронулся и на предельной скорости пошел на восток, вдоль границы Китежского княжества. После семи часов непрерывной скачки Ингвар объявил привал.

— Привал. Всем отдыхать!

Ратники доставали из седельных сумок холодное мясо и лепешки. Появилось вино. Ингвар рассчитывал на лишние два часа отдыха, надеясь, что его следопыты хорошо заметали следы при отходе из ханской ставки. Наутро в лагерь влетел дозорный:

— Плохо дело, сотник, сзади, часах в четырех доброй скачки, тысячи полторы конных, еще один отряд — слева от нас, там тысячи две.

— Дозорных назад. Через двадцать минут выступаем, — подал голос Ратибор.

Никакой паники не было, воины собирались молча. Вернулись все дозорные, и показали сборы, они успели поесть. Кони за ночь хорошо отдохнули. Отряд уходил на рысях. День

прошел в бешеной скачке, затем краткий сон — свежие кони — снова гонка. Ели на скаку. К заставе они так и не успели. Почти на подходе к ней дорогу им перекрыли две сотни хазар. Ратибор сходу повел своих всадников на прорыв. Удар китежского клина рассек степняков надвое. Сотня прорвалась, но десять воинов навсегда станут ратниками в дружине Перуна. Отряд влетел в открытые ворота заставы. Гонка закончилась.

Горячий вожак кочевников попытался слету захватить ворота, но ратники на стенах начали стрелять из луков — и до стен доскакало меньше сотни, еще половина полегла при отступлении. Оставшиеся ушли в степь, но едва ли их было больше двух десятков.

— Вышлите Добрыне Никитичу гонца, пусть передаст, что Ингвар справился, но на плечах висит три тысячи степняков, — заорал Ратибор командиру заставы.

Через минуту гонец покинул крепостицу, ведя на поводу заводного коня.

— Расставьте дозорных, запасите воду. До подхода степняков, есть часа четыре. Мы должны продержаться дня три. Сколько воинов на заставе?

— Сто семьдесят ратников — в степи, в дозорах — еще тридцать. Сейчас пошлю за ними людей, — доложил Ратибору командир местных ратников.

— Вы те, о ком предупреждал воевода?

— Да, — кивнул Ингвар, — накормите людей, потом я отвечу на ваши вопросы. И еще: с нами женщина — укройте ее где-нибудь. Зовите меня Ингваром, а это — Ратибор, сотник нашего отряда. Там на конях наши раненые, позаботьтесь о них и похороните мертвых, мы привезли всех погибших. Я своих не бросаю, — пояснил Ингвар и заметил в глазах порубежника удивление, смешанное с уважением.

— Слав, командир западной заставы, — наконец-то представился он и поспешил выполнить приказы особого посланника воеводы.

Время до прихода степняков провели в трудах. Немного отдохнувшие воины крепили частокол, таскали на стены камни, подтаскивали чаны со смолой. На заставе имелось все необходимое для отражения штурма. Обычно здесь стояла полутысяча, но воевода забрал для похода в степь больше половины воинов.

Степняки появились на закате и расположились лагерем вокруг крепостицы. На стенах стояли все, кто мог держать оружие, всего двести сорок пять ратников. Море огней под стенами, в свете костров мелькают люди, их много, очень много, на взгляд тысячи три, но если так, то получается больше десяти кочевников на одного китежанина. Степняки нападать не спешили — мышеловка захлопнулась, противник никуда не денется. Лагерь свой они поставили на десять шагов дальше полета стрелы, но лучшие лучники Китежа, рассеянные по всему периметру крепости, умудрялись бить стрелами край лагеря: тишина — гудение тетивы — короткий вскрик в лагере. И Ингвар был уверен — ни одна стрела не пропала зря. Ратники спали прямо на стенах, на своих местах, в бронях, подложив под голову щиты, доверяя свой сон товарищу, давая затем отдохнуть ему. Штурм начался на рассвете. Лава степняков атаковала по всему периметру стен, но основные силы они собрали перед воротами. Их удар был страшен — оборона трещала по швам, но пока держалась. Китежане умело били из луков по наступающей массе, промахнуться было нельзя. Всадники падали, пронзенные стрелами, их боевые кони спотыкались, но здесь у степняков было преимущество: они выпускали стрелы на всем скаку. И эти стрелы тучами накрывали крепость. И неба видно не было. Частокол и пехотные щиты надежно прикрывали ратников. То тут, то там слышался человеческий крик — стрелы умело находили лазейки в броне. Вал степняков обрушился на стены, завязалась рукопашная. Арканы взлетали к частоколу,

пытаясь закрепиться на бревнах, китежане ожесточенно рубили их, но уже то тут, то там возникали одиночные схватки. Враги пробились на стены, они отдавали пятерых за одного, но могли позволить такой размен. Вот воин замахивается мечом — он бьется с двумя степняками. Из-под руки ратника кто-то другой делает смертельный удар, это бой, а не поединок, здесь нет одиночных схваток: можешь убить противника, схлестнувшегося с товарищем, убей, и то же самое сделают для тебя.

Хазары откатились. Ингвар, как в бреду, смотрел на текущую со стенных переходов кровь. Она была везде: на оружии, на одежде, на земле. Ингвар очнулся от встряски, рядом стоял Ратибор:

— Ну, что, варяг, мы отбились! Правда, нас на сорок человек меньше и раненых много. Но по сравнению с их потерями, наши — просто ничтожны, сказывается выучка.

Ингвар очнулся полностью:

— Раненых Ярославе, мертвых во двор. Кто может сражаться — пусть сражается.

На протяжении дня следовали хаотичные приступы. Хазары проверяли на прочность оборону китежан. В двух местах они сумели оттеснить ратников от частокола, но вовремя перекинутое подкрепление с других участков позволило удержать стены. Так закончился первый день. Китежане потеряли пятьдесят семь человек убитыми, зато вал трупов по другую сторону стены существенно вырос. Ночью штурма не было, и воины смогли немного отдохнуть.

Наутро картина резко изменилась: полторы тысячи степняков сели на коней и двинулись в сторону, откуда должен был наступать воевода. Против защитников заставы осталось около тысячи бойцов, это меняло положение дел, но оттого, что противника стало меньше — легче не становилось, их ряды за вчерашний день тоже уменьшились. На стенах стояло сто семьдесят пять ратников, и многие из них были ранены.

— Ну, что, воевода, проживем еще один день? — спросил Ратибор, во время обхода стен.

— Воля Перуна, — отозвался Ингвар, — может и сдюжим, если Добрыня подойдет, а нет, все здесь ляжем, уходить нам все равно некуда.

Их беседу прервала степная стрела, застрявшая в частоколе и мелко вибрирующая, к ней был прикручен тонкий лист бересты, на каких обычно писали. Данила научил его китежской грамоте, и Ингвар решил потянуть время. Письмо было коротким, и если выкинуть все ругательства, то им предлагали легкую смерть в случае сдачи. Ингвар прочитал письмо и пересказал его Ратибору.

— Ты собираешься сдать? — удивился сотник.

— Конечно нет, но попробую выиграть для нас час, — Ратибор кивнул и отошел в сторону.

— Эй, — крикнул Ингвар в сторону хазар, — нам нужно подумать, дайте нам час.

От готовившейся к удару конницы отъехал одинокий всадник:

— Я, савир Пессах, даю тебе один час, и если после этого не откроются ворота, я пойду на приступ.

— Ну, видишь, — бросил Ингвар Ратибору, — проживем на час дольше.

За этот час Ингвар попытался хоть немного отдохнуть, но время прошло так быстро, что в голове пронеслась шальная мысль: «А может еще часок попросить». Отогнав ее, крикнул Ратибору:

— Лучшего стрелка ко мне с самым мощным луком.

Через секунду перед ним стоял Мал.

— Вот что, сейчас я выдерну из строя их савира и передам ему наш ответ, а ты подтвердишь его стрелой, попытайся сбить этого храброго дурака на землю и стреляй оттуда, где они не смогут тебя увидеть. Понял?

Мал кивнул и пропал. Ингвар же поднялся на стену.

— Эй, Пессах!

От строя отделился тот же воин, что требовал капитуляции.

— Хочешь сдаться, русс? — пролаял он.

— Да нет, — донеслось от стены, — хотел предупредить, что если вы не свернете свой палаточный городок и не уберетесь обратно в степь, то все до единого останетесь под этими стенами.

— Я принимаю твое решение, русс: мы все останемся под этими стенами, и будем смотреть на ваш погребальный костер.

Где-то недалеко прогудела тетива, и стрела Мала ушла в свой последний полет. Если бы солнце не светило хазарину в глаза, он бы заметил ее и успел уклониться, но солнце место не выбирает, и стрела вошла в его открывшийся для приказа рот. Она послужила сигналом к началу нового штурма. Степняки бросили в бой все оставшиеся силы, и не успело тело их предводителя исчезнуть под копытами коней, как сотни стрел устремились в сторону крепости. Им так не терпелось стереть с лица земли эту крепость и этих руссов, что они бросились в драку так безрассудно, что сумели сначала отбросить китежан от стен, но сказало мужество и выучка защитников. Успех кочевников был недолгим: сомкнувшись железной стеной, прикрывшись щитами, китежская шеренга с копьями на перевес загнала хазар обратно за частокол. Этот бой стоил русским ратникам еще тридцати жизней, многие ослабели от ран, на стенах осталось чуть больше сотни дружинников, правда, и степняков сильно поубавилось.

Ингвару пришлось сформировать летучий отряд из десяти человек, чтобы успевать закрывать дыры в обороне. К концу дня степнякам удалось вышибить ворота. Во дворе их встретила жидкая, но по-прежнему неустрашимая шеренга китежан, и в ней было всего тридцать два воина. Пехотная стена стояла насмерть перед входом в дом, где лежали раненные товарищи. Хазарам казалось, стоит чуть поднажать, и они опрокинут, стопчут быстрыми степными конями этих ненавистных руссов, но строй держался, тая, как глыба льда, на жарком солнце, но продолжала стоять.

Вдруг в степи взревел походный рог, степняки оживились, это вернулись с победой их конные тысячи. Но в разбитые ворота начали влетать конники, закованные в пластинчатые брони, в конических шлемах, на свежих конях, — быстрые и смертоносные всадники Китежа. Поражение степняков было полным: все до единого остались лежать на земле, человек тридцать успело сдаться. Воин, командовавший отрядом китежан, снял с головы шлем. До этого момента Ингвар не узнал его под бармицей и личиной. Перед ним стоял князь.

— Я вижу, вас осталось так мало, значит, вы сделали все, что могли. Низкий вам поклон, — и князь поклонился до земли.

Ратники ответили громким криком. Они по-прежнему сохранили свой боевой порядок, строй держался, в нем было шесть человек, а перед ними — скользкий вал из конских и людских тел. Ингвар сделал шаг вперед:

— Князь, сотня и порубежники выполнили свою задачу, сотня в полном составе

вернулась домой, ни один не остался в степи, все до одного здесь!

В голове потемнело, и он упал.

Глава третья Князь

Сколько он валялся без сознания, Ингвар не знал. В помещении был полумрак, на противоположенной стене слабо тлела лучина. Все тело болело: попытался приподняться на локтях — не вышло, руки не слушались. Хотел было крикнуть, но не услышал собственного голоса. Так и лежал беспомощный, не в силах даже позвать кого-нибудь. За стеной раздались голоса:

— Яра, пусти очень надо, — прозвучал приглушенный голос Ратибора.

— Спит он, пятый день спит. Скоро здесь будут волхвы, они попробуют разбудить. Подожди до завтра.

Хлопнула дверь, в комнату кто-то вошел, тихо приблизился и сел у изголовья, рука легла на лоб. На лицо упала прядь волос, губы обжог поцелуй.

— Открой глаза, вернись с кромки.

И Ингвар послушался. Первое, что он увидел — огромные зеленые глаза, влажные от слез, и локоны рыжих волос. Его сухие губы стали мокрыми и солеными, пока он пытался сообразить отчего, она уткнулась ему в грудь и плакала.

Говорить он, пока, так и не мог. Как только он открыл глаза — послали за князем. Тот ворвался, как ураган, подбежал, наклонился и обнял, за его спиной виднелся Ратибор. Князь ушел, обещая зайти утром. Оказывается на дворе — поздняя ночь. Ратибор остался. Выглядел он не очень: ему повторно рассекли лицо, рука на перевязи.

— Отдыхай, Ингвар, с утра наговоримся. Я здесь посижу.

Ингвара мучили кошмары. Снился жуткий Грозный, где бородатые чеченцы рубили головы пленным десантникам. Вдруг на площадь вылетает могучая китежская конница — теперь у чеченцев не достает голов, Ратибор стоит посреди трупов с окровавленным мечем. Потом Ингвар проснулся.

С утра Ратибор, как мог, восполнил пробелы в памяти:

— Помнишь бой у ворот?

Ингвар отрицательно качнул головой. И Ратибор начал рассказ.

— Когда хазары вышибли ворота, рядом был только ты с двумя воинами, вы-то на время и сдержали степняков. Воины погибли почти сразу, правда, прихватив с собой пятерых. Их побили издали стрелами, тебя же стрелы не брали, либо мимо летели, либо от брони отскакивали. Когда я подоспел к воротам и выстроил строй, ты пятился назад, сдерживая около сорока степняков. Под твоим мечем пало одиннадцать хазар, а скольких ты в воротах побил, один Перун ведает!

Ингвар кивнул, дальше он знал.

— После того, как ты потерял сознание, — продолжил Ратибор, — и князь велел тебя унести, княжеская дочь сдала врачебное хозяйство княжим лекарям.

— Дочь князя? — одними губами спросил Ингвар.

— Да ты же главного не знаешь: та девушка из караванного тюка Ярослава — дочь князя Мстислава. Она от тебя не отходила, пока ты глаза не открыл. Мы же занялись скорбным делом, похоронили наших погибших, собрали раненых. Затем занялисьдохлыми хазарами. Не поверишь, сто телег увезли. Здесь неподалеку есть большой овраг, мы их всех туда и сбросили, да края обрушили, чтоб не воняли. Больше тысячи погибло, причем семьсот мы порубили, остальное княжьи дружинники доделали. На следующий день пришла весть,

что Добрыня, спеша сюда с двумя тысячами, сбил два заслона степняков общим числом в пять тысяч хазар, но, узнав, что здесь отбились — вернулся в пограничную крепость. Теперь — главное событие: княжна Ярослава поругалась с отцом. Ты ведь знаешь историю, как три года назад ее выкрали из Китежа люди Влада. Используя это, брат Мстислава пытался занять трон. Но князь отказался от грязного обмена. Говорили, что в отместку Влад убил ее, но, видишь, как получилось. Три года она не была в Китеже, князь хотел ее увести, но она наотрез отказалась. Заявила, что без тебя никуда не поедет, и куда ты туда и она. Она в тебя влюблена, а с ней лучше не спорить. Вот такие дела. Ладно, ты отдыхай. Я к тебе Мала пришло, он единственный, не считая нас, кто выжил из нашей сотни. Есть еще двое раненых, которых ты не дал добить тогда у холмов, крепкие ребята. Лекари говорят, что скоро встанут на ноги. Кстати, хороший обычай ты ввел, это насчет того, что все должны вернуться домой и живые, и мертвые. Дружина твердит, что, мол, так правильно.

Ратибор ушел. Ингвар закрыл глаза, мысли скользили с поразительной быстротой: в него влюблена княжеская дочь, женщина, красивее которой он не встречал, у него всякий раз замирало сердце, когда она попадалась ему на глаза. Но она — княжна, а он — никто. С этой невеселой думой он уснул. И сон снился странный: круг камней, он — в центре, рядом с каждым камнем стоят воины с факелами в руках, в круг выходит призрачная белая фигура.

— Ингвар, ты совершил поступок, достойный древних вождей. Я — ведогон, дух рода Рюриковичей. Ты был потерян во времени, но сегодня вернулся домой. Так будет же этот знак сокола на твоём плече доказательством принадлежности к древнему роду.

Раскаленная полоса металла, воткнулась в плечо. Ингвар проснулся. На покрасневшей коже через сильный ожог отчетливо проступал знак сокола.

Ингвар поправлялся. Еще два дня он лежал пластом, только ел и пил. На третий день — встал, наложил повязку на ожог и, шатаясь, вышел во двор. Солнце ударило в глаза, ноги подкосились, Ярослава подставила ему плечо:

— Обопрись на меня, пока я тебе опорой буду, — тихо сказала она.

Ингвар так и не успел понять, откуда она взялась, но это было уже не важно. Ярослава три дня не отходила от него ни на шаг. Князь гневался, но ничего не мог сделать: над многим он имел власть, но только не над сердцем своей дочери. Очень короткий строй воинов, увидев Ингвара, дружно ударил мечами о щиты и троекратно прокричал: «Слава!». К Ингвару подошел Ратибор и, поклонившись, протянул странный сверток:

— Не гневайся, варяг, прими дар от дружины.

Сейчас Ратибор говорил за двадцать шесть человек, Ингвар развернул рогожу: на солнце блеснула пластинчатая броня, прекрасной выделки, сделанная из лучшей стали.

— Мал, — пояснил Ратибор, — один из лучших кузнецов китежских земель. Твой меч сломался в битве, так прими от дружины вот этот клинок. Он крепок и красив как булат, но в мороз не сломается. Это харлужный клинок. Мал сказал, что секрет такой закалки таких клинков знает только его род, и передаст он его только сыну и никому больше. За этот клинок можно купить целый город.

— Спасибо, — сказал Ингвар, — мне нечем вас одарить в ответ, но при первой же возможности я это сделаю, — и он низко поклонился в Ратибору.

Как он узнал позже, ему досталась также половина добычи, то есть половина каравана и трофеи при битве. Отдельно от себя князь обещал собственный дом в Китеже. Зимовать Ингвар решил там же, куда он вернулся вместе с князем и Ярославой. На следующий день после возвращения он пришел в терем к Мстиславу.

— Князь, дозвожь слово молвить. На той заставе у меня на плече выступил этот знак, знаком ли он тебе?

Сняв рубаху, Ингвар повернулся к князю боком. Глаза князя лишь на секунду задержались на рисунке, после чего он устало опустил на трон. Мстислав знал его.

— Такой же знак сокола был и у конунга по имени Рюрик, когда послы на остров Буян вернулись в Китеж, они очень точно описали варяжского князя и этот знак. Кто ты и откуда у тебя этот знак?

— Я — его сын, — негромко сказал Ингвар.

Эти тихие слова прозвучали в пустом зале, как гром.

— Теперь понятно, откуда у тебя сила Рюрика. Ты очень похож на отца, но откуда у тебя рисунок? Ведь когда я проводил обряд посвящения тебя в дружину Перуна, его не было!

И Ингвар рассказал про ведогона, про похороны женщины, которая была ему бабушкой, о том, как ночью на кладбище разговаривал с духом своего рода, рассказал он Мстиславу и свой сон, после которого на плече и появился знак. Выслушав его, князь задумчиво сказал:

— Я верю тебе. Ты действительно сын Рюрика. Никто, кроме настоящего Ингвара, не смог бы получить этот знак, поскольку оставляют его не люди. Его, как ты и рассказал, наносит ведогон. На этом обряде обязательно присутствуют духи предков, которые на это время покидают Ирий. А если такой рисунок люди наносят сами, то через месяц он бледнеет, затем исчезает. За эти двадцать лет я видел семерых самозванцев, называвших себя сыновьями Рюрика, никто из них не прожил больше месяца. Я верю тебе. Сегодня я объявлю о том, что нашелся настоящий сын Рюрика и устрою в честь тебя пир. Что еще я могу для тебя сделать?

Ингвар опустил на одно колено:

— Князь, дозвожь просить руки твоей дочери Ярославы. Она для меня — все, без нее я не смогу жить.

— Я не могу отдать ее за простого воина, но поскольку ты оказался сыном Рюрика, продолжателем древнего рода вождей, я дарую тебе титул князя. Также дарую тебе земли, обещанные твоему отцу на тех же условиях. Земли ильменских славян. Можешь здесь в Китеже набрать дружину в пятьсот мечей, противится не буду. А сверх этого отдаю тебе мою дочь — самое дорогое, что у меня есть. Да будет так. Засылай сватов.

На следующий день Ингвар прислал сватов, да каких. Украшал процессию воевода Китежа Добрыня Никитич, следом за ним по княжескому двору вышагивал Ратибор, со вчерашнего дня воевода Ингвара (следует заметить, что все двадцать шесть человек, что были с ним в степи и на заставе, дружно попросились к нему в дружину), следом за ним шествовал Данила, который для себя решил уже уйти с другом на новые земли, правда, пока об этом никому не сказал, и завершал процессию Мал, что числился теперь личным охранником княгини Ярославы.

Ингвар опустил перед Мстиславом на одно колено и покорно склонил голову. Слово взял Добрыня Никитич. Немного поторговавшись и поупрямившись для вида, князь сдался. Через месяц играли свадьбу.

Круговорот торжеств закружил Ингвара. Сидя на свадебном пиру, совершенно одуревший, счастливый, он рассеянно наблюдал, как веселится народ, и на все поздравления лишь ошалело кивал. Тут на середину зала вышел гуслир и начал длинную песнь о степи, о пограничной заставе, о диких хазарах, пришедших, чтобы стереть с лица земли маленькую крепость, о храбром варяге Ингваре, что с горсткой ратников отстоял этот небольшой кусок

китежской земли. Это песня была очень красивой, было видно, что гуслир пел ее прямо из сердца. Люди за столом поднялись, слышались крики одобрения и песне, и исполнителю. Ингвар поднял чашу с медом, все затихли:

— Мы сражались не за золото, мы насмерть стояли за нашу землю, за наших женщин, за наших детей, и очень многие храбрые войны пали! Так слава же им, не пожалевшим отдать жизнь за это!

Трижды грянула «Слава!», трижды ударили мечи о щиты, в знак высокого одобрения подвига. Затем свадебный пир возобновился. Ингвару с Ярославой удалось тихонько ускользнуть из-за стола. И уже через пару минут они заперлись в доме, который велел срубить князь специально для них. Молодой муж сел на лавку, переводя дыхание, они с Ярославой так торопились исчезнуть с праздничного пира, что Ингвар немного запыхался. Ярослава подошла к нему, опустилась на колени и стала стягивать с него сапоги. Бывший десантник ошалел: знать-то об обычае знал, но ему, прожившему долгое время в другом мире, это было немного дико, но он все же дал Ярославе завершить ритуал. Сняв с него сапоги, она расплела свою огненно-рыжую косу. Ингвар тихо встал и обнял ее, затем началось безумие: они упали на ложе и уже не могли оторваться друг от друга на протяжении четырех часов. Ярослава сама понимала, что то, что она испытала этой ночью, не испытывала ни одна женщина этого мира. А Ингвар осознал, что значит заниматься любовью с женщиной, без которой он не мог жить. И для него это было новое и очень странное чувство. Так они и лежали рядом: варяжский князь без племени и его княгиня.

Когда за окнами посветлело, она спросила:

— А как выглядит тот, другой мир?

Он задумался. Чуть больше года прошло, как он появился здесь, но для него этот мир стал ближе и понятнее.

— Там, — тихо сказал он, — живут люди не плохие и не хорошие, просто люди, просто живут. Там забыли понятия чести, верности и доблести. У них много проблем, и всю жизнь они посвящают их решению. Как правило там нет друзей — одни собутыльники. Там простой мир, а здесь — сложный. Здесь умеют ценить все хорошее, что есть в человеке.

Он повернул голову, рядом тихо свернувшись калачиком, спала самая прекрасная женщина на свете, его женщина.

В начале мая в Китеж съехались воины со всех концов княжества, все хотели попытаться счастья с Ингваром на новых землях. Их было так много, что пришлось провести соревнования. Силовую подготовку проверял Данила, одним из первых пришедший к Ингвару.

— Я учил тебя биться, скакать верхом, так неужели ты не возьмешь меня хотя бы десятником?

Ингвар долго думал, прежде чем ответить.

— Я не против, но отпустит ли князь своего полутысячника?

— Я говорил с князем. Он сам просил меня пойти с тобой. Ведь я — один из немногих, кто знает северные земли как свои пять пальцев.

— Тогда — добре, пойдешь сотником. Ратибор — полутысячник и воевода. Вопросы?

И вот Данила гоняет по двору новую сотню ратников. Отбор пройдут лишь двадцать человек. На Ратибора пала еще более сложная задача: он смотрел, как кандидаты умеют шевелить мозгами.

Через неделю набор был закончен. В строю помимо оставшихся в живых порубежников

и членов сотни Ингвара, что уходила с ним в степь, застыли четыреста семьдесят пять человек. Теперь — это его ратники, его дружина — надежда и опора нового князя. Сегодня вся дружина принесла клятву верности князю и княгине. Ингвар дал ратникам неделю сроку, чтобы привести личные дела в порядок, но уехали очень немногие, большинство бывалых воинов сделали это заранее. За эту неделю собрали обоз с провизией, походными кузнями, инвентарем. На новые земли вызвалось идти около пяти сотен земледельцев и ремесленников, ведь надо возводить город, пахать и сеять. С обозом отправлялась и казна молодого князя. В конце месяца были закончены последние приготовления. Пятнадцатого мая они выступили в поход. Из терема вышел князь в сопровождении воеводы. Они подошли к Ингвару и Ярославу.

— Сегодня ты увозишь мою единственную дочь, которую я потерял в междоусобной войне и снова обрел благодаря тебе. Береги ее, будь ей мужем и защитником и знай, что всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

— Князь, — проговорил Ингвар, — меня не надо просить защищать самое дорогое, что у меня есть, если не будет Ярославы — я умру. Если что-нибудь случится, я тоже всегда со своими войнами приду тебе на помощь. Я остаюсь верен присяге тебе как верховному князю, и любой из твоих приказов будет для меня законом, а теперь прощай.

Обоз тронулся, покидая гостеприимный Китеж, честных людей, спокойную жизнь. Им предстояло за месяц добраться до места, где в мире Ингвара стоял Новгород. Он постоянно обращался к своим знаниям истории, и вот, что удалось ему вспомнить про землю новгородскую.

Новгородское княжество — озерная область, где главный узел — озеро Ильмень, следовательно, естественные границы княжества должны совпадать с границами речных систем Ильменя, Ладожского озера и других близлежащих озер. Кривичи находятся в союзе с ильменскими славянами. Основа хозяйства — земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, высоко развиты ремесла, обмен с округой и торговля. Вывозились пушнина, мед, воск, лен, кожевенное сырье, пенька, строевой лес. Ввозились сукно, предметы роскоши, пряности, вина. Но это в той, другой реальности, другой Руси. А сейчас там не было ничего, ни городов, ни торговли. Там было племя Ильменских словен, с которыми еще предстояло договориться. Путешествие не было трудным: разбойники обоз не тронули, дороги подсохли, и через месяц, как и планировал Ингвар, они приблизились к озеру Ильмень. Остановились на правом берегу реки Волхов, где и проживало племя Ильменских словен. Были они дики нравом и сразу отказались признать над собой князем Ингвара. На поляне, расположенной недалеко от озера сошлись старейшины племени во главе с Гостомыслом и Ингвар с Ратибором.

— Вы платите дань китежскому князю, я направлен в эти земли его волей, чтобы быть защитой Китежу и вашему племени, так не проще ли нам договориться?

После слов Ингвара старейшины долго совещались.

— Вот тебе ответ: выходи на поединок с сильнейшим воином нашего племени. Одолеешь его на божьем суде — будем служить тебе как князю, а нет — вы навсегда уйдете отсюда. Бой состоится завтра на рассвете, если ты, варяг Ингвар, принимаешь вызов, приходи на эту поляну с первыми лучами солнца. Да свершится суд божий, — и словенские вожди ушли.

Ингвар с Ратибором тоже повернули в сторону временного лагеря.

— Как думаешь, побью я его?

Ратибор, услышав такой вопрос, насутился.

— Отчего не побить, побьешь, если хвалу Перуну воздашь, и меч держать крепко будешь. И перестань задавать дурацкие вопросы, потому что если не побьешь его, вся дружина здесь ляжет, и Ярослава с мирным людом погибнет. Об этом думай, да меч держи крепче.

Так закончился день. Ярослава, выслушав Ингвара, сказала просто:

— Если проиграешь — я с тобой на смерть пойду, а победим — заложим на месте боя город.

На рассвете Ингвар в сопровождении сотни китежан, Ярославы и Ратибора прибыл на поляну, указанную Ильменскими старейшинами. Противники пришли одновременно. Ингвар вышел голый по пояс, с мечом в правой руке и круглым щитом в левой.

Со стороны словен вышел богатырь с так же обнаженным торсом. В правой руке он держал огромный топор, что не всякий воин поднимет двумя руками, на левой руке у него был большой круглый щит с медной бляхой посередине и проревел:

— Я — Вадим, вызываю тебя, варяг Ингвар, на поединок, и когда я одержу победу, то ты, если останешься жив, со своим войском уйдешь отсюда навсегда.

— Я — князь Ингвар, принимаю твой вызов, Вадим, и в случае моей победы твое племя присягнет мне на верность. Клянусь Перуном, отцом дружин, драться честно. Да начнется бой, и пусть Перун видит, что он — честный.

На огромной поляне наступила тишина. Бойцы стали медленно приближаться друг к другу. Никто не хотел нападать первым, сейчас нельзя было спешить. Противники были примерно одного возраста, сложения и роста. Ингвар был быстрее, Вадим выносливей. Атака словена была молниеносной, он хотел покончить с противником одним ударом: обманный замах и быстрый удар в ноги. Если бы Ингвар стоял на полметра ближе — все было бы кончено, но на пути топора оказалось пустота, а щит Вадима потряс сильный удар. Словен помедлил, бросив взгляд на разбитый надвое щит, а Ингвар, поймав его на встречном движении, ударил простым подплужным снизу, но топор словена встретил удар, а его толчок щитом свалил Ингвара на землю. Ингвар откатился в сторону, мгновением позже, в место, где он только что лежал, ударил топор Вадима. Он вонзился так глубоко, что воин не сразу смог его выдернуть, это и решило итог поединка. Вскочив на ноги, Ингвар ударил Вадима мечом по голове, но ударил плашмя, так, чтобы противник лишь потерял сознание.

— Бой закончен, — произнес старейшина, — победил князь Ингвар! — И, подойдя, опустился на колени. — Прости нас, князь, ты — великий воин, ты пощадил моего сына, хотя был вправе убить его. Я приношу присягу верности тебе как умному и дальновидному князю и княгине Ярославе, клянусь в верности и покорности. Наше племя даст в твою дружину пятьсот ратников. Что еще будет тебе угодно?

— Ты выделишь людей для постройки города. Он будет стоять на этом месте, где река впадает в озеро, и будет он называться Новгородом. Я же, со своей стороны, клянусь править справедливо и быть вам защитником и судьей. Дань, что вы платили князю Мстиславу Китежскому останется, но я спрошу с вас десятую долю урожая.

— Мы принимаем твои условия, — произнес старейшина, — через три дня в твой лагерь приедут лучшие строители.

Люди стали опускаться на колени и повторять клятву своего старейшины.

— Да будет так, — произнес Ингвар. — Я жду тебя, Гостомысл, на праздничный пир.

С земли поднялся поверженный Вадим, и, подойдя к Ингвару, произнес:

— Прекрасный бой, княже. Ты сохранил мне жизнь, благодарю тебя за твое великодушие.

Ингвар на секунду задумался.

— Ты мастерски управляешься с топором, набери сотню таких же и возглавь ее.

Вадим упал на колени:

— Спасибо, княже, век не забуду, сам к тебе хотел проситься простым воем.

— Через три дня покажешь ратников, ступай.

Вадим еще раз поклонился и двинулся вслед за старейшинами. Приблизился Ратибор.

— Ты, князь, не по годам мудр: преданней этого волчонка теперь среди местных не сыскать.

— Пошли пир готовить, — бросил на ходу Ингвар.

В конце дня зажглись костры, воины жарили молодых бычков, поросят, гусей, по лагерю разносились веселые песни. Народ ликовал, славил мудрого князя, который превращает противников в союзников одним правым ударом меча. В княжеском шатре поставили стол для князя и приближенных. В центре сидел Ингвар с Ярославой, справа от него — Ратибор, за ним — Данила и остальные сотники. Слева от княгини сидел Мал, который защищал Ярославу в степи и в крепости, теперь он из десятника стал сотником. За ним сидели простые воины, сумевшие себя проявить в бою. Напротив князя сидели старейшина Гостомysl с сыном Вадимом и дочерью Ольгой и избранные люди Ильменского племени. Ингвар поднялся с кубком в руках:

— Я пришел в эти земли с дружиной и мастеровым людом. Пришел к Вам, старейшины, как человек, претендующий на власть. Вы выслушали меня и назначили поединок, вы поступили мудро. Если бы ваш сын убил меня, мои люди ушли бы, обратно, но я оказался сильнее. Так выпьем за мудрого Гостомысла, первого боярина нового города.

Все встали и трижды крикнули здравицу. Гостомysl поднялся с кубком:

— Князь, тебе наверно не раз говорили, что ты разбираешься в людях. Сначала ты покори́л моего сына своим княжеским великодушием, затем щедростью, сейчас, ты завоевал меня, своим расчетом. Но выпить я хочу не за тебя, а за женщину, что сидит рядом с тобой. Если ты сумел, чтобы девица такой несравненной красоты полюбила тебя, то любые страны покорятся тебе.

— За княгиню! — дружный крик взорвал княжеский шатер.

Богатый был стол на этом пиру, гости пили и ели вволю. Но все сразу примолкли, когда пришло время песен. На Гостомысла особое впечатление произвела песнь о степном походе Ингвара. После ее исполнения он перегнулся через стол и тихо произнес:

— Если бы я услышал ее до поединка, я выставил бы против тебя пятерых воинов, равных по силе Вадиму.

Пир кончился далеко за полночь. Ингвар с Ратибором проводили гостей.

Через три дня прибыли мастеровые, обещанные Гостомыслом, среди них были плотники, каменщики, кузнецы, столяры и даже около двадцати мастеров по изготовлению кирпича. Придя к Ингвару, они сразу спросили разрешения на постройку небольшой кирпичной слободы, на берегу реки Газень:

— В этом месте особенная глина, при обжиге она становится прочнее камня, а наши мастера еще один секрет знают: надо в глину специальный порошок добавлять, и тогда стену, сложенную из такого кирпича, ничем не разбить.

Ингвар смотрел на них удивленно:

— Ну что вы меня по пустякам беспокоите. Ставьте, где угодно. Если это нужно Новгороду, значит и мне. На строительство необходимы деньги. Сколько надо, столько и получите.

Ремесленники покорно склонились:

— Нет, князь, денег не надо, сами справимся, если можно, молодых отроков в ученики и десятка два рабочих, чтоб глину добывать. По полторы тысячи кирпичей в день выдавать сможем.

— Вадим, — крикнул Ингвар.

Через минуту в шатер вбежал новоиспеченный сотник.

— Да, княже, что изволишь?

— Слушай внимательно, этим людям предоставь все, о чем они попросят, людей, деньги, инструменты. Все в их личное пользование.

— Конечно, княже, все будет исполнено, — поклонился Вадим.

— Вы довольны? — спросил мастеров Ингвар.

— Да, княже, мы сделаем все возможное, чтобы вокруг Новгорода появилась крепкая стена. — И они вышли вслед за Вадимом.

И постройка города началась. На первое время решили срубить небольшую крепость. Затем Ингвар предоставил мастерам чертеж города на бересте. Мастерские люди, пришедшие с Ингваром, присоединились к мастерам, присланным старейшиной, и работа закипела.

Руководил работами Илья Кремень, мужик лет сорока. Гостомысл сказал, что это лучший градостроитель на всей территории Китежской Руси. Ингвар очень удивился:

— Откуда лучший градостроитель, если в китежской Руси всего два каменных города: Китеж и чужой Полоцк, где княжит дикий урман Рогволд, не подчиняющийся никому?

В ответ Гостомысл улыбнулся:

— Его, княже, отбили при нападении урман, те же захватили его на гребной галере византийцев, а там, говорят, Илья строил дивные и неприступные крепости.

Удовлетворенный таким ответом Ингвар тут же забыл об этом. Других дел было невпроворот.

К концу июля на большом холме стоял высокий частокол, рубилась пристань. Часть работников заканчивала княжеский терем, еще двадцать человек рубили воинские дома. Недалеко от крепости вырастала деревня, распахивались поля. Жизнь молодого города начинала налаживаться.

Ингвар был в тереме, когда в начале августа к нему ворвался Ратибор:

— В дневном переходе от нас четыре судна под полосатыми парусами, на мачтах красные щиты — символ войны. Местные сказали, что это хирд Эрика Рыжебородого. У него четыре сотни воинов и пять кораблей, но на этот раз он взял с собой не всех.

— Ратибор, поднимай сотню Вадима и четыре наших: две пеших сотни и две, нет, лучше три — стрелков. Через час всем быть готовыми к выдвигению.

Ингвар поднялся в горницу Ярославы. Она подошла к нему, склонила голову на грудь и, поцеловав, прошептала:

— Не ходи сейчас в поход, бедой он обернется, отправь воеводу, а сам здесь командуй.

— Нет, Яра, не могу я так. Если сейчас в поход воеводу отправлю с сыном Гостомысла, и там что-то пойдет не так, я потеряю часть уважения местных, и, самое страшное, от меня отвернутся те, что пришли со мной.

На этом разговор был закончен. Когда он вышел из терема, перед ним, на залитом утренним солнцем дворе, стоял ровный строй воинов в блестящих пластинчатых бронях с пехотными щитами и копьями. К Ингвару подскочил воевода.

— Выдвигаемся к петле реки, что на шестьдесят верст выше по течению. Там высокие берега и узкое место. В них стрелять мы сможем, а они в нас нет. И сдержать их там будет легче.

— Да, — кивнул воевода, — место, лучше не придумаешь. Мы окажемся там на два-три часа раньше Эрика, расставим ратников без спешки, да и люди успеют отдохнуть.

— В крепости остается триста человек. На всякий случай удвой стражу, и перегороди реку.

Отдав приказ одному из сотников, Ратибор дал команду трогаться. Впереди отряд Вадима, посередине стрелковые сотни, замыкали колонну пешие воины в тяжелой броне. С собой Ингвар прихватил еще сотню всадников своей личной охраны.

Переход был изматывающим, но ратники выдержали и на месте оказались через восемь часов, на два часа раньше урман, как и планировали. Времени было достаточно, за час воины отдохнули, и Ратибор начал расставлять их по местам. Сто пятьдесят лучников и сотня тяжелой пехоты переправились на левый берег реки, такое же количество лучников и пехотинцев осталось на правом. Сотня Вадима была разделена на две части: его воины перекрыли подход к лучникам на обоих берегах.

Ставку Ингвар расположил на высоком холме правого берега. План боя был примерно следующим: как только четыре драккара Эрика втянутся между холмами, на которых засели лучники, Ратибор приказывает открыть по ним стрельбу из всех имеющихся луков. Если они попытаются высадиться позади стрелков — в дело вступает тяжелая пехота. Если кому-то из урман удастся выйти на берег до засады лучников, их встретят ратники Вадима.

Подбежал дозорный:

— Урманы идут, князь, только их не четыре драккара, а семь.

— Спасибо, иди, — сказал Ингвар. — Ну, что скажешь, Ратибор, побьем мы четыре сотни урман?

Воевода нахмурился:

— Может, и побьем, только сами малой кровью уже не отделаемся. Наша позиция выгодней, да еще внезапное нападение. Хорошо бы, князь, послать весть в Новгород. Пусть там тоже к бою лютому готовятся.

— Займись, — приказал Ингвар, — возьми двух ратников из моей охранной сотни.

Через три минуты два всадника с заводными конями умчались в сторону Новгорода.

Из-за петли реки показались первые драккары. Очень медленно они втягивались в проход между высокими берегами. Пять уже были на линии стрельбы, еще немного и они ее покинут. Ратибор затрубил в рог — свистнули первые стрелы, раздались крики раненых и умирающих. Битва началась. Два драккара, что не попали в ловушку, тут же пристали к разным берегам. Зазвенели мечи и топоры — урманы столкнулись с полусотнями Вадима. Пять драккаров, что все же попали в ловушку Ингвара, тут же лишились своих кормчих и теперь беспомощно дрейфовали на середине реки. Но урманы — бывалые мореходы. Прикрываясь щитами, они добрались до правил, и вот уже новые кормчие правят к берегу. Первый драккар ткнулся носом в песок на правом берегу, за ним еще два. Остальные причалили к противоположенному берегу. Удар тяжелой пехоты загнал высадившихся в беспорядке воинов обратно на корабли, но новгородской пехоты было все же чуть меньше.

Вот правый флаг оттеснен от берега хирдом урман, и центр новгородской пехотной стены потихоньку подается назад, впереди перед засадой грохочет битва — там двукратный перевес противника, там сейчас умирают воины Вадима.

— Сорок человек на помощь Вадиму! — скомандовал Ратибор охранной сотне Ингвара. Что делается на левом берегу вообще неизвестно.

— Ратибор, бери пять десятков конных и ударь во фланг высадившихся урман. Я же пойду сейчас на помощь Вадиму. Нельзя позволить смять его.

Ратибор с конной полусотней исчез в леске, за которым шел бой.

— Ну, что соколы, пойдем, подмогем нашим, а не то сомнут Вадима, а за ним и лучников наших раздавят, потом и за нас возьмутся, — обратился Ингвар к оставшимся всадникам.

Воины ударили древками копий о щиты. Они были готовы все до единого лечь в эту землю, лишь бы не отдать ее врагу.

Когда Ингвар добрался до места схватки, остатки полусотни и конников, присланных на подмогу ранее, пытались сдержать полторы сотни урман. Против сорока бойцов шел сплошной строй щитов с копьями на перевес. Урманский хирд ничем не уступал по прочности китежской стене. Ингвар пробился к отчаянно бьющемуся Вадиму.

— Ну, что, сотник, жарко у тебя тут? А я вот думаю: не помочь ли? Ну, взял и пришел.

Вадим смотрел на него как на полоумного:

— Не то говоришь, княже, бери свежего коня и уходи. Сейчас еще три драккара причалит.

— Откуда они здесь, в набег столько воинов не берут?

— Это не набег, княже, это — война, а в устье реки еще шесть таких же стоят.

Ингвар осмотрелся — противников становилось все больше и больше. Князь обратился к двоим охранникам:

— Ты быстро скачешь к Ратибору. Пускай делает, что хочет, но сбросит урман с тех драккаров, что причалили у него. Затем пусть пошлет людей на другой берег, чтобы помочь там, а затем со всеми сюда. Силы нельзя распылять. А ты, — он ткнул пальцем во второго, — скачи в Новгород — пускай собирают ополчение и затворяют ворота. Мы же, объединившись со вторым отрядом, будем отступать к крепости.

Воины спешно отправились исполнять указание князя.

Ратники Ингвара продолжали пятиться к холму, на котором засели новгородские лучники. Их строй продолжал таять с поражающей быстротой. Тридцать воинов пытались сдержать сотню закаленных в боях и озверевших от крови урман. Сзади прозвучал рог воеводы. Ратибор и семь десятков тяжелой пехоты спешно влились в пятившийся строй. Поднажав и отбросив от себя урманский хирд, воины Вадима подхватили из-под ног врагов своих убитых и раненых. Воевода пробился к Ингвару:

— Князь, с теми тремя драккарами я покончил. На левом берегу тоже отбились, сейчас они переправятся и нам станет полегче. Там-то мы их побили, но выше по течению к высадке готовы еще шесть драккаров, да и здесь у них двукратный перевес.

— Каковы потери?

— У стрелков — небольшие, а вот пехоту нашу потрепали. На том берегу из полусотни Вадима осталось человек пятнадцать, а из тяжелой пехоты — чуть больше пятидесяти, еще человек тридцать я послал на тот берег помочь переправить убитых и раненых. Короче, когда все соединимся, то у нас будет около двух сотен стрелков и двух сотен пеших

ратников.

Урманы на время откатились. Появилось время на передышку, его вполне хватило на то, чтобы соединиться с левобережным отрядом и перестроить ряды. Сумерки сгущались. На сегодня бой был закончен.

Войско Ингвара не победило и не проиграло — оно выстояло. За спиной пехотной стены разожгли костры, там лекари занимались ранеными, в строю осталось меньше трехсот человек. На утро был дан приказ отступить. Но этому приказу не суждено было быть исполненным. Когда поднялось солнце, новгородцы обнаружили, что окружены на высоком холме. Противник превосходил их, как минимум, вдвое. Ингвар быстро собрал совет сотников:

— Ну, что скажите, друже?

Вперед вышел Вадим:

— Князь, мы их атакуем, прорываем строй. В это время ты уходишь, а мы держимся до тех пор, пока не вернешься с ополчением.

— Еще есть другие предложения, кроме моего бегства?

Сотники молча отводили глаза. Ратибор шагнул вперед:

— Княже, позволь сказать. Вадим верно молвил, незачем всем погибать, а до подхода подкреплений мы продержимся.

Ингвар рассвирепел:

— Я вас сюда привел, с вами и уйду. И никак иначе. А что до подкреплений, то за ними пойдешь ты, — и палец князя уперся в грудь Мала, — но пойдешь не конным да заберешь с собою всех раненых и убитых. Ведь если я не ошибаюсь, те три ладьи урман все еще у нас, и в полном порядке. Найди кормщика и с десятков воинов, смыслящих в плавающих судах, также в помощь получишь тридцать лучников. Через час чтоб доложил об отплытии. Да поможет тебе Перун. — После ухода Мала Ингвар обратился к оставшимся, — каковы сведения о противнике?

За всех ответил Ратибор:

— Все урмане сейчас напротив нас, они знают, что ты здесь, князь, поэтому хотят покончить со всеми, их около семисот. Их драккары в нашей прямой видимости — надо бы их сжечь, чтобы дать Малу время. Что думаешь, князь?

— Совет дельный, а наши лучники смогут до них достать?

Ратибор задумался:

— Там восемь кораблей, стоят впритык друг к другу. Думаю, да.

— Тогда через час прикажи лучникам сжечь корабли, пусть целят в паруса.

Ратибор отправился исполнять приказ.

— А вы, — Ингвар обратился к оставшимся сотникам, — через десять минут будете готовы к обороне. Совет окончен.

Через секунду он остался в пустом шатре. Через час прибежал Мал:

— Князь, драккар загружен. Мертвых в трюм уложили, раненых на палубе устроили, ветер попутный, к вечеру буду в Новгороде, а ночью — опять здесь. — Они обнялись, — береги себя, князь, — бросил Мал на прощание и исчез за пологом шатра.

Ингвар вышел наружу. Он видел, как от берега отчаливал драккар, уносивший отсюда свой скорбный груз. С другой стороны лагеря уже слышался свист стрел. На корабли урман обрушился огненный ливень. Сражение началось.

Через несколько минут стало ясно, что ни о какой погоне не могло идти речи. После

первых выстрелов пламенем были объаты сразу два драккара, у остальных загорелись паруса. Часть урман кинулось к кораблям, чтобы потушить бушевавшее пламя. Ингвар приказал перенести огонь лучников на нападающих воинов, а пехоте атаковать, используя склон холма. Почти все легковооруженные воины Вадима ушли с Малом, так что в распоряжении Ингвара были все уцелевшие тяжелые пехотинцы. Он выстроил их в пехотный строй. Взяв разбег, пехота бросилась на урман. Те тоже быстро выстроили стену из щитов. Тут новгородцам сыграл на руку природный ландшафт, с разбегу они опрокинули, а затем разорвали строй врагов. Но очень скоро новгородцы остановились, а потом и вовсе увязли. К противнику подошло подкрепление: воины, что тушили драккары, видя начавшийся бой, поспешили вернуться. Тут же сказался численный перевес урман: строй новгородцев пятился под прикрытием стрелков обратно к вершине холма. За двадцать метров до шатра Ингвара пехота уперла щиты в землю, оцетинилась длинными копьями и не сдвинулась дальше ни на шаг. Поразительно было и то, что во время отступления ратники успели подхватить всех своих убитых и раненых. Ингвар стоял и смотрел, как сто пятьдесят его воинов с помощью полутора сотен лучников сдерживают около шестисот воинов противника. Стрелы новгородцев били в урман с такой силой, что пробивали их щиты навывлет. Так продолжалось несколько часов. Враги накатывались на строй, но их отбрасывали обратно. И ряды новгородцев медленно таяли, но каждая атака давалась урманам дорогой ценой.

К полудню ратников Ингвара осталось восемьдесят, еще через два часа пятьдесят три, многие лучники ушли в пехотную стену, чтобы заменить павших. Оборона трещала по швам. И вдруг все стихло. Из строя урман вышел человек в длинной вороненой кольчуге, с огромным двуручным мечом.

— Ингвар, сын Рюрика, выйди из-за спин своих ратников, хватит прятаться. С тобой хочет говорить Буревои, человек, убивший твоего отца и его воеводу Олега. Выйди и сдайся, а ратники твои пусть уходят и забирают с собой раненых и мертвых. Мы умеем ценить воинскую доблесть.

На миг над рядами новгородцев повисло молчание. Ингвар раздвинул первый ряд и вышел на открытое пространство.

— Я подумаю над твоим предложением, предатель, но мне нужен час, чтобы уговорить моих сотников.

— Хорошо, — проревел Буревои, — у тебя есть этот час, если вы откажетесь сдаться, ни один не уйдет отсюда. Время пошло, — он развернулся и исчез в толпе своих воинов.

— Ты с ума сошел, князь! Обдумывать такие предложения! — накинулся на него Ратибор.

— Не шуми, воевода, не буду я ничего обдумывать, но нам нужно перевести дух, да потянуть время, может, часа через четыре подойдут наши. А больше мы все равно не продержимся.

Ратибор кивнул и покинул шатер. Ингвар устало опустился на пол и задумался: «Как прекрасно была подстроена ловушка! Сначала в бой кинули семь драккаров, чтобы не было возможности отойти, затем — еще семь, и три драккара стояли выше по течению, готовые высадить свежих воинов. Ведь приди они сразу таким числом, я бы тут же отступил бы к Новгороду».

С подножья холма прозвучал рог. Ингвар вышел из шатра и направился к полю брани, до которого было десять шагов.

— Мы обдумали твоё предложение, Буревой, и наш ответ — нет.

— Ты сказал? — произнес вожак урман. — Тогда умрите!

Ингвар раздвинул строй ратников и упер свой щит в землю.

— Ну, что, братья, пора умирать, — крикнул он, — так давайте делать это с честью!

Волна урман накатилась на новгородский строй, но он выстоял, не сдвинувшись ни на шаг. Свистели стрелы, мелькали окровавленные копья, мечи и топоры, разлетались в щепки щиты. Но строй новгородцев держался. Ингвар рубил мечем, парировал удары, принимал их на щит. Сколько так продолжалось, он не помнил, но вот натиск ослаб. Он в очередной раз замахнулся мечем, но перед собой увидел не оскаленную морду урмана, а усталое лицо Данилы.

— Стой, князь, порубили мы всех, пойдем, отдохнешь.

Ингвар проспал до утра, а когда вышел из палатки, грянуло: «Слава!». Перед ним стоял ровный строй воинов. Подошел Ратибор, левая рука на перевязи:

— Мы выстояли, князь, — тихо сказал он, — но очень дорогой ценой.

По лицу Ингвара текли слезы.

— Пора домой, — произнес он смущенному воеводе. — Нам всем пора домой, — еще тише добавил он. — Снаряжайте уцелевшие драккары.

Строй рассыпался исполнять приказание князя. Два дня они занимались скорбным делом, сносили к драккарам погибших воинов. Раненых в первый же день на уцелевших кораблях отправили в Новгород, несколько десятков мастеров занимались починкой семи побитых кораблей. Из шести сотен воинов, что пришли с Ингваром на берег реки Волхов и приняли бой, в живых осталось чуть больше ста пятидесяти человек, из них на ногах стояло не больше двадцати, остальные были тяжелоранены, урман же набили около шестисот, еще около двух сотен бежали с поля боя. Было захвачено восемь драккаров и огромное количество оружия и брони, а также в трюмах кораблей и в кошельках урман нашли немало золота и серебра. На второй день после битвы, прискакал Гостомысл:

— Да, задал ты здесь урманам жару, — сказал он, осматривая захваченные корабли, — правда многих воинов не досчитались, но победа того стоила. Наутро после окончания всех приготовлений семь кораблей отплыли в сторону Новгорода. На свежесрубленную пристань сбежалось все население маленькой крепости, как местное, так и пришедшее с Ингваром. Всего на берег реки высыпало около полутора тысяч человек. Отовсюду раздавались приветственные крики, но когда оставшиеся от уцелевшей дружины, ступили на берег, на лицах женщин Ингвар разглядел слезы, они помнили, как пять дней назад из ворот Новгорода выходили блистающие броней шесть сотен ратников, сейчас же на пристань сошло чуть больше тридцати воинов во главе с князем. Кто в тот день ушел на сечу, либо ранен, либо убит. Всего Ингвар потерял около четырехсот воинов, еще сотня ратников из-за увечий больше никогда не сможет держать в руках оружия. Ингвар выхватил из ножен меч и, высоко подняв над головой, крикнул:

— Я, Князь Новгородский, говорю всему честному люду — мы вернулись с победой, которая далась нам очень дорогой ценой, и пусть слышат все: дружина князя в полном составе вернулась в город, ни один человек не остался на поле брани, да будет так всегда! — Меч блеснул на солнце и скрылся в ножнах.

Притихший люд громко ответил своему князю: «Да будет так!». Вечером вокруг крепости зажглось множество погребальных костров, родичи и боевые товарищи прощались с погибшими, это была одна большая тризна. Ярослав не пришла встречать Ингвара на

причал, а встретила его у входа в детинец. Увидев мужа живым и здоровым, она упала в его объятия и громко зарыдала.

Глава четвертая Новгород

С момента того боя прошло три месяца. Город креп на глазах. Обвод стен в нескольких местах стал каменным, город существенно расширил свою территорию, непрерывно стучали топоры и молотки плотников, внутри городских стен возникали целые кварталы ремесленников. Вот сейчас Ингвар стоял и наблюдал за тем, как два плотника, ритмично постукивая молотками, ставят новые ворота в княжеский кремль, через окна, закрытые слюдой, ощутимо чувствовались ноябрьские холода. Здесь было не так как на юге, морозы доходили градусов до пятнадцати, но это все равно не могло сравниться с суровой русской зимой того мира.

За последние месяцы Ратибор успел подготовить пять сотен воинов из жителей окрестных племен, воины, что пришли полгода назад с князем и пережили ту страшную сечу на Волохе, стали десятниками и сотниками. В настоящий момент дружина князя насчитывала семьсот ратников, и к концу зимы должна была разрастись до полутора тысяч воинов. За это время воевода Ингвара сумел претворить в жизнь некоторые княжеские наставления, например, Ингвар, который в другом времени очень увлекался фэнтези, рассказал Ратибору о хирде гномов из произведений Ника Перумова. Особенность этого построения заключалось в том, что толстые прямоугольные щиты соединялись между собой прочной цепью, а в каждом щите с боку прорезалось отверстие, через которое на врага смотрело копьё. Второй ряд длинных копий клался на плечи воинов первого ряда, такой строй было почти невозможно разорвать, и при этом он являлся очень гибким. Эта система боя так понравилась Ратибору, что он тут же велел изготовить такие щиты и копья, затем отобрал четыре сотни новобранцев и стал им вдалбливать новую науку. Еще одним нововведением Ингвара стало почти полное упразднение кавалерии, если в Китеже она являлась основным видом войск, то здесь из-за обилия лесов и болотистой местности ей было негде развернуться, поэтому Ингвар оставил только две сотни конных. Сделав ставку на пехоту, Ингвар создал три сотни воинов, вооруженных только топорами, существенно увеличив у них длину топорща, и вместо обуха велел ковать шип, как у клевца. Новое оружие так понравилось новгородцам, привыкшим к бою на топорах, что кузнецы были просто завалены заказами на его новую модификацию. Также для всех воинов был введен и новый чешуйчатый доспех с двойным перекрытием чешуй, которые крепились на кожаную или тряпичную основу. Доспех состоял из множества небольших изогнутых пластин, наложенных друг на друга, что не мешало движению. Последним нововведением Ингвара был комбинированный шлем с увеличенной личиной, закрытый с боков и спины наложенными друг на друга пластинами, так называемый «рачий хвост».

Теперь производством всего этого занималась оружейная слобода, в которой насчитывалось одиннадцать кузниц. Княжеский заказ на пятьсот топоров, двух тысяч доспехов и шеломов, такого же количества щитов, копий и луков выполняло около пятидесяти оружейников и кузнецов. И если учитывать, что за все князь платил серебром и золотом, они не чувствовали себя обиженными. В это же время рядом с пристанью мастера корабельного дела заканчивали строительство пяти больших ладей, способных брать к себе на борт около ста воинов и двухсот пудов груза. За полгода была проделана огромная работа, и каждый раз, выезжая за каменные стены княжеского терема, Ингвар видел ее плоды. В городе помимо оружейной уже во всю работали кожевенная и ткацкая слобода. Также в

Новгороде насчитывалось больше десятка трактиров и два рынка. Возводились богатые дома воевод и бояр. Отовсюду слышались голоса людей. Город жил.

Ингвар смотрел в окно, в дверь горницы князя тихо постучали.

— Войдите, — отходя от окна, крикнул Ингвар, вошла служанка с подносом в руках, поставила его на стол и также тихо исчезла.

Оторвав от хорошо прожаренного гуся ножку и отхлебнув из кубка меду, Ингвар вернулся к своим размышлениям. Все, что он задумал на настоящий момент, сбылось. Через неделю надо было выехать на полядь, Ратибора и сотни воев для этого вполне хватит, на время отъезда в Новгороде останется Данила, который вместе с Ярославой будет управлять городом от его имени: следить за соблюдением закона и присматривать за строительством. Дверь в горницу распахнулась, Ратибор тащил за шиворот щуплого молодца, ровесника Ингвара. Швырнув того об пол так, что тот потерял на короткое время сознание, громко сказал:

— Поймали, княже, на торге, воровством промышлял, обчищал карманы честных новгородцев.

— Подними его, Ратибор, — попросил Ингвар, тот бросил злой взгляд, но парня поднял, он еле держался на ногах — ему крепко досталось от дружинников, да и Ратибор хорошо приложил.

— Как звать? — спросил Ингвар.

— Варяжко, — тихо молвил парень.

— Кто таков? Чьего роду?

— Роду у меня нет, отца не знаю, мать померла два года назад, а дед от меня отрекся.

— А где ж дом твой?

— Жил я в верстах семидесяти отсюда, в крупной веси, что у Ладоги стоит, а названия она не имеет.

— И что заставило тебя воровать? — грозно спросил Ингвар.

— Услышал я, князь, что в дружину тебе ратники надобны, вот и пришел в твой город, но на воинском дворе меня осмеяли и вытолкали взащей, а на базаре кто-то кошель срезал, так и пришлось, чтоб с голоду не помереть, тем же заняться. Да и в первый раз я.

— Жди решения, а мы с Ратибором подумаем. Ну, что, воевода? За воровство у нас смерть? Только к нему это не применимо, ведь в первый раз, да и то сразу попался. Что ж с ним делать?

— Княже, гривну за этого оболтуса отдать все одно придется, а самого его я Даниле на воспитание отдам — парень крепкий. Знатный ратник выйдет. Но наказать его все равно надо. Десять плетей будет достаточно.

— Спасибо, княже, век не забуду. — Парень упал на колени.

— Все, ступайте, — велел Ингвар, — Да, а откуда у тебя такое странное имя Варяжко? — вдруг вспомнил незаданный ранее вопрос Ингвар.

— Так двадцать лет назад через наше селение варяжский князь плыл с дружиной, вот и пристал к нашему берегу, так его воевода Хельги, Олег по-нашему, мою мать и обрюхатил.

Ингвар смотрел, как перед ним в лице этого парня оживает прошлое: — Как только закончит обучение у Данилы, пусть тот сразу же пришлет его ко мне.

Ратибор кивнул и вышел.

До выезда Ингвара на полядь произошло еще одно важное событие: в Новгород прибыли послы от князя Влада. Ингвар встретил их в приемной палате своего кремля, по

стенам сидели новгородские бояре. Сам Ингвар сидел прямо напротив двери на высоком деревянном резном троне. И смотрел, как в зал входят послы самозванного князя.

— Князь Ингвар, дозволю слово молвить, — произнес старший посольства, дождавшись разрешающего жеста князя он заговорил, — меня зовут Борисом, я советник великого князя Влада, что уже много лет живет в изгнании, он шлет тебе дорогие подарки и молвит, что не держит на тебя зла за погубленных тобой его воинов, так как был ты введен в незнание самозванцем Мстиславом. Влад просит тебя не посылать больше дань китежскому князю и не оказывать ему военной помощи. За это он предлагает тебе земли кривичей, после того, как он вернется на принадлежащий ему по праву престол. Так каков будет твой ответ князь?

Ингвар нахмурился.

— Сколько с тобой прибыло народу?

Посланник на секунду задумался:

— Со мной сто воинов, сотник и тысячник великого князя.

— Ратибор, — произнес Ингвар, — вели приготовить помост и сто кольев, а этих связать, воинов их разоружить, кто не сдастся, посечь нещадно.

Все было проделано в один миг, посол и пришедшие с ним лежали оглушенными на полу, связанные при этом по рукам и ногам. Во дворе терема слышался звон железа. Ингвар поднялся и вышел на балкон, выходящий прямо во двор. Десятка полтора уже лежало в лужах крови. Ратники князя стеной отгеснили оставшихся воинов Влада к стене кремля, а лучники Ингвара готовились спустить тетиву.

— Стойте, — прогремел его голос над всем двором, — ваши послы уже связаны, а если вы не бросите оружие, скоро будут и мертвы. Вас же я отпущу с позором, как тех, кто не смог их защитить. Бросайте оружие.

Раздался звон меча, упавшего на каменный двор, затем еще один и еще. Вскоре все люди Влада были разоружены и связаны. Ингвар, смотрящий на все это с балкона, позвал Мала, который командовал разоружением.

— Сотник, созывай люд новгородский. Судить послов будем.

На балкон вытолкали пришедших в себя послов. На княжеский двор хлынула толпа простого люда, уже собравшаяся у ворот княжьего терема, едва заслышав звуки боя. Ингвар поднял руку, призывая народ к тишине.

— Люди новгородские, — сказал он, — пришли ко мне послы от человека, именующего себя великим князем Владом, и предложили мне предать за дорогие подарки град Китеж и его правителя Мстислава. Так что мне с такими послами делать?

— Смерть им, — взревела топа. — На колья их, за ребра повесить, четвертовать.

Ингвар снова поднял руку, призывая к тишине. На этот раз Ингвар обратился к воинам Влада:

— Вы смелые мужи, вам было поручено защитить посланцев, и в том, что вы не справились, нет вашей вины. Я предлагаю вам перейти ко мне на службу, еще трех я пощажу, чтобы они доставили мое послание вашему господину. Кто же откажется мне присягнуть и не будет в числе этих посланцев — умрут. И я вас спрашиваю, стоит ли умирать за предателя, что рвется к власти вопреки завету отца, и подкупом пытается разъединить единое княжество.

Один из воинов Влада поднял голову и громко произнес:

— Нет!

Двое воинов Влада, делая шаг вперед, произносят: «Нет!». И еще, и еще, до тех пор, пока

не прозвучало последнее «нет». Из охраны выбежали гридни и отвели в сторону тех, кто отказался. Таких оказалось чуть меньше пятидесяти. Кучка ратников готовых принять смерть была невелика, но в глазах каждого стоящего в ней воина была готовность умереть за князя, которому они верили.

— Что ж, — сказал Ингвар, — вы не предали своего господина — за это вам спасибо, вы верны даже самозванцу, жаль, что такие герои не в моей дружине. Я вас отпущу после казни послов, чтобы вы передали мой отказ Владу. А вы, которые испугались за свою жизнь, умрете.

Взвильсь мечи дружинников Ингвара и пали тела предателей посеченных на каменный двор. Их кровь текла к ногам новгородцев, пораженных поступком князя. В гробовом молчании прозвучал голос Ингвара:

— Люди новгородские, да будет и впредь мужчинами править честь, а трусы пускай уйдут.

И тут толпа взревела, будто мощная волна прорвала плотину, отовсюду слышались крики: «Слава, слава князю!». И вдруг все смолкло, вперед вышел связанный богатырь.

— Князь, — молвил он, — дозволь служить тебе, для меня это будет честью.

Еще двое шагнули вперед и склонили головы.

— Мал, отведи их в казармы и устрой к Даниле, пусть посмотрит чего они стоят. Остальных накормить и устроить на постой, завтра после казни посланцев они покинут город.

Весь оставшийся день и всю ночь на улице стучали топоры, молотки плотников, которые готовили помост для казни. С раннего утра на большую базарную площадь стал стекаться народ, к назначенному времени она была набита битком. Ингвар под охраной десятка дружинников поднялся на помост, толпа смолкла.

— Жители Новгорода, вы все уже знаете, что произошло вчера у меня в тереме. Меня, Князя Ингвара Новгородского, пытались оскорбить, просив отречься от данного мною слова. Меня склоняли предать князя, что помог мне в трудную минуту. Но человек, именующий себя князем Владом, оскорбил не меня, а вас. Он пытался сказать, что за деньги вы можете предать.

Толпа взревела. Ингвар поднял руку, и толпа смолкла.

— Влад прислал мне свои дары, и сегодня я собираюсь ответить ему тем же. Мы пошлем ему в сопровождении его послов ответный дар. — На помост вывели Бориса и двух его сопровождающих. — Эти люди в ответе за оскорбление, нанесенное нам, и сегодня они искупят свою вину сполна.

Появились гридни, несущие три огромных бруска глины. Воины бережно опустили их на помост. Это были огромные глиняные гробы, внутри которых были полости, выполненные в виде человеческих тел. Борис не мог ничего понять и тупо смотрел на диковинные предметы. Князь кивнул гридням, и послы оказались замурованными. Надев специальные обручи и застегнув на них замки, гридни поставили гробы вертикально. На помост выкатили три огромных чана, и выставили их на специальное возвышение.

— Новгородцы! Сегодня мы отправим князю Владу его послов, искупав их в меди.

Сверху гробов установили специальные воронки, Ингвар махнул рукой, и желтая расплавленная медь полилась внутрь. Площадь огласил предсмертный рев сжигаемых заживо людей. Вскоре он стих. На площади стояла гробовая тишина.

— Свершился суд! — громко сказал Ингвар и добавил, обращаясь к гридням, стоящим

на помосте, — сшибите замки и разбейте глину.

Разрушая тишину площади, раздались удары молотов, на помост упали обода, летели в разные стороны осколки, обнажая медные статуи. Народ ахнул. Мало того, что они сохранили очертания людей, но и лица казненных выражали боль и страдание.

— Отныне, — молвил князь, — так будут казнить фальшивомонетчиков и предателей.

Кто-то крикнул: «Слава князю!», и плотину молчания прорвало, площадь орала и свистела в знак одобрения. Ингвар обратился к ошеломленным воинам Влада:

— Вот мой ответ самозванцу. Берите послов и уезжайте. Вам вернут оружие и дадут телегу.

Князь спустился с помоста и в сопровождении охраны пошел с площади. После полудня статуи были перенесены на княжеский двор и погружены на телегу. Ингвар, стоя у окна, смотрел, как уезжает его подарок.

Через три дня Ингвар с сотней ратников отбыл на полюдь. Ему предстояло за месяц объехать около пяти десятков поселений и собрать с каждого двора дань, назначенную Мстиславом: две шкурки куницы, две соболя, семь беличьих, баклагу меда и сорок мер зерна, что, по прикидкам Ингвара, составляло один килограмм. Также с каждого двора необходимо получить две гривны серебром. По уговору с Гостомыслом на княжий двор уже привезли десятую часть урожая, что без малого составило около пятидесяти мешков с зерном, каждый из которых весил около двадцати пяти килограмм. Из того, что Ингвар должен был собрать с полюдья, ему, по уговору с Мстиславом, доставалась ровно половина. Кроме того, Ингвар решил попутно со сбором дани сделать еще одно дело. У него не было подробной карты новгородских земель. Та, которой ему приходилось пользоваться, сейчас его не устраивала. Она была неполной и очень примерной. Особенно, проблемы возникали, когда речь шла о границах: было непонятно, где заканчиваются земли Ингвара и начинаются территории Чудинов, Весинов, Корелов и Кривичей. Самым беспокойным соседом Новгорода было полоцкое княжество и его князь Рогволд. От его постоянных набегов особенно страдали веси, расположенные на границе, проходящей по реке Великой, которая брала свое начало в Чудском озере. Сил справиться с могучим врагом у Ингвара было пока недостаточно, и надо было думать об обороне.

Прямо перед отъездом к нему подошел Гостомысл.

— Князь, слышал я, что пока дань собирать будешь, карту земель новгородских составить хочешь.

— Да, боярин. А ты чем-то помочь можешь?

— Княже, есть у ткачей мужичок один, так он вышивкой владеет знатно, а для этого художником неплохим быть надо. Звать его Микулой. Возьми с собой, он тебе карту и нарисует.

— Пускай завтра с утра приходит на мой двор, ему укажут место в обозе.

Боярин поклонился и ушел.

Первое село, которое Ингвару предстояло посетить, находилось в трех верстах от Новгорода. Обоз добрался туда через три часа. Немаловажной частью полюдья был княжий суд, пока жители сносили дань к распорядителю обоза, Ингвару пришлось разбирать жалобы и прошения. Все случаи были почти одинаковыми, кто украл у соседа курицу или одолжил телегу, да так и не вернул, был мужик, что пытался обвинить старосту, к которому его жена бежит. Ингвар судил быстро и по «правде», назначал наказание или виру. И в каждом селе было одно и то же. Микула исправно трудился, нанося на пергамент леса, поля, веси и реки,

озера и высоты. На двадцатый день Ингвар добрался до предпоследнего села. Поход Ингвара подходил к концу. Все бы ничего, но погода окончательно испортилась, и если неделю до этого сыпал холодный ноябрьский дождь, то накануне вечером он превратился в колючий снег. Да еще, подъехав к дому старейшины, он заметил, что на улице не было ни души, обычно его встречала толпа, на улицу высыпали дети, ратникам совали угощения, эта же деревня ответила мертвой тишиной. Ингвар спешил и стал еще пристальней оглядываться, беспокойство передалось и Ратибору с воинами, они быстро рассыпались по единственной улице, заглядывая в дома и сараи. Но нигде не было ни души. На снегу, что выпал сутки назад, были только следы отряда. К князю через всю деревню спешил Ратибор:

— Пойдем, княже, ты должен это увидеть, — и повел Ингвара к крайнему дому.

Войдя в низкую полутемную избу, он даже не сразу заметил, что же хотел показать Ратибор. Вой расступились — на стене был распят старик. У него был вспорот живот так, что кишки свисали прямо до пола, еще кто-то, поглумившись, отсек все пальцы и выколол глаза. Но самое страшное было то, что дед еще дышал. Ингвар махнул рукой и двое гридней бросились снимать старика. От этой новой боли он пришел в себя.

— Кто здесь, — прошептал он, — я ничего не вижу!

Ингвар подошел и наклонился над стариком:

— Меня зовут Ингвар, — громко произнес он, — я князь новгородский. Отвечай, кто ты и что здесь случилось?

Дед попытался шевельнуться, но у него от боли исказилось только лиц:

— Ты пришел, княже, мы ждали тебя, собрали дань, готовили праздник, и когда все было готово пришли они. — Старик замолчал, Ингвар терпеливо ждал продолжения. Ждать пришлось довольно долго, но все-таки через двадцать минут дед на время пришел в себя. — Они налетели так быстро, что наши даже не успели схватиться за копья. Я был слишком стар, чтобы выдержать длинный переход, и ты, княже, сам видишь, как со мной поступили.

— Да кто они? — не выдержал Ратибор.

— Прости, запамятовал совсем, — простонал старик, — они — это племя, что поселилось тут два года назад, их жилище в десяти верстах отсюда, на берегу Чудского озера, за это мы их Чудями зовем. Они увели всех и сделают их рабами, а стариков пустят своим огромным ручным волкам, отомсти за нас кня...

— Он мертв, — сказал Ратибор, — как еще до нас дожил?

— Просто, Ратибор, очень просто, — ответил Ингвар, — он должен был дожить, чтобы рассказать все тому, кто сможет отомстить.

— Княже, нас же только семьдесят, да и обоз нельзя бросать без охраны.

— С обозом — десяток Кия, остальные — с нами. Исполнять.

Воевода исчез. Он уже знал, что когда Ингвар говорит так резко и коротко, с ним лучше не спорить.

— Вадим, — обратился Ингвар к сыну Гостомысла, которого взял проводником, — ты сможешь найти дорогу до этой чуди?

— Да, княже, я уже все облазил и знаю, куда они ушли.

— Готовьтесь, — крикнул Ингвар, — через десять минут выходим. Деревню не грабить, — наставлял он остающихся воинов, — если узнаю, скараю за горло.

Воины быстро кивали — не слушать князя было опасно. В первый же день полюдя один из новых ратников, затащил девку на сеновал, снасильничал, и отблагодарил он ее сполна — придушил и был таков, пристроился к Ратибору, будто и не отходил. Ингвар уже

уезжал, когда к нему в ноги бросилась женщина:

— Князь, не вели казнить, защиты прошу, кто-то дочь мою насильничал и убил. Я теперь одна на белом свете, как жить дальше, княже?

— Так... — Ингвар с угрозой оглядел притихших воинов. — Скажите сами или мне выяснять? Всем спешиться, — воины послушно покинули седла. — Княжий трон на прежнее место. — Все было выполнено в мгновении ока. Трон установили на главной площади на возвышении. Ингвар быстро занял свое место, справа встал Ратибор, слева — Вадим. — Случилось преступление, убили слабую женщину и то, что это произошло во время моего пребывания здесь, лишь усугубляет мою вину. Если его совершил мой воин, то наказание он понесет не как воин, а как тать, лихой человек. Если у кого есть что сказать, говорите и ничего не бойтесь.

Вперед вышел ратник Ингвара и, опустившись на одно колено, громко произнес:

— Княже, если тать, что совершил это преступление, из нашей сотни, то нет ему прощения, своим действием он опозорил всех нас. Как мы можем искупить его вину?

— Встань, ратник, — тихо сказал Ингвар, — у вас есть час, чтобы найти насильника и убийцу или доказать, что мои воины не причем. — Тот кивнул головой и отступил обратно в толпу. — Есть еще люди, желающие мне что-нибудь сказать?

Вперед вынырнула курносая девица:

— Княже, мы с Осинкой, ну той, которую насильничали и убили, шли к лекарю, когда к нам подошел один из твоих воев. Меня он отпихнул в сторону, а ей приказал идти за ним, вроде ты ее к себе кличешь, ну она меня дальше отправила, а сама с ним пошла.

— Сможешь его узнать? — спросил Ингвар.

Девчушка проворно закивала головой:

— Только его здесь нет.

— Ратибор!

— Да, княже?

— Выясни, кого из воев нет на площади, и приведи всех сюда.

Ратибор кинулся к десятникам и те быстро начали выстраивать своих ратников. Через три минуты воевода подошел к Ингвару.

— Княже, из всех воинов не хватает Тишка и Горда.

— Сыскать обоих и привести сюда, если к полудню их не будет, десятники, что командуют насильниками и убийцами, останутся без голов.

Ратибор удивленно посмотрел в глаза князя, князь, похоже, не шутил, его очень задело это преступление.

— Но, княже, не по правде так, — робко начал он.

— Нет, воевода, по правде, за своего воина отвечает десятник, и если преступника нет, я накажу десятника, спор окончен.

Строй сотни рассыпался, ратники бросились на поиски. К полудню никого не нашли.

— Две плахи сюда, — крикнул Ингвар, — десятников ко мне.

Вперед вышли два десятника Чеслав и Дубок.

— Княже, мы виноваты, — начал Дубок, — но не слишком ли это?

— Нет, Дубок, я не могу оставить это преступление без наказания, если это произойдет, то случай повториться, прости, я знаю, что вы оба честные и храбрые воины, но душегубство не останется безнаказанным.

В этот момент на площадь приволокли две плахи, охранный десяток Ингвара замер

рядом с ними. Ингвар поднялся и обратился к народу:

— Как человеку мне жалко этих храбрых воинов, но как князь я должен вынести приговор: смерть через отсекаание головы.

Толпа вздрогнула, ратники смотрели на Ингвара хмуро, но перечить князю никто не посмел.

— Вадим, привести приговор в действие.

Как сквозь кисель, вязкий и тягучий, сотник отправился к плахам, он шел медленно, шатаясь, казалось, вот-вот упадет, но он дошел и достал топор. Десятники сами подошли к нему, улыбнулись, мол, зла на тебя не держим, опустили на колени и сложили головы на плахи. Ингвар поднялся и поднял руку, Вадим замахнулся топором — на площади стояла звенящая тишина.

— Стой, княже, — раздался переживающий голос из-за людских спин, — вот насильник и убийца.

Все повернулись на звук. Вадим от неожиданности выронил занесенный топор. Крепкий парень в броне с цветами сотни волок раненого и связанного по рукам и ногам дружинника. Дотащив того до возвышения, он кинул его к ногам Ингвара.

— Вот он убийца, — запыхавшись, произнес он.

— Как тебя зовут? И можешь ли ты это доказать? — спросил Ингвар.

— Княже, звать меня Гордом, я из десятка Чеслава, а доказать, так это просто, когда убийство раскрылось, и мать той девушки упала тебе в ноги, а народ и ратники повалили на площадь, этот, — Горд бросил на связанного презрительный взгляд, — тихонько от всех отделился и огородами поскакал прочь. Ну, я на коня — и за ним, скакали где-то с две версты, потом его конь споткнулся, и он вылетел из седла, да жаль не разбился, вскочил на ноги и за лук, душегуб проклятый. Ветра моего, то есть коня застрелил. Ну а дальше мы с ним рубились, и одолел я его, только баб и коней убивать может. Ну и притащил сюда, а тут вона какие дела.

— Так ли это? — спросил Ингвар у связанного.

— Навет это, княже, — захрипел пленник, — сам убил, а на меня клеветает!

— А ну-ка, курносая, который из них подходил к вам с Осинкой?

Девушка, не думая, указала на Тишка:

— Вот он, светлый князь, с ней ушел.

Ингвар поднялся:

— Слушай, народ новгородской земли, мою волю. Матери убитой сорок гривен серебра и освобождение ее двора от любых податей. Горду, за то, что помог схватить убийцу — вся его воинская справа, а от меня, — Ингвар на секунду задумался, — выберешь себе лучшего коня из моей конюшни. А по возвращении в Новгород получишь собственный десяток. Вы же, десятники, меня простите, но закон суров, а за пережитое вами получите по десять гривен серебра и по харлужному мечу. А тебе, убийца и насильник, петлю на шею и отрезать мужское достоинство.

Убийца взмолился:

— Княже, смилуйся, я откуплюсь, рабом буду.

Ингвар отвернулся и зло бросил:

— Она ведь тебя тоже умоляла, но ты ее не пощадил.

С поникшей головой отправился в сторону обоза, за это утро он постарел лет на десять. С площади раздался душераздирающий крик — первая часть приговора была исполнена. За

спиной раздались быстрые шаги, скосив глаза, Ингвар увидел Ратибора. Догнав князя, тот быстро и тихо проговорил:

— Княже, ты все правильно сделал, такое больше не повториться.

— Я знаю, воевода, но от этого не легче.

Ратибор отстал, давая князю побыть одному, а на следующее утро княжеский обоз покинул весь.

Ратники, оставшиеся с обозом в разгромленной, обезлюдевшей деревне, этот случай хорошо помнили, и ни о чем таком даже и не думали.

Через десять минут отряд Ингвара выступил в сторону Чудского озера. Впереди шел Вадим, показывая направление, за ним Ингвар, следом за князем шли шестьдесят ратников, последним топал Ратибор. Он был жутко недоволен действиями князя, и дело было не в том, что князь был чем-то неправ. Просто, после таких походов приходилось набирать и учить новых ратников.

Вадим скомандовал: «Стой», в трех верстах от деревни лежал труп старухи, присыпанный снегом. Следов насильственной смерти Ингвар не увидел, просто пожилая женщина не выдержала переход.

— На обратном пути заберем, — тихо сказал Ингвар. — Вадим пометь место.

Немного передохнув, они двинулись дальше, через семь часов они вышли к опушке леса. Дальше на полверсты простиралось ровное засыпанное снегом пространство, на другом конце которого и стояло обнесенное крепким частоколом поселение Чуди. На единственной сторожевой вышке стоял дозорный, он напряженно смотрел в сторону леса, но видимо пока их не видел. Прикрываясь молодым ельником, подошел Ратибор, осмотрев вражеское поселение:

— Ну, князь, днем нам их не взять, придется ждать ночи.

— Ты прав, воевода, надо до ночи спрятать сотню, а на тропе выставить дозор, чтоб перехватывал всех кто идет в село или из него.

Так и поступили. Воины забрались поглубже в ельник, постаравшись скрыть следы своего пребывания и оставив на тропе дозор из трех ратников. Через час после наступления темноты, пошел густой снег. Ингвар не мог не воспользоваться этим подарком.

— Спасибо, вам, боги, — тихо сказал он, — укрыли от взгляда врага, половиной победы вам обязаны, будет для вас сегодня великая жертва.

Он приказал трогаться, снег падал так плотно, что не видно было дальше вытянутой руки. Но шли все равно осторожно. Вскоре сквозь снегопад стал проступать частокол селения, чуть выше него горел огонек — это на дозорной вышке зажгли масляную лампу. Дозорный уже не ходил, а сидел на краю вышки, укрывшись бараньей шкурой. Он, видимо, полагал, что в такую метель из дома никто носа не высунет. К Ингвару тихонько подполз Ратибор. Покосившись на воеводу, Ингвар тихо попросил, чтобы ему прислали лучшего стрелка. Через минуту рядом с ним, словно из ниоткуда, возник ратник, с бережно завернутым в кожу китежским луком. Ингвар узнал Позвизда. И он действительно был лучшим стрелком Новгорода, прославившись тем, что на празднике змей четырнадцатого сентября, попал с пяти сажень, то есть примерно с двухсот метров, в ивовый прутик. И это сделал простой кожевник, посрамивший лучших лучников города. Ингвар указал Позвизду на дозорного:

— Сможешь снять его оттуда, чтобы никто не заметил и чтобы он в низ не рухнул?

Позвизд внимательно поглядел на еле выступающую сквозь снежную пелену фигуру, до

которой было метров двадцать, и стал распаковывать свой лук.

Всем была дана команда приготовиться, и взять шесты в руки. Этот прием преодоления стен Ингвар позаимствовал у индейцев: один человек держится за конец шеста, пятеро за противоположный, разбежавшись эти пятеро поднимают впереди бегущего, и тот, как по дороге, взбегают на стену. Дальше он крепит веревки или открывает ворота. Решили, что с веревками надежней, поскольку у ворот может быть стража. Во время начала штурма первая десятка, в том числе и Ингвар, должна была оказаться на стене и сбросить остальным веревки.

Тренькнула тетива. Стрела ушла в полет. Ингвар начал разбег. Пять метров, три, один — и вот он бежит по вертикальной стене, перелетает через край и падает на узкий парапет. Ратибор верно определил высоту стен — шеста хватило. Быстро вскочив, Ингвар скинул вниз свою веревку. В других местах, воины также удачно преодолели частокол. Вскоре через него перевалило больше половины отряда, и началась кровавая забава. Воины спускались с обледенелого парапета и врывались в дома, убивая всех на своем пути. Сопrotивление смог оказать только воевода Чуди. Он, вероятно, возвращался с обхода стен. Ингвар налетел на него, когда тот бежал к месту прорыва с секирой в руках. На воеводе была кожаная куртка с нашитыми на нее стальными пластинами. На левой руке у него висел большой круглый щит. Он сходу атаковал Ингвара, его атака была молниеносна, стремительней этого воина был только Ратибор. С трудом приняв удар на щит, Ингвар ушел в глухую оборону. Какое-то время они обменивались мощными ударами. Вскоре щит Ингвара разлетелся в щепки, но и князь сумел развалить надвое щит чудина. Тот перехватил свою чудовищную секиру двумя руками и попер на князя. Вот тут-то Ингвар и вспомнил про коронный удар Данилы. Перед противником завертелся «харлужный град», тот попятился, а меч Ингвара мелькал с такой быстротой, что его противник просто не мог его разглядеть. Засечный, отожной, две восьмерки — чудин закрывается снизу. Это его ошибка. Ингвар бьет с плеча засечным. Куртка на воеводе чудинов распорота через грудь наискось, стальные пластины, нашитые на нее, разрезаны как бумага. Лезвие меча разрубило грудную клетку, так что теперь через страшную рану видны ребра. Ингвар вытер меч об одежду убитого и огляделся. Бой закончился. Его воины добивали раненых врагов, к центру поселения сгоняли женщин и детей. Подбежал Ратибор:

— Наши все целы, — доложил он, — семнадцать раненых, но все легко. Этих, как сонных курей, взяли. Пожалуй, только твой противник серьезным оказался. Остальные так, мужичье лапотное. Рабов тоже нашли. Все в сарае сидели. Этих куда? — и он кивнул на полсотни пленных, что тряслись от страха.

— Детей волхвам, женщин дружинникам на поругание, — бросил Ингвар, — до утра грабеж, потом все поджигаем и уходим.

Ратибор кивнул и растворился во мгле. Раздался визг, женщин растаскивали по домам, срывали одежду, насильовали. Затем нещадно рубили мечами, десяток особо понравившихся решили взять с собой.

Ингвар прошел к клетке с волками. Это были исполинские звери. Шерсть у них лоснилась, видно было, что за ними ухаживали особо. На чужаков они смотрели свирепо, к одной из волчиц жались пять волчат.

— Порубить или пострелять, как вам нравится, — приказал Ингвар дружинникам находившимся рядом.

Но тут к князю шагнул огромный человек, Ингвар узнал Позвизда:

— Дозволь, княже, волчат забрать, потом приручим, — попросил он.

Ингвар кивнул в знак согласия. Свистнули стрелы и шесть огромных волков забились в предсмертных судорогах. Позвизд подошел к клетке и открыл решетку, из клетки на него метнулась серая тень, свистнули пять стрел — и пробитое тело упало к ногам Позвизда. Это была та самая волчица. Ее глаза даже после смерти с ненавистью смотрели на человека, достающего из клетки волчат.

— Снимите шкуры, — приказал Позвизд.

Ратники неохотно поплелись исполнять приказание десятника. Ингвар же вышел к центру деревни — грабеж шел уже вовсю. Трупы лежали вповалку, раздетые донага. На главной улице стояло пять саней, в которые дружинники сносили добро. Потом уже князь все разделит, а сейчас нужно натащить, как можно больше всего.

Одна сцена особо привлекла внимание Ингвара: две женщины с кольями в руках добивали третью, валяющуюся на льду. Князь неспешно подошел. Завидев его, женщины прекратили избиение.

— Кто вы и за что ее судите? — спросил он.

Вперед вышла женщина в разорванной одежде, с растрепанными волосами, и огромным кровоподтеком на лице:

— Не вели казнить, князь, — произнесла она, опускаясь на колени. — Звать меня Ярина, и я живу в том селе, из которого вы пришли сюда. Эту змею, — Ярина указала на избитую, — зовут Ивла. Князь, это она привела чудинов в село по секретной тропе, когда мы не ждали. Осенью ее схватили в лесу, и она решила откупиться нами.

Ингвар кивнул, затем громко сказал:

— Я Ингвар, князь новгородский, приговариваю эту женщину к смерти. Расправу над ней будут производить односельчане, по своему усмотрению.

Бывших рабов уже накормили, и они ожидали слова князя. Ингвар подошел, окинув взглядом кучку людей, в которой было человек семьдесят взрослых и примерно столько же детей. Он громко сказал, что все свободны, и могут вернуться домой или идти своей дорогой. Вперед вышел пожилой мужик, низко поклонился:

— Княже, правильно ли я тебя понял? Мы все можем вернуться домой, в родную деревню?

— Да, — сказал Ингвар, — но на следующий год я возьму с вас немного большую дань: пять крепких парней для службы в моей дружине.

Мужик еще раз поклонился и произнес:

— Ты мудр, князь! Спасибо тебе за нашу свободу.

Через два часа, из подоженного вражеского села медленно выползал большой обоз, состоявший из семи саней, нагруженных доверху добром. В хвосте шли освобожденные жители, которые гнали детей для жертвоприношения. Воины шли по бокам саней и впереди себя вели десяток особенно понравившихся женщин. Из-за большого обоза и бывших рабов, путь назад занял двенадцать часов. Пленных согнали на середину села и оставили под охраной местных. Вскоре из тайного капища Перуна прибыл жрец. Сухой высокий старик подошел к Ингвару и, слегка склонив голову, попросил:

— Княже, дозволь всех врагов в жертву Перуну принести, возблагодарить его за дарованную победу.

Ингвар, также склонив голову, устало произнес:

— Конечно, жрец, для этого мы их и пригнали.

— Князь, — снова обратился к нему жрец, — среди пленных есть два легко раненых воина. Перун хотел бы, чтобы их убил ты. Они должны погибнуть, сражаясь с оружием в руках.

— Далеко ли отсюда до капища? — спросил Ингвар.

— Нет, — ответил жрец, — всего две версты. Но дорогу туда найдет не каждый.

— Хорошо, я выполню волю Перуна, но со мной пойдет мой десятник.

Жрец кивнул в знак согласия и пошел в сторону пленных.

К Ингвару приблизился только что выбранный староста. Это был тот самый седой мужик, что разговаривал с ним в захваченном селении чуди.

— Княже, народ выбрал меня старостой. Звать меня Агапием. Дозволь спросить, князь. Не оставишь ли ты нам немного продовольствия. Чудь вымела все наши амбары дочиста, но ты сумел все вернуть даже с прибытком для себя. — Он вопросительно поглядел на Ингвара.

— Ратибор! — крикнул князь. Как по взмаху волшебной палочки воевода очутился рядом.

— Что прикажешь, княже?

— Вели дать крестьянам вдоволь зерна, меда и других продуктов, семян на посев. Мне нужны данники, а не мертвые деревни.

Ратибор кивнул и скорым шагом двинул к обозу. Староста склонился до земли:

— Спасибо, князь, что не оставил нас. Ты поступаешь мудро, и в следующий раз, когда приедешь в наши края, мы сумеем тебя отблагодарить.

Закончив свою речь, староста, было, собирался уйти, но Ингвар остановил его.

— Постой, пойдешь вместе со мной на капище. Нужно принести жертву Перуну в честь нашей победы.

— Слушаюсь, княже, когда выходим?

— Как жрец позовет, так и пойдём.

Староста еще раз кивнул и двинулся в сторону обоза.

Ингвар ухватил за рукав пробежавшего мимо ратника:

— Сыщи мне Позвизда. Пускай со всех ног сюда бежит. Скажи, князь требует.

Ратник кивнул и бросился исполнять приказ. Староста и жрец подошли одновременно с Позвиздом.

— Можем трогаться, князь, через три часа на месте будем, — сказал жрец.

— Позвизд, пойдешь со мной и старостой к капищу. Выходим через десять минут. А теперь будь добр, кликни воеводу.

Ратибор нехотя оторвался от раздачи крестьянам продовольствия и подошел к Ингвару.

— Что прикажешь, князь?

— Я с Позвиздом и Агапием пойду к капищу принести жертву богу воинов в честь победы, пленников заберу. Ты остаешься здесь за старшего, разбоя не чинить, за ратниками следи, чтобы чего не учудили.

Ратибор кивнул и вернулся к прерванному занятию. Дорога через зимний лес оказалась нетрудной. Через два часа они вышли на поляну, посреди которой стояло каменное изваяние Перуна, бога воинов и грома.

Ингвар сделал шаг к нему, но его тело как будто погрузилось в кисель, руки и ноги стали ватными, в голове шумело. Но тут он услышал голос жреца, который нараспев произносил какие-то слова. Ингвар сделал еще шаг и еще, идти становилось все тяжелее, но он продолжал продвигаться вперед. Дойдя до статуи, он опустил на колени и мысленно

воззвал к богу: «Перун, бог громовержец! Сын твой Ингвар к тебе взывает. Одержал я с дружиной победу над ворогом и хочу принести тебе в жертву вражеских воинов и детей их. Прими с благодарностью». И тут же вязкий кисель исчез. Перун услышал своего сына и решил позволить варягу сделать то, ради чего он пришел. Жрец остановил свой заговор на полуслове, в его глазах было безмерное удивление. Страхнув оцепенение, он произнес:

— Удивил ты меня, княже. Мало, кто мог сделать больше полушага к идолу без слов заговора. Ты действительно великий воин. При этом ты обратился к Перуну сам, и сам снял защиту. Я такого за двести лет, что живу здесь, не видел. А теперь займемся тем, ради чего мы здесь. Пора принести жертву.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

К Ингвару подвели двух пленных воинов:

— Я должен принести вас в жертву перед своим богом, но я не буду резать вас, как баранов. Я дам вам оружие, и вы умрете сражаясь. Если же вы сумеете убить меня, то уйдете отсюда вместе с вашими детьми. Это мое княжье слово.

Он отступил от пленных на шаг и обнажился до пояса. Кольчугу, меховой плащ и рубаху он передал Позвизду:

— Если со мной что случится, значит, такова воля Перуна. Этих отпустишь вместе с детьми. Дай мне твой меч, — попросил Ингвар. Удивившись, Позвизд протянул ему свое оружие. Взяв его, Ингвар резко крутанул меч Позвизда вокруг кисти. — Хороший клинок, — сказал он, — как раз для левой руки подойдет. — Свой же харлужный князь взял в правую руку. Под ноги пленным кинули два меча, специально принесенных для этого боя. Те мгновенно освободились от веревок и застыли в защитной стойке. Ингвар встал напротив них. — Ну что, нападайте или защищайтесь. Мне все равно.

Краем глаза Ингвар заметил, что жрец упал на колени и начал что-то бормотать. Из-за этого он чуть не прозевал атаку противников. Чудины были молоды и быстры, но они пришли победить или умереть. Он же вышел только побеждать. Два меча Ингвара свистнули и скрыли князя за пеленой сверкающей стали. Воины атаковали, но ничего поделать с защитой варяга не могли. Ингвар делает неуловимое движение, и один из противников валится разрубленный надвое. Второй быстро отскакивает, зажимая страшную рану на плече. Князь делает быстрый шаг в сторону врага, тот резко поднимает меч для защиты. Но слишком быстро движется этот обоюкоукий варяг. Ударом сверху Ингвар разрубает меч противника, как прутик. Чудин удивленно смотрит на оставшуюся в его руках рукоять.

— Перун! Тебе посвящаю, — крикнул князь, и противник упал с отсеченной головой. Из обрубка шеи на статую Перуна фонтаном бьет кровь.

И тут Ингвар услышал хохот похожий на гром:

— Спасибо, князь. Ты принес достойную жертву. Ничего нет приятней для бога воинов жертвы, павшей в бою с оружием в руках. Слушай меня. Такова моя воля: никогда ты не мог биться двумя мечами, теперь я наделяю тебя этим даром. Да не будет тебе равных в таком бою. Детей же, которых вы привели мне в жертву, отпустите. Либо возьмите на воспитание. А теперь прощай. Когда ты погибнешь, ты станешь достойным воином моей дружины.

Голос стих. Ингвар потряс головой: «Неужели это правда, и я слышал Перуна?». Князь медленно повернулся к жрецу:

— Детей отпустить — такова воля бога, Агапий, возьми их и воспитаешь. Они отмечены Перуном.

Староста поклонился. Позвизд же стоял как громом пораженный:

— Княже, я видел удалых воинов, но в тебе живет сам Перун. — Он, кланяясь, протянул Ингвару одежду.

После того как жрец совершил над павшими свой обряд, Ингвар с Позвиздом и Агапием двинулись в обратный путь. Отойдя немного от капища, Ингвар взял у Позвизда его меч и попробовал повторить бой двумя мечами. Оружие послушно исполняло любую волю хозяина. Вернув Позвизду меч, он продолжил путь.

Тут Позвизд спросил:

— Дозволь узнать, княже, а ты раньше бился двумя руками?

Ингвар очнулся от своих дум:

— Нет, но как только исчез морок, я понял, что на этой поляне смогу все. Вот и решил попробовать. Понимаешь, это — место силы, там всякое возможно.

Оставшийся путь проделали в молчании, каждый думал о чем-то своем, даже дети, идущие впереди, притихли.

Вернувшись в село Ингвар, собрал всех жителей и произнес:

— Отныне на этом месте будет стоять град. Называться он будет Псковом, и будет защищать Перуново капище. Детей чудингов Перун велел оставить у себя и растить, как своих. А кто будет им обиду чинить, попадет на мой суд. Но это не значит, что им можно все, передо мной они также в ответе. Да будет все, что я вам сейчас сказал, волей моей.

Ночью он рассказал о произошедшем Ратибору, тот, округлив глаза, произнес, — Сильный ты человек, княже, ты богом отмечен, быть твоим делам великими. — И ничего больше не сказав, тихо ушел.

С утра Ингвар послал за старостой.

— По весне пришло тебе сотню ратников и мастеров с десятков. Заложите крепостицу прямо на Чудском озере. Место сам выберешь. Но до ратников ничего не предпринимай. С ними же пришло на все денег, немного, но на первое время хватит, а летом приду с дружиной пора — покорить чудское племя. Либо оно станет данником Новгорода, либо будет уничтожено.

Агапий кивал, он не верил, что стечением обстоятельств делается главой города, а заклятые враги покорятся. В полдень санный обоз Ингвара тронулся в обратный путь. За счет набега на чудскую деревню он существенно вырос и состоял из восемнадцати саней. Через четыре дня он должен достичь стен Новгорода. Ингвар ехал в середине обоза в окружении Ратибора и Позвизда.

— Княже, а как мы Новгород без защиты оставим, если летом на чудь пойдем? — вдруг спросил Ратибор.

— Оставим в городе сотен пять и на кордон против урман отправим две, а шестью сотнями пойдем на чудь, — лаконично изрек молодой князь.

— Княже, я не понял, — подал голос Позвизд, — если пять сотен в Новгороде, сотня в Пскове, две на кордон. А в дружине всего семьсот мечей. Откуда взять еще семь сотен?

— Уж больно ты любопытный, — ответил Ингвар, — но так уж и быть, тебе объясню. Как только вернемся в Новгород, я отправлю Вадима по селам ильменских словен, и он наберет пять сотен воев. Еще за двумя сотнями отправится Данила. Он поведет обоз с данью китежскому князю, а попутно и послом нашим будет и попросит у князя Мстислава ратников.

Через день показались стены Новгорода, на улицу встречать вернувшегося князя высыпала толпа народа. Слышались крики: «Слава!». Народ ликовал. Обоз, не торопясь,

вползал на княжеский двор. Остановив Черена, Ингвар вскинул руку, призывая народ замолчать:

— Мы вернулись с большой данью. Все веси остались под рукой Новгорода. А теперь мне нужно отдохнуть.

На теремном крыльце его встречала ненаглядная Ярослава. Спрыгнув с коня, молодой князь бросился к ней, на ходу крикнув Ратибору:

— Займись обозом. Как закончишь, можешь отдыхать. Завтра с утра жду тебя с Вадимом, Гостомыслом и Даниилом на малый совет.

Ратибор кивнул и отправился исполнять приказание. Подбежав к Ярославе, Ингвар поклонился ей, затем, бережно обняв, увел в терем. Уже глубокой ночью, когда они наконец смогли оторваться друг от друга, он рассказал ей, как прошло полюдьё, про бой с чудинами и дар Перуна, о том, что на Чудском озере он решил основать город Псков. Она слушала его, тихо лежа на его плече, и была безмерно счастлива, что любит человека, который за столь короткий срок сумел основать два города и успел заслужить похвалу бога воинов. А ведь еще год назад она могла стать бессловесной наложницей верховного хазарского кагана Улугбека, но этот неистовый воитель спас ее. И теперь ей хотелось отдать ему все, что она имела.

Наутро не выспавшийся Ингвар явился в зал совета. Военачальники и первый боярин были уже там. При его появлении все поднялись со своих мест, разговор стих. Подойдя к резному деревянному креслу, служившему ему тронem, Ингвар опустил на него, позволив остальным сесть.

— Так..., - произнес Ингвар, — Данила Святославич, что произошло в городе в мое отсутствие?

Сотник поднялся:

— Князь, серьезного ничего, а вот в окрестностях появился летучий отряд человек из двадцати. Сожгли весь, жителей, кто не спрятался, порубили. Я сразу, как узнал, выслал за ним сотню Мала, но та вернулась ни с чем. Отряд как сквозь землю провалился. Потом они налетели еще на одну весь верстах в двадцати отсюда, но там частокол высокий, отбились. Даже двоих нападавших подстрелили, и что интересно, одежда на них добротная, а у одного вот это нашли, — и он протянул Ингвару медальон.

Взяв протянутый серебряный диск, Ингвар взгляделся. На нем был искусно выгравирован орел, наподобие Китежского. Но у этого орла не было короны, а в лапах он держал меч. Ингвар вспомнил степь и засаду на караван, именно такой рисунок был на щитах воинов Влада.

— Ну, что, княже, вспомнил? — спросил Данила.

— Да, сотник. Это герб Влада. Но откуда его отряд здесь? Ведь воины, что везут ему от меня подарок, еще не успели добраться.

— Зато голубь успел долететь, — сказал Данила, — живет тут человек один, что сразу после пленения послов, послал куда-то голубя. Один из моих разведчиков видел это, ну и доложил мне. Я же, чтоб тебя понапрасну не беспокоить, рядом с тем подозрительным домом посадил двух лучших лучников из своей сотни, и в тот день, когда ты выехал на полюдьё, птица снова отправилась в полет. Ну мои орлы ее и подстрелили. Любопытная ладанка была у нее на шее, — и Данила протянул Ингвару кусок тончайшей кожи. Ингвар с трудом смог прочесть написанные слова: «Князь покинул город». Он поднял глаза на Данилу:

— Где этот, человек?

— Как где? — удивился сотник. — Сидит в твоём погребе, а сейчас, наверное, в сопровождении двух воев стоит за дверью.

— Зови, — приказал Ингвар.

Данила прошел к дверям и отрыл их. Двое дюжих ратников проволокли через весь зал и бросили к ногам князя щуплого человека невысокого роста с лысой головой. Князь отпустил стражу и посмотрел на лежащего у его ног.

— Ты служишь Владу?

— Да, — пролепетал пленник.

— Как тебя звать?

— Меня зовут Гориславом, и в твой город я пришел по приказу князя Влада. Но мне и самому это место понравилось. Хорошее место, торговое. Ведь я купец, — он замолчал и посмотрел на Ингвара, но тот терпеливо дожидался продолжения его истории. — Перед тем, как отправиться в путь, меня вызвал к себе Влад, приказав стать для него в Новгороде глазами и ушами. Голубиной почтой я должен был сообщать обо всех заметных событиях. За это он мне дал много серебра и охрану на весь путь досюда, Человек тридцать. Одеты просто, но сразу видно, что это бывалые воины.

Дослушав до этого места, Ингвар оживился:

— Тридцать человек говоришь? Бывалые воины? Ну-ну. И что дальше?

— Не доходя до города верст пять, они со мной распрощались. А я открыл в городе торговлю меховыми шкурками.

— Ну, что скажете? — спросил Ингвар своих советников. Те обдумывали услышанное. Только Данила и Гостомысл были знакомы с рассказом Горислава.

— Он не врет, — произнес наконец Ратибор.

— А скажи-ка, Горислав. Не может быть так, что тот отряд, который тебя сопровождал, сейчас на дорогах разбойничает? — вдруг спросил Ингвар.

— Может, княже, — чуть подумав, ответил пленник. Он почти перестал трястись, видя, что его пока никто не собирается убивать. Он успокоился и стал более рассудительно отвечать на вопросы.

— Где расстался с охранниками, помнишь? — спросил Данила. — А, может, знаешь, кто отрядом командовал?

— Расстались мы в роще, что в пяти верстах отсюда. Есть там озерцо. Его местные Глубоким кличут. А отрядом командовал Василько — полусотник Влада. Говаривали, что это он шпионил у Мстислава, а потом его дочь выкрал.

— Говоришь ты знатно, но за измену у нас карают смертью, — сказал князь. — Так, что же мне с тобой делать?

Горислав, цепляясь за княжеский сапог, завопил:

— Княже! Не казни! Служить тебе буду, что хочешь, сделаю!

— Кому письма отправляешь, — прорычал Ратибор.

— Василько, а он дальше шлет, — тут Горислав начал мелко дрожать.

— Что хочешь, говоришь, сделаешь? — грозно спросил его Ингвар. — Хоть и не люблю изменников, но можешь ты большое зло, причиненное мне, уменьшить. Напишешь письмо Василько о том, что из Китежа ждем мы небольшой обоз. Добра в нем немерено, а охраны мало. И пройдет этот обоз по дороге, мимо озера Глубокого. А еще добавь, что с обозом идет человек с данными важными про поход летний на князя Влада. Если не обманул меня, то деньги получишь, ну а если соврал — пеняй на себя. Все понял?

Горислав обреченно кивнул.

— Мал, — двери распахнулись. В зал вошел сотник.

— Звал, княже?

— Да, проводи этого человека в соседнюю горницу. Письмо, что он напишет, мне принесешь. Ну, Данила, это все или еще что есть? — спросил Ингвар.

— Есть еще одна вещь, княже, о которой я хотел бы тебе рассказать. За две недели до твоего возвращения пришел ко мне мужик. Крепкий, зим пятидесяти. Назвался Людотой ковалем, попросил кузню и сказал, что может изготовить меч, который перерубит любой другой. Кузни у нас незанятые есть, и я распорядился дать ему одну, да за работой его приглядеть. Так вот, он с двумя помощниками к реке Ловать пошел. Неделю назад пригнал оттуда телеги, груженные рудой. А теперь заперся в кузне и четвертый день колдует.

Ингвар улыбнулся:

— Ты все правильно сделал, сотник. Пусть к его кузнице приставят двух ратников, чтоб не беспокоил никто, а как выйдет, веди его ко мне.

Ингвар не случайно так заботился о простом ковале. Он помнил, что в том, другом мире в одной книге упоминался человек по имени Людота. И жил он в Новгороде, и был самым знаменитым оружейником Руси. Его меч стоил целое состояние. Естественно Ингвар был очень рад, что и в этом мире объявился такой мастер, и работает он в его городе.

— Еще что-нибудь?

Данила отрицательно качнул головой.

— Нет, князь. Город строится. Народ, доволен.

— Спасибо тебе, сотник, а что не сумел ту шайку словить — не твоя вина.

В этот момент в зал вошли Мал с Гориславом. Протянув Ингвару письмо, сотник застыл рядом. Посмотрев написанное, Ингвар одобрительно ухмыльнулся:

— Все, отправляйте, — приказал он. — Мал, седлай две сотни и скрытно выезжай к озеру Глубокому. Если все верно наш купец сказал, с шайкой сегодня будет покончено. Их главаря, Василько, доставь живым. — Ингвар вынул кошель и бросил Гориславу. Тот поднял его и, взвесив в руке, поклонился.

— Ты щедр, князь, — сказал он, — отныне я твой верный пес.

Ингвар посмотрел на него внимательно:

— Ты завтра возьмешь к себе в дом женщину, которую я тебе укажу, и назовешь ее своей женой. Только упаси тебя Перун, от нее что-то скрыть. Теперь отправлять будешь то, что я тебе скажу. А сегодня ты будешь моим гостем. Кстати, есть еще в городе люди Влада?

Горислав активно замотал головой:

— Ближайший человек Влада, который мне известен, Василько, а других нет, я бы знал.

Ингвар кивнул:

— Хорошо. Можешь идти, кивнул Ингвар. — Мал, после того, как отправишь письмо, покажешь ему горницу.

Горислав поклонился и вместе с хмурым сотником покинул зал.

— Ну, что вы на меня так смотрите? — спросил Ингвар, видя вытянувшиеся лица своих советников.

— Не ожидал я от тебя, князь, такого решения. Думал уж, что лишится этот Горислав головы, а ты его взял и нашим лазутчиком сделал.

— Да, Гостомысл, — сказал Ингвар, — сначала я и сам хотел его на кол посадить. А потом подумал, что Влад пришлет нового, которого мы не найдем. Этого-то только случай

помог схватить. А теперь он без моего разрешения даже дышать будет бояться. Мы его знаем. И Влад на время будет думать, что все в порядке.

— Здорового ты, князь, придумал его перекупить, — произнес Вадим.

За окном раздались крики, звон железа, и топот сотен коней, покидающих двор.

— Все. Мал уехал, — подвел итог Ратибор, стоявший у окна, — несладко придется нашим разбойникам.

— Ладно, — сказал Ингвар, — а теперь еще об одном деле. Вадим, ты завтра поедешь по ильменским весям набирать пять сотен воев. Данила, ты тоже собирайся. Через три дня поведешь обоз с данью в Китеж. Сопровождать его возьмешь сотню ратников из оставшихся китежан. Пускай дома побывают. Заодно и посольство к Мстиславу справишь. Хочу попросить у Великого Князя две сотни ратников, чтоб город посторожили, пока мы летом в поход на Чудь пойдем. Скажи, что постараемся вернуть назад всех целыми и невредимыми.

— Как скажешь, княже, — Данила склонил голову.

— Гостомысл, как думаешь, а не наведаться ли нам через месяц к нашим воинственным соседям — Вескому племени?

Боярин задумался:

— Прав ты, князь, не ждут они нас сейчас, слабыми считают. Но хватит ли на все казны и людей? В дружине всего семь сотен ратников. Если сотня уйдет с Данилой, а три останутся в Новгороде, то не маловато ли получается?

— Нет, Гостомысл, — произнес Ингвар, — в городе я собираюсь оставить полусотню. Остальных с собой возьму.

Глаза боярина округлились:

— Княже, это большой риск оставлять город без защиты. Стены-то ведь еще наполовину деревянные, а если, упаси нас от этого Перун, дружина не вернется, кто город защищать будет?

— Не волнуйся ты так, боярин. Вадим подкрепление приведет, его и обучишь. Будет, кому на стенах стоять. Тебя же на время похода назначу посадником. Все. На сегодня с делами закончим, — Ингвар хлопнул в ладоши. Появились отроки, несущие блюда с едой и кувшины с вином. Пришла Ярослава. И за столом полилась неспешная беседа о поездке князя на полюдь. Закончив обед, Ингвар захотел осмотреть город — тот сильно изменился за время его отсутствия.

Они с Ярославой поехали в санях. Рядом верхом ехал Ратибор и десять ратников, которые составляли на данный момент охрану Ингвара. Сани выехали на базарную площадь. Торговый день уже закончился. Но поскольку по городу со скоростью ветра пронесся слух, что князь с княгиней выехали на прогулку, она была забита народом. Сани остановились, Ингвар поднялся, гул на площади стих, люди с волнением ожидали, что скажет князь.

— Новгородцы, — прогремел над площадью его голос, — я вернулся в город, и нашел его еще более прекрасным, чем он был, когда я из него уезжал. Спасибо вам за это. Каждый из вас старается сделать его лучше и краше. Каменщики возводят непреступные стены, чтобы купцы чувствовали себя в большей безопасности за себя и за свой товар. Оружейники куют оружие для ратников, которые эти стены защищают. Крестьяне выращивают зерно, которое пекари превращают в мягкий хлеб. Плотники строят дома, ткачи ткут одежду. Каждый полезен. За это вам отдельное спасибо. Селения, находящиеся под нашей защитой, исправно платят дань. Я же с дружиной пытаюсь сделать так, чтобы вы ни о чем не тревожились и продолжали спокойно трудиться. — Народ одобрительно загудел. — Но есть

враги (и их немало), которые пытаются уничтожить наш молодой город. Гибнут дружинники, гибнут крестьяне. Это непорядок. И я спрашиваю вас: как это изменить?

Над толпой повисло молчание, люди вдумывались в сказанное князем. В середине толпы раздался громкий одинокий голос:

— Князь, мы должны сражаться, а не отступать. Надо окружить наши земли союзниками и укрепить дружину. — Говоривший умолк, площадь взорвалась тысячью голосов. В отдельных криках слышалось «смерть им», «пусть непокорные уйдут», «веди нас князь».

Ингвар поднял руку, народ стих.

— Я хочу видеть говорившего.

Толпа подалась в стороны. Вперед вышел молодой парень в простой одежде, но с суровым волевым лицом.

— Как звать? — спросил Ингвар.

— Микулой кличут, — ответил он и поклонился. — Я пришел в город недавно. Сейчас я помощник плотника, но сердце мое рвется на ратную службу. Княже, молю тебя: возьми к себе в отроки.

Ингвар осмотрел парня еще раз: широкие плечи, крепкие руки, видно, что неутомим в работе.

— Хорошо, — произнес он, — приходи вечером на воинский двор, найди сотника Данилу Святославича и скажи, что князь просил его отнестись к твоей просьбе со вниманием.

Лицо парня просто светилось от счастья.

— Спасибо, княже. Я тебя не подведу, — громко сказал он и отступил от саней обратно в толпу.

— Княгиня, — из гущи народу раздался женский крик, — выслушай меня.

Ярослава встала. Вперед прямо к саням вышла молодая женщина.

— Княгиня, выслушай меня, — попросила она еще раз.

— Говори, я тебя слушаю.

Девушка, боясь, как бы ее не прервали, начала быстро говорить:

— Меня зовут Ясна. Жила я в далекой деревне, на границе с враждебными Весинами. Там обращаться с топором и луком учат с детства даже девочек. Я и две моих сестры пришли сюда в надежде на твою милость. Княгиня, вели взять нас в княжескую дружину.

По толпе пронесся удивленный гул. Две девушки, похожие на Ясну, отделились от толпы и встали рядом с сестрой. Ярослава оглянулась на Ингвара. Тот удивленно рассматривал девушек, а у Ратибора, стоящего рядом с князем, от удивления вытянулось лицо. И тут Ярослава произнесла то, чего сама от себя не ожидала.

— С этого дня в городе Новгороде по моему слову, собирается женская сотня, которой после обучения всем воинским наукам будет доверена ратная служба.

На площади стояла могильная тишина, которую прервал звук клацающих зубов воеводы. Толпа заголосила. Ингвар же отнесся к этому абсолютно спокойно. Он поднял руку, гул голосов затих.

— Я не собираюсь отменять волю княгини. Микула, — парень снова вышел из толпы. — Ты вечером приведешь девушек на воинский двор. Я предупрежу Данилу Святославича. — Микула ошарашено кивнул. — Вот и хорошо, — сказал Ингвар, — отныне любая может прийти в княжескую дружину. Но с одним условием: испытания женщины

должны проходить наравне с мужчинами, а кто забрюхатит, навсегда потеряет право служить.

Ингвар сел в сани. Ратибор прыгнул на коня. И княжеский кортеж отправился в сторону кремля. Въехав во двор, Ингвар кликнул ближайшего отрока.

— Молнией лети на воинский двор. Найди Данилу Святославича. Пусть идет сюда — у меня к нему серьезный разговор.

Потом вместе с Ярославой он прошел в терем. Войдя в зал совета, Ингвар обнял ее за плечи и прошептал на ушко:

— Ты, мое солнышко, все правильно сделала, ведь в том, другом мире, женщины несут ратную службу наравне с мужчинами.

— Спасибо, — вдруг сказала Яра, — я так боялась, что там, на площади, ты скажешь нет, и это сильно повредило бы Новгороду. Но ты не оспорил моего решения. И это показало народу, что я княгиня, которая способна на собственные поступки.

— А теперь, — сказал Ингвар, — давай дождемся Данилу, расскажем ему все и примем на себя его гнев.

Он, как чувствовал. Сотник ворвался, словно ураган.

— Княже, за что мне это наказание, что мне делать с этими бабами? Робят-то кто рожать будет?

— Баб много, рожать всегда кому будет. Но не все же они воевать побегут, а к тем, которые набегут, приставь толковых отроков, чтоб их наукам воинским обучали. И спрос будет, как с мужчин. Они сами выбрали этот путь, так пусть и разделят все его тяготы. Наберешь из желающих сотню, назови их, ну хотя бы, «новгородскими девами». Если такое число не наберется, обучи тех, что придут, будут княгине служить.

Данила нахмурился, но постепенно его лицо разглаживалось.

— Здорово ты придумал, князь, будет на кого стены городские оставить, когда дружина в поход уйдет.

Ингвар подмигнул Даниле, и сотник счастливый, что ему в руки достались новые ратники, да еще и красивые, отправился к выходу. Но вдогонку услышал:

— Предупреди своих орлов, сотник, если руки распустят, буду сечь нещадно, а повториться, прикажу повесить на городских воротах.

Данила кивнул и ушел.

А через три часа вернулся отряд Мала с озера Глубокого. Пластинчатая броня — разрублена, на шлеме вмятина от удара булавы, но сам вроде цел и доволен.

— Княже, — крикнул он, — взяли мы их. Пятеро пленными, остальных порубили. Вои хорошие у них были, и мы троих потеряли, несмотря на внезапность. Еще двадцать пять раненых, семь тяжело. Лекари сказали, до утра не дотянут. А меня Василько угостил. Знатный боец, но предан Владу. Как же, знаю я таких: нельзя ни купить, ни убедить. Такому только смерть. Если бы не это, я бы тебе его в сотники рекомендовал. Сумел я его одолеть и сюда привез. Правда, в беспмятстве он, не скоро очухается.

Ингвар поднялся с трона, подошел к сотнику и крепко обнял. Сняв свой богатый княжеский плащ, он с благодарностью произнес:

— Держи, сотник, думаю, что моему лучшему ратнику придется по душе такая награда.

— Спасибо, княже, — и Мал склонился в низком поклоне, принимая дорогой плащ с вышитым серебром новгородским соколом. — Спасибо, — еще раз повторил он. — Большой награды, чем служить тебе, мне не надо. — После чего развернулся и вышел.

Вечером Ингвар сидел над картой, планируя весенний поход, когда в дверь робко постучали.

— Войдите, — сказал князь.

В дверь просунулась голова одного из ратников, что охраняли терем. На смущенном лице, выступало беспокойство.

— Княже, — молвила голова, — внизу Данила Святославович, он тебя требует, говорит, что не уйдет, пока не спустишься.

— Хорошо, — кивнул Ингвар, — сейчас выйду. Проведи его в зал совета.

Когда князь вошел в зал, сотник был уже там. Он сидел, откинувшись на спинку стула, с закрытыми глазами. На лице друга Ингвар разглядел жуткую усталость. Тот, заслышав шаги, открыл глаза, вскочил и поклонился. Ингвар усадил его и сел рядом.

— Княже, — сказал Данила, — что ты им наговорил там на площади? Я как к себе вернулся, у меня такое началось. Сначала пришли четверо: парень Микула и три бабы с ним. Ну, про которых ты говорил. Увел я их. Парня к младшим отрокам отправил, девкам отдельную горницу отвел. Выхожу во двор, а навстречу мне несется ратник, который на воротах стражу несет, и орет, что в городе бунт, а воинский двор осаждают четыре сотни людей, и они сотника требуют. Ну, я с пояса рог сорвал, дал сигнал тревоги. А сам к воротам понесся. Взбегаю на стену, а на улице стоят мужики да бабы. Настроены вроде мирно, оружия нет. Я им, мол, кто вы, да зачем в таком числе пришли к этим воротам. А вперед выходит парень. Да такой огромный, что воевода китежский Добрыня рядом с дитем покажется. Так вот, выходит он и говорит, что все стоящие у ворот хотят в княжескую дружину, мол, князь разрешил. А перед воротами, баб около двух сотен, и парней человек сто пятьдесят. Я им: завтра придите, а они ни в какую. Говорят, не уйдем отсюда, пока нас не впустишь или князь Ингвар не придет.

— Ну и что? — спросил Ингвар.

— Да пустил я их. Воинов, что в трех больших домах были, в один согнал. В два других пришедших рассовал: мужиков — в один, баб — в другой. Правда, тесно теперь, особенно у девок.

— Не тужи, сотник. Завтра к тебе плотников пришлю. Земли у тебя там много: они тебе еще четыре казармы поставят, а еще лучше пять.

Данила измучено улыбнулся.

— А учить их кто будет? У меня же опытных наставников раз-два и обчелся.

— Не тужи, говорю, — повторил князь, — пришлю к тебе завтра с десятков толковых ратников. Наставниками пока побудут, а потом сотниками и десятниками станут.

Данила улыбнулся и поклонился:

— Да, задал ты мне работу, князь. Боялся я, а теперь вижу, может и обойдется. — Еще раз поклонившись, сотник вышел.

Наутро Ингвар послал за главой гильдии строителей. Когда тот появился, он уже сидел в зале совета. Илью Кремня проводили прямо туда.

— Посылал за мной, княже?

Ингвар кивнул.

— Илья, снимай своих молодцев с других строек, и отправляй на воинский двор. Там надо возвести еще пять больших казарм. — Ингвар подал Илье кошель, набитый золотыми монетами. — Здесь за работу и доставку леса. Куда сколько, смотри сам. Я тебе верю, но учти, начнешь воровать — лишишься головы. — Глава строителей поклонился и вышел.

Ратник, что вечером докладывал о приходе сотника, тихонько вошел и, поклонившись, сказал:

— Князь, тот разбойник, Василько, пришел в себя, вести?

Ингвар кивнул. Привели мужика лет тридцати, крепкого, со щербатым лицом, вместо правой кисти — культя. Увечье было старым.

— Тебя зовут Василько? — спросил Ингвар.

— Да, варяг, меня кличут именно так.

Стоящий рядом Мал, возмущенный, ткнул рукоятью меча пленного под ребра:

— Он — князь. Запомни это, — прошипел он на ухо Василько.

— Мал, — одернул сотника Ингвар, — не нужно оскорблять воина, тем более, мне все равно, как ко мне обращаются приговоренные к смерти. — Затем Ингвар посмотрел на Василько. — Я знаю, что ты служишь Владу. Именно ты чинил разбой на моих землях. Знаю, по словам Мала, что в рубке ты очень хорош. Поэтому я не буду предлагать тебе, перейти ко мне на службу. Я не собираюсь унижать человека, о котором так уважительно отзываются мои сотники. Ты, как и все твои воины, приговорен к смерти. Но из уважения к тебе я спрашиваю: у тебя есть последнее желание?

Василько на секунду задумался.

— Спасибо князь, что сказал так хорошо обо мне.

У Мала вытянулось лицо. Слово «князь», произнесенное этим воином, было полно уважения к Ингвару, как к настоящему князю. Василько меж тем продолжал:

— Позволь мне взглянуть на город, что ты воздвиг. Ведь я со своими людьми видел его только снаружи.

— Хорошо, — сказал Ингвар, — завтра тебя и твоих людей казнят, но сегодня ты осмотришь город. Дай слово мне, что не сбежишь, ни с кем не будешь разговаривать, никого не тронешь, и я отпущу тебя в город одного.

Пленник и все, кто находился в зале совета, замерли. Последние слова князя поразили их. Василько опустил на колени:

— Клянусь Перуном, что сделаю, как ты сказал: я никому не скажу ни слова, никого не обижу и не попытаюсь бежать. Ты — великий князь, и я жалею, что не служу тебе.

— Скажем так, — произнес Ингвар, — сейчас полдень. Через пять часов я жду тебя обратно. Постучишься в ворота, скажешь, кто ты, и тебя проведут ко мне. Мал, проводи его до ворот и дай гривну серебра.

Сотник ошалело повел пленника к выходу. Когда они исчезли в дверях, чуть приблизившись к князю, Гостомысл сказал:

— Он не вернется.

— Увидим, — произнес Ингвар. — Да, кстати, боярин, твой сын уехал?

— Да, князь, он ускакал сегодня утром. Обещал обернуться за две недели. Через неделю надо ждать первых будущих воинов.

— Тогда, Гостомысл, возьми кошель и иди на воинский двор. Найди там Илью и скажи, что через неделю должно стоять не пять, а семь казарм. А через две недели еще три. И скажи, что за спешность я его вознагражу, за задержку покараю. Да Даниле передай, пусть сюда идет.

Гостомысл принял из рук Ингвара кошель, поклонился и вышел. Ингвар хлопнул в ладоши, вошел воин, ожидая приказаний.

— Приведи ко мне Горислава и кликни Марфу.

В дверь ввели Горислава. Сопровождающий остался у дверей, лишь легонько толкнув того в спину. А за ним пришла молодая женщина. Ингвар поманил ее пальцем. Смело подойдя к трону и поклонившись, она преданно заглянула в его глаза.

— Что прикажешь, князь?

— Знакомься, Горислав. Это Марфа — самая красивая женщина в тереме после княгини. Она сирота, и ей нужен человек, который ее полюбит и позаботится о ней. — Горислав окинул Марфу взглядом. Ингвар же обратился к девушке, — Марфуша, как тебе этот хрыч?

Девушка окинула невысокого Горислава взглядом:

— Да ничего вроде, княже.

— Так вот, он — купец, но одинокий и беспомощный. За ним глаз да глаз нужен. Пойдешь к нему в дом жить, хозяйством его заправлять будешь. — Затем пристально посмотрел на Горислава. — Но смотри, если чем ее обидишь, я тебя на кол посажу, да медом вымажу, чтоб пчелы позабавились.

Купец обреченно кивнул. Ингвар кивнул вою, и купца увели. Князь снова посмотрел на Марфу.

— А теперь слушай внимательно, — проговорил князь в полголоса, — ты не просто за хозяйством будешь присматривать, а за ним присматриваешь. Ты на его дворе — наши глаза и уши. Запоминай все: кто в дом ходит, кто связи какие с ним имеет, кто голубей шлет. И еще, если ты задашь вопрос, он будет обязан на него ответить. Все важное будешь сообщать мне или Гостомыслу.

Марфа кивнула:

— Я все поняла, князь, и буду тебе полезна. Он знает, что я не просто управляющая?

Ингвар кивнул.

— Он — шпион Влада, а теперь мой. Рядом с его домом, поставили дом воеводы, в нем всегда есть три отрока, я предупрежу их. А теперь ступай, собирать вещи.

Марфа поклонилась и вышла. В зал совета вошел Данила.

— Ну что, сотник, завтра сдавай хозяйство Малу. Ты отправляешься сопровождающим обозы с данью для князя Мстислава Ярославовича. А заодно послом нашим станешь. Попроси у него две сотни тяжелой пехоты на лето, для охраны города. С собой возмешь сотню ратников для охраны обоза. Из Китежа привезешь обоз с бронями и оружием, что я заказал у тамошних кузнецов еще летом. Как кстати у тебя на воинском дворе дела идут, что за пополнение пришло?

— Князь, я сегодня только диву даюсь, парни как парни — выйдут из них неплохие ратники. Но бабы эти, просто сказка! Мало того, что красивые, так они работают, как мужики. На равных значит. Будет тебе через четыре месяца две девичьих сотни, которые смогут не только охрану стен нести, но и с ратниками на равных в бой идти. Строители, которых ты прислал, загляденье как работают. Скоро для всех новые казармы поставят. И для старых ратников и для тех, которые вчера пришли. Да и для новобранцев Вадима место останется.

— Ладно, Данила. Найди Мала и сдавай ему воинский двор. На доставку обоза и посольства время тебе даю два с половиной месяца. Это китежским кузнецам плата, — Ингвар указал на средних размеров сундук. — Все по уговору. Завтра перед выходом заберешь. Да хранит тебя Перун. — Он встал и крепко обнял Данилу. Тот поклонился и вышел.

Часам к пяти вечера в большом зале собрались почти все советники Ингвара, которые оказались свободны на данный момент (Мал и Данила были на воинском дворе, Вадим ускакал по селениям набирать дружину). В зале находились Гостомысл, три сотника и Ратибор. Ровно в пять двери распахнулись, и в сопровождении двух ратников в зал вошел Василько. Подойдя к Ингвару, он преклонил колени перед князем.

— Ты, великий правитель! — произнес он. — Я весь день ходил по городу и слушал разговоры. Твое вчерашнее выступление на базарной площади всколыхнуло народ. Все, кого я слышал, готовы отдать жизнь за Новгород. Я был бы счастлив служить тебе, князь. Но у меня другой правитель, и он дал мне четкий наказ — наблюдать. Я же сегодня видел город, который очень скоро будет самым красивым и богатым на всей Руси. Князь, я не боюсь смерти, и не из трусости я хочу попросить у тебя милости. Дозволь мне умереть как воину с оружием в руках.

Он опустил глаза. В зале все замерли. И в мертвой тишине зазвучали слова Ингвара:

— Ты сказал слова, приятные моему слуху. И я вижу, что это не лесть. Они идут из сердца. Ты воин и не просишь пощады. Я не собираюсь даровать ее тебе, и ты умрешь завтра как воин. С мечем в руках. Я сам буду биться с тобой.

Василько поднялся.

— Спасибо, князь. Это честь погибнуть от твоей руки.

Ингвар встал.

— Василько, завтра мы провожаем к Перуну воинов, что пали от рук твоих людей, и я хотел бы, чтобы ты проводил их в Ирй.

Василько поклонился:

— Хорошо, князь, я выполню твою волю.

С утра княжеский двор напоминал разбуженный муравейник. Перед теремом стояло двенадцать саней: на них-то и отправят дань Мстиславу. Обоз должен преодолеть за месяц тысячу верст и добраться до Китежа. Через два месяца пока за Днепром в сторону Новгорода не сошел снег, вернуться обратно. В зале совета собрались все советники князя. Справа от Ингвара стоял Ратибор, слева застыл Гостомысл, на лавках вдоль стен сидели сотники: Мал, Позвизд, Ерема. Перед князем стоял Данила.

— Как идти собираешься? — спросил Ингвар.

— Да так же, как и сюда шли, только теперь осторожней придется. Со мной ведь не пять сотен, а одна. Пройду по Ловати до западной Двины, там переправлюсь, а оттуда до Днепра недалеко, пройду по левому берегу и выйду к Китежу.

Ингвар кивнул.

— Данила. У тебя будет два опасных места. Первое — край полоцкого княжества, земля этого сумасшедшего викинга Рогволда, который не подчиняется ни мне, ни Мстиславу. Думаю я с ним покончить, да пока силы не хватит. А второе место на днепровских порогах. Там завелась лихая шайка: грабят караваны, убивают торговцев. Мстислав собирался их прижать, но пока ему это не удалось. Так что там гляди в оба.

Вошли два ратника, из тех, что уходили с Данилой, забрали сундук с платой для китежских кузнецов.

— Ну, сотник! Да поможет тебе Перун! — Ингвар встал, обнял его, затем простились остальные.

Все вместе они вышли из терема. Данила сходу прыгнул в седло своего вороного. Обоз был построен: сани стояли длинной цепью, по бокам выстроилась охранная сотня. Данила

поднял руку, еще раз прощаясь, и дал команду трогаться. Обоз медленно выполз из ворот и заспешил навстречу утреннему солнцу. Ингвар вернулся в зал. За ним вошли сотники и боярин с воеводой.

— Подготовьте убитых воинов. Сегодня Василько должен проводить их в Ирий. И поставьте помост для казни, оставшиеся четверо будут четвертованы, а их останки как предупреждение будут отправлены в четыре уголка новгородской земли. Чтоб в полдень все было готово: и место возле капища, и помост на базарной площади. Гостомысл отвечает за казнь, Ратибор за капище Перуна. Идите.

Воевода с боярином поклонились и вышли.

— Так, Мал, что у тебя на воинском дворе? — подозвав сотника, спросил Ингвар.

— Не хватает оружия и броней, да и места для такого количества народу маловато.

— Сделаем так. Ты отправишь сотню Юрия, как я и обещал в Псков, к старосте села. Звать того Агапием. У нас с ним договоренность. Да, вот еще, нужно послать ему денег. А вторую сотню отправишь на постой в слободу кузнецов. У них там восемь больших домов свободно. Я тебя снимаю с охраны города. Этим пока займется Ратибор. Теперь твоя основная забота до возвращения Данилы — воинский двор и подготовка новых ратников. Исполняй.

Мал поклонился и ушел.

— Позвизд! — окликнул Ингвар сотника. — Ты все слышал? — Воин кивнул. — Тогда иди, готовь сотню. — Позвизд исчез. — Ерема, — позвал Ингвар последнего сотника, оставшегося без дела. — Ты сегодня же с сотней отправляешься на границу с Весью и ждешь меня с войском там, в деревне Топкой, что на пересечении рек. Зашли лазутчиков к весианам, пусть аккуратно посмотрят, с чем мы можем там столкнуться, но только не насторожи их. Они ничего не должны заподозрить о нашем походе. — Ерема, соблюдая этикет, поклонился и вышел.

Ингвар поудобнее расположился на троне. За эту ночь он жутко устал, и день обещал быть не легче. Надо было немного поспать. Ингвара разбудил шум, исходящий из коридора. За дверью в зале кто-то очень громко спорил. Он встал и, тихонько подойдя к двери, толкнул ее. Картина, которую он увидел, была впечатляющая. Два ратника из его охраны, выставив вперед короткие копья, пытались отеснить от дверей Ратибора. Воевода с мечем на перевес пытался пробиться в зал. Еще бы немного и пролилась кровь.

— А ну хватит, опустить оружие, — закричал Ингвар. Дружинники и Ратибор остановились. — Что здесь происходит? — обратился он к одному из воев.

— Не гневайся, князь, воеводе нужно было к тебе, но мы сказали, что ты спишь, и не позволили ему войти. Он же, обнажив меч, сказал, что все равно пройдет.

— Ратибор? — и Ингвар взглянул на воеводу.

— Да, князь, они загородили мне путь, но время до поединка с Василько все меньше. И я решил не ждать. Я прошу прощения, князь, что так получилось.

Ингвар повернулся к воинам:

— Вы правильно сделали, но впредь знайте, что Ратибору, Даниле, Малу или Гостомыслу можно будить меня, если у них, что-то важное. — Гривны виновато опустили головы. Ингвар достал из кошелья две серебряных гривны. — Это вам, парни, за хорошую службу.

Отдав воинам две серебряных монеты, он отправился вместе с воеводой к капищу Перуна. По дороге Ингвар строго посмотрел на Ратибора.

— Воевода! Они же дураки преданные, но не больше. Ты умный бывалый воин — нашел бы Ярославу, а ты сражение в тереме затеял.

— Прости, князь, не думал я, что они с копьями наперевес на меня пойдут.

— Ладно, забыли. На сколько я опоздал?

— Не опоздал ты, князь. Вовремя мы.

Они завернули за терем и вышли в специальные ворота. В первый же день строительства кремля Ингвар приказал поставить прямо за ним главное новгородское капище. Народу на нем было не протолкнуться. В центре, на аккуратной, сложенной специальным образом поленнице, лежали погибшие воины. Там же стоял жрец и произносил какие-то тайные слова. Ингвар разделся по пояс и взял второй меч. Так, с двумя обнаженными мечами, он вошел в заповедный круг. «Князь обоерукий! — пронеслось по толпе. — Говорят, он принес жертву Перуну, и бог дал ему этот дар». Ратники развязали Василько и дали меч. Ингвар поднял руку, и волнение в толпе стихло.

— На днях, мы потеряли в бою четверых наших ратников. Еще двое впоследствии умерли от ран. Этот человек, — Ингвар указал на Василько, — руководил отрядом, в сече с которым они погибли. Он не разбойник, а воин, и не его вина, что человек, которому он служит, приказал вредить молодому Новгороду. Но, увидев, какой город мы построили, и какие люди в нем живут, он попросил меня сопроводить наших павших воинов в Ирй. Я не отказал ему. Поэтому сегодня мы будем сражаться перед лицом Перуна. Если победит он, то я сам — Ингвар, князь Новгородский, провожу своих ратников до входа в белые палаты Перуна, а он отправится, куда пожелает. Если же я его убью, то проводником к Перуну станет он. Таково мое слово.

Народ стих. Вперед вышел верховный жрец.

— Бейтесь честно, ведь вы перед лицом бога. — Он отошел обратно к идолу Перуна.

Ингвар взмахнул мечами, и бой начался. Князь с первых же секунд поединка понял, почему о его противнике так хорошо отзывался Мал. Он был быстр, не подавался ярости и умел управляться со своим мечем. Удар. Отход. Новый удар. Неожиданный финт из невозможной позиции. Ингвар благодаря своему дару все же мог противостоять ему, но это было нелегко. Пожалуй, он был лучшим бойцом, которого Ингвар когда-либо видел. Но он был готов победить его.

И тут в его голове прозвучал голос. Тот самый голос, который он слышал на далеком лесном капище.

— Ты не должен убивать его. Просто обезоружь и попроси его присягнуть тебе на верность. Он давал клятву моим именем. Он клялся служить своему князю, пока я сам или Влад не освободят его. Сейчас я войду в его тело и объявлю свою волю. Но соберись, когда это случится, его мощь возрастет, и он усилит атаку. Тебе нужно выдержать четыре удара. Мою волю объявит жрец.

Голос пропал. Ингвар по-прежнему сдерживал напор Василько. И тут случилось то, о чем говорил Перун. Его противник просто взорвался серией ударов, от которых не было спасения. Но дар Перуна не подвел: Ингвар сумел сдержать этот натиск. Василько продолжал биться, но как-то вяло. Он не давал возможности Ингвару ранить себя, но и сам не атаковал. И тут он позволил князю выбить из его руки меч. Тот отлетел к ногам идола. В это время заговорил жрец. Его голос стал другим. В нем было столько власти, что Ингвар понял — устами жреца говорит сам Перун.

— Люди Новгорода! — произнес он. — Перед вами два лучших бойца. И это говорит

вам бог воинов. Будет несправедливо, если один убьет другого. Я позабочусь о том, чтобы павшие ратники попали ко мне в палаты. А теперь, Василько, пади на колени. — Воин рухнул как подкошенный. — Я — произнес Перун, — освобождаю тебя от клятвы, данной князю Владу.

Жрец поднял руку — из пальцев в погребальный костер ударила молния. Все вспыхнуло и прогорело за один миг. Кроме кучки пепла на земле не осталось ни оружия, ни воинской sprawy. Толпа застыла. У жреца подкосились ноги, и он медленно опустился на землю. Ингвар подошел к стоящему на коленях воину.

— Богатырь, Василько, готов ли ты служить мне как князю? Клянись перед лицом Перуна! Пусть также весь народ, что сейчас здесь, будет свидетелем.

Василько поднял на Ингвара глаза.

— Я, Василько, приношу присягу князю новгородскому Ингвару, сыну Рюрика, и клянусь Перуном служить ему и Новгороду верой и правдой, пока либо князь, либо бог, чьим именем я поклялся, не освободят меня от нее.

— Я, князь новгородский, принимаю твою присягу ратник Василько и назначаю тебя сотником, которую ты сейчас сам наберешь на воинском дворе из новобранцев. Ты сам ее обучишь и решишь, каким оружием и в каком строю, она будет сражаться.

По приказу Ингвара Мал помог встать на ноги Василько и повел того в сторону воинского двора. Ингвар же двинулся в сторону Ратибора, который держал его одежду и броню. Воеводу пришлось толкнуть в бок чтобы, тот обратил на него внимание.

— Княже! Это все правда? — не веряще спросил он. — Здесь действительно был сам Перун?

— Да, Ратибор. Второй раз меня почтил своим вниманием сам бог воинов. Это значит, что пока все, что мы сделали, ему угодно. Я не мог противиться воле бога, и к тому же Василько — хороший боец. Он сможет воспитать таких же хороших воинов. То, как ловко он ускользал от наших поисковых отрядов, делает ему честь.

За этим разговором они вышли на княжеский двор. Отроки подвели к Ингвару его Черена, Ратибору — вороного коня по кличке Морок, отличавшегося буйным нравом и признававшего в седле только Ратибора. Они быстро вскочили на коней и поехали в сторону базарной площади. Сзади пристроилось десять ратников личной охраны Ингвара. Площадь была до отказа забита народом. Толпа подалась в стороны, пропуская князя и его сопровождение. Ингвар взошел на помост. Народ стих.

— Сегодня, — произнес он, — мы судим воинов человека, именующего себя князем Владом. Они нападали на мирные села, грабили и убивали крестьян. За это я, князь Ингвар Новгородский, приговариваю их к смерти. Их четвертуют, а останки отправят в четыре стороны новгородского края как предупреждение остальным, кто решит добывать себе хлеб таким способом.

На помост ввели осужденных. Палач в красной рубахе, с огромным топором в руках, стоял рядом с плахой. Взревели рога. К плахе подвели первого осужденного. Его руку закрепили, взмах топора, нечеловеческий крик, вторая рука, ноги, затем голова катится под ноги Ингвара. И так еще три раза. Если бы он знал, что эта картина долгое время будет преследовать его во снах, он бы просто приказал их повесить. Но сделанного не воротишь. Он что-то говорил о свершившемся правосудии, потом Ратибор его куда-то вез. Очнулся он в постели, рядом с ним сидела Ярослава. Она протянула ему кубок полный крепкого вина. Он машинально взял и осушил его. Потом еще один и еще. Это был первый раз, когда он

напился до бессознательного состояния в этом мире. С утра голова была тяжелая. Пришлось просить Ярославу принести еще вина. Он испытал забытое ощущение похмелья. Потом вышел на крыльцо. Морозный февральский воздух мгновенно выдул из головы остатки хмеля. Кто-то подошел сбоку и тихонько кашлянул. Ингвар нехотя повернулся. Рядом стоял Ратибор, а чуть позади него Мал.

— Князь, мне очень не хотелось тебя беспокоить, но есть дело, нуждающееся в твоём вмешательстве, — сказал воевода.

— Ну, что вы за люди? Неужели мне нельзя день отдохнуть? — простонал Ингвар. — Ладно, идемте в зал совета, и там вы мне все расскажите.

Он нехотя вошел в кремль. Уж больно хорошо было на улице. Перед дверьми зала застыли гридни с копьями. При приближении князя они распахнули двери, и отошли в сторону. В зале было пусто. Из окон, заделанных слюдой, сочился слабый свет. Ингвар опустился на трон.

— Ну, выкладывайте, а то до вечера тянуть будете.

Первым решил говорить Ратибор.

— Князь, твой новый сотник Василько, как узнал, что на воинском дворе есть девки, тут же отобрал себе полсотни и занялся обучению стрельбы из лука. Для этого он выбрал парня из новоприбывших, который раньше был охотником. Потом он взял такое же число молодцев и начал сам обучать пешему бою. Сегодня сутра, расчистив большую площадь, он вывел эту сборную сотню, поставил для своих лучниц мишени, впереди лучниц выставил пехотный строй, а напротив них — специальные столбы, которые должны изображать воинов противника. Затем он провел первую атаку: его пехота плотным строем шла вперед, а из-за ее спины били лучницы. И надо сказать, князь, получилось это довольно хорошо.

— Ну и что вы от меня хотите? — спросил Ингвар.

— Князь, дозвожь спросить? — встрял в разговор Мал. — Правильно ли соединять мужчин и женщин в бою?

Ингвар задумался. Молчание, повисшее в зале, грозило затянуться, но он нашел правильный ответ.

— Правильно, Мал. Ведь если воины, что идут перед лучницами, будут знать, что за их спиной стоят женщины, они будут биться крепче и не пустят к ним противника.

— Тогда, князь, — произнес Ратибор, — если ты не против, дозвожь создать еще две такие сотни и посмотреть, как это будет выглядеть, когда они закончат обучение.

— Да будет так, — сказал Ингвар, — формируйте смешанные сотни. А к концу весны покажете мне, что из этого получилось.

Воевода и сотник ушли. Ингвар снова остался один. Но это одиночество было каким-то тягостным и давящим. Тихонько постучав, вошел отрок. Он быстро зажег три масляных светильника и также тихо вышел. В дверь просунулась голова стража.

— Князь, пришел Мал с каким-то кузнецом. Пустить?

Ингвар оживился: «Наверняка сотник привел знаменитого в том, другом мире оружейника Людоту».

— Пусти! — крикнул он. Быстро привел себя в порядок и с растущим ожиданием уставился на закрытую дверь.

От мощного толчка Мала дверные створки распахнулись, едва не слетев с петель. За высоким сотником шел мужик лет сорока пяти, небольшого роста, сутулый, но даже под рубахой угадывались мускулистые руки.

— Князь, — с гордостью произнес Мал, — дозволю представить тебе нового оружейника нашего города. Звать его Людотой.

Мужик упал перед Ингваром на колени.

— Княже, прими от меня в дар этот клинок. Он крепче булата. По гибкости превосходит харлуг, но он намного легче любого меча, что есть на свете. И при этом он может разрубить любые доспехи. — Сказав это, он поднялся с колен и отдал Ингвару завернутый в чистую холстину меч. Поклонился и отошел от трона.

Ингвар дрожащими руками развернул тряпицу, скрывающую меч. Да, это было настоящее произведение искусства. Никогда он не видел ничего подобного: лезвие, от жара в котором его ковали, покрылось узорным рисунком; простая рукоять из дуба была обмотана черной кожей, которую крепила тонкая серебряная проволока; завершало рукоятку наверху грибовидной формы, выполненное из серебра. Гарда меча была узкой, ладьевидной, около десяти сантиметров в ширину. Длинна клинка была около метра. По одной стороне шла надпись: «Людота Коваль», по другой девиз: «не обнажаша напрасе». Ширина лезвия у его основания была около шести с половиной сантиметров. Но одна вещь отличала этот меч от всех мечей, что ковали на Руси: у него был заострен кончик клинка. Через некоторое время Ингвар смог оторвать взгляд от необыкновенного оружия.

— Спасибо, — только и смог выговорить Ингвар. — Это дорогой клинок. Мастер, его сделавший, достоин награды. Он стоит не только кузницы, в которой ты работал. Отныне и навеки я награждаю тебя правом беспошлинной торговли в Новгороде и во всей новгородской земле.

Людота поклонился:

— Спасибо, князь. Ты дал мне больше, чем я мог бы попросить у тебя. Я с радостью приму твой дар. О каждой конченной работе я буду сообщать тебе.

Мал вышел проводить оружейника и вскоре вернулся.

— Ну, князь, вижу, работа оружейника пришлась тебе по нраву. Нет желания выйти во двор и опробовать его?

— Отчего ж, пойдём позвоним мечами.

Во дворе на стенах уже зажгли факелы, и в их свете он был кроваво красным. Несмотря на десятиградусный мороз, Ингвар и Мал разделись по пояс. Вокруг них стала потихоньку собираться толпа. Князь шагнул в образовавшийся круг с новым мечем. Мал держал в руках харлужный клинок собственного изготовления.

— Бой тренировочный, — объявил Ингвар, — и будет длиться до первой крови.

Повернувшись к Малу, он приготовился. Сотник не спешил сокращать дистанцию. Кошачьим шагом он двинулся по кругу. Ингвар продолжал спокойно стоять, лишь слегка поворачиваясь за противником. Во время такого движения князя Мал атаковал. Он был быстр и опытен и не давал вовлечь себя в затяжной поединок. Он делал серию ударов и отскакивал назад. Ингвару никак не удавалось завязать правильный бой. Оставалось только парировать удары и делать контрвыпады в ответ. Вдруг клинок Мала блеснул прямо около его глаз. Ингвар инстинктивно поднял меч вверх. Клинок сотряс страшный удар. Мимо уха Ингвара что-то просвистело и упало у него за спиной. Напротив него стоял Мал и смотрел на сломанный у рукояти харлужный меч. Ингвар легонько царапнул Мала по плечу, заканчивая поединок, и подошел к своему противнику. Тот продолжал неверяще смотреть на обломки своего меча.

— Не тужи так, сотник. Следующий клинок Людоты тебе подарю, — сказал Ингвар.

Мал моргнул.

— А на твоём мече, князь, зарубки есть? Я ведь со всей силы бил.

Ингвар осмотрел лезвие: оно осталось прямым и гладким, без единой выщербинки. Мал продолжал неверяще смотреть на меч князя.

— Преклоняюсь перед кузнецом, — произнес он. — Как это он сделал?

— Не расстраивайся, сотник. В мире, котором я раньше жил, он тоже был известен. Его работ было очень мало, и каждый такой меч стоил небольшого княжества. А секрет их изготовления был утерян. Из-за некоторых его мечей начинались войны, брат шел на брата. Сын на отца. И вот еще что. Не пытайся узнать у него секрет. Пусть все идет своим чередом.

Мал расстроился.

— А как же я буду жить, если есть человек, который искусней меня кует оружие?

— Ты ратник или кузнец? — спросил Ингвар.

— Ратник, — запнувшись, произнес Мал.

— Тогда, либо продолжай быть ратником, либо становись кузнецом. Выбери для себя что-то одно и дай мне ответ.

— Хорошо, князь. Я остаюсь воином и сотником, а в старости, когда покину дружину, стану кузнецом.

— Вот и ладно, — сказал Ингвар, — тогда пойдем, поедим. — И одевшись, оба отправились в трапезную.

Глава пятая Весь

В начале марта Ингвар собрал своих бояр и сотников в зале совета. Накануне посередине зала по приказу князя установили большой круглый дубовый стол. Ингвар в детстве любил читать о подвигах короля Артура и всегда мечтал о том, что он будет королем и у него будет такой же стол. Вот его детская мечта и осуществилась. Также по его заказу изготовили одиннадцать стульев. Пока хватит, а если понадобится — за столом без ущерба для места можно будет поставить еще пять. Наконец, пятого марта в зале совета собрались его сотники и Ратибор с Гостомыслом. Ингвар сидел на троне, который был на время установлен у нового стола, и смотрел на входящих советников. Вот в зал входит Ратибор, который с самого начала был за то, чтобы дружина шла походом на весь. Соседнее племя, отличающиеся воинственным нравом и постоянно совершающее набеги на восточные рубежи новгородского княжества. Рядом с ним шел Гостомысл, предлагающий подождать с набегом до тех времен, когда в поле можно будет вывести хотя бы тысячу воинов, а не соваться в веские болота с пятью сотнями ратников. Мал и Василько, которые за последнее время сильно сдружились, тоже советовали князю подождать. Зато Позвизд и Ерема были за нанесение немедленного удара. Вернувшийся недавно Вадим, который с малых лет ненавидел беспокойных соседей, был за набег обеими руками.

— Садитесь, — произнес Ингвар, вставая. — Отныне все важные дела молодого новгородского княжества будут решаться за этим столом. Каждый, кто за него садится, может высказываться свободно, не взирая на чины и звания. Сегодня мы с вами обсудим план похода на племя Весь, что живет на востоке от Новгорода в районе озера Белого. Год назад, глядя, как мы строим наш город, они тоже поставили на берегу озера небольшую крепость и назвали ее Белоозеро. Так вот, полгода назад я засылал к ним послов с договором о мире. Причем я назначил очень низкую дань. Как вы знаете, послов они побили и вытолкали из Белоозера со словами: «Пусть ваш князь к нам на коленях приползет и нам поклонится. Может, мы с Новгорода небольшую дань возьмем». С тех пор они терзают наши восточные рубежи постоянными набегами. Я, Ингвар, князь новгородский, спрашиваю вас, не пора ли с этим покончить?

За столом зашумели, князь ни от кого не скрывал, чем собирается заняться весной, поэтому у всех присутствующих были свои мысли. Первым встал Ратибор.

— Князь, мы можем вывести в поле семь сотен полностью снаряженных ратников, еще одну сотню придется оставить в Новгороде. Одну ты усрал в новый город Псков. И на сегодняшний момент Новгород обладает девятью сотнями ратников. Еще около тысячи отроков проходит обучение на воинском дворе. Но на нем мало места.

Ингвар, подняв руку, остановил Ратибора.

— Вчера, — сказал он, — старейшина строителей получил наказ, начать на левом берегу Волоха постройку еще одного воинского двора. Послезавтра, — продолжил он, — дружина из восьми сотен отправляется в поход. Да, вы не ослышались — восемь сотен. Я собираюсь оставить город под защитой отроков.

— Князь, — подал голос Василько, — я не уверен, что необученные отроки справятся с таким важным делом.

Ингвар поднял руку и сотник умолк.

— Ты почти угадал, когда вызвался говорить, отныне обучение отроков — твоя забота и

значит, ты в ответе за то, справятся они с моим поручением или нет.

Василько, соглашаясь, склонил голову. Когда князь говорил так, спорить было бесполезно, просто нужно было выполнить его приказ как можно лучше. Князь меж тем продолжал.

— Итак, послезавтра восемь сотен покинут Новгород и пойдут войной на Белоозеро, где сидит человек, именующий себя князем Святославом. И либо мы их покорим, либо уничтожим. Если в Белоозере до последнего не будут знать о том, что мы идем на них войной, мы можем победить. Но если они успеют подготовиться, в лесках нас будет ждать добрая встреча. У них воинов тысячи три. Так, а теперь займемся главным делом. Гостомысл, ты останешься в городе наместником, будешь советовать княгине Ярославе.

Боярин, встал, поклонился, принимая ношу, и опустил обратно на стул. Он был не согласен с походом, но князь уже все для себя решил. С ним можно спорить до хрипоты, но последнее слово всегда будет за ним.

— Дружина будет разделена на две части. Пять сотен пойдут со мной. Одной из сотен будет командовать Мал, второй Позвизд, третьей Ерема, четвертой Вадим, а пятым сотником со мной пойдет..., - на несколько секунд Ингвар замолчал, внимательно рассматривая сидящих за столом сотников. Его взгляд остановился на молодом сотнике по имени Олег, парне, со слов Мала, подавшем большие надежды. — Ты, — указал он на него.

Олег расцвел.

— Спасибо, княже, не подведу.

Названные князем сотники повторили действия Гостомысла, тем самым соглашаясь с князем.

— Второй частью дружины будет командовать Ратибор. Он с тремя сотнями пойдет следом за нами. С ним сотниками идут Сыч, Слав и Святозар.

Ритуал повторился. Все снова на своих местах, глаза внимательно следят за князем. Ингвар продолжил.

— Мы идем к восточной границе новгородских земель скорым маршем. Туда три дня пешего пути. Там возле деревни Глубокой, что стоит напротив Белоозера, мы разделимся. План простой. По сообщениям разведчиков Еремы, Святослав нас не ожидает, поэтому я с пятью сотнями иду впереди. Видя наше небольшое число, они выходят из города, мы с ними начинаем ратиться, Ратибор заходит им в тыл и начинается разгром. Но это в лучшем. В худшем нас встретит около полутора тысяч Белозерского ополчения. Если у кого есть, что сказать, я готов их выслушать.

Первым поднялся Ратибор.

— Князь, дозвожь мне вести передовые сотни. Мы от этого ничего не теряем.

— Нет, воевода, я — приманка, и не будем больше об этом. Еще?

Поднялся Вадим.

— Княже, а если они не выйдут в поле, и будут знать, что мы идем? Тогда они измотают нас внезапными ударами из засад.

— Поэтому я и иду в передовом отряде — они должны принять честный бой с князем. Еще? — Все молчали. — Тогда совет закончен, послезавтра на заре выходим из города. — Все поднялись и вышли.

На следующий день в Новгороде была жуткая суета. Гостомысл с Ратибором собирали обоз. Сотники проводили смотры своих войск. Вечером того же дня в кремль заглянул Ратибор.

— Князь, обоз собран, сотни проверены, мы готовы к походу.

— Иди отдыхай, — махнул рукой Ингвар, — ты сегодня славно потрудился.

Воевода слегка поклонился и вышел. На следующее утро Ингвар с Ярославой вышел на крыльцо терема. Суеты не было. Все основное сейчас происходило на воинском дворе. Обняв жену, Ингвар сбежал с крыльца и прыгнул в седло своего Черена. Мечи он закрепил за спиной по варяжскому обычаю, тем более что так они не мешали при езде верхом. При этом длинные руки князя могли выхватывать их очень быстро. В последний раз он поднял руку в прощании и тронул коня. Ингвар въехал на воинский двор, когда все сборы были закончены. К нему медленно подъехал Ратибор.

— Все, князь. Обоз загружен. Сотни построены. Через пять минут можно будет трогаться. У нас в строю пять сотен пехоты и три сотни стрелков.

На двор влетел Гостомысл.

— Ты чего? — насторожился Ингвар.

— Да вот, заехал попрощаться, думал, опоздаю, вот и гнал коня, — сказал боярин.

У Ингвара отлегло от сердца.

— А я уж думал, чего случилось, — с облегчением сказал он. — Ну ладно давай обнимемся, и нам пора. — Они трижды обнялись по русскому обычаю.

— Трогаемся! — крикнул князь. И сотни людей пришли в движение.

Снега начали подтаивать, поэтому войска добирались до места сбора не три, а четыре дня. Наконец утомительный рейд был позади. Ингвар распорядился поставить лагерь в трех часах ходьбы от деревни Глубокой. Тут же были высланы дозоры, с четким приказом хватать всех и вести в лагерь. При оказании сопротивления рубить непокорных на месте. За день привели только троих мужиков, которые случайно наскочили на секрет. После допроса, удостоверившись, что они не из Белоозерских, а свои, новгородские, их проводили к костру, сказав, что утром отпустят. Ночь прошла спокойно, дозоры ничего подозрительного не видели. Незадолго до рассвета Ингвар поднял своих сотников.

— Выступаем через час. Первой идет сотня Вадима, за ней двигаются две сотни стрелков Позвизда и Мала, прикрывает сотня Еремы. С боков колонну сторожат ратники Олега. Всем готовится.

Сотники разбежались по своим сотням. Ингвар подошел к уже поднявшемуся воеводе.

— Выходишь вслед за нами часа через четыре. От обоза ни на шаг. До Белоозера отсюда двенадцать верст, но через лес проторена хорошая дорога. Ровно посередине стоит весь Кряжи. Мне ее придется захватить так, чтобы никто оттуда не смог предупредить Святослава. Я буду оставлять для вас метки на деревьях, иногда указания на бересте. Так что, смотри внимательно.

Воевода кивнул. И пошел готовить своих.

Ровно через час часть дружины под командованием Ингвара покинула лагерь. Еще через три часа они перешли новгородскую границу.

Веское племя насчитывало восемь крупных родов, числом более пяти тысяч человек, и селилось небольшими группами по две три сотни. Теперь центральным поселением стало Белоозеро. Через пару часов Вадим безошибочно вывел сотни прямо на край веси Кряжи. быстро окружив ее, Ингвар дал приказ на приступ. Он рассчитывал взять хозяев сонными, но оказалось, что их здесь ждали. Как только воины подошли к невысокому частоколу, в них полетели стрелы, обычные, охотничьи, но очень меткие. Новгородские лучники ответили мгновенно. Обстрел из-за частокола ослаб, но не прекратился. То тут, то там падали

ратники, слышались стоны. Но штурм продолжался, и вскоре частокол был повален в нескольких местах. Ратники сумели ворваться внутрь. Дальше началась обыкновенная резня. Когда все закончилось к Ингвару подбежал Мал:

— Жители ушли. Нам противостояла небольшая кучка воинов, чуть больше сотни. Мы захватили одного. Сейчас Вадим ведет допрос.

— Наши потери?

Сотник на миг замялся:

— Тридцать восемь убитых. Они хорошо бьют из луков. Раненых два десятка. Половина правда легко. Царапины. Лекарь говорит, что они смогут продолжить путь.

Ингвар помрачнел. Да, штурм обошелся дорого. Но самое плохое было то, что их здесь ждали. Подошел Вадим.

— Плохие новости, княже. Они знают, что мы малым числом пошли войной. Четыре дня назад из Новгорода в Белоозеро прилетел голубь и принес записку, в которой доверенный человек князя Святослава сообщал о походе. Кто он пленник, не знает. На совете старейшин они решили дать нам жестокий бой.

Дослушав Вадима, Ингвар начал наводить порядок.

— Быстро оставляем здесь раненых, их подберет воевода. — Затем он подошел к раненому десятнику. — Передай воеводе, что нас ждали, и теперь, что-то готовят. Как только разместят раненых в обозе, пусть прибавит шагу — надо объединять силы. По одиночке нас разобьют в два раза быстрее. Выступаем! — крикнул он. — Порядок движения прежний, головные дозоры удвоить.

Сотни быстро покинули завоеванную деревню. В ней остались мертвые и тяжелораненые, под охраной десяти легкораненых ратников. Через две версты от деревни из леса полетели меткие стрелы. Отряд из десяти человек дал залп и растворился в лесу. Прибавилось трое раненых. Через три часа потрепанная еще пятью такими нападениями дружина вышла к Белоозеру. Остановившись на опушке, Ингвар вглядывался в высокий крепкий частокол. Город стоял на самом высоком берегу озера. Справа его огибала вытекающая из озера река под названием Шексна. Рядом с городом ее ширина достигала около пятидесяти метров. На краю леса Ингвар выстроил три пехотных стены, за которыми укрылись лучники. Свистом он подозвал сотников.

— А если проверить, что нам там приготовили, а потом быстро отойти и ждать воеводу?

Мал задумчиво взглянул на недалекий частокол.

— Не знаю, князь, рискованно это. Может, все же дождемся Ратибора.

Но за предложение Ингвара тут же выступили остальные сотники, и Малу ничего не оставалось, как сдаться. Через десять минут стены медленно двинулись к высокому частоколу. И первый сюрприз их ждал через сто метров. Как только воины Ингвара вышли на открытое пространство и прошли это расстояние, они попали в болото, лишь слегка запорошенное недавно выпавшим снегом. Воины сразу провалились по колени в вязкую жижу. В это время из-за частокола ударили стрелы. Лучники Ингвара стоя по колени в воде, прикрытые большими щитами пехотинцев, дали ответный залп. Потом еще один. И еще. Но обстрел из-за частокола не прекращался, а только усиливался. Изредка, роняя щит, падал пехотинец. Ингвар, шедший как простой ратник в первой шеренге, дал приказ отойти. Передовая линия и лучники начали пятиться. Выйдя из болота, в котором они еще не успели увязнуть, Ингвар приказал отступить к лесу. С наскоку эту вескую крепость было не взять:

надо было в лесу дожидаться воеводу и вместе начать атаку. В это время за своей спиной Ингвар слышал крики. Затем еще, и еще. Ингвар на секунду обернулся: на краю леса стоял строй воинов без кольчуг, с топорами и рогатинами. Их было не меньше тысячи. За их спинами стояли лучники и довольно метко били новгородцам в спину.

— Свернуться черепахой, — заорал Ингвар.

Этому построению он научился у римлян, про которых любил читать, и на всякий случай, объяснил его Ратибору. Тот мгновенно ухватился за идею и обучил этому построению воинов. Строй новгородцев изогнулся, образуя квадрат: щиты пехоты уперты в землю, длинные копья обращены на четыре стороны света, в середине лучники. Белоозерское ополчение, увидев это, ринулось навстречу. Лучники, прикрытые пехотой, открыли стрельбу — расстояние пустяковое, доспехов на противнике нет. По бегущей толпе белоозерцев пошла гулять смерть: падали воины, пронзенные тяжелыми стрелами, слышались крики раненых.

— Бейте их, — кричал Ингвар, — сейчас подойдет со свежими силами Ратибор, и мы их раздавим. Нам бы пару часов продержаться.

Первая волна атакующих веси полегла под градом новгородских стрел, вторая волна налетела на копья ратников. Но их было в три раза больше. Хотя новгородцы продолжали держать строй, в некоторых местах воинам пришлось отложить копья и взяться за мечи. Завязалась жестокая сеча, строй начал прогибаться.

— Вперед, — крикнул Ингвар, — надо дойти до леса.

Строй качнулся и пошел вперед. Ингвар бился в первом ряду, неся в левой руке тяжелый пехотный щит, а в правой свой необыкновенный меч — подарок Людоты. Он рубил с такой силой, что разваливал противников пополам, и против него бросали самых опытных бойцов. Новгородская черепаха прошла метров двадцать и завязла в гуще людей. Потом начала тихонько пятиться. На них давили втрое превосходящие силы противника. Своей массой плохо обученное и худо вооруженное Белоозерское ополчение почти загнало новгородцев обратно в болото. Силы были слишком неравны. Ингвар рубил изо всех сил. Кровь лилась ему под ноги, он, спотыкаясь об убитых, пропустил удар в грудь, но новгородская пластинчатая броня, сделанная Малом, выдержала. Ратники Ингвара продолжали держать строй, но их становилось все меньше, а враги не убывали. Из-за частого выстрела опять полетели стрелы. Там быстро разобрались, что их противник снова на дистанции выстрела, и теперь ему нечем было прикрыть спину — все силы уходили на сдерживание напавшей белоозерской пехоты.

— Еще немного и ляжем все, — закричал бьющийся рядом с Ингваром Мал, — надо их отбросить и прорваться к лесу.

— Построй клин, — приказал Ингвар, — я пойду на его острие.

Мал бросился исполнять приказание. Ингвар обнажил второй меч. Последним ударом топора ему разбили щит, и теперь у него освободилась вторая рука. Рядом рухнул ратник. Удар большого топора разрубил шлем и раскрыл ему голову до нижней челюсти. Ингвар вращал перед собой мечами с такой скоростью, что к нему боялись подступиться. Воспользовавшись этим, он бросил косою взгляд на поле. Ратники бились не жалея себя, вот один прыгает с мечом в накатившуюся кучу белоозерцев. Его оружие взлетает и падает — трое из его противников мертвы, остальные ранены. Он начинает отступать обратно к строю, но спотыкается о распростертое тело. Нелепо взмахнув руками, он падает на спину. Тут же над ним вырастает воин с высоко поднятым топором — топор опускается на грудь

упавшего. Строй качнулся вперед, но не успел спасти товарища. Ратники успели лишь покарать замешкавшегося убийцу. Справа положение просто удручало. Белоозерцам удалось разорвать строй новгородцев. Человек десять было оттерто в сторону и окружено. Сначала им удавалось отбиваться спина к спине, но вот пропал из виду один шлем, затем еще один, потом сразу два... Стена, выстроенная в клин, немного нажала и копьями пробилла дорогу к окруженным. Ингвар видел, как оттуда выводят трех раненых и двух полностью здоровых. Остальные пятеро были либо мертвы, либо тяжелоранены. За спиной князя Мал наконец-то выстроил ратников в клин. Этот строй Ингвар взял у тевтонских рыцарей и немного его усовершенствовал. По краям клина шли воины с большими пехотными щитами, каждый второй держал длинное копьё, каждый первый бился мечем, рубя тех, кто сумел отклонить копьё товарища. В середине строя шли лучники, которые тащили убитых и раненых, и, если была возможность, стреляли из луков по противнику в упор. Наконец клин был построен, как доложил стоящий рядом с Ингваром Вадим.

— В строю около ста пехотинцев и такое же количество лучников. Многие из раненых не могут сражаться, но могут идти сами, убитых, на удивление, немного. Чуть больше сотни, тяжелораненых примерно около восьмидесяти. Все лучники заняты нашей скорбной ношей. Так что поддержки стрелков нам не дождаться.

— Ладно, — сказал Ингвар, — нам бы только до леса дойти, а там воевода подойдет. А ну навались!

И строй новгородцев качнулся вперед, да так, что сразу отбросил от себя противника и сам пошел в атаку. Ингвар крутил два меча с максимальной скоростью, на которую был способен. Вадим, который прикрывал его копьем справа, не успевал наносить удары. Слева от него шел Ерема. Его копьё тоже кололо с поразительной для этого неповоротливого вида оружия быстротой. Белоозерцы их приметили и стали выдвигать на центр их атаки больше народу. С боков натиск ослаб, зато по центру клин увяз. До леса оставалось полсотни метров, но масса народу, которая билась против Ингвара, не давала преодолеть оставшееся расстояние. Ингвар остановился. Усталость начинала брать свое. Мечи поднимались все тяжелее, руки постепенно наливались свинцом. Вот под его мечем валится огромный мужик с пробитой грудью и с перерубленной рогатиной. На его место встают двое новых. Одного протыкает копьё Вадима, другого надвое разрубает меч князя. А перед Ингваром еще трое. Тот, что посередине, просто огромен. Его спутников достают длинные копья новгородцев, но оставшийся здоровяк своим огромным топором с легкостью нарушает смертоносную паутину, что плетут вокруг своего хозяина мечи Ингвара. Чудовищный удар в грудь опрокинул князя, лежа на земле, он смотрел, как из-под разрубленной на груди брони толчками вырывается бордовая кровь. Вдалеке раздался звук рога. Вадим и Ерема отбросили копья и взялись за мечи. Здоровяк, который сразил Ингвара, прыгнул вперед с занесенным топором. Наверно, у него была только одна мысль: добить поверженного князя. Огромное лезвие опускается прямо на голову. Ингвар это видит, но нечего не может с этим поделаться. На пути воина вырастает Ерема. На его лице застыла улыбка, он даже не пытается отразить удар. Просто, выставив вперед лезвие меча, стоит и ждет. Огромный топор врезается в грудь, его меч насквозь протыкает тело врага. Он падает прямо рядом с Ингваром, их глаза на секунду встречаются, а губы Еремы тихо шепчут: «Я всегда мечтал спасти жизнь князю. Мне удалось». Из рта вырывается фонтан крови, и молодой сотник без звука умирает. На его застывшем лице до сих пор счастливая улыбка. Ингвара подхватили и утащили в середину строя. Над рядами воинов пронесся крик: «Князь ранен», и новгородские ратники бросились

на врага с таким ожесточением, что опрокинули и рассеяли его первый строй. Ингвара несли в середине группы воинов, но он успел увидеть, как в гущу битвы спешат новгородские сотни, а впереди всех на вороном коне летит Ратибор. Дальше началась кровавая резня. Еще одна деталь того боя навсегда врезалась ему в память: рядом с ним несли его стяг — на голубом фоне летящий сокол, — но брошенный топор раскалывает надвое череп знаменосца. Штандарт выпадает из мертвых рук, но рядом бежит воин, с отсеченной по локоть рукой, он бросает свой щит, которым прикрывался, и подхватывает почти упавшее знамя. Это последнее, что увидел Ингвар. Сознание затуманилось и померкло. Очнувшись он, лежа на чем-то мягком, вокруг все плавно покачивалось. Где-то совсем рядом заржала лошадь. «Я в санях», — мелькнуло в голове. И сознание снова ушло.

Жуткая боль. Ингвар сквозь муть, стоящую в глазах, узнал лицо походного лекаря, который менял ему повязку на груди. Увидев, что князь пришел в себя, он выкрикнул имя Ратибора. Рядом с санями тут же появился воевода, как будто ждал этого крика.

— Как ты, княже, — спросил он.

Ингвар попытался хоть что-то увидеть, но кровавая пелена на глазах не давала этого сделать. Он хотел сказать воеводе, что все нормально, но из разрубленной груди раздался только свист.

— Ладно, отдыхай, — тихо произнес Ратибор, — лекарь сказал, что заживет как на волке.

Сознание Ингвара снова померкло. Ему снился сон: круг камней, где ведогон выжег ему символ рода — летящего сокола. Ингвар лежит на алтаре в центре этого круга, над ним склонилась призрачная фигура.

— Ведогон, — узнал Ингвар.

— Молчи, — произнес тот, — ты на грани жизни и смерти. Я тебя немного подлечил, но сейчас сюда придет Морена — смерть, и я буду с ней биться за тебя. Если победит она — ты умрешь, если я — будешь жить.

В круг вошла костлявая призрачная тень. Она вытянула руку в сторону Ингвара, из ее беззубого рта раздалось шипение:

— Ты мой.

Но вдруг на ее пути встала призрачная тень ведогона.

— Нет, еще не твой, — произнес он. — Только после меня.

— Ты и так мертв, — прошипела старуха, уйди с дороги.

И вдруг что-то изменилось. Статуя Перуна за спиной старухи начала оживать, она превратилась в огромного богатыря. Сойдя с места, тот зашел к старухе за спину и схватил огромной ладонью ее тонкую шею.

— Ты не права, костлявая. Он мой и я не отпускаю его.

— Уйди, громовежец, — взвыла Морена, — он принадлежит мне.

— Нет, — ответил Перун, — ты не возьмешь его. Во всяком случае, пока я не позволю. А сейчас уходи. — Бог воинов отпустил ее шею, и старуха, отпрянув за границы круга камней, медленно начала растворяться.

— А тебе, — богатырь повернулся к Ингвару, — пора назад. Ты и так слишком долго задержался на кромке. Еще немного и ты останешься здесь навсегда. Иди. Раны твои быстро заживут. — И богатырь, в образе которого предстал Перун, стал обращаться в камень.

Рядом с Ингваром возникла призрачная фигура ведогона.

— Спасибо, — произнес Ингвар.

И фигура растаяла вместе с кругом камней.

Когда князь открыл глаза, было светло. Он лежал в чистой и уютной горнице, грудь болела, но не сильно. В дверь заглянуло любопытное женское личико, увидев, что он открыл глаза, оно мгновенно скрылось. Через несколько минут по коридору раздались легкие шаги, вслед за ними тяжелая поступь. Дверь распахнулась: в комнату вбежала Ярослава, за ней, не спеша, вошел Ратибор. Левый глаз воеводы был закрыт черной повязкой. На правой руке не хватало мизинца. Ярослава бросилась к мужу, села рядом и зарыдала. Воевода тактично отошел к окну. Ингвар хотел погладить ее по голове, но руки не слушались. Потом вдруг ее слезы мгновенно просохли, глаза стали серьезными, взяв его руку, она тихо сказала:

— Лучше, если я тебе скажу, а не другие. На днепровских порогах во время переправы на обоз с данью напали. Летучий отряд хазар в сто пятьдесят воинов налетел словно из ниоткуда. Сотня отбилась, правда сильно поредела. Но Данила Святославович был тяжело ранен, его довели до Китежа, и он сразу попросил вызвать князя. Говорят, Мстислав, узнав о его просьбе, выскочил на княжий двор в одной рубахе. По словам свидетелей, Данила шепнул князю несколько слов, выслушал ответ, замотал головой, сказал еще что-то, Мстислав кивнул, Данила улыбнулся, сказал: «Любо», и умер.

— Когда пришла весть? — спросил с тоской в голосе Ингвар. Он так старался, чтобы дрожь в голосе не заметил Ратибор. И воевода сделал вид, что не заметил. Непослушная слеза скатилась по щеке Ингвара. Он так хотел ее стереть, но руки не слушались. Ярослава же продолжала говорить:

— Неделю назад прилетел голубь от отца. Он написал, что остатки новгородских ратников выйдут сегодня. С ними идут две китежские сотни тяжелой пехоты, которые сопровождают обоз с оружием. Тело Данилы было упокоено в Китеже. Через месяц обоз и сотни будут здесь. Это, как ты и хотел, конец мая. — Затем, глянув на воеводу, тихо сказала, — поговори с Ратибором, а я еще попозже зайду. — Она аккуратно убрала свою ладошку и исчезла. Ратибор повернулся, его единственный глаз смотрел на князя насторожено.

— Что с дружиной? — спросил Ингвар.

Ратибор на секунду замялся:

— Полегла, князь, дружина. Почти вся. Ратники, которые с тобой шли, погибли почти все. С поля на ногах ушло человек пятьдесят. И сотню раненых я вынес. Остальные мертвые. В моей части дружны уцелела сотня. И сотня раненых. Так что считай: уцелело сто пятьдесят у тебя и двести у меня. Всего триста пятьдесят, из которых двести раненых, девяносто из них очень тяжелые. Еще половина никогда больше не сможет держать меч. Ты меня конечно прости, князь, но это — разгром.

Ингвар нахмурился.

— Да ладно, воевода. Чего душой кривить? Ты прав — это поражение. Но война еще не кончена. Кстати, какой сегодня день?

Ратибор замялся:

— Сегодня двадцать четвертое марта, а ранили тебя десятого.

— Что говорят в народе?

— Вот здесь ты, князь, не поверишь. Люди в ярости, у всех на устах одно слово — «месть». В дружину, что почти заново создается, идут сотнями. Даже кривичи и меря идут. Не так много, но сотню из них собрать можно. Сейчас на воинских дворах тренируется чуть больше двух тысяч воинов. Из них пять сотен Новгородских дев. Так что к концу июня мы

будем иметь две с половиной тысячи дружинников.

— Хорошо, — сказал Ингвар. — А теперь, Ратибор, расскажи, что в белоозерских лесах приключилось, после того как меня ранило, и меня с поля несли. А то только фрагменты одни. Да за одно расскажи, что с твоей дружиной случилось.

Ратибор посуровел, подобрался и начал свой печальный рассказ:

— Когда мы вышли к той веси, что твоя дружина взяла, ко мне сразу приковылял раненый десятник Хорев и передал твое послание. Мол, белоозерцев предупредили, и они знают, что мы идем малыми силами, а князь-де приказал спешно к нему присоединиться. Я быстро подобрал твоих раненых и мертвых и двинул к тебе. Отойдя от веси версты на четыре, моя дружина налетела на засаду. Мы так торопились соединиться с тобой, что мало смотрели по сторонам. Их было много. Из-за каждого дерева летели стрелы, да такие меткие, что передовая полусотня полегла в одно мгновение. Ратники опомнились и быстро выстроили стену из щитов, за их спинами укрылись лучники. Дело пошло на лад. Мы пытались атаковать, но в стороне от дороги был такой глубокий снег, что воины тут же вязли. Белоозерцы же легко передвигались на лыжах, это такие доски надетые на ноги.

Ингвар кивнул:

— Спасибо, Ратибор, я знаю, что такое лыжи. Продолжай.

— Так мы и шли под градом стрел до опушки того леса, где остатки твоей дружины бились. Мы подошли как раз к тому моменту, как ты упал. Дальше началось неопишное. Я ударил им в спину, но мои две с половиной сотни не могли ничего изменить. Вадима я увидел, когда тот с мечем и щитом прикрывал двух воинов, которые тебя несли. К нему прибилось еще четыре десятка ратников со штандартом. Вместе они дошли до моих сотен. Были еще отдельные островки сражающихся воинов, но они быстро гибли в этой резне. Вот с такого островка к моим рядам пробилась Мал с Позвиздом и десятком воинов. В общем, мы поднажали и опрокинули белоозерцев. Загнали их в болото и расстреляли из луков. Стрелки, что были в засаде и гнали нас до места боя, попытались помочь своим, но на них случайно налетел Вадим с четырьмя десятками. Он так торопился доставить тебя к обозу, что разметал их в разные стороны: половина полегла от мечей и копий его ратников, остальных добила мои лучники. Поскольку поле боя осталось за нами, мы спокойно собрали наших раненых и убитых. Даже трофеи успели прихватить. Порубили мы их около тысячи. Когда мы почти закончили наше скорбное дело, на поле боя прискакал дозорный. Сказал, что со стороны Белоозера идут полторы тысячи воинов. Пришлось мне быстро уходить оттуда, еще одна битва похоронила бы всех. Потом было отступление, хотя я бы назвал это бегством. Налетали отряды быстрых лучников, выпускали стрелы и растворялись в лесу. В таких налетах полегло еще полсотни ратников. К вечеру мы выскочили из леса и заночевали в ближайшей веси. Через четыре дня мы были в Новгороде. Когда люди увидели тебя и все, что осталось от дружины, на базарной площади собралась толпа, которая похватала топоры и рогаины и была готова хоть сейчас идти мстить. Достаточно было найтись смельчаку, который повел бы их. Но в этот момент на площадь вылетел Гостомысл. Ему после долгих уговоров удалось успокоить народ. Он попросил их дождаться твоего выздоровления и вместе с тобой решить, как быть с Белоозером дальше. Народ успокоился не сразу и все же разошелся по домам.

— Кто из сотников уцелел?

Ратибор снова стал печальным.

— Как мне сказали, защищая тебя от топора, подставил свою грудь под удар Ерема. Но

из твоих — это единственная потеря. Из моих уцелел лишь Слав. Святозара подняли на копье в самом начале боя. А Сыч был ранен стрелой в грудь в самом конце. Два дня метался в бреду, затем умер. Но знаешь, князь, я еще раз убедился в том, что ты умеешь разбираться в людях. Этот молодой сотник Олег. Ведь почти половина из пяти десятков, которые уцелели, это его воины. На нем самом ни царапины, а ведь он со своими был в самом опасном месте клина — он шел слева от тебя прямо за Еремой. На тот фланг ударила конная полусотня белоозерцев.

Ингвар удивленно посмотрел на воеводу.

— Какая конная полусотня?

— Да ты их уже не видел, тебя несли по правому краю поля. А слева из города в тыл твоему клину ударили конники. Так вот, Олег и развернул своих. Ратников Олега было не больше семи десятков. Развернувшись в цепь, они не дали конникам догнать воинов, что несли тебя. Как только белоозерцы увязли в его стене, он скомандовал атаку. В итоге, переколов всех конников, они прорвались к группе Вадима, которая выносила тебя. Из семидесяти ратников Олега, вставших грудью перед белоозерскими всадниками, осталась около сорока. Да, вот еще что. С утра тебя осмотрел лекарь, он поражается, с какой быстротой у тебя срастаются разрубленные кости. Вот его дословное высказывание: «Через три дня князь сможет встать, а через неделю будет махать мечем и скакать на лошади. Но это невозможно. С такими ранами, если и выживают, то либо становятся калеками, либо лежат месяцами, а затем годами разрабатывают поврежденные мышцы». Никак Перун тебе помогает.

Ратибор улыбнулся и вышел, уступая место Ярославе, которая тут же впорхнула в горницу, держа на руках поднос с едой.

Ингвар выздоравливал с потрясающей быстротой: через три дня он уже мог вставать и гулять по терему, иногда выходя во двор. Для этих прогулок у резчиков по дереву Ярославой была заказана трость, а Людота сделал для нее серебряный набалдашник в виде сокола, голова которого в бою могла быть использована как клевец. Во время этих прогулок Ингвар все чаще возвращался мыслями в тот день, когда он так безрассудно повел дружину на приступ Белоозера. Понадеявшись на воинскую удачу и лучшее оснащение своих воинов, он погубил в тот день почти шесть сотен человек. Это не добавляло ему жизнерадостности. Каждый день во снах ему являлся Ерема, который ложился рядом с ним, показывал на развороченную топором грудь и с укоризной смотрел в его глаза. Лучше бы он обвинял Ингвара в своей смерти, только бы не молчал. Его взгляд подавлял в Ингваре всю тягу к жизни. Потом в горницу заходили простые ратники, кто с отсеченной головой, которую держали в руках, с отрубленными руками и ногами, распоротыми животами. Каждый из них садился напротив Ингвара и, молча, смотрел ему в глаза. Эти ночные кошмары привели его к состоянию, в котором он теперь находился постоянно. Он перестал есть, он боялся спать. Ингвар знал, что, как только закроет глаза, придут они, молодые и не очень, смелые и трусливые. Да и какая разница, какие они, просто в тот день он убил их. Ярослава ничего не могла поделать с его состоянием. Ни ласки, ни задушевные разговоры не помогали. Ее муж их просто не слышал и не чувствовал. Рана начала вновь гноиться, на лице появилась та бледность, которая присуща тяжелобольным людям. Человек, который почти оправился от тяжелой раны, медленно угасал. Важные дела взяли на себя Ратибор с Гостомыслом. Первый занимался вопросами дружины, второй города. У дверей Ингвара поставили двух ратников, чтобы никто не смел потревожить князя. Ингвар перестал вставать с постели. Он

так ослаб, что его приходилось кормить. Через неделю, когда он не мог больше не спать, князь закрыл глаза и пришли они. Стены горницы все раздвигались и раздвигались, и вот она достигла размеров футбольного поля... Но Ингвар из последних сил прошептал:

— Перун, бог воинов. Однажды ты меня уже спас, так помоги своему сыну еще раз.

По горнице прокатился раскат грома. Блеснула молния и рядом с кроватью Ингвара с мечем и щитом застыл богатырь. Посмотрев на пришедших, духов он грозно произнес:

— За что вы, храбрые воины, преследуете своего князя, или вам плохо в моей дружине?

Над рядами духов пронесся легкий туман, который на короткое мгновение скрыл их от глаз Ингвара, когда же дымка исчезла, то унесла с собой все увечья. Перед Перуном и Ингваром стояла дружина в блестящих бронях, сверкающих шлемах.

— Прости нас, бог воинов, — сказал вышедший из первого ряда Ерема, — но мы не можем по-другому. Мы все любим нашего князя Ингвара. Но мощный ведун по имени Святослав произнес на том бранном поле страшный заговор, которого мы не можем послушаться. Каждую ночь мы обязаны приходить к князю в том виде, в котором умерли, и смотреть на него. И это будет продолжаться до тех пор, пока не умрет кто-то из них.

Выслушав Ерему, Перун повернулся к Ингвару.

— Да, страшный заговор произнес белоозерский князь, и не в моих силах его отменить. Но я знаю способ, как тебе помочь. Либо ты его убьешь Святослава, но сейчас это невозможно. Второй вариант проще и тяжелее одновременно. Заговор, который произнес твой враг, предусматривает молчание с обеих сторон. Ведь ты и раньше пытался разговаривать с мертвыми, но ничего не выходило.

Ингвар кивнул.

— Поговори с ними, я смогу снять этот запрет ровно на одну минуту. Но хорошенько подумай, что ты им скажешь, и что они хотят услышать. Начинай, — сказал бог и отошел в сторону.

Тут же воины приняли прежний ужасающий вид. Ингвар с трудом поднялся с ложа и встал перед ними на колени.

— Ратники Новгорода! Я сейчас не князь, а один из тех воинов, что шел вместе с вами в первом ряду на Белоозерскую крепость. Я преклоняюсь перед вашим мужеством. Моя единственная вина в том, что я не смог привести вас к победе и не погиб вместе с вами. В этой битве пали лучшие сыны Новгорода. Я клянусь, что возьму жизнь колдуна, который не дает вам и мне покоя. Люб ли я вам был, когда был для вас князем?

— Люб, — в один голос ответили духи.

— Тогда давайте вместе разрушим заговор.

И снова легкий туман пронесся над призраками. Перед ним, блестя кольчугами, стояли его ратники. Мечи и копья ударили о щиты в знак одобрения. Время, отпущенное Перуном, вышло. Тот подошел и встал рядом с Ингваром, положив руку ему на плечо.

— Отныне и вовеки веков, — произнес он, — я налагаю запрет на этот заговор. Моя молния поразит любого, кто его использует. Об этом, отныне, будет знать каждый ведун, эта надпись появится на всех моих идолах.

Дружина преклонила колени перед Перуном и Ингваром, затем поднялась, ударила оружием о щиты в знак согласия и одобрения и начала таять. Медленно растаяли мечи и копья, шлемы и люди, остался только Ерема.

— Прости за все, князь, и прощай, — он подмигнул Ингвару и пропал.

— Ну, вот и все, — сказал Перун, — я успел вовремя. Сегодня или завтра они бы

доделали свое скорбное дело. А теперь спи и выздоравливай. Завтра принесут весть, которая тебя не обрадует, гонец уже в пути.

И фигура могучего бога распалась на клочья тумана. Ингвар стоял на одном колене посреди своей горницы, сил на то, чтобы встать не хватило. Он завалился на бок, и последнее, что он успел сделать перед тем, как уснул, это вытянув руку, схватится за рукоять меча, изготовленного Людотой, который Ярослава заботливо положила рядом с его ложем. В таком положении его и застало утро. Ратник, что дежурил у дверей, заглянул внутрь, увидев князя лежащим на полу с мечем в руках, поднял тревогу. Вместе с Ратибором стражники подняли Ингвара и заботливо положили его на кровать, удостоверившись, что князь не убит, а крепко спит. Обыскали комнату. Не обнаружилось ни следов борьбы, ни признаков того, что здесь кто-то побывал. Но Ратибор с изумлением заметил на лице князя здоровый румянец, а ведь за последнюю неделю это лицо превратилось в белое полотно: кожа стала прозрачной, и через нее можно было разглядеть кости черепа. Тут же послали за лекарем. Тот явился через пять минут. Осмотрев Ингвара поверхностно, он снял с худого тела князя нательную рубаху. Размотав тряпицу, которой была перевязана рана на груди, старик вздрогнул. Рана, которая еще вчера гноилась, затянулась. Большой толстый свежий шрам пересекал грудь князя с левой ключицы до ребер правой стороны.

— Ничего не понимаю, — замотал головой старик. — Такого не может быть. Я конечно знал, что на нем все раны заживают как на волке, но чтобы за одну ночь?!

— Это знак богов, — проговорил один из ратников. — Князь Ингвар отмечен Перуном, и тот не дал своему сыну умереть.

— Хватит болтать, — прикрикнул на него Ратибор. — Быстро беги на кухню: пусть готовят все блюда, которые любит князь. Все самое лучшее. Сдается мне, что он проснется очень голодным. — Вой выскочил из горницы со скоростью стрелы, выпущенной Позвиздом. — Ты же, — сказал Ратибор, обращаясь ко второму гридню, — беги и разбуди княгиню. Скажи ей, что князю лучше.

Ратник кивнул и умчался с не меньшей, чем у товарища, скоростью. Известие, что князь почти здоров, мгновенно облетело терем, а затем и весь Новгород. Уныние, которое охватило всех обитателей кремля и города из-за тяжелого состояния Ингвара, схлынуло, как речная волна.

Полились оживленные разговоры, служанки стали вновь заигрывать с княжескими отроками. На базарной площади снова установили помост для скоморохов. В трактирах зазвучали песни, из-за столов раздавались здравицы князю и княгине. Город оживал и стал готовиться к грандиозному пиру. Прямо на улицы выносили столы, во дворах жарили целиковых бычков и барашков, запекали кур и перепелов, на столах появлялись сбитни и бочонки с медовухой.

Именно в этот момент Ингвар открыл глаза. Рядом с его ложем сидела заплаканная Ярослава. За ее спиной стояли Ратибор и Гостомысл.

— Ну, княже, как ты себя чувствуешь? — спросил воевода.

Ингвар внимательно изучил их счастливые лица, проанализировал свое состояние и честно ответил.

— Очень голодным.

В горнице разразился такой приступ смеха, что в окнах задрожала слюда. Вскоре смех стих, и воевода абсолютно серьезным голосом спросил:

— Сюда, князь, велишь подать или умоешься и до трапезной дойдешь?

— Умыться и в трапезную, — сказал Ингвар. — Еще чистую одежду принесите.

Вбежали веселые девки. Принесли медный таз с теплой водой, полотенце и чистую рубаху, косо глянули на князя и убежали. Ингвар с усилием поднялся, отодвинул рукой бросившегося к нему Ратибора и подошел к большой полированной серебряной пластине, которая служила ему зеркалом. Сняв старую рубаху, он осмотрел свое истощенное болезнью тело, провел пальцем по шраму, что теперь пересекал ему грудь. «Это моя память о тех, кто мужественно сражался и кого я так самоуверенно положил на том поле близ Белоозера», — подумал он. К этому времени Ярослава выгнала воеводу с боярином, приказав ратникам, застывшим у дверей, никого пока к князю не пускать. Тихо примостившись в уголке горницы, она с грустью в глазах разглядывала тело мужа, всегда такого сильного и властного, а сейчас слабого и почти беспомощного. Ингвар как смог быстро умылся и переоделся. Почти двадцать дней он провалялся в кровати, и теперь он жаждал действия. Через полчаса он вошел в трапезную. Длинный стол был уставлен всевозможными яствами. Два места во главе стола принадлежали ему и Ярославе, все остальные были заняты сотниками и выдающимися людьми Новгорода.

— Слава князю новгородскому! — увидев Ингвара, крикнул вскочивший со своего места Ратибор.

— Слава! — эхом повторили остальные, поднявшись со своих мест.

Ингвар, поддерживаемый Ярославой под локоть, ощутил от этого искреннего крика такой прилив сил и энергии, что высвободил руку и, разогнувшись, по-княжески, сам дошел до своего места. После того как он опустился на резной стул, гости начали хватать блюда и накладывать себе в медные тарелки огромные порции. Вскоре все за столом весело звякало и хрустело. Пошли разговоры, к которым Ингвар с интересом прислушивался. Он выпал из жизни города почти на три недели, и теперь ему было интересно все. Оказывается, позавчера плотники достроили на левом берегу Волоха второй воинский двор. Он был огромных размеров, и теперь там могло жить и тренироваться полторы тысячи бойцов одновременно. На данный момент оба воинских двора были переполнены обучающимися воинскому искусству мужчинами и женщинами. Хорошей новостью для него стало наступление весны. На улице начало апреля, а погода стоит солнечная и сухая. Снег почти сошел, и селяне начали усиленно готовиться к севу. Еще Ингвару сообщили, что Волох вскрылся, льда почти нет. В Ильмень озеро уже вышли на рыбный промысел четыре драккара, захваченных у урман прошлым летом. Вскоре, если все будет в порядке, сюда на торг пожалуют заморские купцы, также ожидают торговцев из Китежа и Константинополя. Был закончен каменный обвод стен Новгорода, и сейчас под руководством Ильи Кремня каменотесы ставили первую из восьми башен. Теперь главный строитель приступил к сооружению каменных ворот, которые ему нарисовал Ингвар, вспомнив о знаменитых Золотых Воротах во Владимире, где он в детстве вместе с классом побывал на экскурсии. Не могло не радовать и то, что после их битвы на Белоозере, прекратились бандитские набеги на северо-восточные рубежи Новгородского княжества.

Пир потихоньку сворачивался, люди подходили к князю, желали здравствовать, просили их простить и шли по своим делам. В итоге в трапезной остались Ингвар и Ратибор с Гостомыслом.

— Княже, — сказал воевода, — дозвожь кое-что тебе рассказать. — Ингвар кивнул. Перун обещал вести, что могут его расстроить, а тон, с которым начал говорить воевода, не обещал ничего хорошего. — Я только сегодня прибыл в Новгород из села, где старостой стал

тот крепкий мужик Агапий. Он знатно за последнее время укрепил деревню, там теперь высокий частокол и две сторожевые вышки. Сотня, которую ты туда направил, прибыла и была тут же расселена Агапием в две новые казармы. Как ты велел, он нашел место для нового города Пскова. Но беда в том, что там стоит хорошо укрепленная чудская весь. Обрато из пяти разведчиков Агапия вернулось двое, да и то раненые. А сразу вслед за ними заявили две сотни чудинов. Эти долго думать не стали и атаковали деревню. Сотня и местное ополчение отбились, но потери серьезные: из сотни уцелело всего сорок восемь человек. Я отвел туда еще одну, плюс крестьян, что захотели пойти к Агапию. В общем, князь, пора Чудь прижать. Если этого не сделать, они разрушат деревню. Один из захваченных пленников под раскаленное железо много наговорил. Но самое интересное то, что они не собираются ждать, когда молодой Новгород их покорит. Летом они идут на нас большим походом и могут выставить около четырех тысяч воинов. — Он замолчал.

Ингвар сидел и смотрел на него. Потом вдруг сказал:

— Прекрасно, воевода. То, что ты сейчас рассказал, просто здорово. Сколько ратников мы сможем выставить к середине мая?

Ратибор задумался.

— Около двух тысяч, и еще пятьсот воинов продолжают обучение на воинских дворах. Для охраны города останутся две китежские сотни, что будут здесь уже в середине мая. И у Агапия стоит еще полтораста наших. Так что мы сможем вывести в поле против чудинов чуть больше двух тысяч обученных и хорошо вооруженных ратников. А еще я отослал конную сотню, на всякий случай, в деревню Глубокое, на границу с белоозерцами.

— Хорошо, одобрил его действия Ингвар. — Значит, пора начинать готовить дружину в поход, чтобы в середине мая все было готово.

Ратибор кивнул, — С завтрашнего дня начну приготовления. Князь, ты сам назначишь сотников или это сделать мне?

— Назначь сам, — сказал Ингвар. — Но утверждать их буду лично я.

Ратибор поклонился.

— Как скажешь, княже.

— Гостомысл, — окликнул Ингвар задумавшегося боярина, — ты ничего сказать не хочешь? А то вид у тебя какой-то настороженный.

Боярин поднялся и тихо сказал:

— Князь, я подожду, пока все мысли соберутся. Может позже и выступлю.

— Хорошо, — произнес Ингвар — а теперь, если вы не возражаете, хочу по городу проехать, посмотреть, да с народом поговорить. Заодно на новый воинский двор гляну. Вы со мной?

— Конечно, князь, — эхом отозвались его советники. — Сейчас прикажем снарядить твоего Черена, и поедем.

Ингвар накинул на плечи меховой плащ, заколотый серебряной фибулой в виде сокола, и, чуть шатаясь, вышел во двор. Из-за плеча князя торчала рукоятка меча, изготовленного Людотой. Он был настолько легким, что даже ослабевший за последнее время Ингвар смог бы без проблем им воспользоваться. Отрок подвел к нему его Черена. Конь уткнулся мордой в плечо князя.

— Что соскучился? Застоялся? — глядя его по шелковистой гриве, проговорил Ингвар. — Ну, ничего. Сейчас разомнем наши застоявшиеся косточки.

Он прыгнул в седло, не прибегая к помощи стремян. Ратибор и Гостомысл уже были в

седлах. Рядом с ними ожидали князя десять ратников из его персональной охраны. Ингвар тронул коня к воротам. Его эскорт тронулся вслед за ним. На улицах Новгорода продолжался пир. Видя князя, народ кричал здравицы. Все приглашали Ингвара за стол, подносили чарки с медовухой. Князю пришлось найти неоспоримый довод, чтобы не пить все поднесенные чарки. Довод был прост: лекарь-де не велел пить хмельного, пока здоровье не поправится, а там он с удовольствием с ними выпьет. И каждый из подносивших тут же верил, что, как только князь поправится, он придет к нему, и они опрокинут пару чарок с медовухой.

Через два часа, осмотрев стену и остальные свежие постройки, Ингвар добрался до нового воинского двора. Во дворе стояла шеренга не меньше тысячи воинов. В блестящих бронях, начищенных до блеска шеломах. Строй при появлении князя слитно крикнул: «Слава князю». Ингвар спешил.

— Спасибо вам, ратники, — сказал он в ответ. — Вы — надежда и опора молодого Новгорода. За вашей спиной женщины и дети. Так пусть не один вражий воин не дойдет до наших спокойных земель.

Строй как по команде снова крикнул: «Не отдадим врагу землю новгородскую».

— Спасибо вам, а теперь разойдись, — скомандовал Ингвар. — Василько, пойдешь со мной. Покажешь здесь все.

Через полтора часа осмотр был закончен. Ингвар остался доволен новым воинским двором, а еще больше он был доволен Василько. Сотник содержал все в таком образцовом порядке, что даже суровому Ингвару было не к чему придраться. Вскоре он вернулся в княжеский терем и решил, что на первый день активного действия достаточно. Все оставшееся время он посвятил Ярославле. Утром он тихонько поднялся и, стараясь не разбудить жену, вышел из горницы. Навстречу ему тут же шагнул ратник из его охраны.

— Что прикажешь, княже? — спросил он.

— Возьми еще троих и следуй за мной, — бросил тому Ингвар, не сбавляя шага. Словно из ниоткуда выросли еще трое воев и пристроились за спиной Ингвара. Через несколько минут все пятеро по пояс обнаженные, стояли на заднем дворе терема. — Ну, давайте разомнемся, позвеним мечами, а то больно долго я валялся на лавке. Все подзабыл, — с этими словами он обнажил простой харлужный клинок.

Два часа он гонял этих четверых по всему двору. Из множества схваток им удалось победить князя только два раза.

— Дозволь сказать, княже, — обратился к нему один из воинов. Ингвар кивнул в знак согласия. Воин продолжил. — Княже, если ты все забыл, то почему из двадцати схваток мы вчетвером победили только два раза?

Ингвар посмотрел в преданные глаза дружинника и тихо сказал:

— Вы сумели победить целых два раза. И это не было случайностью. Вы хорошие воины, но если бы я не валялся этот месяц на лавке, и этих двух раз не было бы.

Дружинник поклонился князю. Он и до этого знал, что Ингвар лучший меч Новгорода, а сегодня почувствовал это на своей шкуре. Но он не мог понять, почему князь недоволен тем, что проиграл всего две схватки. Заметив колебания дружинника, Ингвар сжалился над парнем и пояснил:

— Я вижу, ты не можешь понять, почему я все-таки недоволен тем, что проиграл так мало. На самом деле я проиграл много. Я проиграл в два раза больше, чем нужно. Здесь проигрыш — это царапина, на поле боя — это отсеченная голова и разрубленная грудь.

Ратник поклонился.

— Спасибо, князь. Я понял. Сегодня я умер восемнадцать раз. — И вдруг он сделал то, чего сам не ожидал от себя, — княже, научи биться, как ты, — попросил он.

Ингвар на секунду опешил, но парень ему чем-то напомнил себя самого. Кроме того, нужно было восстановить потерянную форму.

— Хорошо, — сказал он, — как твое имя?

— Данила, — ответил парень.

Глаза Ингвара блеснули. Теперь он тоже очень сильно захотел научить этого парня.

— Будь завтра в шесть утра на этом месте. Если в это время несешь службу, то скажи Славу, что командует охранной сотней, тебя буду ждать я. — Сказав это, Ингвар двинулся в сторону терема. Ратник же жутко довольный своей настырностью пошел одеваться. Разве мог он подумать, что его, простого новгородского селянина, всего полгода назад пришедшего на воинский двор, возьмут обучаться ратному делу. А через три месяца за свою силу и выносливость он попадет в охранную сотню княжеского терема. Но теперь сбывалась последняя мечта: его будет учить биться сам князь.

Ингвар же в это время быстро умылся и отправился в трапезную. Там его уже ждал Ратибор.

— Вижу, ты славно погремел мечами, — сказал он, указывая на синяк на руке князя.

— Да ладно, — ответил Ингвар. — Хороших ребят набираешь мне в охрану. Им удалось убить меня два раза.

— А ты их раз двадцать посек, — заметил воевода. — Ты ведь всегда проводишь ровно двадцать поединков. Надо мне будет ужесточить набор в охранную сотню, а то уж больно ты их легко побеждаешь.

— Не легко, Ратибор. Они победили два раза, а ведь их было всего четверо.

— Не кручинься, князь. Немного отойдешь от болезни и снова перестанешь проигрывать. А теперь о делах. Помнишь, мы с Малом говорили тебе о смешанных сотнях. Мы готовы показать, что из этого получилось.

— Хорошо, Ратибор. Сегодня выведи их в полдень за город. Мне самому интересно, что они могут. Кстати, сколько таких сотен?

— Смешанных получилось четыре сотни и две сотни, что созданы по твоему наказу, которые полностью женские.

— Новгородские девы. Их я тоже хочу посмотреть. Пусть придут вместе со смешанными.

Ратибор поклонился и вышел. Надо было подготовить представление для Ингвара. В трапезную вошла Ярослава, под села к мужу.

— Ну, что, Яра, готовься к прогулке. Поедем посмотреть плоды всех наших усилий: смешанные сотни и новгородских дев. Ратибор обещал сегодня показать, на что они способны.

Яра смотрела на мужа счастливыми глазами.

— Ты правда думаешь, что все получилось? — спросила она.

— Конечно, милая, — сказал Ингвар. — Если бы я в это не верил, я бы не стал вкладывать в женские сотни столько сил, денег и времени. Пошли собираться, в полдень надо быть на месте.

Вскоре Ингвар и Ярослава стояли на краю еще не засеянного поля, где разворачивались в боевые порядки смешанные сотни. Подбежал Василько:

— Княже, дозволю, начать.

Ингвар кивнул, и сотник убежал обратно. За двести метров от развернувшихся сотен были установлены мишени для лучниц. Василько дал команду, и сотни начали действовать. Передний ряд, состоящий из копьеносцев, разошелся: просто каждый второй воин сделал шаг вправо, в брешу возникли лучницы с китежскими луками, передние из них опустились на колени, стоящие сзади пустили стрелы навесом, заставляя воображаемого противника прикрыться щитами от летящих сверху стрел. Те же, что встали на колени, пустили стрелы параллельно земле, поражая воинов противника, открывшихся для их атаки. Залп, за ним еще один и вот перед Ингваром снова сплошная стена пехоты с длинными копьями, нацеленными на воображаемого врага. Ингвар поднял руку и строй замер. Дойдя до мишеней, он был поражен точностью его новых стрелков. Мишеней было ровно сто пятьдесят, по количеству лучниц. И почти каждая мишень была поражена, причем, сорок стрел попали точно в центр.

— Сотников ко мне, — приказал он.

Когда подошли сотники, Ингвар испытал шок. Двое из них были молодые девушки. Их лица показались Ингвару знакомы:

— Где я вас мог видеть? — спросил он.

— Князь, единственное место, где ты нас видел, это базарная площадь, на которой ты позволил женщинам быть полноправными ратниками. Мы сестры Ясны.

— А где же она сама? Третий сотник вроде бы Василько.

— Ты сегодня увидишь ее, князь. Она командует новгородскими девами.

— Ладно, — сказал Ингвар, — возвращайтесь к сотням и показывайте, что вы еще умеете. — Он вернулся к Ярославе. — Потрясающая стрельба, — заметил он. — Сорок стрел с такого расстояния и в самый центр мишени. Практически без подготовки. Если бы не видел своими глазами, ни за что бы не поверил, что это сделали женщины.

Дальше начались чудеса. Сотни дошли до воображаемой линии врагов, строй качнулся, имитируя групповой удар копьями. Ингвар знал этот психологический прием. Когда бьет одно копьё — падает один враг, а когда сто пятьдесят копий — умирают сотни. При этом лучницы продолжали стрелять по мишеням, которые за три минуты демонстрации стали напоминать ежей. Показав на что способны смешанные сотни, в поле вышли две сотни новгородских дев. Встав напротив друг друга, они поклонились Ингвару и Ярославе. В правой руке у каждой из девиц был деревянный меч, в левой средний круглый щит. Отсалютовав мечами, они стали сближаться. Одна сотня изображала атакующих, другая защищающихся. И вот они столкнулись по всем правилам боя. Атакующая сотня набрала скорость, затем перешла на бег, пытаясь пробить шеренгу защитников, но те стояли насмерть, погасив о щиты скорость набегающих, в дело пошли мечи. То там, то здесь падали девушки, изображая убитых. В строю защитниц возникли брешу. Но каким-то чудом строй оставался неразрывным. Ингвар понял: сзади строя шел десяток, что затыкал прорывы. И вот атакующие начинают пятиться, их осталось не больше трех десятков. Строй качнулся вперед, остался только десяток, остальные сдались на милость победителей.

— Сотниц ко мне, — приказал Ингвар.

Появились две девушки. Одна со стороны нападавших, другая от защитников. Они сняли шлемы, длинные волосы красиво рассыпались по плечам. Одну Ингвар вспомнил: та самая Ясна, что так дерзко вышла из толпы и попросилась к нему в дружину. Вторая была моложе, но как было видно из боя, она командовала атакующими совсем неплохо.

— Кто из вас командовал защищающимися? — спросил Ингвар.

Вперед шагнула Ясна.

— Я, мой князь.

Глянув на нее, Ингвар понял, чего она ждет.

— Отныне ваши сотни будут действовать в составе дружины полноправно. Ясна же назначается командиром всех женских сотен, из которых состоят новгородские девы, и теперь она имеет право участвовать в военных советах. Сегодня ночью вместе с другими сотницами Беленой, Ольгой и Елью она будет посвящена в дружину Перуна. Остальные ратницы будут посвящены после первого боя.

Девушки, которые уже успели встать в шеренгу, ударили откуда-то взявшимися настоящими мечами в щиты. И в один голос крикнули: «Любо!». После речи князя новоиспеченные ратники пошли убирать мишени. Ингвар подзвал к себе Ясну:

— Давай посмотрим еще один поединок, — предложил он. — Выстави против меня двух девушек, кто лучше всех из вас владеет мечем. Бой до первой крови.

— Княже, не откажи мне и Ольге, — попросила сотница.

— Да будет так. Освободите пространство.

Ратники быстро образовали круг. Ингвар скинул княжеский плащ и легкую кольчугу, достал из-за спины меч и шагнул в середину. Ясна и Ольга уже ждали его, стоя в одних рубахах с обнаженными мечами в руках. И что Ингвара неприятно удивило, Ольга была левшой. С ней надо было быть вдвойне осторожным. Ингвар крутанул в руках клинок, призывая девушек атаковать. Те медленно стали расходиться в разные стороны, кружа вокруг Ингвара, стараясь зайти ему за спину. Они двигались мягко, как две кошки, внимательно следя за князем и друг за другом. Засмотревшись на их грацию, Ингвар прозевал начало атаки Ясны, которая атаковала его справа точной серией быстрых ударов, заставив его при этом попятиться и уступить ей центр круга. В это время Ольга навалилась слева. Ее меч казался продолжением левой руки. Мудреная защита Ингвара распалась, и ее клинок чуть не закончил поединок. «Пора переходить в атаку, — подумал Ингвар, — а то две эти дьяволицы меня раздавят». Он громко крикнул, будя в себе ярость, и прыгнул вперед. Его меч заблестал с ужасающей быстротой. Ольга не успела отпрыгнуть в сторону, и ее бедро окрасилось кровью. Она вышла из поединка. Зато Ясна, ловкая как кошка, легко увернулась от его атаки и, пропустив его мимо себя, напала сзади. Если бы не его чутье, поединок бы закончился. Ингвар успел заметить метнувшуюся к нему из-за спины тень с занесенным над головой мечем. Единственное, что он успел предпринять — так это продолжить движение вперед, а когда лезвие начало опускаться ему на голову — подставить под удар свой меч, и, продолжив движение, отбросить в сторону клинок девушки. Пытаясь удержать в руках свой меч, она не нашла ничего лучше, чем продолжить его движение. Но Ингвар с такой силой его закрутил, что Ясна потеряла равновесие и упала на землю. Ингвар быстро чиркнул ей лезвием по ноге, тем самым заканчивая поединок. Затем подал упавшей руку.

— Вставай, сотница, — сказал он, — ты бьешься просто здорово. Два раза я чуть не проиграл, один раз меня спасла реакция, второй раз тебя выдало солнце. В знак своего восхищения я приглашаю всех сотниц и тебя Василько отобедать со мной и княгиней.

— Спасибо, княже, за честь, — сказала Ясна. Ингвар видел, как на ее лице разглаживается разочарование, которое пришло с окончанием боя.

Вскоре все было свернуто, и пять сотен новоиспеченных ратников и ратниц двинулись к городу. Пройдя городские ворота, сотни под управлением десятников отправились к казармам, а Ингвар с Ярославой и сотницами, в сопровождении Василько и десяти гридней

охраны, в сторону княжеского двора, где по его приказу уже накрывали столы.

Ночью, как и обещал Ингвар, состоялось посвящение новых сотниц в дружину Перуна. Ингвар, как мог, старался воспроизвести обряд, который проводил Мстислав, посвящая его. Но если бы не Ратибор с Василько, он обязательно что-нибудь напутал. И благодаря такой подстраховке все прошло нормально. В эту ночь над капищем Перуна четыре раза сверкнула молния, но небо оставалось чистым. И Ингвар счел это за добрый знак: бог воинов одобрил его выбор.

На следующее утро он был на заднем дворе и безбожно гонял Данилу. Парень быстро схватывал хитрые финты и приемы, у него была неплохо развита интуиция. Со временем, из него должен был выйти знатный воин. Так продолжалось день за днем.

Город продолжал расширяться, строились новые кварталы, купцам теперь принадлежали целых улицы. Теперь в Новгороде была целая воинская слобода, в которой селились ратники и сотники. Насчитывала она больше трех сотен домов. В городе процветали ремесла, сходились в артели оружейники и кузнецы, ткачи и кожевенники. Нашлись мастера по стекольному делу. Они пришли вместе с князем из Китежа. Недавно в городе была заложена улица ювелиров. Старейшина нового квартала Нестор, стоя на коленях перед Ингваром, сказал:

— Князь новгородский Ингвар Рюрикович! Прими от ювелиров и простого народа эти два золотых обруча и пояс. Пусть они отныне будут символами княжеской власти.

Два нарядно одетых мальчика поставили перед князем на специальный столик резные ларцы. Откинув крышки, они отошли за спину старейшины.

Ингвар поднялся с резного кресла, служившего ему тронem.

— Я благодарю тебя, Нестор, за столь дорогой подарок. Завтра на капище Перуна при всем честном люде Новгорода мы проведем возложение этих символов власти. Клянусь, что отныне, пока будут наследники на престол новгородский, их будут посвящать на княжение именно этими княжескими регалиями. Встань. — Старейшина поднялся. — Есть ли у вас какая ко мне просьба? — спросил Ингвар.

— Да, княже, — ответил Нестор. — Поскольку ювелирный квартал очень богат, не выделишь ли ты отдельную сотню из своей дружины для присмотра за порядком.

— Хорошо, но дружина скоро уходит в поход, поэтому я могу дать тебе только полусотню, а к разговору об ее увеличении мы вернемся после возвращения дружины в Новгород. Отныне ваш квартал будет охранять избранная вами полусотня из молодых ратников, заканчивающих обучение. Василько поможет. Она переходит полностью на ваше содержание. Доволен ли ты моим ответом?

— Да, княже. Меня действительно устраивает такое решение, — Нестор низко поклонился и вместе с Василько покинул зал.

На следующий день на капище жрец Перуна возложил на головы Ингвара с Ярославой княжеские обручи. Когда Ингвар повторно произнес слова клятвы и поднялся с колен, жрец, встав перед ним на одно колено, опоясал его княжеским поясом. Народ, стоящий огромной толпой за спиной князя и княгини, на вопрос жреца: «Люб ли вам этот князь?», в едином порыве крикнула: «Люб!».

В этот день произошло еще одно важное событие. Когда действо на капище закончилось, и Ингвар с Ярославой вернулись в терем, к ним вбежал Данила. Низко поклонившись, он взволновано сказал:

— Княже, там, у ворот терема, пятьдесят всадников. Говорят, что прибыли от

Белоозерского князя Святослава как послы. Велишь сразу их посечь или на площади четвертуем.

— Нет, Данила, — сказал Ингвар. — Святослав доказал, что может быть правителем Белоозера. Он им и останется, если согласится платить нам дань. Вели проводить их в зал совета. Пусть идут пятеро без оружия. И кликни ко мне немедленно Мала, Ратибора, Василько, Ясну и Гостомысла. Пусть быстро, как могут, придут сюда.

— Княже. Ратибор с Малом уже здесь, — сказал Данила, — а за остальными сейчас пошлем.

Он выскочил за дверь и через минуту вернулся: вместе с ним шли Ратибор и Мал.

— Княже, ты собираешься замиришься с Святославом? — спросил воевода.

— Да, Ратибор. Я собираюсь замиришься с ним, ибо только безумный будет вести войну на два фронта, да еще в лесах против диких племен. Если он присягнет мне на верность и будет исправно платить дань, я готов оставить его наместником в Белоозере. Но только наместником, а не князем. Князь на новгородской земле может быть только один.

В горницу, запыхавшись, вбежал Гостомысл в сопровождении Ясны и Василько.

— Ну, вот все в сборе, — довольно сказал Ингвар, — пойдете в зал совета, нас уже наверно заждались.

Войдя в зал, Ингвар сразу почувствовал напряжение, царящее в нем. Десять гридней из его охраны стояли вдоль стен и хмуро наблюдали за гостями. Послы не знали, как себя вести, и тоже начали нервничать. Ингвар обошел круглый стол и сел на свое место. Справа уселся Ратибор, слева — Гостомысл, затем Ясна с Василько. Рядом с воеводой на свое место опустился Мал. Ингвар сделал приглашающий жест послам, указывая на оставшиеся свободные места. Когда, немного смущаясь, послы расселись, Ингвар поднялся со своего кресла и властным голосом спросил:

— Кто вы, послы, и от кого?

Старший из них чувствовал себя неуютно в ситуации, когда он сидит, а князь стоит, и попытался подняться, но Ингвар усадил его на место.

— Отвечайте! — приказал он.

— Князь Ингвар новгородский, прибыли мы к тебе от князя Белоозерского Святослава. Звать меня Вячко, и я воевода Белоозерского княжества. А передать тебе велено следующее: Святослав предлагает тебе заключить с ним союз и перемирие. — Сказав все это, он замолчал.

— Итак, слушайте меня, послы Белоозерские. Я вашего князя таковым не признаю. Князь на новгородской земле может быть только один. И это пока я. А Святославу передайте, что через десять дней я жду его здесь, в Новгороде. И, клянусь, с ним здесь ничего не случится. Я предлагаю ему место моего наместника в Белоозере. При этом он мне платит дань, как любое новгородское село. Десятую часть он будет забирать себе на развитие города и земель, содержания дружины и так далее. Кроме того, он будет каждый год давать триста воинов в мою дружину. К этому добавлю, в Белоозере будет стоять две сотни моих ратников. Я же как князь, обещаю защищать его земли от врагов внешних и внутренних. — Ингвар взглянул на опешивших послов. — Если он откажется, летом я объявляю поход на его земли с уничтожением града Белоозера и всего его племени до чеки тележной. А вдоль всех дорог белоозерских поставлю колья с жителями вашими. В настоящий момент мои сотники могут вывести в поле четыре тысячи ратников.

Воевода, возглавлявший посольство, был бледен, его трясло от ненависти к

самоуверенному новгородцу. Он рывком поднялся. Воины Ингвара, стоящие у стен, потянули из ножен мечи. Но князь стоял невозмутимо. Это спокойствие передалось и им: клинки застыли на полдороге.

— Я передам твои слова, князь, — с ненавистью в голосе произнес белоозерец, после чего он со своими спутниками покинул зал.

Через двадцать минут Ингвару доложили, что белоозерский воевода со своим отрядом покинул город.

— Ну, князь! Задал ты всем задачку, — произнес не менее ошарашенный Гостомысл. — И как мы теперь будем драться на два фронта?

— А никак, — просто произнес Ингвар, — есть три варианта. Либо через десять дней Святослав придет в Новгород и примет мои условия, либо он, в порыве гнева, бросается на Новгород со своим ополчением, и мы его громим в удобном для нас месте, либо белоозерский князь дожидается лета, и мы кончаем с ним на его территории. И я надеюсь, что он выберет из первых двух.

Ратибор нахмурился.

— Княже, а разве мы не идем через три недели войной на чудское племя?

— Идем, Ратибор. Только Святослав этого еще не знает и решит, что все наши приготовления для похода на него. К тому же, как мне сообщают мои люди, максимум, что он может, это вывести в поле две тысячи необученного, плохо вооруженного ополчения. Потому я и разговаривал с послами так дерзко. А через десять дней мы узнаем, оправдался мой расчет или нет. Ратибор! Отправь гонца в село Глубокое, где стоит наша сотня, с наказом, что если белоозерцы пойдут на нас войной, пусть, не вступая с ними в схватку, отходят в сторону Новгорода, до соединения с основной дружиной. Местному же населению, при таком повороте дел, приказываю спрятаться в лесу. Если же Святослав выберет мирный путь, пропустить его посольство и под охраной в тридцать ратников проводить до Новгорода. — Ратибор кивнул и вышел. — Василько, тебе наказ прост. Привести сотни в боевое состояние и быть готовым к выступлению в поход в течение получаса. Все свободны. — Подвел итог встречи Ингвар.

Дождавшись пока все покинут зал, он расстелил на столе большую карту новгородских земель и принялся за изучение северо-восточного их края. Через три часа он на всякий случай выбрал место, где было удобней всего дать бой Святославу. Затем, посчитав, что достойно на сегодня исполнил роль князя, направился к Ярославе исполнять роль мужа.

Прошло три дня, из села Глубокого к нему прискакал гонец, который сообщил, что послы Святослава благополучно добрались до Белоозера. Еще через два дня от своего человека в Белоозере Ингвар получил краткое письмо: «Святослав согласился, спешит в Новгород с малым отрядом. Вячко разругался с князем и ушел из Белоозера». Ингвар счастливо улыбнулся. Все его надежды оправдались. Благоразумие Белоозерского князя взяло верх. Немалую роль сыграл человек, приславший голубя. За последнее время это было самой большой удачей Ингвара: не каждый день удается купить главного советника соперника. На какое-то время белоозерский князь перестал быть опасным. Через какое-то время он, конечно, откажется от мирного договора, но к этому времени Новгород будет готов к войне. А теперь, когда исчезла угроза с северо-востока, Ингвару можно было спокойно заняться чуждью.

Через два дня, пятнадцатого мая, в ворота Новгорода влетела сотня воинов. Впереди на белом коне скакал Святослав. Ингвар встретил белоозерца в воротах княжеского терема. За

его спиной стояла вся его личная охранная сотня. Святослав спешил прямо перед воротами, его воины проделали это действие с большой неохотой. На миг усомнившись, он опустился перед Ингваром на одно колено и покорно склонил голову.

— Встань, — тихо сказал Ингвар. — Ты принял мои условия, а значит, ты больше не враг Новгороду. Тебе здесь ничего не угрожает. Твоих воинов разместят в горницах, а коней почистят и накормят. Ты же и четверо твоих людей пойдете со мной в зал совета, где за круглым столом мы вместе обсудим, на каких условиях к Новгороду присоединятся Белоозерские земли.

Святослав поднялся, в его глазах было недоверие, но новгородец говорил открыто, при свидетелях, и все, что Святослав до этого о нем слышал, подтверждалось. Человек умный, жестокий, справедливый, очень храбрый и честный. Никому еще не удалось поймать его на лжи.

— Спасибо, князь новгородский! За слова твои добрые. Я ожидал твоего гнева, презрения, но ты отнесся ко мне как к равному и пригласил меня за свой знаменитый круглый стол.

С этими словами он взял своего коня под уздцы, вошел в ворота вслед за Ингваром. За ними, склонив головы, последовали белоозерские воины. Их тут же увели на задний двор. Рядом со Святославом осталось четыре человека. Ингвар поднялся по ступенькам. Быстро пройдя по коридору, он распахнул двери в зал. Пять его советников уже сидели на своих местах за круглым столом. Его место посередине дожидалось хозяина. Гостомысл, Ратибор, Мал, Ясна и Василько, увидев князя, тут же вскочили. Ингвар указал Святославу на свободные места.

— Они оставлены специально для вас, — сказал он и прошел на свое место. Когда белоозерский князь и его свита встали рядом со своими стульями, Ингвар знаком попросил всех сесть. — Сегодня, — сказал он, — за этим столом решится судьба Белоозерского княжества. Князь Святослав, надеюсь, твой воевода пересказал наш с ним разговор. И если ты здесь, значит, готов принять мои условия.

Святослав кивнул.

— Да, князь, я знаю твои условия и готов их обсудить.

— Хорошо, — произнес Ингвар, — тогда отныне ты будешь именоваться наместником новгородского князя и править в Белоозере от моего имени.

— Я согласен с этим, — произнес Святослав.

— Тогда сегодня я последний раз именовал тебя князем. Отныне ты наместник. А теперь еще раз я для тебя оглашу свои условия. С этого дня в Белоозере будут стоять две новгородские сотни. Теперь ты с каждого двора будешь собирать дань на обычных для всех весей Новгородского княжества условиях. С этой дани, за исключением урожая, получишь на развитие Белоозера десятую часть. Каждый год Белоозеро будет давать в новгородскую дружину три сотни воинов. Со своей стороны я клянусь защищать твои земли от врагов внешних и внутренних. Я знаю, что на твои северо-восточные границы напирают племена чуди заволочской, и ваша вражда за земли у Белого озера длится многие десятки лет. Я обещаю тебе помощь в войне с ними. Но для этого власть в новгородских землях должна быть едина. Итак, согласен ли ты, наместник Новгорода, с моими условиями?

Святослав поднялся.

— Да, князь, — сказал он, — кроме вопроса о дани. Я прошу для Белоозера пятую часть. А взамен трехсот ратников через месяц ты получишь четыре сотни.

— Да будет так, — сказал Ингвар. — Завтра в полдень на базарной площади при стечении новгородского люда я, князь новгородский, назначу тебя, Святослав, наместником в Белоозеро. А теперь, если у моих или твоих советников нет возражений по нашему договору, не пройти ли нам в трапезную, где для нас уже накрыли столы.

Возражений ни с той, ни с другой стороны не последовало и все переместились за пиршеский стол, где к ним присоединилась Ярослава...

Поздно ночью в дверь горницы Ингвара тихо постучали.

— Войдите, — сказал Ингвар.

Отворив дверь, вошел Данила.

— Княже, к тебе просится Радим, главный советник Святослава.

— Пусти его и посмотри, чтоб нас никто не смог подслушать.

Ратник поклонился и пропустил мимо себя невысокую фигуру, закутанную с ног до головы в черный плащ. Выйдя, он плотно затворил дверь и встал рядом.

Фигура распахнула плащ и уселась в свободное кресло.

— Ну, князь, — молвил он, — все удалось.

— Да, Радим. Ты прекрасно справился. Не зря твои услуги стоили мне кучи серебра. А вот надбавка за твои труды, — и Ингвар протянул советнику Святослава увесистый кошель. — Я надеюсь, ты и впредь будешь меня информировать обо всем, что происходит в Белоозере. Я же и впредь буду тебе щедро платить за каждую важную информацию.

Радим кивнул.

— Я бы не согласился тебе помогать, князь, даже за груды золота, но ты правильно делаешь, что собираешь земли под одну руку. Это полезно для молодой Руси, вот поэтому я тебе и помогаю.

Ингвар кивнул. Он не ошибся в этом человеке: не только деньги вели его вперед. Больше личного благополучия его заботило будущее родины. А значит, с этим человеком можно продолжать сотрудничество.

— Расскажи лучше, что было в Белоозере после возвращения Вячко?

Радим засмеялся.

— Да, князь. Это надо было видеть. Рассказывать бесполезно, но я попробую. В общем, это было так: вернувшись в Белоозеро, Вячко сразу же кинулся к Святославу, влетел в небольшой зал для совещаний, как ураган, и сказал, что завтра собирает ополчение и идет войной на Новгород. Святослав же сидел спокойный. Выслушав его гневную речь, он попросил пересказать ваш разговор. Ну, тот с кучей ругательств рассказал все и, с надеждой глядя на Святослава, попросил разрешение на сбор ополчения. Но он умолчал о количестве войск, которые ему будут противостоять. Когда же князь, прости, наместник прямо спросил его об этом, тот с прямодушием вояки ответил, что у тебя четыре тысячи. На этот раз Святослав серьезно задумался. А тут я, вроде как бы между делом, и заметил, что твои условия вполне приемлемы. Воевода так разбушевался, что бросился на меня с мечем. Его скрутили, и Святослав, чтобы он остыл, приказал бросить его в озеро. В общем, искупавшись в холодном озере, Вячко обиделся и ушел из города. А я, с некоторыми разумными старейшинами, уговорил Святослава принять твоё предложение.

— Ладно, Радим, — задумчиво произнес Ингвар. — Ты оказал Новгороду огромную услугу. Окажи еще одну. Я так понял — это Вячко разбил новгородскую дружину весной около Белоозера.

Советник Святослава кивнул.

— Да, это он руководил войсками и преследованием отступающих сотен.

— А задание вот какое. Вячко показал себя опытным воеводой, и будь у него не ополчение, а хорошо вооруженные и обученные войска, новгородская дружина из этого похода не вернулась бы. Сейчас он обижен. Найди его, только не лично, а через кого-нибудь из верных тебе людей, и предложи место сотника в моей дружине.

Радим кивнул.

— Хорошо, князь. Я попробую. Но ничего обещать не могу.

— Ступай, — произнес Ингвар. — Спасибо еще раз.

Советник Святослава запахнул свой черный плащ и исчез за дверью.

Утром все бегали и суетились. Помост на базарной площади спешно подготавливали к церемонии. В одиннадцать часов Гостомысл доложил, что все готово. Были приняты небывалые меры по охране. Помост охраняло две сотни ратников. Плюс на крышах близлежащих домов спрятали две сотни лучниц из новгородских дев.

У Ингвара же утро прошло как обычно: тренировка с Данилой, затем умывание и легкий завтрак с Ярославой. Вскоре пришел Слав, начальник его охранной сотни, и доложил, что кони во дворе и можно ехать. Святослав и его люди тоже готовы. Вместе с Ярославой Ингвар вышел во двор терема. К ступенькам крыльца тут же подвели его верного Черена, а для Ярославы была запряжена подаренная Ингваром изящная открытая повозка. Святослав со своими людьми ждали их уже в седлах. В воротах кавалькада приобрела некоторый порядок. Впереди, не спеша, ехал десяток ратников, расчищающий дорогу. За ним двигалась повозка с Ярославой, рядом с которой ехали Ингвар и Святослав. По краям улицы длинной змеей ехали всадники охранных сотен князя и наместника. Через десять минут они въехали на базарную площадь. Впервые Гостомысл предпринял такие меры предосторожности: помост от толпы отделяла блестящая стена ратников с пехотными щитами и длинными копьями, наконечники которых пока смотрели в небо, но все мгновенно могло измениться.

Ингвар с Ярославой поднялись на помост в сопровождении десятка воинов из личной охраны под командованием Данилы. Святослав, по примеру князя, поступил так же. На помосте задолго до их прибытия были установлены два походных трона — для князя и княгини. Будущий наместник встал перед ними. Ингвар поднял руку, призывая к тишине.

— Люди Новгорода! — начал он. — Сегодня в городе происходит событие, которого многие из нас давно ждали. К нам присоединяются Белоозерские земли. Отныне на них будет сидеть наместник Новгорода. Первым наместником сажаю Святослава. Сегодня он примет из моих рук серебряный обруч как символ власти, которой я его наделяю. С этого дня любой наместник будет получать такой обруч. На Святослава накладываются заботы о сборе дани, содержании дружины и обустройстве молодого Белоозера. Каждый год он будет присылать четыре сотни воинов в новгородское войско. Я же со своей стороны клянусь защищать эти земли от врагов внутренних и внешних. Итак, Святослав. Опустись на колени. — Бывший князь быстро выполнил приказ. Ингвар достал меч Людоты. — Клянешься ли ты, Святослав, править от моего имени справедливо, не искажая слов моих и не чиня обиды жителям?

— Клянусь, — последовал ответ.

— Клянешься ли ты исполнять вышеперечисленные обязанности?

— Клянусь.

— Я же, князь новгородский Ингвар Рюрикович, клянусь, защищать земли, что с этого

момента находятся под моим покровительством.

Ингвар опустил меч плашмя сначала на правое плечо, затем на левое, и подставил наместнику лезвие для поцелуя. Святослав прикоснулся к нему губами. Ярослав поднялась и возложила на его чело серебряный обруч.

— Встань, наместник Белоозера! — произнес Ингвар.

Святослав поднялся. Толпа засвистела и взорвалась радостными воплями. Простому люду всегда приятно, когда присоединенные земли достаются малой кровью. За спиной Ингвара пошло какое-то движение. Он начал поворачиваться, краем глаза увидев вылетевший из ножен меч одного из охранников Святослава.

— Умри, предатель, — крикнул тот.

И лезвие начало опускаться на голову наместника. Ингвар не успевал поднять меч для защиты. Его охрана тоже начала действовать слишком поздно. Вдруг левый глаз убийцы взорвался, и в нем выросло белооперенное древко стрелы. Ингвар посмотрел на крышу ближайшего дома. Там в полный рост с луком в руках стояла Ясна и махала ему рукой. Все произошло так быстро, что толпа ничего не поняла, и только спустя несколько секунд настала гробовая тишина.

Ингвар тихо сказал:

— Люди Новгорода! Теперь вы видите, что я поступил верно, не став воевать с Белоозером, а получил эти земли в результате мира. Не все согласны с моим решением, — он указал на труп со стрелой в глазу. — Кто-то хочет войны. Но ни я, ни вы, ни наместник не допустим этого.

Толпа взорвалась радостными криками.

— Данила, узнай кто он и зачем? За всеми, кто с ним общался, следить в оба глаза, — приказал Ингвар. — Мне не нужны больше такие подарки.

То же самое приказывал своим людям Святослав. Под усиленной охраной личной сотни Ингвара они покинули площадь. Воинов Святослава задержали и разоружили. Народ же, обсуждая увиденное, еще долго бурлил на площадях и улицах. Остаток дня прошел спокойно. Вернувшись в терем, Ингвар велел позвать к себе Ясну.

В зале совета собрались все сотники Новгорода, Ратибор, Гостомысл и Святослав. По этому случаю Ингвар велел сдвинуть круглый стол в другой конец зала.

— Ясна, новгородская дева, — произнес он. — Подойди ко мне. — Приблизившаяся девушка опустилась перед ним на колени. — Я, Ингвар, князь новгородский, награждаю тебя золотой гривной. Это первая высшая награда, которая будет отныне вручаться в Новгороде. Каждый ее обладатель может оспорить ее вручение другому награждающемуся. Но для этого он обязан представить неоспоримое свидетельство, что тот человек ее недостоин. Встань, первая носительница золотой гривны. — Ясна поднялась и Ингвар надел на ее шею тонкий витой ободок из чистого золота. — Этот орден не может быть продан или заложен. Поступившему так — смерть за оскорбление Новгорода. Глашатаям разнести мои слова по всему городу. Да не будет не слышавших этого.

Ингвар отступил в сторону. На его место встал Святослав.

— Ясна, — произнес он. — Я благодарю тебя за то, что спасла мне жизнь.

К нему приблизился Радим и протянул резной деревянный короб, украшенный серебром. Святослав открыл его и развернул к Яснее. Там на бархате лежал великолепный меч работы Людоты.

— От своего имени, — продолжил наместник, — я награждаю тебя мечем лучшего

оружейника Новгорода. Да не дрогнет рука, держащая его.

Ясна взяла дрогнувшими на миг руками великолепное оружие. Радим подошел и аккуратно надел ей серебряный пояс с ножнами. Все сотники в один голос рявкнули: «Любо!».

— Спасибо, князь. Спасибо, наместник, — только и смогла вымолвить шокированная таким вниманием девушка.

Вечером к Ингвару заглянул Радим.

— Ну, князь, радуйся, — прямо с порога вымолвил он. — Их было трое. Убитый, которого звали Борис, и двое его дружков Рад и Скил. Сейчас они наперегонки закладывают друг друга. А из того, что удалось узнать, интересно одно. Купил их князь великий, что в степи обитает, а звать его...

Ингвар с ненавистью выдавил:

— Влад.

— Правильно, княже, — сказал Радим. — Ему очень не хочется, чтобы Новгород рос и креп.

— Так, Радим. Завтра Святослав уезжает в Белоозеро. Отныне ты будешь выполнять еще одно мое задание: догляд за наместником и его окружением. Следи за всеми, кто имеет к нему доступ. Денег не жалея. При малейшем подозрении действуй сам, либо дай знать мне.

Радим поклонился, запахнулся в свой черный плащ и скрылся за дверью.

Утром Святослав с уменьшившимся отрядом покинул Новгород. Вместе с ним уходили две новгородские сотни. Ими командовали два молодых парня Добрыня и Варяжко, которые недавно закончили обучение на воинском дворе, и заслужили потом кровью звание новгородского сотника. Ингвар решил посмотреть, как парни справятся с командованием в обстановке, приближенной к боевой. Тем более что на воинском дворе они очень сдружились, и князь решил не разлучать их. Им было дано четкое задание блюсти покой наместника и Белоозера, обучать местное мужичье воинской науке и помогать Святославу создавать дружину.

А через два дня произошло событие, которого Ингвар ждал целый месяц. До Новгорода добрался долгожданный обоз из Китежа. Все население высыпало на улицу приветствовать оставшихся в живых новгородцев и китежских ратников. Когда обоз поднимался по главной улице, что вела к терему Ингвара, народ толпился по краям дороги. Бывшие китежане, ушедшие с молодым князем в новгородские земли, хотели вызнать у земляков про судьбы друзей и знакомых, новости далекого княжества, про здоровье князя Мстислава. Из рядов прибывших ратников слышались крики приветствий, последние новости. Только дойдя до ворот кремля, толпа немного отстала, но расходиться совсем не торопилась. Ингвар встретил прибывших, стоя на крыльце терема.

— Я рад приветствовать в Новгороде доблестных китежских пехотинцев, а также вернувшихся из тяжелого похода новгородских ратников.

Пришедшие воины в знак приветствия ударили древками копий о щиты.

— Легка ли была ваша дорога? — спросил Ингвар.

Вперед вышел высокий ратник, что командовал отрядом китежан.

— Спасибо, князь. Наш путь был не очень труден, а все препятствия, которые попадались нам на пути, были созданы природой.

— Хорошо. Идите, отдыхайте. Вам покажут, где приклонить голову. Но вечером жду всех китежских сотников в зале совета. Я пришлю за вами.

Китежский сотник поклонился и вместе с ратниками двинулся за проводником.

— А сейчас, — обратился Ингвар к оставшимся новгородцам, — в зал совета вместе со мной отправится человек, который командовал вами после смерти доблестного Данилы Святославича. Остальные ратники, сдав моим ратникам обоз, могут отдыхать.

От рядов воинов отделился крепкий мужик средних лет, подойдя к крыльцу, он поклонился Ингвару и сказал:

— Княже. Я — десятник Володь. И я принял командование после гибели Данилы.

— Следуй за мной, — сказал Ингвар и, развернувшись, пошел в глубь терема.

За его спиной Слав всю хозяйничал у десяти прибывших телег, проверяя наличие привезенных броней, шоломов, щитов, копий и мечей, и снося все это в княжеские оружейные.

Войдя в зал, где его уже дожидался Ратибор, Ингвар занял свое место на троне. Володю же он указал на место за небольшим столом, который с недавнего времени стоял рядом с тронном. Ратибор сел на оставшийся стул.

— Я слушаю тебя, — произнес Ингвар, обращаясь к десятнику.

— В общем дело было так, княже. Нам удалось без помех преодолеть полоцкие земли и выйти к Днепровским порогам. Отправив десяток на другой берег, Данила начал переправу. Когда половина телег была переправлена, налетели хазары. Сотник с пятью десятками присматривал за санями на другом берегу. Я командовал переправой оставшихся. В общем, налетели они словно из ниоткуда, числом больше сотни. С коней стрелы бросали, копьями на всем скаку били. Данила Святославович успел выстроить стену из щитов и встретить врагов копьями. Немногие из них ушли обратно в степь, но меткая стрела нашла грудь воеводы. Из наших полегло сорок человек, почти все, кто был на том берегу. Переправив оставшиеся телеги, мы подобрали наших убитых и раненых и заспешили в сторону Китежа. Сотник отказался удалять стрелу. Он дожил до ворот города, переговорил с Мстиславом и умер, как настоящий воин с улыбкой на лице.

— Хорошо, Володь, — проговорил печальным голосом Ингвар. — С этой минуты ты назначаешься сотником Новгорода. Собери остатки сотни и пополни ее из новобранцев. Спасибо тебе, что рассказал, как погиб Данила Святославич. Можешь идти. Тебя проводят.

Кивнув одному из ратников, князь повернулся к Ратибору. Когда воин с сотником покинули зал, Ингвар сказал:

— Ратибор, немедленно осмотри прибывший груз и тут же отправь его на воинские дворы. Пора снарядить ратников, и готовится к походу. Через три дня мы должны выступить в числе не меньшем двух тысяч.

— А к чему такая спешка? — как бы между делом осведомился Ратибор. — Наши разведчики пока молчат.

— В том мире, в котором я раньше жил, один из римских царей сказал замечательную фразу, что лучшая защита — это нападение, а это значит, что вести войны на своей территории плохо для собственного народа. Этим мудрым высказыванием я и хочу воспользоваться. Да и предчувствие у меня, что Чудь тоже ждать не собирается.

— Да, князь. Я уже привык доверять твоим предчувствиям. Пойду дружину готовить, — сказав это, Ратибор неспешно пошел к выходу.

— Не забудь, вечером военный совет, — напомнил князь. Тот машинально кивнул и скрылся за дверью. В мыслях воевода был уже не в мирном Новгороде, а на бранном поле, где он расставлял полки и отдавал приказы невидимой коннице.

В конце дня в зале за круглым столом, на котором была расстелена большая карта новгородских земель, собрались все сотники и Ратибор с Гостомыслом. Когда все заняли свои места, Ингвар поднял руку, призывая к молчанию.

— Ратибор, тебе первому слово, — произнес он.

Воевода поднялся, кашлянул, прочищая горло:

— На настоящий момент в дружине две тысячи триста ратников, обученных и снаряженных. Это не считая двух сотен, что ушли со Святославом в Белоозеро, и полтораста воинов, что стоят в селении на границе с чудью. Я бы для защиты Новгорода, помимо китежских сотен, оставил бы еще две. К тому же, на воинских дворах сейчас проходят обучение около пятисот отроков, а через месяц их будет на четыреста больше за счет обещанных Святославом. В итоге в поход можно двинуть две тысячи сто воинов. Тогда у нас будет двенадцать сотен тяжелой пехоты, шесть сотен лучников и три сотни конных, не считая, князь, твоей охранной сотни.

Он замолчал и опустил на свое место.

Ингвар встал. Он был доволен докладом воеводы. Теперь главное правильно распределить силы.

— Да будет так, — произнес он. — Ратибор готов к походу все войска, за исключением тех двух сотен, о которых ты говорил. Помимо них в Новгороде останутся китежские сотни. — Он бросил быстрый взгляд на китежан, но те молчали. От Мстислава они получили четкий приказ охранять город. — В этом случае военным советником при Ярославе останется Мал. Ему будут подчиняться оставшиеся сотни. — Сотник обиженно зыркнул исподлобья, но промолчал. — За городской жизнью будет следить Гостомысл. Он же будет снаряжать обоз. — Боярин в знак согласия склонил голову. — Первым тысячником пойдет Василько, вторым Вадим, Ратибор, как воевода, распоряжается всей дружиной. — Все названные кивнули в знак согласия. — Теперь перейдем прямо к битве. Она должна быть одна. Только один бой, на который будет поставлено все. По сообщениям разведчиков, чудины могут вывести в поле четыре тысячи воинов, но, как вы все понимаете, число в данном случае не главное. В этой битве самую важную роль будет играть выучка и оснащение. На поле дружина встанет в таком порядке: три смешанные сотни встанут в центр, по бокам их прикроют ратники хирда со щитами, соединенными цепью, таких у нас ровно четыреста. На краях построения будут тяжелые пехотинцы. Шесть сотен лучников распложатся за пехотинцами на всю длину их обороны. По краям пехотного строя в засаде будут находиться четыре сотни конных и новгородские девы.

В зале стояла тишина. Все обдумывали сказанное князем, Ратибор встал.

— Князь, построение войск очень неплохое. Его проверит бой. Но обязательно ли ставить все на одну битву?

Ингвар кивнул.

— Во-первых, я не хочу дробить наши силы, во-вторых, мне неприятно будет выковыривать чудинов из-за их высоких частоколов. Это обернется большей кровью, а мне нужны эти земли вместе с жителями. С чудинами проще воевать в поле.

Вопросов больше не последовало. Ингвар оглядел всех еще раз.

— Все свободны, — произнес он, — готовьте сотни. Через три дня на рассвете дружина должна покинуть Новгород.

Глава шестая Чисто поле

Через три дня на рассвете Ингвар с дружиной покинул Новгород. С ними шел огромный обоз, состоящий из сотни телег. Путь был неблизкий. Село Агапия находилось в двух конных переходах от новгородских стен. С обилием пеших воинов Ингвару требовалось пять дней для достижения цели. В конце третьего дня впереди на дороге показалось облачко пыли. Вскоре самые зоркие сумели разглядеть всадника с заводной лошастью. Потом к нему присоединились еще трое. Это был гонец из веси Агапия через несколько минут конники достигли лагеря.

— Проводите меня к воеводе, — крикнул, спешиваясь, вновь прибывший.

— Я, Ратибор, воевода новгородский. А ты кто будешь?

— Зовут меня Ильей, а послан я сотником Юрием, что со ста пятьюдесятью ратниками стоит в селе недалеко от Чудского озера. И просил он передать тебе, воевода, следующее. Чудины числом чуть более четырех тысяч в трех днях пути от села. Он приказал затворить ворота и держаться до подхода дружины.

— Когда это было? — спросил Ингвар.

— Прости, княже. В темноте не разглядел. Я скакал ночь и день.

Ингвар повернулся к Ратибору.

— Сворачивай лагерь, воевода. Мы должны успеть к этому селу раньше чудинов. Обоз бросить, подтянется сам.

Ратибор заорал на стоящих рядом с ним сотников.

— Вы что, приказа князя не слышали? На все полчаса!

Толпа любознательных моментально рассыпалась. В лучах заката новгородский лагерь стал напоминать огромный муравейник. Ратибор, глядя на все это, тихонько пробормотал себе под нос:

— Хорошо хоть поесть успели.

Через полчаса лагерь был свернут. Все тяжелое осталось в обозе. Каждый ратник нес на себе двухдневный запас еды. Колонны пехоты под прикрытием конницы двинулись к селу, где в их помощи очень сильно нуждались. Надо ли говорить, что это был сумасшедший переход. За день они остановились лишь дважды. Часовой передышки едва хватало на то, чтобы поесть. Ночью, видя, что пехота не может больше идти, Ингвар приказал сделать трехчасовой привал. Пехотинцы падали прямо там, где их застала команда князя, и засыпали. Через четыре часа колонна снова упорно ползла к цели. В полдень Ингвар увидел далекий частокол. В час дня, не доходя до него версту, дружина встала на отдых. Пешие ратники валились с ног и засыпали, конники, которые устали меньше разожгли костры и принялись готовить еду на всю дружину. Из села прискакало с десятков всадников во главе с Юрием.

— Рад тебя видеть живым и здоровым, — проговорил Ингвар на ухо сотнику, — а то я слышал, что у вас тут жарко было.

— Да нет, княже. Не то, чтобы очень. Так немного мечами позвенели.

— Ну тогда прошу к нашему шалашу. Устроим малый совет, — и первым направился к шатру.

Доклад сотника обнадеживал. Сейчас все чудское ополчение стояло в дневном переходе от села. По сообщениям разведчиков Юрия, они собираются двигаться завтра утром.

— Так, — сказал Ингвар, — где сейчас они стоят?

Сотник пригляделся к карте и уверенно ткнул пальцем в берег Чудского озера, где полгода назад Ингвар штурмовал весь.

Ингвар улыбнулся.

— Ратибор, гляди, знакомые места. Поле там удобное, нападать мы из леса будем. А если их к воде прижмем, так им вообще деваться будет некуда. Если память не врет, село то, ну которое мы зимой разметали, в полуверсте от воды стоит. Как думаешь, если мы на заре из леса выскочим, они удивятся?

Лицо воеводы приобрело довольное выражение.

— А как же, князь. Ты не представляешь сколько, радости у них в голосе будет, когда они нас увидят.

Юрий переводил удивленный взгляд с одного на другого.

— В общем так, — сказал Ингвар, — скачи в село и готовь своих ратников к походу. Пришли ко мне Агапия с сорока молодыми парнями, которые знают местность. В полночь мы выступаем.

Юрий поклонился и быстрым шагом покинул шатер. Вскоре снаружи раздалось ржание коня и звук удаляющихся копыт. Ингвар с Ратибором продолжали стоять над картой и обсуждать возможные повороты сражения, когда полог шатра чуть сдвинулся в сторону, и ратник, стоящий у входа доложил о прибытии Агапия.

— Впусти, — не отрываясь от карты, бросил Ингвар.

В шатер быстро вошел староста.

— Здравствуй, — оторвавшись от карты, сказал князь. — Сегодня ночью твои молодцы проведут войско через лес. Да так, чтобы ни одна сова об этом не знала. На рассвете дружина должна оказаться на опушке леса, возле той веси, откуда мы вас зимой выгнали. По словам моего сотника, лагерь чуди прямо на этом месте.

Агапий преданно смотрел на князя.

— Как скажешь, княже. Мои парни лучше всех этот лес знают. Все будет сделано очень тихо.

— Ладно. Когда сотни отдохнут, Ратибор распределит твоих проводников, а сейчас пусть располагаются где-нибудь недалеко от шатра, чтобы их в спешке искать не пришлось.

Агапий поклонился и вышел. Снаружи раздался его голос, который передавал слова Ингвара местным следопытам. К вечеру пехотинцы стали просыпаться. Собравшиеся сотни приводили в порядок брони, вострили мечи, проверяли луки и копья. Часов в одиннадцать, быстро поев, они стали готовиться к ночному переходу через лес. Теперь у каждой сотни был проводник, который отвечал за ночную дорогу. В полночь лагерь опустел. Костры были затушены, ратники в молчании оставляли лагерь. Вскоре темнота леса поглотила их. В опустевшем лагере остался Агапий и два проводника, которые должны были встретить обоз и проводить его до бранного поля.

Дорога через лес оказалась нетрудной. Проводники свое дело знали, и только им ведомыми звериными тропами провели дружинников через ночной лес. За час до рассвета все были на месте.

Собрав сотников, Ингвар рассказал, что задумал:

— На рассвете ваши сотни должны выстроиться на опушке в заранее оговоренном порядке. Сельский ведун сказал, что будет большой туман. Под его прикрытием мы приблизимся к противнику на расстояние выстрела из лука. Когда туман рассеется, лучники

начнут стрелять по лагерю. После того, как в нем начнется паника, пехота добьет уцелевших.

Вопросов не последовало. Лишь одно место в плане Ингвара было слабым. Что если чудины тоже воспользуются туманом, чтобы выйти в поход? О таком положении дел Ингвар запретил себе даже думать. Вместо этого он тихо взмолился: «Перун, отец наш небесный! Помоги сынам своим одолеть врага, и я обещаю тебе хорошую жертву». Начинало светать, ведун не обманул: на поле с озера напал густой туман.

— Стройся! — тихо сказал отроку Ингвар, и тот понес приказ князя по сотням. Огромная масса людей пришла в движение. Новгородские полки покидали лес, стараясь не выдать себя звуками, которые, даже самые тихие, разносятся утром на несколько верст.

— Дружина построилась на краю поля в боевой порядок, — доложил вернувшийся отрок.

Ингвар тоже покинул лес, ведя под уздцы своего Черена. У всех лошадей, не исключая Черена, он приказал замотать морды и копыта тряпками, чтобы не заржали не вовремя да по камням копытами не цокали. Тем более, по плану князя, бой начнут лучники, продолжают пехотинцы, а закончат конные сотни, которые будут чуть позади пехоты, и всадники после первых сорвавшихся стрел успеют размотать своих любимцев.

— Тогда вперед, — сказал Ингвар.

Отрок пропал, и через минуту новгородцы одновременно двинулись в сторону лагеря чудинов. Не доходя до него метров двести, они замерли. Сквозь туман проглядывались очертания лагеря чуди. Там все было тихо. Горело несколько сторожевых костров, но дозорные, не ожидая нападения, несли службу из рук вон плохо. Туман начинал потихоньку рассеиваться. Еще десять минут, и лагерь будет как на ладони.

— Лучникам приготовиться, — отдал приказ Ингвар.

Небольшой ветерок начал сносить туман обратно к озеру. Как вдруг на правом крае новгородского строя раздался удивленный крик: «Новоградцы!». Затем тихонько щелкнула тетива лука, и крик смолк. Случайный воин чуди, что отлучился по своей нужде от пробуждающегося лагеря, наткнулся на новгородский строй и поднял тревогу. Случилось то, чего больше всего опасался Ингвар: туман еще стоял, а его воины были обнаружены. Больше скрываться не имело смысла.

— Всем лучникам стрелять по лагерю! — что есть силы крикнул он.

И восемь сотен стрел ушли в небо, за ними еще столько же. В лагере раздались предсмертные стоны и яростные вопли. А стрелы продолжали сыпаться. Отчаянная группа храбрецов размером около тысячи бросилась на новгородцев.

— Перенести на них стрельбу четырех сотен, — крикнул Ингвар.

И тут же град стрел обрушился на набегающих врагов. Смерть собрала обильную жатву, но недостаточную. Атакующие, умело прикрывшись щитами из толстых досок, атаковали правый фланг новгородцев. До строя добежало чуть больше половины из них, но даже это давало им численное преимущество. Сцепившись с первым рядом воинов, чудинам удалось отклонить копья и добраться до пехотинцев. Тем пришлось отложить свое страшное оружие и взяться за мечи. Но не имевшим доспехов чудинам это мало помогло. Новгородские ратники, стоя в плотном пехотном строю, рубили не защищенное доспехами чудское мужичье. Вскоре там все было кончено.

В этот момент из лагеря чуди, подражая стальной стене новгородцев, вышло около двух тысяч воинов. Они несли в руках средние щиты, имели кожаные куртки, с нашитыми на них стальными пластинами. Почти все они были вооружены топорами и рогатинами.

— Стрелкам бить по наступающим чудинам. Смешанным сотням — лучников в передние ряды, — отдал приказание Ратибор.

Копьеносцы разошлись, пропуская в образовавшиеся бреши лучниц. И как в тот день, когда Ингвар в первый раз увидел тактику смешанных сотен, все получилось. На расстоянии в сто пятьдесят метров лучницы своими длинными стрелами с булатными наконечниками пробивали щиты противника насквозь. Скорость, с которой они выпускали стрелы, потрясала. Как потом узнал Ингвар, каждый лучник был обязан выпускать восемь стрел в минуту, но девушки из смешанных сотен за это время успевали выстрелить десять раз. По строю чудинов прошла судорога, но, сбив ряды, расстроенные меткими новгородскими стрелками, они продолжали наступать. Когда до противника оставалось пятьдесят метров, лучницы втянулись обратно, и перед противником снова была сплошная стена щитов и копий, а из задних рядов продолжали лететь меткие стрелы.

— Пехота вперед! — что есть мочи крикнул Ингвар.

Строй с копьями наперевес медленно двинулся на врага. Потом, разгоняясь, стал переходить на бег. Но это лапотное мужичье, которое противостояло его отборным сотням, пошло в атаку. После залпов новгородских лучников у них едва ли осталось больше тысячи воинов. Многие из них нашли смерть на длинных копьях новгородцев, но та часть, которая осталась, добралась до ратников и теперь ожесточенно рубилась с ними.

— Три сотни конных в лагерь Чуди, — приказал Ингвар.

Враги, что сцепились с новгородцами в центре, отчаявшись прорвать стальную стену ратников, начали пятиться.

— Пехотная стена, вперед! — перекрикивая шум боя, скомандовал Ратибор.

Сплошная стена копий качнулась на пятившегося противника. Чудины, бросив оружие, обратились в бегство. Некоторые упали на землю, закрыв голову руками, сдаваясь на милость победителям.

— Тех, кто бросил оружие, не убивать, — громко крикнул Ингвар.

Отрок, что постоянно находился рядом с ним, бросился к атакующим сотням передать приказ князя. Конница, ушедшая далеко вперед, хозяйничала в самом лагере. Оттуда доносился лязг мечей и сдавленные крики. Через полчаса все было закончено. Чудское ополчение перестало существовать. Пленных набралось около тысячи. Многие из них были тяжело ранены. Новгородцы сгоняли и сносили их в кучу на середине поля. Пехота частично охраняла их, частично грабила лагерь, снося все трофеи в одно место. Через полчаса вернулась конница, приведя на арканах еще полторы сотни пленных.

К Ингвару подошел Ратибор и тихо сказал:

— Мы победили, князь! Наши потери около двухсот убитых и, примерно, столько же раненых.

За их спиной раздались радостные вопли. Воины Ингвара приветствовали появившиеся на краю леса первые телеги княжеского обоза.

— Княже! Как быть с пленными? Может, дорезем всех раненых, а здоровых продадим в полон грекам?

— Подожди, Ратибор. Приведи в порядок наши сотни, а потом решим.

Вскоре дружина Ингвара вместе с обозом собралась на месте чудского лагеря. Пришедшие с обозом лекари, поставив два десятка больших шатров, занялись ранеными. Всех поразил приказ Ингвара лечить раненых чудинов вместо того, чтобы их дорезать. Около десятка пленных забрал себе жрец Перуна. С пятью десятками крепких крестьянских

парней он повел их к капищу. Да. Перун должен был остаться доволен.

Как только был установлен княжеский шатер, Ингвар собрал малый военный совет, на который позвал Ратибора, Василько с Вадимом и Ясну.

— Мы победили, — произнес он, когда все расселись вокруг походной карты. — Но этого мало. Мы всего лишь разбили чудское ополчение, а необходимо привести эти земли к покорности. Итак, я слушаю ваши предложения.

Первым на удивление Ингвара поднялся не Ратибор, а Вадим.

— Княже, — начал он, — мы уже думали об этом. По другую сторону озера стоит самая крупная чудская весь. В ней находится совет старейшин. Если сейчас поторопиться, то можно будет застать их там врасплох. Если они откажутся говорить с тобой, подведем к стенам пару сотен пленных и прикончим на их глазах. Вмиг станут сговорчивыми. Если же они согласятся покориться, как знак примирения, пленных отпустим. — Он замолк и сел.

— Я понял твою мысль, — задумчиво сказал князь, — но если они откажутся говорить с нами, придется сжечь все чудские села, а их больше двух десятков. Но твое предложение разумно. Какое расстояние до этой деревни?

Вадим задумался. Поднялся Ратибор.

— Княже, мы будем там через четыре часа, если конными, и через шесть, если пешими.

— Хорошо, — произнес Ингвар, — я возьму тысячу ратников и пять сотен пленных. Ратниками будет командовать Василько. Ратибор, ты останешься здесь, вместе с остальной дружиной. Василько, бери всех конных и шесть сотен пехоты. Через час выходим. Ратибор, ты охраняешь оставшихся пленных. Потрепанные сотни привести в порядок и быть готовыми к выступлению. Все. Совет закончен.

Василько быстро покинул шатер. Снаружи раздался громкий голос тысячника, отдающий приказы. Через час колонна пехоты, прикрываемая по бокам конными сотнями, покинула лагерь. В середине строя ратники гнали пленных воинов. Впереди, рядом со штандартом, покачивался в седле Ингвар. По дороге никаких неожиданностей не случилось. Выйдя к чудскому селу, Ингвар сразу понял, что здесь их не ждут.

— Василько, пока не прикажу, пленных из глубины строя не выводить. Это наш козырь.

Василько не понял, что такое козырь, но кивнул. Ингвар вместе со знаменосцем неспешно двинулся к закрытым воротам. Сняв с пояса походный рог, он громко протрубил сигнал к переговорам. Над воротами появилась фигура человека с луком в руках.

— Что надо? — крикнула он.

— Говорить хочу со старейшинами чудскими, — громко проорал в ответ Ингвар.

— А они не хотят с тобой говорить. И вообще ты кто такой?

— Звать меня Ингваром. И я — князь новгородский. Так что передай, что я хочу начать с ними переговоры о сдаче села.

— Не будут они с тобой разговаривать. У нас за частоколом три сотни воинов. Полезешь к нам — кровью умоешься. А еще через восемь часов здесь будет четыре тысячи ополчения, которое твою банду рассеет в один миг.

— Ладно, я уйду отсюда, но сначала я хотел бы кое-что им сказать.

Воин задумался.

— Говори. Я им передам.

— Нет, — сказал Ингвар, — я должен лично поговорить с ними.

После недолгого раздумья воин над воротами сказал:

— Жди, — и исчез.

На его место встал другой.

Через десять минут над воротами появились две скрюченные фигуры.

— Что тебе надо, князь? Осадой ты нас не возьмешь, а приступ обойдется тебе дороже, чем ты можешь подумать. Скоро здесь будет четыре тысячи наших воинов. Они твоих за десять минут разгромят. Уходи, пока цел.

Ингвар подал знак Василько и тот вытолкнул в первый ряд ратников приведенных с собой пленных.

— Видишь их. Это все, что осталось от твоего грозного ополчения. Еще пять сотен пленников находится в лагере, на другой стороне озера. Я напал на него утром и потерял всего двести воинов. С теми пленными, — он указал себе за спину в сторону лагеря, — еще тысяча моих ратников. Если нам не удастся договориться, я велю зарезать этих, а потом, если вы не станете сговорчивыми, пригоню сюда остальных. Василько, подведи ко мне одного из пленников.

Тысячник моментально выполнил приказ. К князю подтащили крепкого парня лет двадцати с рукой на перевязи.

— Как тебя звать? — спросил Ингвар.

— Дубком кличут, — нехотя отозвался тот.

— Так вот, Дубок. Сейчас ты пойдешь в село и все расскажешь. И передай старейшинам, что если через час ворота не будут открыты, мы убьем всех пленников. А потом спалим все села чудинов, при этом убьем всех до одного. Ты понял меня?

Парня била крупная дрожь, но он нашел в себе силы кивнуть.

— Тебе придется убедить их. Если это удастся и ворота распахнутся, мы пощадим всех, грабить тоже не будем. А условия у меня такие: со всех чудских сел я буду брать установленную дань. Также в устье реки Псковы я поставлю крепость. За каждого убитого в сегодняшнем бою новгородца я потребую гривну серебра, за каждого раненого полгривны. Ты все запомнил? — Парень быстро кивнул. — А теперь, Дубок, иди туда и убеди их. Парень быстро пошел в сторону ворот. Ингвар же со знаменосцем повернули коней в сторону выстроенного строя. Навстречу ему выехал Василько.

— Какие будут указания, княже?

— Возьми восемьсот ратников и окружи эту деревню так, чтоб ни одна мышь не проскочила. Через час не откроют ворота, выгони вперед сотню пленников и убей их. Головы кидай за частокол. Если и после этого не сдадутся, повтори. Откроют ворота через час, я поеду туда со своей охранной сотней, а ты останешься снаружи, и будешь ждать дальнейших приказов.

Василько кивнул и начал исполнять приказ. Через десять минут деревня была окружена. Еще через час ее ворота распахнулись: в проеме стояло четыре сторбленные фигуры. Из села к Ингвару скакал всадник. Им оказался Дубок.

— Князь! Старейшины просят тебя не гневаться и прибыть с сотней ратников в деревню. Они готовы обсудить твои условия.

Ингвар кивнул и в сопровождении охранной сотни направился к распахнутым воротам. Ингвар въехал в ворота, как будто не заметив согнувшихся в поклоне старейшин. За воротами он спешил и развернулся к старцам.

— Прикажите своим людям сложить оружие. Кто попадется моим воинам с мечем или с топором, будет немедленно убит.

Один из старейшин быстро кивнул, и что-то шепнул стоящему рядом с ним парню. Того

как ветром сдуло.

— Княже! — произнес старец. — Мы готовы выполнить все твои условия. Ты великий воин. Ты разбил наших воинов в честном бою. Прошу не гневайся на неразумных, отпусти пленных. Мы были слепы, когда подняли на тебя оружие. Мы хотим, чтобы наши земли вошли в состав новгородского княжества. Мы готовы помочь построить город, о котором ты говорил, и дать воинов в его дружину. Также мы заплатим дань, какую скажешь. Об одном только просим: не разоряй земли наши, не чини обид людям и стань нам защитником.

— Как тебя звать? — спросил Ингвар говорившего.

— Радимир, мое имя, князь.

— Ты полностью оправдываешь его, потому что ты нашел самый верный способ сохранить эти земли в мире. Если нигде моим воинам не будет оказано сопротивления и весь чудской род согласится с твоим решением, да будет мир на этих землях.

Старцы степенно кивнули.

— Княже, — выступил вперед самый старый из них. — Дозволь отправить гонцов в наши села, чтобы нигде по неразумению и незнанию твоих воинов не встречали с оружием в руках. И чтобы к завтрашнему дню здесь собрались на совет все старосты.

Ингвар кивнул.

— Ты прав. Отправь своих молодцев с этим известием. С каждым из них я пошлю двадцать ратников, чтобы ни у кого не возникло сомнений в вашем решении.

Старец поклонился и заковылял в сторону группы молодых парней.

— Данила, — позвал Ингвар своего охранника, — скачи к Василько. Пускай пригонит сюда пленных и снимает кольцо осады. И пусть готовит четыре сотни ратников самых опытных и надежных, что пойдут сопровождающими с посыльными старейшин. Но надо предупредить их, что если будут творить беззаконие, велю развесить виновных на ближайших деревьях. Нужно также послать гонца к Ратибору с приказом двигаться сюда.

Данила кивнул и умчался.

К нему приблизился Радимир.

— Княже, пройди в дом. Там Рада стол накрыла, не побрезгуй.

— А почему бы и не поесть. Веди, — приказал он. — Заодно за столом еще на кое-какие мои вопросы ответишь.

Старик засеменил к ближайшему дому, который был поновее и побольше остальных. «Дом старость», — подумал Ингвар.

В чистой большей горнице был накрыт длинный стол. На нем Ингвар обнаружил множество блюд. Чтобы их съесть одному, потребовалась бы неделя. Ингвар обернулся к гридню, что постоянно сопровождал князя.

— Беги, найди Василько, Позвизда и Ясну. Пусть спешат сюда.

Охранник кивнул и исчез за дверью.

— Ну а пока придут мои советники, позволь узнать, почтенный Радимир, что же толкнуло ваше племя на войну с Новгородом?

— Понимаешь, князь! Пришел к нам зимой человек, сразу после твоего набега на наше село. Злы мы тогда были на тебя, вот этот человек и уговорил нас на большую войну. И раньше с ильменскими славянами случались стычки, но дальше пограничных набегов не заходило. Человек же этот назвался Баженом и сказал, что он посланник далекого князя, который пытается освободить ильменских словен от незаконного, обманом и подкупом пришедшего к власти князя. А еще он сказал, что племя Весь, которое обитает в землях

около озера Белого, уже начало войну против Новгорода. Ну наше дурачье и заорало: «Разрушим Новгород. Покараем князя». И все в таком же духе. Я был против. Но совет старейшин принял другое решение. И теперь я вижу, что я был прав. Тогда я сказал, что ты, по слухам, пощадил детей наших и не принес их в жертву, а село то, что на деревню ильменскую напало, виновато само. За это и было справедливо наказано. Тогда меня выгнали с совета. Но то, что они решились на большую кровь, я так и не одобрил.

В это время, весело переговариваясь, в горницу ввалились Василько, Позвизд и Ясна.

— Княже, звал нас? — спросил тысячник.

— Звал, — ответил Ингвар. — Может, поможете мне с этим справиться, — он кивком указал на заставленными яствами стол.

— Так это всегда пожалуйста! — радостно крикнул Василько. — По твоему слову я шею на плаху положу, а здесь я гляжу плахи нет, зато вкусностей много. — Он по-хозяйски прошел к столу и, усадив за него Ясну, сел сам. С видом человека, которого не кормили как минимум пару недель, он стал опустошать блюда. Ингвар поглядывал за ним, при этом не забывая вовремя набивать рот и себе. Старик, пока гости ели, тихонько выскользнул за дверь.

— Василько, знаком ли тебе человек по имени Бажен? — вдруг спросил Ингвар.

На несколько секунд, за столом повисло молчание.

— Да, княже, знаком. Мой отряд сопровождал его по дороге сюда. Потом он ушел в сторону чудского озера, сказав, что у него особое задание Влада. А где он сейчас, я не знаю. Княже, вид у тебя странный. Случилось, что?

— Случилось, — печально сказал Ингвар. — Именно этот человек подбил чудинов к войне с нами.

— Да, дела... — только и сумел сказать Василько.

Вдруг Ингвар напрягся.

— Василько, а перед твоим отъездом в новгородские земли, не попадались ли тебе рядом с Владом урмане?

— Как же. Осенью целое посольство пришло от конунга могучего. Вот только имя его забыл. Влад им золото давал и серебро, потом счастливый ходил.

— Быстро! — заорал Ингвар. — Гонца к Ратибору. Пусть разворачивает тысячи к Новгороду. Под охраной в сто воинов пусть приведет сюда пленных. Всех конных к нему отправь. При мне останется только десяток Данилы. В Новгород гонца быстро. Сообщения следующие: урмане готовы к войне, городу собрать ополчение и приготовиться к осаде. Как было бы хорошо, если бы я ошибался.

Василько, как ошпаренный, вылетел из горницы. Его команды облетели все окрестные леса. Через несколько минут новгородские конные сотни уносились в направлении тысячи Ратибора. Ингвар сидел за столом, обхватив голову руками. Как бы ему хотелось ошибиться, но слишком все было хорошо спланировано: Белоозеро, затем нападение Чуди, дружина в походе, а Новгород почти без защиты. Только бы гонец успел во время, а, заключив здесь мир, он вернется и ударит урманам в спину. Вошел обеспокоенный внезапной суетой Радимир.

— Князь, что случилось? — с порога спросил он.

— Радимир, а не приходили ли к тебе вести об урманских кораблях рядом с твоими землями?

— Как же, княже. Вчера прискакал гонец с веси, что на Неве стоит, сказал, что двадцать

кораблей урман вошли в реку, но никого из местных не тронули. А двинулись дальше к Ладоге.

— Василько, — заорал Ингвар. — Бери всех воинов кроме ратников Позвизда и спеши к Новгороду. Там сейчас наша дружина нужнее, а завтра вечером я с оставшимися сотнями двинусь вслед за вами. Вчера вечером двадцать кораблей урман вошли в Неву. До Новгорода им еще три дня пути. Вы должны успеть. Все, поспедай. Новгородские девы пойдут с тобой.

Василько кивнул и снова убежал. Ингвар последовал за ним. В поле, где стояли четыре оставшиеся сотни новгородцев, началась суета, которая очень быстро улеглась. Сотники навели порядок и через полчаса сотни ровным строем двинулись вслед ушедшим раньше конникам. Рядом с наблюдающими за этим Ингваром и Позвиздом встал Данила.

— Ну вот, княже, — пожаловался он, — опять я не у дел.

— Ничего, — ответил Ингвар. — Завтра мы тоже отправимся на поле боя. Я думаю, нас врагов хватит.

К нему приблизился Радимир.

— Княже, — поклонившись, произнес он, — старейшины и старосты прибудут сюда завтра к полудню.

— Радимир, пошли своих парней с приказом к моим ушедшим воинам. Пусть немедленно возвращаются обратно.

Старейшина кивнул и заспешил в сторону большего дома. Через пять минут из ворот вылетело двадцать всадников.

— Пошли, — повернувшись к Даниле, сказал Ингвар. — Нам тут горницу определили. Надо немного поспать.

— А ты, — он обратился к последнему не занятому сотнику, — отдыхай и встречай ратников. — И двинулся в сторону дома, где они с Василько, Позвиздом и Ясной ужинали.

Наутро начали прибывать чудские старейшины. Вместе с ними приезжали и воины Ингвара. Всего должно было собраться четыре сотни. Плюс ратники, что к полуночи привели оставшихся пленных. В итоге Ингвар мог располагать пятью сотнями. В полдень появились два последних старосты. Пришедших с ними новгородцев Ингвар отправил в поле, где встали лагерем новгородские сотни. Старосты и пять старейшин собрались на деревенской площади, туда же пришло все население веси. Ингвар вышел на высокое крыльцо дома, в котором ночевал. Видать местному старосте оно частенько служило трибуной. Народ галдел и переругивался. Поражение их ополчения привело всех в глубокое уныние. Ингвар поднял руку, и гул начал стихать. Затем и вовсе стих.

— Я, князь новгородский Ингвар. Вчера утром разбил ваше ополчение в чистом поле. Вы объявили мне войну, но я не виню вас. Вас обманул посланник человека по имени Влад. Как до этого обманул князя Белоозера. Я же, в знак доброй воли, отпустил больше тысячи пленных, захваченных моими воинами во вчерашнем бою. Раненым новгородские лекари оказали помощь. По праву победителя я хочу, чтобы вы признали над собой руку Новгорода и поклялись мне в верности, помогли поставить на чудском озере крепость, которая будет защитой этим землям. Так же как новгородцы, вы должны платить обычную для новгородских земель дань, кроме этого я требую сто девяносто гривен серебра за павших в бою новгородцев и по полгривны за каждого раненого. Если вы соглашаетесь принять эти условия, в свою очередь я клянусь защищать и оберегать эти земли.

На площади раздались крики. Вперед вышел крепкий старик лет восьмидесяти.

— Прости, князь. Мой вопрос прозвучит глупо, но задать его надо. Что будет с нами,

если мы откажемся подчиниться твоей воли?

— Спросить ты можешь, но захочешь ли ты услышать ответ?

Старик уверенно кивнул.

— Тогда слушайте, — сказал Ингвар. — Сюда вернуться новгородские дружины и ваши села запылают, как факелы. Тех, кто будет убит в бою, дружинники порубят на куски и оставят воронам. Тех же, кто попадет в плен, я велю насаживать на колья и ставить вдоль новгородских дорог. Женщин ваших обесчестят и продадут грекам. Детей и младенцев я велю сжигать заживо. Не уцелеет никто. Прикажу убивать даже собак. — Ингвар видел, что старика бьет мелкая дрожь. — Но у вас есть выбор. Дать клятву верности, либо исчезнуть как племя с лица земли.

Толпа гудела. Воины из десятка Данилы, что стояли на крыльце вместе с князем, обнажили мечи. Но толпа быстро успокоилась, вперед вышел Радимир.

— Княже, мы согласны на твои условия. Они справедливы. Мы были обмануты, а теперь видим, что ты честен. Я клянусь служить тебе верой и правдой и помогать тебе во всем. Вместе со мной тебе присягают восемь сел. — И он опустил на колени. — Именем Перуна — закончил он свою клятву.

Рядом вышел второй старейшина и тоже опустил на колени. В этот переломный момент опустили на колени все присутствующие. Отовсюду слышались слова покорности Новгороду и обещания выполнять все приказы князя.

— Хорошо, — произнес Ингвар. — Я принимаю вашу клятву. Послезавтра сюда прибудет человек по имени Агапий. Он староста пограничной деревни. Вы отдадите ему серебро за раненых и погибших новгородцев. Также он будет руководить строительством псковской крепости. Вы предоставите ему все необходимое. Человек он справедливый, а обижать я никого не позволю. Любой, будь он ильменским словенем или Чудиным, теперь равен в правах. За все преступления я буду судить лично. — Все поклонились. — С Агапием пришло пятьдесят воинов, которые от моего имени будут следить за порядком. Также на них ляжет обучение псковской дружины. — Все еще раз поклонились. — А теперь мне пора в дорогу. Но, выполнив другие свои дела, вернусь сюда, дабы лично убедиться в том, что на эти земли пришел мир и прядок. И горе будет тем, кто его нарушит.

С этими словами Ингвар сбежал с крыльца и прыгнул в седло Черена. Его охрана последовала за ним. Через тридцать минут воины Ингвара спешили к бывшему пограничному селу. Рядом с князем скакал Данила.

— А ведь я не верил, князь, — неожиданно произнес он, — что удастся решить это дело миром. Когда ты про деревни сожженные начал говорить, я грешным делом подумал, что нас на части сейчас разорвут.

— Не разорвали бы, — улыбнулся Ингвар. — Старейшинам нужен был очень сильный довод, чтобы объяснить простому люду причины замирения. И я им его дал, ведь еще в начале собрания заметил, что почти все старосты на стороне Радимира. А этот старик быстро сообразил, что лучше платить дань и строить город, чем висеть на воротах вниз головой.

Данила кивнул и чуть приотстал, оставляя князя наедине с его мыслями. К вечеру они добрались до села Агапия. Тот уже знал новости, и Ингвару не пришлось долго рассказывать. На попечении старосты Ратибор оставил семьдесят тяжелораненых воинов. Лекарь, который остался с ними, утверждал, что все из них встанут на ноги, а шестьдесят смогут вернуться в дружину. Ингвар оставил Агапию пять десятков пехоты под командой Позвизда и забрал из

веси всех коней. Теперь его летучий отряд насчитывал пять сотен всадников. Не мешкая, Ингвар на предельной скорости спешил к Новгороду.

Глава седьмая Нежданные гости

Картина, которую он увидел у новгородских стен, заставила его резко затормозить. Ворота Новгорода были широко распахнуты. На пристани стояло не двадцать драккаров, как сказал ему Радимир, а пятьдесят судов. Многим не хватило места, и они пристали около берега. Но на мачтах каждого корабля висел белый щит, что у урман и варягов означало мирные намеренья. Из города вытекали потоки людей, рядом с прибывшими урманами новгородцы устроили еще один торг. Прямо под новгородской стеной стояли десятки шатров, над одним из них гордо развивался стяг с трезубцем. Ингвару был знаком этот герб — это знамя его отца. Если сокол был знаком конунга, то трезубец был символом племени варягов. Пришпорив коня, Ингвар поскакал к городским воротам. Его с дружинниками увидели. Люди заметно оживились. Со всех сторон раздавались приветственные выкрики. Все знали, что князь вернулся с победой, и чуждые земли присоединены к новгородскому княжеству. Его нагнал Данила, выровняв коня, он начал рассказывать только что услышанные новости:

— Дружины пришли в город только сегодня ночью. Урмане стоят под стенами уже три дня.

— Нет, Данила, — перебил его Ингвар, — это пришли не урмане, а варяги, мне знаком этот стяг. Продолжай.

— Увидев драккары, новгородцы закрыли ворота, но варяги вели себя спокойно. На берег сошел отряд из десяти человек. Остальные воины остались на кораблях. Этот отряд дошел до ворот и попросил князя новгородского Ингвара подняться на стену. Вместо тебя к ним вышла княгиня Ярослава и спросила, что хотят варяги в таком числе под стенами славного Новгорода. Снизу ей крикнули, что к ней пришел Трувор, брат Рюрика, вместе с дружиной и родом. Но зла они городу не желают и посему готовы дождаться князя Ингвара. Враждебности в них не было, и, взяв с них страшную клятву, что не будут они чинить Новгороду обиды, разорять и убивать жителей, она велела открыть ворота.

К концу рассказа Ингвар на бешеной скорости влетел во двор кремля. Соскочив с коня прямо на крыльцо, Ингвар бросился в зал совета. Ворвавшись, как ураган, он остановился, будто налетел на каменную стену. За круглым столом сидели Ярослава, Ратибор, Гостомысл, Василько и Ясна. В углу Мал самоотверженно спорил с Вадимом. За столом помим названных сидели два бородатых огромного роста викинга.

— Что здесь происходит? — изо всей мочи рявкнул Ингвар.

Все обернулись. Василько, втянув голову в плечи, постарался вжаться в угол. Высокая Ясна уменьшилась ровно в половину. Вадим от неожиданности сел на рядом стоящую лавку. На Гостомысла навалилась такая бледность, что можно, не думая, в Ирий отправлять. Лица викингов приняли серьезное выражение. Ингвар продолжал стоять в дверях. Вид его был действительно страшен. У него за спиной показался Данила. Ингвар со злости еще раз пнул створку двери и двинулся к столу.

— Гостомысл, — сказал он. — Какой приказ ты получил?

Боярина от страха мелко трясло. С трудом ему удалось выдавить:

— Приказ твой, княже, был закрыть ворота и собрать ополчение.

— Так почему ворота открыты, а ополчения нигде не видно? Зато в городе бродит около тысячи урманских воинов. Быть тебе боярин завтра на колу, — подвел итог Ингвар.

Гостомысл побледнел. Сейчас он напомнил Ингвару Морену, которая приходила за ним.

— Князь! Не гневайся, — раздался в тишине голос Ярославы. — Не он открыл ворота, а я. Он же наоборот просил дожидаться тебя.

— Это правда? — спросил он боярина. Тот, не найдя в себе силы ответить, только кивнул. — Тогда прости, друже. Не разобравшись, обвинил. — Потихоньку щеки Гостомысла стали приобретать естественный оттенок. — Мал, — обратился Ингвар к сотнику, — почему ты не отговорил княгиню?

Смело, как на плаху, Мал шагнул к князю.

— Прости, княже. Я подоспел слишком поздно. Пока я пытался привести в боевой вид новых отроков, что из Белоозера пришли, подошел с ними к воротам, все уже было сделано.

— Ярослава, — с печалью в голосе сказал Ингвар, — почему ты не сделала, как я просил?

— Прости, — только и могла вымолвить она. — Мне чутье подсказало, что пришельцы зла не причинят. — При этом она кивнула на одного из викингов. — Он назвался братом твоего отца, то есть он дядя тебе.

— Ладно, — тихо сказал Ингвар. — На тебя, моя любимая, я просто не могу сердиться. Если бы кто другой послушался княжеского слова, обязательно на кол посадил бы. На сегодня казнь отменяется! Вам повезло, что это никакие не урмане, а варяги. А теперь вернемся к вам, гости. С чем пожаловали?

Один из варягов, тот, что был постарше, поднялся. Он был светловолос и мускулист, шрамы на его лице навсегда изменили некоторые черты. Один глаз из-за жуткого рубца был почти закрыт, второй же, наоборот, был широко распахнут. Сквозь когда-то богатую шевелюру викинга на тех местах, где острый меч срубил куски кожи, были видны кости черепа. На левой руке не хватает двух пальцев. Чем-то он напомнил Ингвару монстра из фильма о Франкенштейне.

— Не гневайся, князь! — неожиданно приятным голосом сказал он. — Меня зовут Трувор, и я — конунг этой ватаги варягов. Как тебе уже доложили, я брат твоего отца Рюрика. Меня наняли люди одного очень злобного князя, чтобы я убил тебя, а город твой предал огню. Но, узнав, чей ты сын, я отказал князю Владу. А затем разругался с верховным конунгом. И пришлось мне, как когда-то моему брату, искать новое место для жизни моего народа. И я подумал о тебе. У Новгорода сейчас очень обширные владения, может, ты уступишь мне часть земли в лен. Клянусь охранять землю эту от врагов, вовремя платить дань, назначенную тобой и оказывать тебе всякую помощь деньгами или воинами.

Ингвар задумался, через несколько минут он произнес:

— Ты прав. Мои земли обширны и простираются на много дней пути, но есть одно место, где они особо нуждаются в защите. Ты прошел через него два дня назад. Там твои суда принесут много пользы, поскольку вы, варяги, опытные и храбрые мореходы. Место это я зову Ладожским озером, оттуда берет начало река Волхов. Если ты согласен, я даю тебе эти земли в лен. Поставь там город и назови его Ладогой. Будь защитой земле новгородской.

— Да будет так, — произнес Трувор. — Я не ошибся в твоём решении. Какова будет дань Новгороду?

— Такая же как у всех остальных: две шкурки куницы, две соболя, семь беличьих, баклага меда и сорок мер зерна. Также с двора необходимо получить две гривны серебра. Но с одной оговоркой, я буду получать из нее только половину, остальное будет оставаться тебе

на развитие нового города.

— Согласен, — произнес викинг. — А ты оказался еще умнее, чем о тебе говорят люди. Ты отдал богатейшие земли, которые, правда, из-за постоянных набегов малообитаемы. Но при этом ты получил намного больше. Кроме щита от урман, будет тебе опора на Ладоге. А в скором времени моя дань увеличится, поскольку город будет быстро богатеть. При этом я буду являться только твоим наместником, и после моей смерти ты сможешь назначить любого другого. Что ж мне годятся такие условия. По рукам, князь новгородский.

Они ударили по рукам. Рукопожатие Трувора было приятным, крепким и одновременно по-отечески осторожным.

— Князь. Дозволь остаться в твоём городе еще дня на три. Моим людям необходимо закупить все потребное для дороги.

Ингвар кивнул.

— В любом случае тебе пришлось бы задержаться. Через два дня я при всем новгородском люде назначу тебя наместником ладожских земель.

В зал заглянул озабоченный Данила.

— Княже, люди у ворот кремля собрались. Тебя требуют.

— Скажи, что сейчас выйду.

Данила кивнул и ушел.

— Князь, а тебя народ любит, — с улыбкой сказал Трувор. — Надо быть действительно хорошим правителем, чтобы к тебе так народ шел.

— Слушай, Трувор. Во-первых, ты меня старше. Во-вторых, ты мой дядя. Давай так договоримся: на людях будешь звать меня князем, в обычной обстановке зови Ингваром или племянником.

Хмурое лицо викинга разгладилось, широкая улыбка сделала его мягче и добрее.

— Договорились, племяш. А то действительно, как будто и не родственники.

Утро следующего дня было замечательное, солнечное. Очень хотелось помахать мечом, ощутить его тяжесть, боевой азарт, что князь и сделал. Одевшись, Ингвар легко и бесшумно выскользнул из горницы Ярославы. Он с детским нетерпением кинулся на задний двор. Еще издали он услышал знакомый звон. Повернув за угол, он встал как вкопанный. Данила, орудуя двумя мечами, бился с десятком ратников. Двое уже выбыло из борьбы. За несколько секунд нападающие лишились еще троих, вскоре их осталось двое. Ловкий финт Данилы — один, быстрый удар — и последний враг повержен. Данила показал ратникам их ошибки и отправил тренироваться. Ингвар подошел со спины и положил десятнику руку на плечо.

— Ты молодец, — сказал он. — Тебе стало мало, что ты один научился хорошо биться. Может, тебе даже стало скучно. Но важно не это. Ты научился выживать сам, теперь учишь других. Мне тебе больше дать нечего.

Данила повернулся к нему. Глаза были преданные и слегка увлажненные.

— Спасибо, князь. Для меня нет больше радости, чем служить тебе и с честью за тебя умереть.

— Это всегда успеется. А сейчас давай-ка позвеним мечами.

Ингвар, не отступая от традиции, провел с Данилой двадцать поединков, но победить сумел только в одиннадцати. Обняв десятника, он отвел его в сторону.

— Данила, с этого момента ты выходишь из состава моей охраны.

— Княже. Не гони, — взмолился парень. — Я умру без службы.

— Ты не понял меня. Пойдем в зал совета.

Дойдя до дверей, которые тут же распахнулись перед ними, Ингвар подозвал ратника, охраняющего вход:

— Забудь, что мы здесь. Меня ни для кого нет, если только сам Перун придет.

Ратник из охранной сотни кивнул и встал, заслоняя дверь. Когда князь говорил так, нужно было умереть, но исполнить его приказ.

Закрыв двери на засов, Ингвар сел за круглый стол, подозвав бывшего десятника, он усадил его рядом.

— А теперь слушай и запоминай. И упаси тебя Перун, рассказать кому-нибудь о том, что я тебе сейчас скажу.

Данила быстро кивнул.

— Княже, Перуном клянусь, что ни один человек не узнает, о чем мы говорим.

— Я тебя не гоню, но ты покинешь охранную сотню. Над тобой никто больше не властен, кроме меня. С сегодняшнего дня ты создаешь собственный дом. У нас есть воинский дом, финансовый, а теперь будет еще и охранный. Я наделяю тебя особыми полномочиями. С этого дня ты можешь из любой сотни забрать любого воина, кроме сотника. Ты должен отобрать две сотни мужчин и женщин, научить их виртуозно владеть любым видом оружия, искусству переодевания, бою без оружия, знанием ядов и противоядий. Подбирай только лучших. Десять твоих воинов должны суметь устроить переворот в любом государстве. Кое-чему сумею научить я, но в остальных вопросах тебе придется найти учителей. Надо ли говорить, что они должны держать язык за зубами на семи замках. Ты все понял?

Данила подумал и кивнул.

— Да, княже. Мне предстоит совершить невозможное. И надеюсь, мне это по плечу.

— Да. Деньгами и амуницией я вас обеспечу. И еще держи вот это, — произнес Ингвар и протянул Даниле кожаный пергамент с вытесненной княжеской печатью, где было написано, что предъявителю сего документа следует оказывать любую помощь в пределах княжества и вне его границ. — Все новгородские воины и командиры, купцы и простые люди будут под страхом смертной казни обязаны помочь тебе всем, чем располагают. Возьми также этот золотой перстень, — сказал князь, стягивая с пальца украшение с искусно сделанным соколом. — Он будет действовать не хуже пергамента. А пока займи один из домов, что на окраине города рядом с кузнечным кварталом. Там высокий забор и тебя с твоими людьми никто не потревожит. Тебе все ясно?

— Да, князь, — твердо ответил Данила.

— Хорошо. Тогда иди и выполняй мой приказ.

Бывший десятник глянул Ингвару прямо в глаза и вышел.

А князь думал о том, что сегодня он создал самую первую на Руси, и не только на Руси, карательную структуру. Если все, что он задумал, получится, то через год у него будет самая мощная разведка и контрразведка во всем мире.

Ингвар поднялся, дошел до двери. Ратник по-прежнему загораживал проход.

— Быстро найди мне воеводу, Гостомысла, Василько, Ясну и Мала. Пускай идут сюда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тот кивнул и бросился исполнять приказание. Через полчаса двери в зал распахнулись, вошел охранник.

— Княже, они прибыли, прикажешь звать?

— Да и побыстрее.

Ратник посторонился. В зал входили княжеские советники. Пропустив всех, он плотно закрыл дверь и встал на страже.

— Садитесь, — кивнул Ингвар, — только побыстрее. Время дорого.

Все быстро заняли свои места.

— Сегодня, — начал он, — я создал новый вид службы. Пока он будет насчитывать две сотни воинов. Возглавлять его будет мой бывший охранник Данила. С сегодняшнего дня он имеет право забирать любого воина из любой сотни, исключая сотников. Прошу никого не лезть в его дела и предоставлять ему все необходимое. Отныне у нас будет охранный дом, который будет заниматься особыми задачами. Гостомysl, тебе нужно будет выдать ему любую сумму денег, которую он попросит. Подчиняется он только мне и никому больше. Находиться новый дом будет на краю города рядом с кузнечным кварталом. Мал, подбери два десятка ратников, только чтоб умели держать рот на замке, и организуй около этого дома караулы, чтоб ни один человек не пронюхал, что там делают. У Данилы есть пергамент, дающий право на все вышеперечисленное. С сегодняшнего дня он имеет право вмешиваться во все ваши дела, а вы в его нет. Вопросы?

Советники молчали, обдумывали сказанное. Василько поднял голову.

— Княже! А какие задачи будет выполнять охранный дом?

Ингвар улыбнулся.

— Я знал, что именно ты задашь этот вопрос. А задачи близкие к тем, что ты выполнял у Влада. Только более детальные: дворцовые перевороты, шпионаж, поиск предателей.

Ратибор встал.

— Княже, а не слишком ли большие полномочия получил бывший десятник?

— Ратибор, вокруг нашего княжества собирается слишком много разного люда. Я в них не совсем уверен. А так за ними будет постоянный надзор. Идите и помните, что я сказал, с этого дня он подчиняется только мне.

Ближе к вечеру в зал вбежал трясущийся от бешенства Ратибор.

— Княже, — крикнул воевода, — он обескровил три сотни, отобрал самых умелых и преданных, если так будет продолжаться и дальше у меня не останется ратников.

— Не волнуйся ты так, воевода. Он вправе забрать всего две сотни, потом он будет набирать молодых отроков для обучения, а сейчас ему нужен хребет, состоящий из бывалых воинов.

Но не успел Ратибор ответить, как в зал вбежал Гостомysl, его глаза выражали крайнее недовольство.

— Княже, — с порога крикнул он, — Данила только что уменьшил городскую казну на пятьсот гривен серебром.

Ингвар внимательно посмотрел на своих советников, — Признайтесь, вы что сговорились? Один жалуется, что лишился лучших воинов, другой денег. Поймите, это нужно Новгороду. Слишком много за последнее время было предательства. Не троньте вы пока его, посмотрим, что из этого получится через пару месяцев.

Ратибор с Гостомyslom переглянулись, им было ясно князя сейчас не переубедить. Поклонившись, оба покинули зал. Ингвар же приступил к чертежу арбалета. Он собирался немного усовершенствовать это мощное оружие. Для выполнения задач, которые Ингвар поставил перед Данилой, плечи лука должны быть складными, а в длину арбалет не должен превышать сорока сантиметров, также он должен иметь складной приклад и перезаряжаться одним движением рычага. По всем расчетом Ингвара выходило, что уменьшенная копия

арбалета способна пробивать доспехи на расстоянии пятидесяти метров. К четырем часам утра чертеж был готов. Оставалось найти оружейника, который изготовит пробную партию, а после испытаний, если пройдут удачно, и остальной заказ в пять сотен штук. Рано утром на задний двор, где Ингвар бился на мечях с двумя воями, заглянул Гостомысл.

— Княже, сегодня в полдень за городскими стенами ты посвящаешь в наместники Трувора, — на всякий случай напомнил он.

— Я помню, боярин, — отозвался Ингвар, не отрываясь от боя. Из-за Гостомысла он чуть не проворонил хитро построенную атаку и теперь злился на себя и на него. Через час прилично измотанный он сидел за накрытым столом в трапезной, где уже по сложившейся традиции его ждала Ярослава. Туда же явились Гостомысл с Ратибором. По их виду было видно, что они чем-то довольны.

— Княже, — опускаясь за стол, произнес боярин, — только что у меня были цеховые старейшины от оружейников, кузнецов, ткачей и кожевенников. Они принесли хорошие новости. За последние три дня пришедшие варяги оставили в наших лавках около тысячи гривен серебра. Еще огромный заказ на тысячу гривен золотом сделал конунг Трувор. Его уже выполнили и доставили к драккарам варягов. Из этого всего в княжескую казну попадет около пятисот гривен серебра и четыре сотни золотом. Все очень довольны — это первая такая крупная сделка за все основание новгородского княжества, исключая, конечно, князь, твои заказы.

— Да, Гостомысл, не зря мы договорились с ними, — произнес Ингвар. — Мало того, что они теперь защищают наши северные рубежи, так еще и казну пополнили, а со следующего года и дань платить будут.

В разговор вмешался Ратибор.

— Князь, а ведь это еще не все новости. Вчера ко мне на воинский двор заявилися тысячники Трувора и попросили показать системы построений и формирований новгородских сотен. Ну, я скрываться не стал, рассказал то, чему ты меня научил. Они пришли в восторг от построений хирда, когда щиты сковываются цепью. Еще в больший восторг их привели смешанные сотни. Они же рассказали мне о новом виде оружия, что у них называют самострелом. С ним может управиться даже баба, которая оружия в руках не держала (бьет он дальше и сильнее любого лука, правда, и заряжать его дольше). Они оставили чертежи. Может, стоит подумать о его применении в новгородской дружине?

— Ратибор. Мне знаком самострел, или как называют его в другом мире — арбалет. Ему еще очень долгое время не будет равного среди этого вида оружия. Но ты прав, он тяжел и неудобно заряжается. Через две недели я, думаю, смогу предоставить в твое распоряжение более легкий и удобный его вариант.

— Хорошо бы, княже. А то не ровен час, придется столкнуться с западными рыцарями. Чем бить-то эти ходячие горы железа? А с самострелом мы их конницу враз положим.

В трапезную заглянул Слав.

— Княже, кони готовы, можно ехать.

— Ладно, советники, хорошего понемногу. Пора позаботиться о наших северных рубежах, а то придут другие урмане, не такие как эти, и придется нам в поле выходить, да вместо серебряных гривен мечем получать. Пошли делать нового наместника.

Илья Кремень постарался. Большой помост был установлен недалеко от новгородских стен, прямо около пристани, где сейчас стояло больше половины драккаров, пришедших с Трувором. Толпа была достаточно разношерстная. Ингвар заметил, что скандинавы свободно

бродили по городу небольшими кучками. Они настолько освоились, что даже не брали с собой оружие. Вот мирно беседуют новгородец и пришлый варяг. Две молодые девушки задирают косматого морехода, лицо которого все покрыто шрамами. Он что-то говорит им в ответ, и все весело смеются. К Ингвару приблизился Трувор.

— Ну что, княже, может, начнем? А то, так до вечера на толпу смотреть можно.

— Давай, начнем.

Ингвар сделал знак, и на край помоста вышел Ратибор. В руках у него был большой боевой рог. Чистый звук пронесся над полем, заполненным людьми, и полетел в сторону озера, где на воде бок о бок стояли драккары Трувора. Народ смолк. Ингвар шагнул вперед.

— Люди Новгорода и славные викинги! Сегодня в нашем городе большая радость, я обрел родственника, он пришел ко мне вместе со своим родом. Когда я спешил сюда после сечи на Чудском озере, где новгородская дружина разгромила ополчение местных племен, мне казалось, что я спешу на битву, а под стенами города стоит войско урман, пытающееся стереть Новгород с лица земли. Но мне открылась дивная картина: суровые северные мореходы бок о бок с новгородцами ведут торг; небольшие группы викингов пьют мед в трактирах; на торжище местный купец подбирает стеклянные бусы для красивой варяжской девушки. И все это происходит чинно и ладно. И я, князь новгородский, рад тому, что вы пришли с миром.

Толпа радостно взревела, раздались приветственные возгласы. Ингвар вновь поднял руку, снова воцарилась тишина.

— Но не затем я вас позвал сегодня. Сейчас конунг Трувор, мой родной дядя, станет полноправным правителем ладожских земель, которые отныне отходят под его руку. Все новгородские веси, что находятся на этой земле, с этого дня будут платить дань ему. Конунг Трувор, готов ли ты стать наместником в Ладоге и прилегающих к ней землях?

Суровый викинг опустился перед Ингваром на одно колено.

— Да, князь.

— Признаешь ли ты меня верховным князем?

— Да, князь.

— Будешь ли ты беречь земли, отведенные тебе, и заботиться о людях их населяющих?

— Да, князь.

— Клянешься ли ты править справедливо, по законам новгородским, быть опорой и щитом Новгорода перед врагами его?

— Да, князь.

Ингвар достал меч Людоты и легонько опустил его сначала на правое плечо Трувора, затем на левое. Конунг прикоснулся губами к лезвию, Ингвар убрал меч в ножны и Гостомысл подал ему серебряный обруч. Приняв из рук боярина символ наместника, Ингвар возложил его на голову Трувора.

— Встань же, наместник Трувор!

Викинг поднялся и обнял племянника. Толпа ликовала. Вечером в тереме Ингвара был большой пир, на котором присутствовали все воеводы варягов во главе с Трувором. Ближе к концу, он приблизился к Ингвару.

— Племянник, нам надо поговорить в тишине, — зашептал он в ухо князю. Есть вести от короля Отона.

Ингвар и конунг варягов тихонько покинули зал. Дойдя до княжеской горницы, Ингвар тихо сказал сопровождающему их ратнику.

— Встань здесь, и пока мы не выйдем, к комнате никто не должен подходить.

Ратник кивнул и застыл у двери. Зайдя, князь плотно затворил дверь и вопросительно посмотрел на Трувора.

— Что ты знаешь?

Конунг быстро осмотрелся.

— По осени на новгородские земли придет беда. Король Отон готовит большой поход, с ним пойдут четыре тысячи воинов. Они придут убивать и грабить.

Ингвар нахмурился.

— Большой кровью вместе с тобой мы сумеем отбить это нападение.

— Не все так просто, племянник. Незадолго до этого в твои владения должно просочиться около двух тысяч воинов Влада, а вместе с ними подойдет четырехтысячная полоцкая дружина. И когда ты вместе с ратниками уйдешь на сечу, они атакуют почти беззащитный Новгород.

— Откуда, дядя, тебе все стало известно?

— Ингвар, у каждого слова трудный путь. Мне это рассказал сам король, правда, он не знал, что я слышу. Он тайком встречался с послами Влада, а я в это время спал со сладкой девкой на сеновале и случайно услышал их разговор. После этого я решил уйти с его службы и попытать счастья на Руси.

— А не может это быть специально подстроено?

— Нет, — задумчиво ответил викинг, — он понял, что я о чем-то догадываюсь, и пытался меня убить. После этого пришлось спешно бежать. Я успел предупредить своего брата Синиуса, и он задержал погоню. Кстати, вскоре он тоже должен пожаловать к тебе вместе с дружиной. Ладно, племян, давай будем готовиться к худшему, придут — встретим, не придут, еще лучше. Что собираешься делать?

Ингвар помрачнел.

— Даже на стенах новгородская дружина вместе с ополчением не сможет сдержать такое количество опытных ратников, а если подойдут викинги Отона, то Новгород точно падет. Но одна дума есть. Мстислав давно точит зуб на Полоцк. Он у него как кость в горле. Если попробовать соединить новгородские дружины с китежскими, то Полоцк можно захватить. Тогда удар Влада будет намного слабее. Но Китеж не сможет снять полки, что сторожат степь. Значит, приходится рассчитывать тысячи на четыре ратников, плюс мои две с половиной. А Рогволд может вывести в поле восемь тысяч и это без ополчения. Так нам его не одолеть. Твои же тысячи мы не сможем использовать по причине, что они будут сторожить Ладогу. Я вижу только один выход. Когда полоцкая дружина двинется на Новгород, китежане ударят в них с тыла, а я выйду навстречу, тебе же предстоит удерживать урман Отона. Новгород в этот момент будет беззащитен, но это единственная возможность отбить это нападение.

— Что ж, Ингвар, твой план разумен. Но как мне сдержать четыре тысячи викингов? Против них я смогу использовать не больше двух тысяч.

— Для этого я отдам тебе четыреста лучников. Ударами из засад они измотают викингов, и к Ладоге дойдет в лучшем случае половина. А тебе надо будет решить: биться на стенах или ты найдешь более удобную позицию. Там много болот, может быть, воспользуешься ими?

— Ладно, князь, на том и порешим. Попробуем этот план, другого, может, и не быть. Засылай гонцов в Китеж, нам надо успеть подготовиться.

— Завтра с утра и отправлю, а сегодня, Трувор, давай вернемся к столу.

Часам к двум ночи пир был закончен, а на рассвете пятьдесят драккаров Трувора ушли по направлению к ладожскому озеру. Ингвар, стоящий на пристани вместе с Ратибором и Гостомыслом, дождался, пока корабли скроются, и двинулся к терему. Дойдя до зала совета, Ингвар плотно закрыл двери.

— Садитесь. Разговор у нас будет длинный и очень важный. — Он кратко изложил ночной разговор с Трувором и план, который они вместе придумали.

— Ну, что скажете? — спросил Ингвар.

— А то, князь, — начал Ратибор, — что попали мы между молотом и наковальней. План вы действительно разработали хороший. Вот только согласиться ли с ним Мстислав? Долго он нас еще выручать будет?

— Ты прав, воевода. Он не может нас выручать вечно, но и с полоцким княжеством покончить хочет. Такой беспокойный сосед ему ни к чему. Я думаю, он даст эти четыре тысячи, поскольку знает, если нас сомнут, земли эти займут викинги Отона, а князь Рогволд очень быстро найдет с ними общий язык, и тогда и Китежу долго не протянуть. Сейчас у Мстислава есть две возможности: оставить нас биться в одиночку против всей своры, а самому копить силы для защиты, либо помочь нам и нанести удар первым. Тогда есть шанс и нам устоять, а устояв, мы и Китежу сможем помочь с Полоцком разобраться. Часть полоцкой дружины одолеем, а поторопимся и Полоцк захватим. Обсудили и ладно. Воевода, отбери лучшую сотню, они посла сопровождать будет.

— Кого, княже послать думаешь?

— А чего тут думать. Ярослава поедет. Неужто с отцом общего языка не найдет, заодно в Китеже погостит. Пойду ее будить. Завтра в дорогу, а объяснить ей надо многое. Ратибор, готовь лучшую сотню для охраны Ярославы. Так же вместе с ними отправятся обратно китежские сотни. А после займись усиленным набором дружины, чтоб к осени она доходила до трех тысяч. Гостомысл, к тебе особое поручение. У тебя наверняка есть знакомцы в Полоцке, которые за вознаграждение расскажут, что там сейчас происходит. А главное, мне нужно знать дату, когда их дружина в поход отправиться.

Боярин кивнул.

— Найдутся, князь, и такие, кто за деньги не только Полоцк, бога продаст. И я как раз одного такого знаю. Он даже к Рогволду в палаты вхож.

— Тогда сделай так, чтобы мы знали о каждом шаге полоцкого князя. Все. Совет закончен.

Ратибор с Гостомыслом поклонились и вышли. Ингвар достал пергамент из телячьей кожи и принялся писать подробное письмо Мстиславу.

Через пару часов, разогнув спину, он поднялся из-за стола. Пройдясь по залу, он размял затекшие мышцы, достал меч и сделал пару быстрых ударов. Кровь побежала быстрее, разгоняя дурные мысли. Он ясно увидел, как невидимый противник отступал перед его натиском, и почти был прижат к стенке, когда дверь в зал приоткрылась и в нее просунулась голова стража.

— Княже, тут княгиня Ярослава спрашивает, не занят ли ты?

— Впусти, — крикнул он, вытирая пот со лба и убирая меч в ножны.

Она вошла такая легкая и свежая, что Ингвару тут же расхотелось говорить о делах, но времени на романтику не было. Ингвар подошел к жене и, взяв за руку, проводил до стола. Посадив ее рядом и нежно сжав ее пальцы, он уже хотел начать серьезный разговор о

посольстве в Китеж, как вдруг она, опередив его на мгновение, спросила сама.

— Ингвар, любимый мой, расскажи, что тебя гложет? Я еще вчера заметила, после того как ты вернулся за пиршеский стол, тебя что-то мучило. Может быть, я могла бы тебе помочь?

— Все ты, моя любимая, замечаешь. Да, Ярослава, гложет меня одна беда, что угрожает Новгороду. Враги наши по осени планируют напасть на город большими силами, и не хватит у нас ратников, чтобы защитить его. Но одна возможность отбиться все же есть, и помочь можешь только ты.

— Говори, не тяни. Я все сделаю, — смело сказала она.

— Ну, если ты готова, тогда слушай. Осенью четыре тысячи викингов во главе с Отоном придут со стороны Ладоги, еще четыре тысячи ратников из Полоцка атакуют Новгород, а довершить дело собираются две тысячи воинов Влада. К началу вторжения Новгород, в лучшем случае, будет иметь три тысячи дружины и две тысячи варягов Трувора. Сил этих хватит только на то, чтобы отбиться от Отона. С остальными молодому Новгороду не справиться. Если только не выручит Китеж. Я хочу послать тебя послом к Мстиславу. Заодно и погостишь у отца, пока все не кончится.

— Нет, Ингвар. Послом в Китеж я поеду, но там не останусь. Новгород теперь и мой город, а значит, когда придет беда, я хочу быть здесь с тобой. Когда надо отправляться и что передать отцу?

— Поедешь завтра утром в сопровождении сотни новгородцев, их сейчас отбирает Ратибор. А также с тобой пойдут две китежские сотни, им пора домой. Передашь Мстиславу вот это, — и он подвинул к ней туго скрученный пергамент, скрепленный печатью. — Здесь изложено полное положение дел и мой план, как отбиться. С собой ты возьмешь голубей, которых будешь посылать, когда возникнет необходимость что-то мне передать или посоветоваться. Учти, это нужно сделать, как можно скорее. Никто не должен знать, что ты прибыла по делу. Запомни, для всех ты приехала в гости. Если в Полоцке узнают, для чего ты едешь в Китеж, то попытаются тебе помешать. Я пошлю голубя к твоему отцу и попрошу его встретить тебя на днепровских порогах.

— Хорошо, любимый. Я все сделаю, как ты сказал. Завтра с утра я отправлюсь в путь. А теперь, если ты не против, пойдём, позавтракаем, а после я приглашаю тебя на прогулку за городские стены. Я присмотрела замечательное место для того, чтобы побыть вдвоем.

Место, которое нашла Ярослава, было действительно прекрасно: небольшая заводь вверх по реке. На тихой воде плавали утки, в траве прыгали кузнечики, жужжали пчелы.

— Как жаль, что мне завтра уезжать. Так хочется побыть с тобой, а то последнее время я тебя почти не вижу. Ты то в походах, то ведешь умные разговоры с советниками.

— Яра, любимая. Мне тоже очень хочется побыть с тобой, но я сам взял на себя огромную ответственность: править городом и землями вокруг нелегко. Я просто хочу успеть сделать как можно больше и лучше. Тот, другой мир знает примеры, когда хорошие начинания превращались в страшных тварей, пожирающих своих создателей и все, что рядом с ними. Зная об ошибках того мира, я пытаюсь не повторять их в этом. Я собираюсь создать единое государство. Мощное, идущее только вперед, использующее весь положительный опыт того мира. Новое — это хорошо забытое старое.

— Ингвар. Разве в том, что ты делаешь, есть новое? Китеж развивался тем же путем: покорял племена, брал с них дань, набирал из них дружину.

— Да, пока моих новых идей не видно. Но с этого года я начну их претворять в жизнь.

Уже создан охранный дом, который будет заниматься обеспечением внутреннего покоя новгородских земель и сбором сведений за нашими границами. Сейчас Данила готовит первые две сотни для особых поручений, потом их станет больше. С осени, если сумеем отбиться, я собираюсь открыть ученый дом, который будет заниматься обучением способных к наукам и ремеслам детей. Причем не только из знатных родов, но и из крестьянских семей. В следующем году введу новую систему налогов. А также необходимо улучшить условия труда земледельцев. Дружинники служат десять лет, по истечении которых будут вольны либо заняться земледелием, либо попробовать себя в торговле, при этом я буду иметь в запасе много обученных людей.

— Да, любимый, твои планы идут очень далеко, но сейчас ты со мной. Забудь на время о делах. — И Ярослава медленно, притянув его к себе, стала снимать с него рубаху.

На следующее утро, княжна в сопровождении трех сотен ратников покинула Новгород. После проведенной вместе с ней прекрасной ночи, Ингвару очень не хотелось говорить с Ярославой о делах, но сейчас на чашах весов лежала судьба молодого Новгорода.

— Запомни, любимая, от тебя сейчас зависит, жить городу или погибнуть. Если Мстислав помочь не сможет, здесь все обратится в пепел. А эти земли займут викинги Отона, либо их присоединит к себе Полоцк, тогда и Китежу останется только ожидать конца.

— Ингвар. Я все сделаю. Не надо повторять то, что и так понятно. Прощай, скоро будут первые вести.

Ее красивая резная повозка тронулась и покатила за ворота. В последний раз она повернулась и махнула ему рукой.

После того, как караван исчез из виду, сердце Ингвара сжала пугающая пустота. Только что уехала единственная женщина, которую он любит и без которой не сможет жить. Так хотелось вскочить на коня, броситься вслед за ней и никуда не отпускать. Но обратного хода не было, нужно сжать кулаки и крепить молодое княжество.

Поскольку время было раннее, а дел было много, Ингвар послал отрока за Ратибором и Гостомыслом. Он прошел в зал совета и стал обдумывать дальнейшие действия. Князь так углубился в свои думы, что не заметил появление боярина и воеводы.

— Звал, княже, — спросил Ратибор, прерывая Ингвара на середине мысли.

— Да. Садитесь. Итак, только что Ярослава уехала в Китеж. Я же сегодня в сопровождении сотни отправлюсь заканчивать дела с чудским племенем. Пошлите гонца в Белоозеро, пусть через две недели в Новгород приедет Святослав. Во многом наша победа будет зависеть от него. Гостомысл, дай срочный заказ кузнецам и оружейникам на полную справу для двух тысяч ратников. Денег не жалея. Ратибор, ускорь подготовку отроков. Сколько сейчас народу обучается на воинских дворах?

Воевода на секунду задумался, что-то подсчитывая в уме.

— Около тысячи, княже. Четыре смешанные сотни, две конные, две сотни пеших лучников, и Ясна готовит двести новгородских дев. Итого к осени мы будем иметь новгородскую дружину числом более трех тысяч.

— Продолжай готовить этих и приготовься принять в конце месяца еще пять сотен. Где ты их будешь размещать, и обучать твоя забота. Ну, вот и все. Вы двое останетесь присматривать за городом, а я через час отправлюсь в путь.

Ратибор с Гостомыслом поклонились и покинули зал.

— Слав, — крикнул Ингвар.

Через несколько минут в зале возник начальник его охранной сотни.

— Чего изволишь, княже?

— Через час сотня должна быть готова к выходу из города. Едем обратно на Чудское озеро. Оставь два десятка ратников для охраны терема, остальных бери с собой. Все, иди, собирайся.

Сотник кивнул и вышел.

Да за год Ингвар сделал невозможное: поставил город, покори́л близлежащие племена, сейчас ставит еще два города. И пока все удается. А если бы не было всех этих бесполезных битв, он бы успел сделать намного больше. Но как быстро его враги поняли, что молодое княжество стало опасным противником. Уже три раза они нападали и уходили ни с чем. Приближается четвертый, самый мощный удар, и если его отразить, а затем покорить Полоцк, то можно будет вздохнуть спокойно. Но до этого времени важно дожить и сохранить при этом силы на дальнейшее.

Два дня в дороге прошли незаметно. Погруженный в свои мысли, Ингвар не заметил, как кони вынесли его отряд на берег Чудского озера. На две версты ниже по течению стучали топоры.

— Туда, — приказал он.

Через полчаса, едва не попав в болото, сотня всадников вылетела на пустое пространство. Широкая гладь озера отражала голубое небо. На крутом берегу мужики ставили добротный частокол. Недостатка в материале не было, лес был под боком. Высокие стволы, которые уже успели поставить заостренными концами, щетинились кверху. Заметив князя, мужики побросали работу и начали выходить навстречу. Ингвар спрыгнул с коня, к нему бок о бок шли Радимир и Агапий. Не доходя пары метров, они сняли шапки и поклонились.

— Здравствуй, князь, — начал Радимир. — Мы сделали, как ты велел, и вместе с Агапием пять дней назад заложили первый камень в крепость Псков. Сейчас здесь трудится четыре сотни человек.

— Да, я вижу, — громко сказал Ингвар, — что вы вместе трудитесь, и от вашей вражды не осталось и следа. Меня радует, что вон там ставят бревно Чудин и Ильменец, а там девушка из села Агапия перевязывает руку косматому мужику из радимировых работников. Неужели была необходима та бойня на Чудском озере, чтобы вы договорились и объединились?

— Да, княже, ты прав, — сказал Агапий. — Люди неразумны, и вместо того чтобы людям одного языка жить дружной семьей, мы каждый год выходим в поле с дубинами и рогатинами и начинаем выяснять, кто из нас имеет больше прав на эту землю. Но пришел ты и принес нам мир, за что тебе низкий поклон, — и оба старейшины поклонились до земли. Народ, который давно обступил их, при этом радостно закричал.

— Княже, мы сегодня новый дом закончили, — подал голос Радимир. — Как чувствовали, что ты сегодня приедешь. Окажи честь, расположись в нем, отдохни с дороги, отобедай, а потом осмотришь то, что уже сделано.

— Ладно, Радимир, веди к новому дому, — произнес Ингвар, — да всадников моих размести где-нибудь. А потом взглянем на новую крепость. Вечером прошу обоих ко мне, разговор серьезный будет.

Оба поклонились и повели князя в сторону большого бревенчатого дома, край которого выступал из-за незаконченного частокола. Неспешно поужинав, Ингвар отправился

осматривать строящуюся крепость. Ладили ее добротнo, бревна брали высокие и толстые, человек сорок занимались непосредственно воротами. Остальные рубили либо дома, либо частокол. Сама крепость напоминала прямоугольник и была расположена вдоль течения реки Псковы. По плану Агапия, она должна была быть около двух верст в длину и одной в ширину, иметь восемь башен и двое ворот, одни из которых должны были выходить на пристань. В округе были огромные запасы камня, и Радимир предложил стену сделать пока деревянной, а башни каменные.

— Хорошая идея, — оценил Ингвар, — деревянную быстрее поставить, а потом можно заменять целыми кусками, но башни сразу из камня, тем более в округе недостатка в нем нет.

Радимир поклонился.

— Как скажешь, князь. Будут еще какие-нибудь указания или пожелания.

— Нет, по городу пока все, но сейчас мы вернемся в дом и там с тобой обсудим несколько важных вопросов.

Они вернулись в дом, сев за длинный стол, за которым недавно обедали, Ингвар взглядом указал старейшине на место напротив себя.

— Садись, Радимир, разговор будет длинным. — Дождавшись, когда старейшина сядет, он неторопливо заговорил. — Те викинги, о которых ты меня предупредил, оказались не врагами, это пришел брат моего отца Трувор вместе с родом своим и дружиной. Он попросил у меня земли, и я отдал ему земли Ладожского озера. Теперь Трувор сидит там наместником и строит город, который назвал Ладогой, но он сказал, что вскоре придут другие викинги в большем числе, и придут они не с миром, а убивать и грабить. В конце лета, вначале осени в Новгород с войной придет полоцкое княжество, а поддерживает их князь Влад, тот самый, что настроил чудинов на войну с Новгородом. Если объединить их силы, то они могут выставить десять тысяч воинов. У меня в дружине к концу лета будет три с половиной тысячи, плюс две тысячи воинов, что привел с собой Трувор. Но этого мало, нужно, чтобы все племена, которые верны Новгороду, выставили свои сотни.

Радимир нахмурился.

— Да, князь, тяжелую думу ты мне задал. И крепость надо строить, и воинов дать. После битвы на Чудском озере мы потеряли многих воинов, но в этом мы сами виноваты. Княже, сколько ратников тебе прислать?

— Мне нужно не меньше семи сотен крепких парней, если найдутся женщины, готовые выйти на поле брани, я не откажусь, они доказали, что способны ни в чем не уступать мужчинам. И очень скоро новгородские девы будут одним из лучших отрядов новгородского княжества. Содержание новых ратников возьмет на себя Новгород, никаких новых податей в связи с этим вводить не буду. Часть из них потом вернется дружинниками в Псков.

— Хорошо, князь. Дай мне два дня, и я соберу тебе необходимое количество воев. Что еще необходимо тебе?

— Радимир, у тебя есть толковые кузнецы и оружейники?

— Да, княже, человек двадцать со всех весей наберется.

— Тогда пришли их всех в Новгород. Платить за работу буду щедро, а потом, если захотят, вернуться в Псков. Мне сейчас дорога любая помощь. И еще, часть ваших весей стоит по берегам Невы и Балтики, когда там появятся викинги, никто не уцелеет, они вырежут всех. Пускай люди, что там живут, при их появлении уходят в Псков, а крепкие мужики в сторону Ладогои, там их помощь будет очень кстати. На самой крайней границе земель

чудских выставки дозорных, которые при появлении урман предупредят местных и отправят гонца в Ладогу к Трувору.

— Как скажешь, княже, — задумчиво молвил Радимир. — Все выполним: и пост поставим, и людей предупредим.

— Тогда все, — устало сказал Ингвар, — иди готовь обещанное, а я выплюсь после дороги.

Радимир поклонился и вышел, дверь глухо закрылась за ним, и Ингвар остался один. Вот и еще одно дело справил. Новых отроков Малу с Василько раздобыл, и Трувор будет предупрежден о приходе Отона.

Два дня Ингвар бродил по строящейся крепости, и наблюдал за работой. Часть мужиков под руководством Агапия стали складывать первую башню, работали ловко и быстро, Ингвар, наблюдая за ними, пытался прикинуть, за сколько они управятся, по его подсчетам выходило около месяца. Заметив, что князь наблюдает за ними, к нему подошел Агапий.

— Княже, недели за три, думаю, сумеем управиться, а когда метра на три ее поднимем, я отсюда часть людей сниму, пускай основание другой класть начинают. Было бы каменщиков побольше, еще быстрее сложили бы, а то народу мало.

— Ну, ты хитрый, — улыбнулся Ингвар. — Пришлю я тебе людей из Новгорода, немного, но пришлю.

— Спасибо княже, пойду я, а то они без меня такого настроят, что потом месяц переделывать будем. — Поклонившись, он заспешил обратно к башне.

К концу второго дня в строящуюся крепость во главе крупного отряда воинов въехал Радимир.

— Ну, князь, — весело крикнул он вышедшему навстречу Ингвару, — принимай воинов. Сам не думал, что так быстро собрать сумею. Однако, как только весть разлетелась, что в Новгород дружинники нужны, со всех весей народ попер, пришлось даже некоторых домой отослать, уж больно их много оказалось. А тебе я привел лучшую тысячу.

— Спасибо, Радимир. Новгород перед тобой в долгу, а я ничего не забываю. Быть тебе боярином в совете при псковском наместнике. Главное место тебе отдам.

Радимир поклонился.

— Благодарствую, княже. Только не ради себя старался, а чтобы Новгород жил. Принимай воинов, а то они меня замучили, спрашивая, когда князя увидят.

— Слав, — крикнул Ингвар, — построй их в линию. Посмотрим, кого Радимир привел.

Сотник быстро, насколько это было возможно, выполнил приказание. Правда, сделать из этого сборища простых мужиков и баб нормальную линию, оказалось не просто, на это у Слава ушло минут десять.

— Князь, воины построены, — доложил он. — Желаете осмотреть?

Ингвар кивнул и пошел вдоль стоящих людей. Остановившись перед молодым парнем огромного роста, он осмотрел фигуру будущего ратника: крепкие мышцы, широкие плечи, на голову выше его самого.

— Как звать?

— Дубком кличут, княже.

— Мечем драться можешь?

— Нет, княже. Но все говорили, что рогатиной неплохо орудую и топором.

Ингвар кивнул и пошел дальше. Этот сгодиться в копейщики, руки крепкие, как раз копье держать. Его взгляд упал на красивую девчущку лет восемнадцати, русые волосы,

узкое лицо и сама она вся стройная и гибкая, как ивовый пруттик.

— А тебя как звать красавица?

— Ивушкой, — робко выговорила она.

— Чем у себя в веси занималась?

— Да как все, княже, летом — в поле, зимой — за прялкой.

— Так чего же ко мне в дружину надумала? Аль спокойно дома с отцом и матерью не сиделось?

— Сирота я, княже. Отца три весны назад медведь задрал, а мать зиму назад слегла, да так больше и не встала. Староста замуж хотел отдать, да кто меня такую возьмет. Вот и сбежала к тебе в дружину. Меня отец еще в детстве из лука научил стрелять. — Вдруг ее глаза налились слезами, тело судорожно вздрогнуло. Упав Ингвару в ноги, она сквозь слезы зашептала, — не гони, княже. Не люб мне жених, которого староста выбрал, если погонишь меня, княже, утоплюсь.

— Встань, — сурово сказал Ингвар. — Гнать тебя я не буду, но чтоб эти слезы я больше не видел. А то знаю я вашу бабскую породу, на поле боя одна заревет, другие подхватят, тогда мою дружину даже куры заклюют. А ну, реветь прекратить, слезы утереть, обратно в строй встать. — Размазывая слезы по лицу, Ивушка встала обратно на свое место. — Не сможешь в дружину попасть, придешь ко мне в терем, я тебе работу дам, а там и мужа найдешь. А станешь дружинницей, вокруг тебя столько парней ходить будет, что прятаться от них придется. Но пока ты служишь мне, никаких детей. Если забрюхатишь, навсегда службу покинешь, мое слово твердое.

Ингвар улыбнулся ей напоследок и двинулся дальше. Поговорив еще с несколькими новобранцами, он позвал Слава.

— Сотник, отряди семь десятков воинов из моей охраны, пусть разбирают ополченцев и создают временные отряды, человек по сто пятьдесят. Разбить лагерь недалеко отсюда, всех накормить. Через час доложишь, как устроились. Они должны отдохнуть. Завтра сутра быстрым маршем выходим к Новгороду.

Слав кивнул и бросился исполнять приказание. На дворе началась суета. Среди множества голосов слышался громкий голос сотника, отдающего команды.

Через час в дверь дома, где остановился Ингвар, постучали.

— Войдите, — отозвался он на стук.

Дверь распахнулась. В нее вошел сотник.

— Княже, новобранцы устроены. Сейчас на кострах готовится еда. Агапий помог с продовольствием. — Закончив доклад, он застыл, ожидая дальнейших приказов.

— Вот, что, — задумчиво произнес Ингвар, — вели одному из ратников собираться в дорогу, через час он должен быть в пути. Пусть, как можно быстрее, скачет в Новгород к Ратибору и предупредит, что мы приведем тысячу воинов, а не пять сотен, как собирались. Все иди. Выполнишь это и можешь отдыхать. На сегодня поручений больше не будет.

Слав поклонился и вышел.

Ингвар лег на лавку и закрыл глаза: завтра будет трудный день, надо отдохнуть.

Как всегда, круг камней появился совершенно неожиданно. Ингвар стоял рядом с алтарем и смотрел на скользящую в тридцати сантиметрах от поверхности тень ведогона.

— Здравствуй, Ингвар, — произнес он, зависая в двух метрах от него. — Нам надо поговорить, и твое состояние между сном и явью самое лучшее для этого. Ты уже знаешь, что идет большая беда, и она намного опасней, чем тебе кажется. То, что произойдет на

десятый день после конца лета, может уничтожить не только молодой Новгород, но и Китеж. Запомни одно. Китеж будет атакован, как только снимет полки, сторожащие степь и Полоцк. Другими словами, Мстислав не сможет помочь тебе. После атаки на Новгород, со стороны степи его атакуют хазары и воины Влада, а со стороны Полоцка — оставшиеся дружинники Рогволда, срочно пошли гонца к Мстиславу, пускай стягивает к Китежу ополчение. Ему понадобятся все силы, которыми он обладает. Для ваших врагов главное не дать вам соединиться, поэтому они сделают все возможное, чтобы Мстислав не смог тебе помочь.

— Так что же тогда делать? — закричал Ингвар. — Новгород не выдержит напор всех противников, мне негде взять десять тысяч дружинников. С помощью Мстислава мы могли отбиться, теперь же княжество на краю гибели. К осени я смогу располагать от силы четырьмя тысячами дружинников, тысяча из которых будет обучена лишь наполовину. Новгородское ополчение в десять тысяч сможет лишь задержать воинов Рогволда.

— Я знаю, — с печалью в голосе произнес ведогон. — Но один совет дать смогу: изготовляй арбалеты. Их болты смогут пробить кольчуги полоцких ратников. Даже в руках необученного ополченца это будет грозным оружием. Трувор сможет сдержать натиск воинов Отона, и помощь ему не понадобится, но вот тебе даже Перун помочь не в силах. Все в твоих руках. А теперь отдыхай. Мне пора, я снова приду, когда ты будешь в Новгороде. Там, рядом с капищем, я сильнее. Прощай.

Камни вместе с фигурой ведогона стали превращаться в клочья тумана, вскоре перед Ингваром был лысый холм, затем пропал и он.

Наутро Ингвар проснулся свежим и отдохнувшим. Умывшись и быстро позавтракав, он вышел во двор. Ранние лучи солнца красиво скользили по чешуйкам его доспеха. Правая рука невольно взялась за рукоять меча, что высывалась из-за левого плеча. Он с удовольствием бы побился на мечах с кем-нибудь из охранной сотни, но сейчас на подобные игры не было времени — надо было спешить в Новгород.

— Слав, — крикнул Ингвар.

— Да, княже, — раздался ответ прямо за спиной.

Ингвар резко повернулся, сзади него по стойке смирно стоял сотник.

— Ты своими шуточками когда-нибудь меня до смерти напугаешь. Чего так тихо подкрадываешься?

— Да я не подкрадывался, княже. Я здесь давно стою, тебя дожидаюсь. Хотел сказать, что тысяча готова к походу, только тебя князь ждем.

— Ладно, шутник. Твои воины, что на время стали сотниками, в скором порядке выдвигаются вместе с тысячей в Новгород. Мы же с десятью незанятыми ратниками выезжаем немедленно. Возьми заводных коней. Сегодня нам очень важна скорость. К ночи следующего дня мы должны быть в Новгороде. Эти, — Ингвар кивнул в сторону лагеря, — пусть тоже поторопятся.

Слав кивнул.

— Будет исполнено, княже. Только к чему такая спешка?

— Слав, — прикрикнул Ингвар, — если я говорю, что к сроку мы должны быть в Новгороде, значит это необходимо.

Слав поклонился и направился в сторону лагеря исполнять приказ.

Вскоре они уже мчались по дороге. Быстрая остановка, чтобы перекусить и сменить лошадей. В сумерках следующего дня они были в версте от новгородских стен. Ингвар на

полном скаку повернулся в сторону Слава.

— Когда въедем в город, пошли кого-нибудь оповестить о нашем прибытии Ратибора, Гостомысла, Василько, Мала, Вадима и Ясну. Жду их в зале совета. Пусть поторопятся.

В столь поздний час улицы Новгорода были полупустыми. Не было кричащей толпы, никто не задерживал их. Небольшой отряд Ингвара на полном скаку ворвался в ворота детинца. Ингвар взбежал по ступенькам терема и сразу пошел в сторону зала совета. Ратник, стоявший на страже у дверей, заметив князя, отсалютовал, распахнул двери и, не дожидаясь приказа князя, поспешил зажечь затушенные факелы и масляные лампы.

Ингвар прошел к столу, на котором лежала новая карта, прижатая по краям четырьмя кинжалами.

— Как только придут мои советники, проводи их сюда немедленно, — сказал он застывшему за его спиной ратнику. Тот поклонился и вышел, закрыв за собой двери.

Ингвар углубился в изучение карты.

— Где же то место, в котором удастся разбить объединенные силы Рогволда и Влада? Дверь за его спиной тихо отворилась, и в зал стали заходить его советники. Ингвар, не отвлекаясь от карты, сделал приглашающий жест.

— Заходите быстрее. Время дорого.

Ингвар поднял глаза, оглядывая пришедших, и с удивлением увидел среди них Святослава.

— А ты, наместник, как здесь оказался? Я тебя ждал только через неделю.

— Княже. Прости, что без приглашения. Если ты не забыл, я ведун, и чувствую, когда во мне нуждаются. Поэтому и приехал.

Голос подал Ратибор:

— Княже, к чему такая спешка, или что не так пошло?

— Да, Ратибор, ты прав. Весь наш план провалился. Вчера ночью я узнал, что Мстиславу самому будет нужна помощь. Ему бы осенью Китеж удержать. Сейчас я напишу письмо, а с утра отправишь к нему гонца.

Обведя всех настороженным взглядом, Ратибор сказал:

— Князь, но если не будет полков Мстислава, Новгороду не выдержать.

— Да, воевода, я знаю это, потому и примчался сюда, как можно быстрее. Нужно придумать другой план, иначе нам не удержать Новгород. Первое, что необходимо сделать, это найти место, где нападающие на нас тысячи будут наиболее уязвимы. Во-вторых, Вадим, завтра ты отправляешься по всем весям и набираешь в дружину еще две тысячи лучников. У тебя на это две недели.

Сотник поклонился.

— Хорошо, княже. Все сделаю.

— Мал, Василько и ты Ясна, ускорьте обучение своих сотен. Завтра должна подойти тысяча чудинов, особое внимание им. Там много лучников. Через два месяца они должны вгонять стрелу в малую мишень с двухсот метров. Гостомysl, — окликнул Ингвар склонившегося над картой боярина.

Тот быстро повернулся.

— Что, княже?

— Держи вот, — и он протянул Гостомыслу свернутый пергамент, — передай его оружейникам. Это чертеж самострела или, по научному, арбалета. К концу лета мне нужно минимум семьсот штук и сто пятьдесят болтов к каждому. Скажи им, что за каждый

изготовленный самострел платить буду щедро.

Гостомысл кивнул.

— Да, князь. Я слышал про это оружие. Говорят, его стрелы любую броню пробивают.

Завтра с утра отдам заказ.

Ингвар повернулся к Святославу.

— Ну что, наместник. Ты, как я понял, уже в курсе дел.

Наместник кивнул.

— Да, княже. Я уже знаю об опасности, идущей на княжество. Все мои дружинники в твоём распоряжении. К началу осени их будет ровно тысяча, плюс две сотни, которые ты направил в Белоозеро. Значит, в конце лета я приведу к Новгороду тысячу двести ратников. В городе я оставлю две сотни из отроков только начавших обучение. Для защиты этого вполне хватит.

— Спасибо тебе, Святослав, — искренне произнес Ингвар. — Я не забуду твою помощь.

— Да не за что, князь. Я тебе служить на мече присягал. Вот и пора часть клятвы выполнить.

— Ладно, иди к карте. Место для битвы посмотри, а я письмом к Мстиславу займусь.

Через два часа он закончил, пергамент был свернут и запечатан воском.

— Ратибор!

— Да, княже, — отозвался воевода.

— Бери письмо Мстиславу, и на рассвете чтоб гонец был в дороге. Выбери самого надежного.

— Будет исполнено, княже, — поклонившись, произнес он.

— Что с местом? — спросил Ингвар.

— Пока нашли два подходящих. Одно в болоте, второе на высоком холме, что прикрыт с двух сторон рекой, правда, неглубокой.

— Хорошо. Продолжайте искать. Если выберем неверное место, Новгород погибнет.

Утром часа в четыре все разошлись. Мал, Василько и Ясна отправились на воинские дворы, Вадим спешил седлать коня и собираться в дорогу, Гостомысл отправился к оружейникам, а Ратибор искать гонца, который поскачет предупредить Мстислава. Вскоре в зале остались только Ингвар и Святослав.

— Ну, что, княже. Туго нам придется без полков китежских, — произнес наместник. — А ведь еще викинги с Ладоги попрут, их как сдерживать будем?

— А вот здесь ты поможешь, — сказал Ингвар. — Собери у себя тысячу охотников, что со ста метров белку в глаз бьют, и отправь на помощь Трувору, а я завтра пошлю туда ладью с тысячью боевых луков для них. Прикрытые высоким частоколом, они сметут первую волну викингов, и вторую потреплют, а потом будут бить по набегаящим.

— Хорошо, княже. Я все сделаю. Разреши мне отбыть в Белоозеро — дел ты мне подкинул очень много.

— Конечно, езжай, если что понадобится, пришли гонца. Помогу.

Святослав поклонился и вышел.

Оставшись один, Ингвар склонился над картой, рассматривая возможные места для битвы с полоцкими дружинниками, но идеального места пока не находил. От усталости закрывались глаза, но спать было нельзя, нужно искать, а не то, все пропало. Но долгая дорога и быстрая скачка взяли свое, он сам не заметил, как уснул.

Внезапно перед ним возник холм с кругом камней. Рядом с алтарем парил ведогон.

— Да, князь, ты молодец, я уже все знаю. Ты сделал все, что было возможно. Теперь моя очередь помочь тебе. В восьмидесяти верстах от Новгорода в сторону Полоцка есть огромное болото. Оно расположено между двух рек Псковой и Волховом. Дружинникам Рогволда его не миновать. Только в одном месте оно проходимо, и тропа там не широка, метров десять.

— Спасибо, ведогон. Я как раз ломал голову над тем, где дать бой рати Рогволда, а ты подсказал мне верный вариант. Завтра съезжу и осмотрю эти места.

Призрачная фигура сделала что-то вроде поклона и стала таять. Вскоре от нее и от холма с кругом камней осталась зеленая равнина, по которой во весь опор мчались всадники на красивых конях и в блестящих доспехах. Их было очень много. Над ними развевались боевые прапоры, три из которых были знакомы Ингвару. На одном из них — его сокол, на двух других трепетали китежский орел с Белозерским лебедем. Зрелище было настолько завораживающее, что Ингвар не мог оторвать взгляда от непобедимой конницы. На секунду князю показалось, что прапор Новгорода держит Ерема, спасший ему жизнь в бою у Белоозера. Легкий ветерок шевелил его волосы. Всадники уносились все дальше за горизонт. И вдруг Ингвар услышал прямо рядом с ухом тихий голос, как будто ветер прошептал: «Это знамение победы. Мертвые говорят тебе, что правда за тобой. Ты не ошибся, твой стяг действительно держал Ерема. Теперь вместе с Данилой он водит в атаку новгородский полк дружины Перуна. Этим двум богатырям нет равных среди новгородцев, поэтому бог воинов и сделал их воеводами. Сегодня они примут бой против рати бога хазар. Перун с твоим приходом не знает поражений, одержит победу над чужим богом. Чем больше капищ ты сможешь восстановить, тем сильнее он будет, а значит, больше небесных побед он одержит со своей дружиной. И каждая его победа будет ослаблять твоих врагов и их богов». Голос стал уноситься вдаль и последнее, что расслышал Ингвар, были тихие, почти неслышимые слова: «Князь, слушай волхвов, они укажут». Пока Ингвар слушал голос ветра, его видение стало темнеть. За горизонтом, куда ускакали всадники Перуна, на фоне черного неба разгорался огромный пожар. Там был бой, там по второму разу, умирали его воины, но, если не вращать легенды, раны победителей затягивались прямо на ратном поле, и погибшие вновь поднимались с земли в блестящих доспехах. А вот проигравшие так и оставались мертвыми телами, с разрубленными шлемами и выпущенными внутренностями. Ветер, который летел в сторону горизонта, изменил свое направление и дул прямо в лицо Ингвара.

— Тебе пора, князь. Они победили. — Зеленая равнина превратилась в ключья тумана. Все пропало.

Открыв глаза, он обнаружил, что уснул прямо на карте новгородских земель. Его рука лежала на болоте, которое указал ведогон. Действительно, место было подходящее. Ингвар обратил внимание на небольшой островок в ста пятидесяти метрах от тропы, и если там поставить отряд лучников, то они будут бить прямо в правый край полоцких ратей. А стрелки Ингвара способны своими стрелами рассеять любого противника. Если не удастся рассеять, они с такой позиции приведут правый фланг противника в полную негодность. Он громко хлопнул в ладоши. Появился ратник, охраняющий двери в зал.

— Да, княже, что прикажешь?

— Сколько времени?

— Часов восемь утра, — ответил страж. — Я на страже уже около часа, а смена караулов в тереме проходит в семь.

— Найди мне Ратибора и Василько. Пусть придут сюда.

Вой поклонился.

— Они уже ждут, княже. Полчаса, как стоят за дверью.

— Так чего же ты здесь кривляешься. Быстро зови.

Ратник, увидев в глазах Ингвара гнев, выскочил за дверь. Через несколько секунд появились Василько и Ратибор.

— Княже, — поклонившись, произнес воевода, — гонца в Китеж я отправил, на рассвете он покинул Новгород.

— Да и еще, княже, — встрял в разговор Василько, — мы с воеводой нашли место для битвы. Болото в восьмидесяти верстах от города.

— Это что ли? — ткнув пальцем в точку на карте, спросил Ингвар.

Воевода и сотник склонились над столом, вглядываясь в место, куда указал Ингвар.

— Да, князь, это то самое место, — подтвердил Ратибор. Оба удивленно смотрели на улыбающегося князя. — Не получилось, Василько, у нас удивить князя, — произнес воевода.

— А я тебе, что говорил, — ответил ему сотник, — ты ему скажешь про болото, а он тебе вещий сон поведает.

Ингвар смотрел, как улыбаются его советники. Они, дескать, одновременно с князем нашли путь решения проблемы, и теперь были очень довольны собой.

— Ты прав, Василько. Мне действительно приснился вещий сон, и ведогон рассказал мне о болоте и узкой тропе. А еще мне показали Данилу и Ерему, которые теперь водят в небесные битвы новгородский полк Перуна. Открою вам еще одну тайну: Перун одержал победу над ратью хазарского бога, тем самым ослабив наших врагов. И еще мне сказали, что, возводя капища и укрепляя веру в Перуна, я делаю его сильнее, а значит и люди, которые поклоняются богу воинов, станут более сильными.

— Да, здорово, — только и смог вымолвить Ратибор. — Ты действительно вещий князь. Тебе открыто многое, тебе помогают духи и боги, но у нас есть свои маленькие проблемы.

— Говори, — сказал Ингвар. — Поскольку малые проблемы могут стать очень большими.

— Во-первых, княже. У нас не хватает броней и оружия для всех, кто хочет к тебе в дружину. Сегодня в Новгород должна прийти тысяча от Радимира. Мы не знаем, где ее разместить. У нас не хватает опытных наставников, и оружия.

— С размещением я вам помогу. В версте от новгородских стен мною заложена воинская слобода, небольшой город, в котором будут в последствии жить все воины, исключая гарнизон Новгорода. Сейчас за невысоким частоколом стоят пять больших домов, а рядом рубится еще четыре. Размещайте новых воинов там. Насчет броней и оружия вопрос к Гостомыслу. Он ведает новгородской казной. Из княжеской же казны выдам вам пятьсот золотых — заказывайте у оружейников все необходимое. Гостомыслу же передайте, что я велел выдать вам необходимые деньги. Также отдайте оружейникам на перековку все брони, взятые нами в боях. Ратибор, сколько у тебя сейчас свободных боевых луков?

Воевода на секунду задумался.

— В оружейной лежит тысячи полторы новых луков и стрел тысяч сорок.

— В общем, так. Бери тысячу луков и все стрелы, грузи в ладью и отправляй все это в Ладогу. Святослав пошлет туда тысячу охотников. Необходимо вооружить их боевыми луками. Также с ладьей пошли гонца к Трувору. Предупреди, что луки для подкрепления, которое скоро будет там.

— Княже, — взмолился Ратибор, — а мы с чем останемся, если ты все луки и стрелы в

Ладогу отошлешь? Мне же еще тысячу чудинов вооружить надо.

— Пять сотен луков у тебя останется, а сегодня отдай оружейникам княжеский заказ на две тысячи луков и триста тысяч стрел, часть из которых тоже отправишь в Ладогу. Чтобы не меньше сотни стрел на лук получилось. Все должно быть готово к концу августа. На это выделяю еще пятьсот золотых из княжеской казны. Остальное к Гостомыслу. Я знаю, что сейчас у стен Новгорода идет большой торг: на нем два десятка урманских купцов, пять греков, есть даже несколько хазар со своими великолепными скакунами. Боярин получил с них большую плату золотом, а значит, в городской казне деньги есть. Пускай даст, сколько может. Если Новгород возьмут враги, ему деньги явно не понадобятся. Тем более, он продал грекам весь мех, который мы получили в виде дани, а урманам много зерна, меда и воска. Так что, повторяю, деньги у него должны быть. А теперь идите. У вас много дел. Найдите Слава, пусть выделит из моей казны обещанную тысячу и спешно отдавайте заказы оружейникам. Завтра мы поедем смотреть болото.

Воевода и сотник поклонились и вышли. Ингвар огляделся, вспомнив, что не умывался и не завтракал, он решил это быстренько исправить. Таз с водой находился на обычном месте, позади трона. «Кто-то из прислуги позаботился о чистой воде, — подумал Ингвар, — и вообще в тереме очень хорошие и расторопные слуги». Быстро умывшись, он направился в сторону трапезной. Чуть больше года на кухне в тереме хозяйничала Чернава, дородная женщина, властная, державшая всю кухонную челядь в ежовых рукавицах, и одновременно добрая и ласковая. Уже подходя к дверям трапезной, ноздри Ингвара начал щекотать приятный запах свежее испеченного хлеба, перемешивающийся с запахом меда и жареной птицы. Когда Ингвар распахнул двери, на его стол ставили последнюю тарелку. Сама же Чернава ждала Ингвара рядом с его креслом.

— Доброе утро, княже, — поклонилось она. — Как спалось?

— Спасибо, Чернава. Сны хорошие были, добрый знак мне дали. А ты, я вижу, уже меня заждалась. Гуся на стол выставила, хлеб свежий испекла.

— А как же, князь? Ты меня на кухне главной сделал, вот и слежу, чтобы на твой стол все самое лучшее и свежее подавали. А то вы за княжескими делами есть забываете, вот и приходится готовить вкусно, чтоб вы ко мне дорогу не забыли.

— Спасибо, хозяйюшка. Но теперь дай твою стряпню попробовать, али нужно чего?

— Все-то ты видишь, князь. Но ты прав, предупредить тебя хочу. Люди в Новгороде появились недобрые и никому не известные. Утром на базар пошла, так слышала, шептались двое. Говорили слова странные, что терем, мол, плохо охраняется, и дежурит в нем полусотня лапотников, а князя вообще никто не охраняет. Замышляют они что-то, княже. Я кухонного мальчишку послала проследить за ними, но прошло уже четыре часа, а от него не слуху ни духу.

— Может, он просто побежал поиграть со своими друзьями. Ведь он всего лишь ребенок.

— Нет, княже, — запротестовала она. — Бажен очень ответственный, поэтому я за него и волнуюсь.

— Ладно, Чернава. Поищем мы его и людей этих нехорошее задумавших. Спросим их, кто они и откуда. Позови воя, что у дверей стоит.

Чернава радостно улыбнулась и бросилась к двери. Через полминуты она за руку притащила охранника из сотни Слава.

— Да, княже, — проговорил он, удивленный таким способом вызова.

— Вот что, знаешь, где найти Данилу?

Страж быстро кивнул.

— Конечно, княже.

— Тогда быстро беги к нему. Пусть берет сотню своих соколов, и стрелой сюда. Я буду в зале совета. Ты все понял?

— Да, князь.

— Тогда почему ты еще здесь?

— Уже бегу, княже, — крикнул ратник от двери.

— Спасибо тебе, княже, — сказала Чернава, — не думала я, что ты пошлешь на поиски моего отрока целую сотню.

— Ладно, Чернава. Не тужи, найдем мы его. И людей этих тоже. А сейчас я быстро поем, и мы пойдем с тобой в зал совета.

Женщина поклонилась и ушла в сторону кухни. Ингвар же принялся за запеченного с яблоками гуся, макая свежий хлеб в горячий жир. Вскоре с завтраком было покончено, и он, в сопровождении Чернавы, пошел в зал совета.

— Что случилось, княже? Данила дожидается тебя в зале, его сотня во дворе, — доложил спешащий навстречу Слав.

— Ничего не случилось, Слав, но его сотне предстоит боевое крещение. Пойдем с мной. Сегодня в охране терема произойдут кое-какие изменения, и ты должен о них знать.

— Да, княже, — покорно склонил голову сотник, — следую за тобой.

Вскоре, в сопровождении Чернавы и Слава, Ингвар вошел в зал совета. За резным круглым столом сидел Данила — первый сотник охранного дома — и рассматривал карту новгородских земель. Когда Ингвар вошел в зал, он быстро вскочил и поклонился.

— Здравствуй, князь Новгородский, звал меня?

— Да, Данила. Мне нужна помощь твоих людей. Чернава, расскажи Даниле о людях, которых ты видела на торге, и подробно опиши Бажена.

Пока она рассказывала свою историю, Ингвар подозвал к себе Слава.

— Вот что сотник. Возможно, будет штурм терема. Люди, которых видела Чернава, говорили именно об этом. Нужно их спровоцировать. Уменьши охрану терема до десяти человек, остальных на время отошли к Василько. Он вчера жаловался, что ему не хватает наставников для молодых отроков. Вот пусть они и помогут.

— Но, княже. Терем тогда вообще без защиты останется, — сказал Слав. — Я не уверен, что десять моих ратников смогут отбить нападение.

— Не тужи, сотник. Как-нибудь справимся. А Данила поищет лихих людей. Все. Иди, выполняй мой приказ.

Слав поклонился и вышел. К Ингвару подошел Данила.

— Да, княже. Вот так история. Кто же это измену задумал?

— Узнаем, сотник, обязательно узнаем. А сейчас выбери из своих самого незаметного человека, пусть последит за Славом.

— Княже, ты думаешь это он?

— Я ничего не утверждаю, но и ничего не могу оставлять без внимания.

Данила кивнул.

— Хорошо, князь, сделаем. Есть еще какие-нибудь распоряжения?

— Убери часть челяди в тереме и замени их своими бойцами, в основном заменяй женщин, но можешь и несколько мужиков, но не больше трех десятков. А то будет бросаться

в глаза. Найди мальчишку, но если вместе с ним найдешь и этих подозрительных типов, не спеши убивать всех, мне нужны, как минимум, трое для допроса. А еще лучше, если ты последишь за ними незаметно, с кем встречаются, о чем говорят. Тебе Чернава их хорошо описала?

— Да, княже, — ответил Данила, — описание подробное, сейчас я разошлю своих людей во все трактиры и постоялые дворы Новгорода. Не сомневайся, князь, я набрал лучших. Они из-под земли их достанут!

— Ладно, не шуми. Верю я тебе, замени челядь в тереме и действуй, докладывать мне будешь каждый час.

— Как скажешь, княже. — Сотник поклонился и вышел.

Весь оставшийся день и вечер воины Данилы обшаривали город, но подозрительные типы с базара как сквозь землю провалились. Зато часам к девяти вечера нашелся Бажен. Его труп с перерезанным горлом обнаружил один из торговцев, прибывших с греками из Китежа. Тело мальчика было спрятано под пристанью, и если бы не слепой случай (купцу захотелось осмотреть днище своей ладьи), его бы так и не нашли. Этот случай всколыхнул весь Новгород. В городе были удвоенны патрули, а на каждом постоялом дворе находился воин из охранной сотни. Далеко за полночь Ингвар с Данилой сидели в зале совета и обсуждали дальнейшие действия.

— Княже, мы обыскали весь Новгород, но кроме тела мальчишки так ничего и не нашли. Люди, про которых говорила Чернава, как сквозь землю провалились. Мы нашли постоялый двор, на котором они жили последние несколько дней. По словам трактирщика, они съехали рано утром, наверное, сразу после того, как заметили слежку Бажена. Парню просто не повезло. Они выманили его из города, а потом зарезали. Если бы не купец, мы бы его искали еще очень долго.

— Ну и что ты думаешь по этому поводу? — спросил Данилу Ингвар.

— А думка, князь, у меня одна. Чернава случайно наткнулась на заговорщиков, и если бы этого не случилось, мы бы славно погремели мечами.

— А, что дала слежка за Славом?

— Тут, княже, много неясного. Мои люди следили за ним весь день, дважды он посещал постоялый двор. Другой, не тот, на котором жили те подозрительные. Он в общем зале выпивал медовухи, затем поднимался на второй этаж. Через несколько минут в ту же комнату входила женщина. Что происходило там дальше, мне не известно, но женщины были разные.

— Кто они такие, и что делали после встречи с Славом?

— Это-то и интересно, княже. Первая женщина, с которой встречался сотник, прибыла в Новгород три дня назад с китежским купцом Добром и после встречи вернулась на его ладью. А вот кто вторая не ясно. Ей удалось незаметно исчезнуть из комнаты сотника, а когда мой воин, наблюдавший за ними, понял, что ее там нет, и поспешил ее догнать, дорогу ему преградили два пьяных мужика. Пришлось ему немного их покалечить, но она исчезла.

— Плохо это, Данила, очень плохо. Нельзя было ее отпускать. Но теперь с этим ничего не поделаешь. А что этот китежский купец Добр?

— Да ничего, княже. Приехал на новгородский торг, привел две ладьи, торгует он оружием. Мои люди к нему на ладью под видом городских стражей прошли, сказали, что убийцу ищут. Он нас пропустил, дал все осмотреть. Охраны у него на двух ладьях около шести десятков, многовато, конечно, но и путь у него не близкий, а груз ценный. Только

странно смотрел старший над охранниками, мне в его глазах ненависть к нам виделась. Ну да это все мои догадки. Наблюдателя я там оставил. Он доложил, что вся команда сошла на берег, исключая десять человек, что ладьи сторожить остались.

— Где они сейчас, сотник?

— Да мы их быстро нашли, княже. Пьют они на том самом постоялом дворе, где со Славом помощница купца встречалась. Оставил я там еще одного наблюдателя, но пока ничего необычного. Сидят, пьют.

Дверь распахнулась, в зал ворвалась молодая девчонка в платье служанки. Из глубокой раны на правом плече капала кровь, в левой руке она держала обагренный кровью меч.

— Княже, закричала она, — терем атакуют. Человек двести, нам их не сдержать. Вместе с ними двадцать бойцов Слава, они сдали стены и помогли перебраться всем нападающим. Во дворе идет бой, но их слишком много. Нас врасплох застали.

— Ну вот, Данила. Мы все и выяснили. Спешу во двор и прикажи своим людям отступить в терем. Я скоро подойду.

— Княже, а, может, тебе до воинского дома пробиться и подкрепление во главе с Василько привести.

— Спешу, сотник. Ты мой приказ слышал.

— Да, княже. Мои люди сделают все возможное. — Он быстро поклонился и бросился к выходу.

Ингвар же схватил лежащий за тронем лук и выскочил на балкон, что нависал прямо над княжеским двором. В свете факелов по камням лилась бордовая кровь, раздавались стоны раненых и крики умирающих, небольшая группа воинов из сотни Данилы перекрыла вход на крыльцо терема. Их осталось не больше десятка. Но отходить они не собирались. Намертво, оцетинившись мечами, без кольчуг и шлемов, они сдерживали около полутора сотен нападавших. Если бы Чернава случайно не узнала об измене, сейчас все было бы уже кончено. В передних рядах, со щитами в руках, на защитников терема шли воины Слава, а из задних рядов раздавался голос и самого сотника.

— Быстрее, — орал он. — Надо захватить терем, вскоре здесь будет подкрепление с воинских дворов. Надо убить князя, иначе нам не спастись.

Положение все ухудшалось, падали атакующие, но и защитников терема с каждой секундой становилось все меньше. Ингвар достал из тула стрелу, обмотанную паклей, и поднес ее к факелу, освещающему балкон. Огонек перекинулся на паклю и стал разгораться. Выждав секунду, Ингвар вскинул лук и отправил зажженную стрелу высоко в ночное небо. Это сигнал для всех воинских дворов, что в княжеском тереме что-то не ладно. На каждом дворе был специальный наблюдатель, следящий именно за этим знаком. Волосы дернуло, в бревенчатую стену за спиной Ингвара вонзилась стрела. На стене, окружавшей терем, стоял десяток лучников. Заметив князя, они тут же поспешили выпустить в него стрелы. К счастью Ингвара, одна из них попала в факел и сбила его на землю. Балкон погрузился во тьму. Быстро достав стрелу, Ингвар выстрелил в лучника на противоположной стене. В свете факелов было хорошо видно, как один из стрелков схватился за пробитую навывлет грудь и упал вниз. Стрелы со стены продолжали барабанить о перила балкона. Ингвар за несколько секунд расстрелял все, что было в его колчане, а на противоположенной стене остался единственный стрелок. Вырвав из перил стрелу, Ингвар послал ее в него. Его враг выстрелил одновременно с ним. Ногу князя обожгла боль. Глянув вниз, Ингвар увидел стрелу, торчащую из его левой икры. К счастью, кость была не задета. Обломив стрелу, он

посмотрел на противоположную стену. Его противник еще стоял на ногах, но в его правой глазнице торчало тонкое древко с белыми перьями на конце, затем раздался крик, и он упал по другую сторону стены.

На ступеньках крыльца появился Данила. Его мечи, багровыми молниями рассекавшие кольчуги, шлемы и щиты, не выдержали его напора и разлетелись в щепки. К тому времени, как он появился на крыльце, врагов сдерживало всего три защитника. Молодая девушка, очень гибкая и красивая, с рассыпанными по плечам золотыми волосами и прикрывающие ее справа и слева молодые парни. В тот момент, когда Ингвар посмотрел на крыльцо, один из них получил удар в грудь. Он не стал отступать к двери, а прыгнул с высокого крыльца прямо на наступающих воинов. На секунду он повалил первый ряд атакующих и двумя ударами меча сразил могучих ратников с топорами. Натиск на девушку и ее защитника на время ослаб. Парень с разрубленной грудью что-то крикнул им, отражая очередной удар меча, и девушка попятилась к двери.

— За князя! — прозвучал голос смертельно раненого воина. — Да умрем мы в бою, с оружием в руках. Да примет нас Перун в свою дружину и будет водить в небесные битвы под новгородским стягом!

Слова парня на секунду остановили нападавших. Это дало время оставшимся защитникам во главе с Данилой укрыться в тереме и закрыть двери. Парень сделал еще два удара, один из которых стоил жизни могучему мужику с мечем в руках. Но руки героя больше не поднялись, и он упал замертво под ноги врагов.

— Славная смерть, воин! — крикнул сверху Ингвар. — Ты попадешь в дружину Перуна, но и мне негоже от тебя отставать. — И обнажив оба своих меча, он спрыгнул прямо в гущу нападавших. Уже в полете за своей спиной он услышал голос Данилы, вбежавшего на балкон: «Нет, княже, не надо».

Но Ингвар был уже внизу. Со всех сторон бушевало море врагов — их было не меньше сотни. На него отовсюду сыпались удары, но пока пластинчатая броня все держала. Раненая нога сыграла с ним дурную шутку. При падении она подвернулась, и он чуть не упал. Пришлось встать на колени.

— Ну, что, вороги? Пришли за моей жизнью, тогда расстаньтесь со своей.

Резко поднявшись, он завертел двумя мечами. Падали люди, отлетали в сторону отрубленные руки и головы. Вскоре вокруг Ингвара образовался пустой двухметровый круг. Никто из врагов не торопился умирать, когда победа была так близка.

— Копейщиков сюда, — раздался из заднего ряда голос Слава. — На копья Ингвара. Не лезьте под его мечи.

Но под сверкающую сталь князя и так никто лезть не торопился.

— Княже, я иду к тебе, — заорал с балкона Данила, прыгнув вниз.

Так спина к спине они и застыли в толпе врагов. Данила, также как и Ингвар, бился двумя мечами. Князь сам обучил его, и теперь против сотни было четыре меча. На несколько секунд во дворе повисла тишина. И Ингвар решил этим воспользоваться.

— Зачем вы пришли в мой дом и убили моих воинов? Зачем вы обнажили оружие против меня? За что вы умираете под моими ударами?

Из задних рядов вперед протиснулся человек с ног до головы одетый в кольчугу. В руках он держал щит с орлом Влада. Ингвар с трудом узнал в нем Слава.

— Это мечь, князь, — сказал он. — Ты убил послов князя Влада, ты отказался от мира с ним, год назад ты ограбил его караван. Это он приказал тебя убить. Кроме того, ты сделал

много зла его друзьям: хазарам, викингам, Рогволду из Полоцка. Так что умри. Ты — великий князь, но не тебе ратиться против моего господина.

— Тогда слушайте меня и запомните мои слова, слова, сказанные князем, одержавшим победу над своими врагами. Пусть те, кто уйдет отсюда, расскажут о них другим: что «кто с мечем к нам придет, тот от меча и погибнет».

Выкрикнув это, Ингвар прыгнул на Слава. Тот даже не успел ни прикрыться щитом, ни отразить удар мечем. Его тело, разрубленное надвое, еще падало на каменное покрытие двора, а Ингвар уже всю рубил его воинов. С другой стороны противников атаковал Данила. Распахнулись двери терема, из них в полной броне на воинов Слава бросились последние его защитники. Их было всего пятеро, но их удар с тыла опрокинул готовые вступить в бой ряды врагов. Кто-то из слабых духом крикнул:

— Спасайтесь, они Морене служат.

И в рядах противника началась паника. Те, кто мог еще оказать сопротивление, были сбиты с ног, и затоптаны бегущими. Ингвар гнал это стадо к распахнутым воротам, рубил в спину, не по-мужски, но те, кто бежит с поля боя, уже не мужчины. В ворота ворвалось подошедшее с воинских дворов подкрепление. Многие из бегущих бросали оружие и падали на колени в надежде, что им сохранят жизнь. Тех же, кто этого сделать не успел, рубили нещадно. Ингвар остановился. Все было кончено: по всему двору валялись разрубленные окровавленные тела, отсеченные руки и ноги, кровавые ручейки, казалось, облизывали кожаные сапоги князя. К нему приблизился Ратибор:

— Княже, как же так? Слав и предатель? Я не верю.

— А чему ты не веришь, Ратибор? — сказал Ингвар. — Вот он лежит разрубленный надвое. Вот его меч в крови верных мне воинов. Если бы не случай, то все кончилось бы совсем по-другому, а меня бы просто подло зарубили. Либо в кровати, либо в зале совета.

Ратибор почесал бороду, осмотрел поле боя единственным глазом.

— Да, княже, много хороших ратников полегло сегодня на этих камнях. Жаль их.

— Не тужи, воевода. Они знали, на что идут. Стони в кучу пленных, что сдать успели. И всех на допрос к Даниле. Если бы не он, сегодня был бы последний день Новгорода. Кстати, много из нападавших успело проскользнуть в ворота?

— Да нет, княже, не больше десятка. Мы успели вовремя.

— Нет, воевода, вы немного опоздали. Полегло пятьдесят наших воинов, и их жизни на нашей с тобой совести. Ладно, не грусти. Не в тебе дело, а в предательстве. Влад сумел объединить всех, кого мы обидели. И их оказалось очень много.

Ратибор кивнул и отправился собирать пленных и раненых.

К Ингвару подбежал Данила.

— Княже, моя сотня потеряла тридцать восемь человек убитыми. Пятеро тяжелоранены.

— Сделай два добрых дела, — попросил Ингвар. — Найди мне Василько и лекаря, а тс нога болит. Допроси всех пленных.

— Будет исполнено, княже, — и Данила побежал в сторону ворот.

Подобрав обломок копья, Ингвар доковылял до крыльца. Опустившись на каменные ступени, залитые кровью, он еще раз осмотрел поле боя. Очень много тел, не меньше полутора сотен. Его взгляд зацепился за спокойное молодое лицо того самого парня, что воздал хвалу Перуну. Его грудь была разрублена от плеча до пояса, но в голубых глазах не было ни боли, ни ненависти. Он смотрел на князя с радостью, ведь вскоре он окажется в белых палатах Перуна и сядет за один стол с Данилой и Еремой. Он будет биться под

новгородским стягом рядом с ними. На секунду Ингвар осознал, что испытывает жуткую зависть. Он тоже хочет попасть в белокаменные палаты и пить вместе с воинами за длинными столами.

— Княже, позволь твою ногу осмотреть, — раздался рядом с ним старческий голос, вырывая его из другого мира.

Ингвар открыл глаза. Рядом с ним стоял сгорбленный старик абсолютно седой. На вид ему было около сотни лет, и Ингвару показалась, что в глазах старика полыхает пламя очень древних дней.

— Кто ты? — спросил он. — Я не помню тебя.

— Не трудись вспомнить, княже. Мы не знакомы. Я только сегодня пришел в Новгород. Я — волхв из капища Перуна, что находится недалеко от Китежа. Звать меня Святозаром. Месяц назад ко мне в видении пришел сам Перун и сказал, чтобы я немедленно отправлялся к тебе. Князю-де, что сидит в славном городе, нужен наставник, который поможет ему найти и защитить места силы. Вот слова бога. В тот же день я оставил капище на своего ученика и отправился в путь. Но я немного опоздал. Если бы ты не был великим воином, то Новгород бы сегодня ночью пал. Теперь, если позволишь, я осмотрю твою ногу.

Разрезав пропитавшуюся кровью штанину, он осмотрел ногу Ингвара.

— Все нормально, князь. Кость не задета. Сейчас я извлеку обломок стрелы, а затем и подлечу тебя.

Его ладонь застыла в трех сантиметрах от раны. Очень медленно древко стрелы пошло вглубь ноги, наконечник высунулся с другой стороны. Рука волхва, как будто ударяя, пошла к ране, и обломок стрелы, выдавленный могучей силой старика, упал на землю. Проведя рукой по ране, волхв сказал несколько незнакомых слов. Ингвар во все глаза смотрел, как останавливается и свертывается кровь, как края раны медленно стягиваются.

— Ну вот и все, княже, — сказал старик. — Через пару дней жилы восстановятся полностью, а пока придется немного похромать.

— Да, Святозар — ты великий лекарь, но мертвым помочь не можешь.

Старик погрузился и пожал плечами.

— Князь, не в моей власти отобрать у Морены-смерти ее добычу. Да и никому это не под силу. Я понимаю, ты скорбишь о погибших воинах, но жизнь продолжается. Они на мече клялись защищать тебя и выполнили клятву. Как сказал мне Перун, ты должен жить, без тебя не будет мира на этой земле. Так что оставь свою скорбь для другого времени, сейчас надо решить, что делать дальше. Великая беда скоро придет на эти земли, и если ее не остановить, рассыплется прахом все, что ты любишь.

— Ты прав, волхв. Пора идти. Сегодня еще многое надо сделать. Скоро здесь соберется мой личный совет, и я хочу, чтобы ты тоже стал моим советником. — Ингвар опираясь на перила, рывком поднял свое уставшее тело. — Ратибор! — на весь двор заорал он.

Воевода появился как из-под земли.

— Что, княже?

— Когда здесь закончишь, найдешь Ясну, Мала, Гостомысла, Василько. Данила пусть на время бросает пленников, его люди сами управятся. Все вместе приходите в зал совета, у нас будет долгий разговор. И пригласи всех воинов, что защищали терем до вашего прихода.

— Как прикажешь, княже. Через час все закончим и придем.

Ингвар кивнул.

— Давай побыстрее. наших павших сложи отдельно, а всю падаль, что терем

штурмовала, за город и сжечь, чтобы даже пепла на земле не осталось. — Воевода кивнул. — А теперь, Святозар, — молвил Ингвар, — следуй за мной. Вскоре здесь будут почти все мои советники, и надо успеть немного передохнуть и подкрепиться.

— Хорошо, князь, веди. Только не очень спеши. Ноги у меня уже не те.

— Конечно, Святозар, конечно. Но мне кажется, что ты меня дурачишь, а бегать ты можешь быстрее и дальше меня.

В глазах волхва мелькнул озорной огонек.

— Что ты, князь. Годы уже не те, а вот лет сто назад я бы с тобой и на мечях побился.

— Ладно, волхв. Дурачишь так дурачишь, значит, есть на то у тебя причины. Почесали языками и ладно, пошли в зал совета. Там умоемся и поедим.

В коридорах терема был сумрак, из всех факелов, висящих на стенах, горело меньше половины.

— Чертова темень, — ругнулся Ингвар, спотыкаясь о порог очередной двери. — Ночь, а факелы не горят.

— Позволь, княже, это исправить, — раздался из-за спины голос Святозара. Ингвар стоял вполоборота и видел, как старец хлопнул в ладоши и произнес нараспев несколько слов. Все факелы, что были в коридоре, вспыхнули ярким пламенем.

— Нет, Святозар, ты меня все-таки дурачишь, — пробубнил себе под нос Ингвар и зашагал по ярко освещенному коридору.

В тереме было пустынно, челяди почти не было. Половину из нее заменили еще утром, вторая половина где-то пряталась. Ингвар прошел мимо трапезной, мельком заглянул в распахнутые двери и был сильно удивлен увиденным зрелищем: две юркие служанки под бдительным взглядом Чернавы накрывали на стол.

— Княже, — раздался голос «главной по кухне», — откусать не желаешь, а то, небось, устал мечем размахивать, да и гостя своего накорми.

— Как скажешь, красавица, — улыбнулся ее словам Ингвар, — и впрямь перекусить не мешает. Святозар, пройдем к столу, у меня лучшая стряпуха на всей китежской Руси.

— Можно, — молвил старец. — А блины с медом она хорошо готовит?

— Лучшие в мире, — отозвался Ингвар, усаживаясь за стол.

— Да, блины у твоей стряпухи и впрямь знатные, — похвалил Чернаву волхв, накладывая себе в тарелку шестой блин, пока Ингвар пытался справиться с третьим.

— Святозар, — удивился князь, глядя, как волхв поглощает блины, — если ты на мечях бьешься так же, как с блинами воюешь, я против тебя ни в жизнь не выйду!

— Ты что, княже. На мечях я намного лучше. За столом я все-таки не такой быстрый.

Так, перешучиваясь, Ингвар и волхв уничтожили все, что Чернава подала на стол. Вытерев усы, князь и Святозар поднялись и, поблагодарив хозяйку, двинулись в сторону зала совета. Войдя в зал, Ингвар обнаружил, что трапеза длилась несколько дольше, чем надо. За круглым столом сидели все, кого он велел собрать, а на лавке вдоль стены сидели последние пять защитников терема. При появлении Новгородского Князя все присутствующие встали и удивленно смотрели в сторону дверей, где в этот момент находился Святозар. Ингвар прошел к своему месту за круглым столом, поманив за собой волхва.

— Выбери себе место, Святозар. Отныне оно всегда будет твоим, и ты являешься полноправным членом моего малого совета.

Старец, не торопясь, обошел стол по кругу и сел в кресло прямо напротив князя.

— Хорошо. Все в сборе, — оглядев присутствующих, молвил князь. — Не хватает

только Позвизда, но он далеко. Прошу приветствовать нового члена совета, верховного новгородского волхва Святозара. С сегодняшнего дня он получает в свое ведение все дела, касающиеся богов.

В знак согласия с выбором князя советники склонили головы. «Да будет так», — эхом пронеслось по залу.

— Ну и ладно, — улыбнулся молодой князь. — Теперь надо закончить еще с одним делом. — Ингвар повернулся к воинам, сидящим у стены. — Подойдите ко мне, мои верные ратники. — Все пятеро торопливо поднялись и встали перед Ингваром на колени. — Встаньте, — велел он, — не гоже храбрым воинам, которым я обязан жизнью в ногах у меня валяться.

С изумленными лицами воины встали. Все они были ранены, к счастью, легко. У девушки была рассечена рука, двое крепких парней, стоявших по бокам от нее, отделались легкими ранами груди, еще двое были ранены в ноги.

— Подойди ко мне, красавица, — поманил Ингвар девушку. — Как тебя Данила кличет?

— Лисой, княже, уж больно хитрая я.

— Вот что, Лиса, — улыбнулся князь, — мне нечем тебя отблагодарить за твою храбрость и верность, но мне нужен новый сотник для охраны терема. Если ты согласна и Данила тебя отпустит, с сегодняшнего дня эта должность твоя.

— Конечно, княже. Я с радостью, — и покраснела. — Конечно, если Данила Мечеславович отпустит.

Ингвар скосил глаза на сотника охранного дома. Тот кивнул.

— Кто же князю откажет, — молвил он. — Конечно, Лиса, я не против, хотя жаль расставаться с ценными людьми, но здесь ты принесешь больше пользы.

— Вот и хорошо, — улыбнулся князь, — с завтрашнего дня приступишь к своим обязанностям: наберешь новую сотню. На воинских дворах можешь брать любых ратников кроме воинов Данилы. Ратибор, ты слышал мои слова?

— Да, княже, будет исполнено.

— Так, а теперь к вам. — Ингвар повернулся к оставшимся воинам. — Вы храбро и умело дрались на крыльце. Чем вас отблагодарить?

Вперед вышел крепкий парень с посеченной грудью.

— Княже, сестру нашу ты отблагодарил щедро, дозвожь и нам к тебе десятниками пойти?

— Вы родные братья? — изумленно посмотрел на них Ингвар. — Не больно-то вы похожи.

— Нет, княже, мы кровные братья, а Лиса — сестра наша. Был еще один. Кудряшом звали. Но, спасая нашу жизнь, уже смертельно раненый, он прыгнул в толпу нападавших и с именем Перуна зарубил еще четверых врагов.

— Видел я его, — тихо сказал Ингвар, — достойный муж погиб. Завтра на погребальном обряде я возведу его в кавалеры золотой гривны. А что до вашей просьбы, да будет так. С завтрашнего дня вы станете десятниками под руководством Лисы. А теперь идите, отдыхайте. Можете занять горницы бывших десятников. А тебе, Лиса, досталась горница Слава. Ее сегодня же приберут. Все идите, отроки вас проводят. — Воины поклонились и вышли. — Так... советники мои, — возвращаясь к столу, произнес Ингвар, — как же получилось, что измена забралась так высоко. Данила, все-таки, что за люди атаковали терем?

— Княже. Пять десятков из них были люди Слава, еще пять десятков пришли от купца Китежского Добра, но не из Китежа он, а прямо из лагеря Влада. Остальные люди из полоцкого княжества.

— Где сейчас купец?

— Я послал к пристани два десятка ратников. Сейчас его должны доставить.

— После того, как допросишь, сразу ко мне.

— Да княже, сделаем в лучшем виде.

— Еще один вопрос к тебе, Данила. Может, знаешь, как давно нас Слав предал?

— Знаю, княже. Купил его Влад еще в Китеже, когда тот в степи сотником был. А когда Влад узнал, что ты дружину набираешь, приказал Славу к тебе идти служить и быть его глазами и ушами. Сейчас его воины, которых мы повязали, наперегонки закладывают друг друга и остальных шпионов, что здесь в Новгороде обосновались. И даже кое-кого из китежских. Сейчас по всему городу идут аресты.

— Список китежских шпионов мне на стол. Отправим Мстиславу допросные листы, наших новгородских тоже мне. У тебя все?

— Да, княже, будут еще новости, скажу.

— Ладно, господа советники, вернемся к нашей проблеме. У кого есть что сказать?

Поднялся Гостомысл.

— Княже, народ недоволен этим мятежом. Весь город на твоей стороне. Ко мне уже пожаловали старейшины ювелиров, кузнецов, оружейников и ткачей. Они негодуют вмешательством мятежного князя в дела Новгорода. Еще они предложили свои товары и деньги в беспроцентный долг на неопределенное время.

— Что ж новости хорошие. Бери и не раздумывай, потом все вернем.

— Да я уже, княже, — смутился Гостомысл, — прости, что совета не спросил.

— Ничего, — одобрил Ингвар, — завтра доложишь, от кого чего и сколько.

Гостомысл поклонился и сел.

Поднялся Ратибор.

— Княже, завтра ожидаю приток новобранцев. Я думаю, после сегодняшнего народ ломанется записываться в дружину.

— Я тоже так думаю, Ратибор, — согласился с воеводой Ингвар. — Так что завтра встретить всех и никому не отказывай. — Ратибор кивнул и сел. — Святозар, — обратился Ингвар к волхву, — завтра возьмешь пять десятков ратников, отныне они будут в твоём полном распоряжении, и пойдешь искать места силы, как находишь, шлешь гонца в Новгород. — Волхв медленно кивнул, соглашаясь с мнением князя. — Все? — оглядев советников, спросил Ингвар. — Тогда завтра в полдень подготовить капище Перуна к погребению наших павших воинов. Теперь точно все?

— Да вроде бы, — подал голос Василько.

— Ну, тогда давайте отдыхать, а кто и работать, — и князь пристально посмотрел на Данилу. Советники, негромко переговариваясь, покинули зал совета. — Да, Святозар, — окликнул Ингвар старца, — там, у дверей, отроки дежурят, скажи им, что князь приказал выделить тебе большую и светлую горницу.

Волхв кивнул и исчез за дверью.

Оставшись один, Ингвар устало опустился на трон. День выдался будь здоров, если бы не случай, то сегодня он бы погиб. Но кто-то решил иначе, и завтра князь снова будет думать о судьбе Новгорода. Как же все эти мелкие свары отвлекают от главной задачи: образования

крепкого русского государства. С этими невеселыми мыслями он отправился в свою горницу.

Утро выдалось хлопотное. По всему городу продолжались аресты. На главном капище Перуна полным ходом шла подготовка к сожжению воинов, павших при вчерашнем штурме терема.

С утра на доклад к Ингвару заявился Гостомысл.

— Княже, — тут же начал он, — всего мною получено полторы тысячи гривен золота, триста броней, триста мечей из харлужной стали, триста тяжелых пехотных щитов, двести легких, пятьсот луков и к каждому по сто стрел, пять сотен копий. Все это уже отправлено на воинские дворы и роздано ратникам. Кроме того, я отдал заказ оружейникам на тысячу мечей, броней, щитов и полторы тысячи копий. Сегодня сутра пришли кузнецы и оружейники из Пскова, всего человек пятнадцать, они уже получили кузни и приступили к работе.

— Все хорошо, Гостомысл, — отозвался Ингвар. — Я думаю, этого будет достаточно, чтобы вооружить нашу дружину.

Боярин поклонился и покинул зал совета. Вслед за ним появился Ратибор.

— Какие новости, воевода? — устало спросил Ингвар.

— Мы были правы, князь. Сегодня сутра я набрал еще шесть сотен ратников. Они уже приступили к обучению, кроме того, начались усиленные тренировки людей из Пскова. Данила уже проверил всех твоих бывших охранников, что не принимали участия в штурме терема, и сейчас самые надежные из них получили собственные сотни.

— Ладно, Ратибор, пока это все нам на руку: и штурм терема, и бывшая банда Василько. Попортили они не так уж и много, а вот приобрели мы с этого намного больше.

— Ты прав, княже, но не буду тебя задерживать, а то у твоих дверей Данила ждет, у него к тебе, похоже, очень серьезный разговор.

— Спасибо тебе, воевода, ступай, а Данила пускай заходит, да скажи ратнику у дверей, чтобы никого не пускал, пока Данила не выйдет.

Ратибор кивнул и исчез, а вместо него появился глава охранного дома.

— Ну, выкладывай, — с нетерпением набросился на уставшего сотника Ингвар.

— Даже не знаю, с чего начать, княже. Всего много и все важное.

— Начни с главного, — подсказал Ингвар.

Данила на секунду задумался, а потом протянул князю список китежских соглядатаев Влада.

— Княже, это не может ждать. Если не отправить этот список вовремя, Китеж будет поставлен на край гибели.

Ингвар хлопнул в ладоши, в дверь просунулась голова ратника.

— Быстро моего личного гонца сюда. — Голова кивнула и исчезла. — Что еще? — спросил Ингвар.

— Вот список людей, арестованных сегодня ночью, около сорока человек.

Ингвар пробежал глазами пергамент.

— Сделай вот как, проверь их вину со всей тщательностью. Только не злоупотребляй властью, факты не подтасовывай. Потом, по мере тяжести их вины, вынеси приговор, я его заверю. Но учти, если там будет подлог, и я его найду, на плаху отправишься сам.

Данила кивнул:

— Я все сделаю, княже.

В это время в дверь постучали.

— Да! — крикнул Ингвар.

В приоткрытую дверь просунулась голова стража.

— Гонец ждет, княже, пустить?

Ингвар кивнул. Дверь приоткрылась, и в зал проскользнул личный гонец князя.

— Вот что, — обратился к гонцу Ингвар, — возьми этот пергамент, и стрелой несись в Китеж. В охрану возьми пять ратников с заводными конями. — Данила, выдели. — Сотник кивнул и выскользнул за дверь. — А ты, — Ингвар посмотрел на гонца, — послание отдашь либо Мстиславу, либо Добрыне Никитичу, в крайнем случае, княгине Ярославе. Все иди.

Гонец быстро вышел за дверь. Через десять минут вернулся Данила.

— Княже, посыльный покинул Новгород в сопровождении пяти моих самых лучших людей.

Ингвар кивнул.

— Ладно, сотник, что у тебя еще?

— Даже не знаю, княже, хорошая это новость или плохая. Один из нападавших на терем, видать, не мелкая рыбешка, сболтнул о дате вторжения Полоцка и воинов Влада. Это случится в начале сентября, десятого числа. Вот только не знаю, насколько этот человек правдив.

— Это уже что-то, — бросил Ингвар. — Получим новости от шпиона Гостомысла и проверим правдивость этого человека. Но к сентябрю мы должны быть готовы.

Данила поклонился и вышел.

До полудня Ингвар обдумывал положение Новгорода: «Сейчас в начале июня я располагаю, примерно, двумя с половиной тысячами ратников. К концу лета эта цифра должна перевалить за пять тысяч за счет пополнения, пришедшего из Пскова, дополнительного набора и тысячи ратников из Белоозера».

Дверь приоткрылась, в нее бесшумно проскользнула Лиса:

— Княже, пора. Через десять минут тебя ждут на перуновом капище.

— Конечно. Пошли, — поднимаясь, произнес Ингвар, — захвати вон тот ларчик на столике. Там золотая гривна для брата твоего погибшего Кудряша.

Лиса быстро подхватила ларчик и зашагала за князем. На капище они пришли вовремя. Ингвар сделал знак Лисе следовать за ним и вышел в середину капища. Углядев рядом с воеводой Ясну, он показал ей на место возле себя. Юркая сотница мгновенно оказалась рядом.

Он поднял руку, призывая всех к молчанию. Народ, и без того сегодня очень тихий, смолк.

— Люди новгородские! Вчера на княжеский терем было совершено нападение. Из-за предательства погибло много славных воинов, и сегодня мы провожаем их в белые палаты Перуна. К богу воинов идет сорок три замечательных ратника. Вот они лежат здесь герои этой битвы. Они остались верны своему князю, и я говорю: «Слава им!».

— Слава! — подхватила толпа.

— Об одном герое я хочу сказать отдельно, — продолжил свою речь Ингвар. — Он совершил настоящий подвиг: уже смертельно раненый, спасая товарищей, прыгнул в толпу врага и зарубил еще четверых воинов. Тем самым он дал своим товарищам драгоценное время. За это я, князь новгородский Ингвар Рюрикович, представляю его к ордену Золотой гривны. Его может получить любой воин, будь то сотник, тысячник или простой ратник.

Этот орден не может быть продан или заложен, поступившему так — смерть за оскорбление Новгорода. Для его вручения необходимо согласие не менее десяти кавалеров, ранее награжденных им. На данный момент его обладателем является лишь один человек: сотница новгородских дев Ясна. Она получила его за спасение жизни наместника Белоозера Святослава. И теперь я спрашиваю тебя, кавалер ордена Золотой гривны, достоин ли ратник Кудряш этой награды?

— Да, князь, — четко и громко произнесла девушка.

Ингвар махнул рукой. Лиса протянула ему открытый ларец с золотой гривной. Взяв орден, Ингвар подошел к аккуратной поленнице, на которой был уложен воин.

— Ратник Кудряш! Посмертно за свой подвиг ты производишься в полные сотники Новгорода и становишься полным кавалером Золотой гривны. Служи Перуну, славный воин. Там всегда рады таким отчаянным рубакаам. — И, застегнув на шею ратника орден, произнес. — Да будет так!

— Да будет так! — эхом подхватила толпа.

В этот момент случилось то, чего никто не ожидал. Из чистого безоблачного неба сверкнули сорок три молнии, и на месте погребальных костров не осталось даже пепла.

— Перун забрал храбрых воинов к себе, — возвестил жрец. — Отныне они становятся ратниками в его дружине.

Поклонившись людям, Ингвар двинулся в сторону терема. За ним бесшумно скользила Лиса.

— Княже, дозвожь узнать, — проговорила она, когда они уже вошли в зал совета, — а правду люди говорят, что ты видел дружину Перуна и своих павших воинов в ней?

— Правда, Лиса, правда. В этих бесполезных стычках я потерял столько храбрых воинов, что уже на две дружины наберется. А небесный новгородский полк в бой водят два самых лучших ратника Новгорода: Данила Святославич и Ерема. Как набранная сотня, Лиса?

— Все ратники и ратницы как на подбор: крепкие, высокие, проверенные в боях. Сам воевода Ратибор с тысячником Василько помогали отбирать. Уже вооружены и несут охранную службу.

— Ну и хорошо. Сегодня на заднем дворе организуй общие учения всей сотни. Гоняй до тех пор, пока не научатся действовать вместе. А завтра в сопровождении пятидесяти ратников поедем посмотреть полоцкое болото.

— Как прикажешь, князь, — поклонилась Лиса и выскользнула за дверь. Через минуту по всему терему раздавался ее звонкий голос, отдающий приказы.

Ингвару стало интересно, как справиться со своими обязанностями его новая начальница охраны. Сев на трон, Ингвар хлопнул в ладоши, в дверь вошел юноша, почти мальчик.

— Что прикажешь, княже?

— Отправь гонца в охранный дом, пусть Данила Мечеславович идет сюда.

Отрок кивнул и исчез.

Ингвар успел плотно пообедать и еще раз посмотреть карту Новгорода, когда в дверях появился сотник.

— Звал, княже? — спросил он, когда двери за его спиной закрылись.

— Да, Данила, решил тебе маленький экзамен устроить. Сейчас на заднем дворе Лиса гоняет охранную сотню. Хочу посмотреть, каких ты людей себе набрал.

— Чего ж не посмотреть, княже. Пойдем. Поглядим. Да я за воспитанницу порадуюсь.

Ингвар поднялся и направился к дверям, Данила невозмутимо пристроился сзади. Дойдя до места тренировки, Ингвар очень удивился: посреди двора стояла Лиса, а вокруг не было ни одной живой души.

— Ну и где сотня? — с угрозой в голосе спросил он.

Лиса повернулась к князю и подняла вверх сжатый кулак. Ингвар и опомниться не успел, как во дворе неизвестно откуда появилась сотня ратников, а он вместе с Данилой был окружен двойным кольцом.

— Ну, орлы, — только и смог сказать он. Данила тихо посмеивался за его спиной. — Ладно, Лиса. Проверим другую вещь. Найди объект, двадцать ратников охраняют, остальные нападают. Бой учебный. Выбор оружия свободный.

Тут же в руках охранников появились учебные мечи и луки. Следуя приказам сотницы, двадцать человек создали периметр вокруг нее, остальные рассыпались по двору вроде бы в произвольном порядке, а на самом деле в жесткой последовательности.

— Атака, — скомандовал Ингвар.

Свистнул десяток стрел без наконечников. Да если бы они и были, ничего бы не произошло. Все до единой стрелы охранники Лисы приняли на свои щиты. Но атака продолжалась. Справа, при поддержке лучников, копьеносцы пытались прорваться, но оказалось, что не все силы сотницы находятся в периметре. Внутри строя поднялись пять лучников, и через несколько секунд все копьеносцы изображают убитых.

— Стой, — крикнул Ингвар, — Лиса, ко мне. Остальным три минуты отдыха.

— Что изволишь, княже, — подходя, спросила сотница.

— Данила, — позвал Ингвар. — Сколько твоих людей в этой сотне?

Без тени смущения сотник прикинул и сказал.

— Двадцать, княже. Пять бывших и пятнадцать специально для этого тренированных. Я изначально натаскивал их на твою охрану, и они не входят в мою сотню. Так что Лиса ничего не нарушила.

— Так... Данила, объясни мне, откуда взялись эти пятнадцать, если они не твои?

— Да все просто, княже. Я набрал две сотни и пятнадцать сверху.

— Ладно, скоморохи, — сказал Ингвар, — бог с вами, но чтобы такие фокусы последний раз. А если будете делать, то предупреждайте. Я чуть всю сотню за шпионов не принял. А остальные такие ловкие откуда, если не твои.

— В основном разведчики и следопыты. Их Ратибор с Василько подбирали. Я каждого проверил. Все надежны.

— Ну что, Данила, пошли в зал совета. А тебе Лиса, приказ прежний: тренируй сотню. — И быстро зашагал к терему.

В зале совета было прохладно и пусто. Ингвар сел за круглый стол и поманил пальцем Данилу. Дождавшись пока тот сядет, тихо заговорил.

— Сколько у тебя таких невидимок?

Данила подумал и помрачнел.

— Мало, княже. После сегодняшней ночи осталось трое, остальных еще учить да учить.

— Да, жаль твоих ратников, — проговорил князь, — но для моего задания много и не надо. Через три дня отправишь их шпионить в Полоцк, пусть просто наблюдают. Вот держи, — он протянул Даниле небольшой подробный чертеж. — Это миниарбалет с сорока шагов пробивает любую кольчугу, тетива взводится одним движением руки, плечи лука складные, в длину всего сорок сантиметров. Можно носить под плащом. Я знаю, у тебя есть

собственные оружейники. Изготовь таких, ну скажем, штук двести. Сто отдашь моей охране, остальное — по твоему усмотрению. Тем троим, что пойдут в Полоцк не давай. Если попадутся и это, — Ингвар кивнул на лист пергамента в руках Данилы, — попадет к Рогволду, тогда осенью нас уже ничего не спасет.

Сотник кивнул.

— Я понял, княже.

— Да, вот еще один чертеж. Это оружие ближнего боя называется сюрикен или звездочка. Очень хорошо метается, подходит для поражения целей не защищенных броней. Этих изготовь побольше, пусть те трое учатся метать. Когда пойдут в Полоцк, дашь им с собой, ну скажем, штук по пятнадцать. Все, иди. Потом еще кое-чего подкину.

Сотник спрятал пергаменты, поклонился и тихо вышел. Он давно перестал удивляться действиям своего князя. Его действия направлены на возвышение Новгорода, а значит, Данилу это устраивает.

Поздно вечером к Ингвару заглянул Ратибор.

— А я тебе, князь, подарок принес. Вот держи, — и он протянул князю пехотный арбалет с десятью болтами. — Только что оружейники закончили. Испытаешь?

Ингвар оглядел новое оружие. Вроде все как у обычного арбалета, только легкий и взводится, как помповое ружье. Но он намного меньше средневековых аналогов. Ингвар попробовал взвести — тетива поддалась на удивление легко. Наложив стрелу, Ингвар прицелился в тяжелый пехотный щит, висящий на стене на другом конце зала, и плавно спустил курок. Свистнул болт, щит вздрогнул. Ингвар подошел осмотреть свою импровизированную мишень. Стрела, или правильнее болт, пробил его насквозь и застрял в стене. Если бы не стена, болт полетел бы дальше.

— Опробовали? — спросил он Ратибора.

— А как же, — ухмыльнулся воевода, — с двухсот метров пробивает тяжелый пехотный щит и кольчугу.

— Вот и хорошо, Ратибор. К осени должно быть восемьсот таких же. За каждый плати, сколько попросят, и чтобы к каждому было сто болтов.

Воевода кивнул.

— Цена уже оговорена, князь. Золотой за арбалет и полсеребряной гривны за десять болтов.

— Это цена победы, поэтому не будем торговаться, — сказал Ингвар. — У тебя все?

— Да, княже!

— Ну тогда иди отдыхай. Заслужил. — Обнявшись по-русски, они расстались.

Ингвар очень тосковал по Ярославе. «Прошло уже две недели, и скоро она будет в Китеже, а значит, прилетит первый голубь. Ну почему здесь нет сотовых телефонов?», — тихо ругнулся про себя Ингвар, устраиваясь в постели. Это было одно из первых его нововведений. Ему так надоело спать на деревянной лавке, что он плюнул на все и заказал себе и Ярославе мягкие кровати. По его примеру так же сделал Гостомысл.

Проснувшись рано утром, Ингвар взял два меча и поспешил на задний двор. Заворачивая за угол, он услышал звон клинков и тихие ругательства. Обнажив клинки, Ингвар кинулся на шум битвы. Вылетев на задний двор, он застыл столбом. По всему двору, разбившись на пары, тренировались его охранники и охранницы. Между ними ходила Лиса и поправляла воинов. Заметив князя, она громко свистнула и выстроила ратников в линию. Увидев князя, вся сотня салютовала Ингвару стандартным приветствием новгородцев, ударив в левую

сторону груди сжатым кулаком со словами: «Славься Новгород!».

Полгода назад он не удержался и ради шутки стал цитировать устав вооруженных сил России, но Ратибору эта идея понравилась, и он решил с помощью князя создать нечто подобное, но с учетом окружающей действительности. Называлась памятка «Устав ратной и караульной службы новгородского княжества» и включала в себя команды, звания и обязанности ратников новгородской дружины, а также наказание за их невыполнение. Надо сказать, что эта мера сильно повысила боеготовность новгородцев. А к этому Ингвар добавил воинское приветствие. Теперь всем десятникам, сотникам, полутысячникам, тысячникам, ну и воеводе с князем воины отдавали салют, ударяя сжатым кулаком в левую сторону груди со словами: «Славься Новгород!». Но пока еще воины не привыкли к нововведениям, и Ингвар закрывал на это глаза. Зато многие команды прижились и активно использовались. Командный состав активно проповедовал устав, но для его полного внедрения нужно мирное время, а сейчас, на грани войны, было не до этого. Единственными ратниками, которые все делали по уставу, были его личные охранники.

— Княже, — звонко крикнула Лиса. — Охранная сотня проводит тренировочные бои согласно графику.

«Да, много словечек принес я в этот мир, — подумал Ингвар. — Но теперь этого уже не исправишь».

— Вольно, — по привычке скомандовал он, — разойдись. Лиса и трое лучших мечников ко мне, остальным отдыхать.

Строй распался, и воины отправились в терем. Рядом с Ингваром остались лишь Лиса и двое ее кровных братьев.

— А ну, становись, — приказал он. — Учебный бой в полную силу.

Звякнули мечи, тренировка началась. За час Ингвар провел двадцать поединков, но победил лишь в двенадцати. Уровень его партнеров был очень высок.

— На сегодня хватит, через два часа отправляемся на болото. Лиса, отбери пятьдесят всадников и пощи за Ратибором и Василько, пусть через два часа будут у ворот терема.

Лиса кивнула.

— Все сделаю, княже.

Ингвар поднял оба меча и пошел в сторону терема.

Через два часа, оставив город на Гостомысла и Мала, Ингвар несся во главе отряда конников в сторону полоцкого болота. Конным шагом до него было полдня пути, пешим сутки. До болота оставалось не больше получаса скачки, когда из ближайшей рощи свистнули первые стрелы.

Первой звук спущенной тетивы услышала Лиса: «Стрелы справа, — закричала она, — приготовиться к отражению атаки». Охранники Ингвара сомкнулись вокруг своего князя и перекрыли его щитами. Стрелы забарабанили по ним, как град. Один из ратников, получив стрелу в глазницу, вылетел из седла. Кони продолжали скакать. Единственным шансом спастись, было как можно быстрее преодолеть засаду. И отряд Ингвара продолжал двигаться к болоту. Из соседней рощи наперерез им неслись три десятка всадников в полной броне и склоненными для удара копьями.

— Быстрее — крикнула Лиса, — если мы не успеем их обогнать у того холма, нам не уйти!

Внезапно обстрел прекратился, и кони вынесли отряд Ингвара на чистый простор. Три десятка всадников отстали на полет стрелы и горячили коней, спеша догнать свою жертву.

Лиса повернулась, посмотрела на них, примерила расстояние и решила:

— Десятки Тавра и Беляна, стрелами на скаку.

Названные десятники стали придерживать коней, вокруг них собирались их воины. Квадрат вокруг Ингвара на мгновение распался и вновь восстановился, став меньше.

Ингвар обернулся, десятки, оставленные Лисой продолжали скакать вслед отряду, не переставая стрелять влоборота из своих коротких луков. Число преследователей уменьшилось вдвое, вскоре храбрость окончательно покинула их, и они бросились наутек.

— Стой, — скомандовала Лиса. И маленький отряд стал замедлять ход, поджидая отставших товарищей. Потери для такой засады были смешными: двое убитых, одного из которых стрела вышибла из седла в самом начале боя, второго ратника с стрелой в спине конь вынес, но утешением это было слабым. И пятеро раненых, к счастью, легко.

— Кто это был? — задал риторический вопрос Василько.

— Сейчас узнаем, тысячник, — сказал Ингвар, глядя на догоняющих их ратников, которые тащили пленного. — Лиса, давай заберемся на вершину холма, и к нам никто не подкрадется, и мы будем видеть все, что творится вокруг.

Соединившись, отряд двинулся к холму. На вершине Ингвар слез с коня и подошел к пленному. Тот уже пришел в себя и зажимал рану на плече, с ненавистью глядя на окруживших его воинов.

— Кто ты и почему напал на нас? — спросил Ингвар.

— Ничего не скажу, — прошипел пленник.

— Да и не надо, — ответил Василько. — Я ж тебя знаю. Ты Любим, командуешь разведчиками Влада.

— Предатель, — прошипел Любим, но больше не произнес не звука.

— Ратибор, вытряси из него все, что сможешь. Он мне больше не нужен, — приказал Ингвар и отправился к Черену.

За спиной раздался жуткий крик, потом еще один. Воевода приступил к допросу. Через десять минут Ратибор подошел к Ингвару, сидящему на краю холма и смотрящему в сторону болот.

— Княже, наговорил он много и ничего приятного. Нас здесь ждали. В отряде стс пятьдесят человек, половина Влада, половина Рогволда. И сейчас со стороны болот идет еще один отряд в сотню копий: тяжелая полоцкая пехота, посаженная на коней. Они не думали, что мы здесь встанем. Сначала нас должны были потрепать стрелами, а после, как проскочим засаду, выгнать на копья.

— Надо уходить, — бросил Ингвар.

— Поздно, княже, уходить, — и Ратибор указал надвигающихся к холму всадников. Их было не меньше сотни. Глянув за спину, Ингвар обнаружил такую же картину.

— А если уйти на запад или восток?

— Не выйдет, княже, везде болота, — спокойно ответил воевода. — А в болотах нас, как уток, перестреляют.

Ингвар оглядел стоящих рядом ратников: решительные лица, никакого признака страха, они готовы умереть, но защитить своего князя.

— Приготовиться к обороне, — скомандовал он.

Маленький лагерь пришел в движение. С коней снимали тяжелые щиты и композитные пехотные луки. Построив на небольшой вершине квадрат, ратники оцетинились стрелами на все четыре стороны света. Лучшие стрелки под прикрытием щитов натянули свои страшные

луки. Враг, не торопясь, приближался. Их командир точно знал: добыче не ускользнуть.

— Залп, — скомандовал Ингвар, когда два десятка конных вошли в зону действия новгородских лучников. Двадцать стрел сорвались с вершины холма и понеслись навстречу врагам. И десять из них нашли свою цель. Вылетали из седел всадники, хватались за пробившие тело стрелы раненые. Второй залп новгородцев похоронил всадников, бросившихся обратно к своим. Из двадцати ушло трое. Противник замедлил свои действия и стал осторожнее. Со спины подал голос Ратибор:

— Княже, они группируют лучников. Сейчас мы можем в них стрелять, а они в нас нет.

— Поправка, стрельба по лучникам, беглый залп, — заорал Ингвар.

Группа вражеских стрелков находилась в ста пятидесяти метрах от позиции ратников князя, и для таких лучников, как его воины, это была пустяковая дистанция. Засвистели стрелы, внизу падали пробитые тела. За две минуты колчаны стрелков опустели, но и противника больше не было видно. В траве, у подножия холма, валялись люди, кто убит, кто притворяется. Но результат достигнут: пока с той стороны опасности нет. Изредка с лука срывается стрела, после этого внизу, в траве, слышится крик.

— Княже, пехотинцы начали подъем.

— Лучникам беглый залп, пехоте приготовиться, — скомандовал Ингвар.

Охватывая воинов князя в полукольцо, на холм поднималась тяжелая пехота Полоцка. Их было около восьмидесяти. Под градом стрел, летящих сверху, прикрываясь тяжелыми щитами, они продолжали наступать. Очень редко стрелы находили свои цели, но двенадцать воинов остались лежать на склоне. Ингвар поднял свой арбалет, свистнул болт — и пехотинец, пораженный в лицо, с пробитым насквозь щитом, катится вниз. Ингвар стрелял, не переставая. Девять болтов — девять трупов, но больше зарядов нет, и он потянул из ножен мечи.

— Княже, — сзади раздался голос Ратибора.

Ингвар повернулся и увидел свою смерть. С той стороны холма неслось не меньше трехсот всадников. Склонившись к гривам коней и наклонив копья, они набирали скорость. И тут случилось то, чего не ожидал никто. С криком: «Новгород!» они атаковали отошедших на безопасное расстояние лучников Полоцка и Влада. Им понадобилось несколько секунд, чтобы разметать оставшиеся семь десятков врагов, и, обогнув холм, бросился на пехоту, что почти добралась до ратников Ингвара. Дальше началась бойня. На вершину холма сквозь расступившихся щитоносцев влетел командир всадников. Это был Данила.

— Здравствуй, князь, — спрыгивая с коня, произнес он. Увидев вытянутое лицо Ингвара, расхохотался. — Аль мне здесь не рады?

— Рады, только объясни, как ты здесь оказался?

— Да все просто, княже. После того, как вы уехали, к Гостомыслу из Полоцка прилетел голубь, и помимо разной информации, содержащейся в послании, проскользнула строчка о засаде на болотах. В Полоцке тоже понимают, что это единственное место, где можно навязать им бой на выгодных для нас условиях. А из этого следует, что ты захочешь это место осмотреть. Вот как все просто.

— Ну, спасибо, друже, — искренне воскликнул Ингвар. — Если бы не твоя дедукция, легли бы мы здесь, либо кровью умылись. Слушай, а откуда у тебя всадники, ведь это не твои сотни?

— Да я, как подумал о засаде, сразу к Малу кинулся. А он мне говорит: «Извини, Данила, город оставить я не могу, а вот всадников возьми сколько нужно». Ну, я три сотни у

него забрал и сюда.

Ингвар оглядел поле битвы.

— Час на отдых и сбор трофеев. После выступаем к болотам.

Сам же он после этих слов уселся на траву и развернул увесистый мешок с едой, что дала перед дорогой Чернава. Пригласив к импровизированному столу Ратибора, Данилу, Лису и Василько, князь как первый среди равных оторвал от здорового гуся ногу и стал ее грызть.

К обеду следующего дня Ингвар с отрядом вернулись в Новгород. Как только он въехал в кремль и спрыгнул с Черена, ему поднесли послание из Китежа. Забыв про все остальное, Ингвар бросился к себе в горницу. Закрыв за собой дверь, он развернул послание.

«Любимый, я благополучно добралась до Китежа. Оба твоих посланца догнали нас в пути и продолжили путь с нами. Мстислав благодарит тебя за сведения о нападении на Китеж и предателях внутри него. Он уже приступил к подготовке обороны города и арестам людей из списка. Когда голубь до тебя долетит, все будет уже кончено. Через две недели еду назад. С любовью, твоя Ярослава».

Ингвар хлопнул в ладоши. Тут же в дверь просунулась голова ратника.

— Ратибора, Василько, Ясну, Мала и Данилу. Сыскать и проводить в зал совета.

Голова кивнула и исчезла. Ингвар быстро умылся и направился в трапезную. Чернава, зная, что князь вернулся и, скорее всего, голоден, накрыла стол. Быстро поев и поблагодарив хозяйку, он направился в зал совета. Советники появились одновременно с ним. Быстро рассевшись за круглым столом, Ингвар посмотрел на Гостомысла и Мала.

— Начнем с вас, какие новости?

Первый боярин переглянулся с военным комендантом и заговорил:

— Княже, в городе все в порядке, налажено производство арбалетов и болтов к ним. В сутки изготавливается двенадцать штук. Ну, про письмо из Полоцка ты знаешь. Данила тебе рассказал. А так вроде больше ничего важного.

— Что у тебя, Мал?

— Тишь да гладь, княже. Воины тренируются, тысяча через месяц закончит обучение. Ну и все вроде.

— От Вадима что-нибудь слышно?

— А как же. Вчера пришла сотня воинов. Все лучники. Итого он набрал уже четыре сотни.

— Хорошо, — произнес Ингвар, — теперь о главном. Я получил послание из Китежа. Ярослава добралась до отца без приключений. Оба наших гонца догнали ее еще в пути. Так что Мстислав предупрежден. Через две недели она выезжает обратно. Ратибор, нужно послать две сотни к днепровским порогам, чтобы встретили и проводили.

Воевода кивнул:

— Сделаем, князь.

— Тогда все, — прикинул Ингвар. — Ах, да. Чуть не забыл. Гостомысл пошли два десятка каменщиков в Псков. Агапий очень просил. И к вопросу о Полоцке. Боярин, закажи у плотников толстые деревянные щиты метра три высотой и два шириной, которые можно на землю поставить, чтоб сами стояли. А посередине пусть прорежут две бойницы. Таких щитов мне нужно тридцать штук. — Боярин кивнул. — Совет закончен, всем отдыхать.

Глава восьмая «Духов лес»

Через три дня после возвращения Ингвара с болот в сопровождении своей охраны объявился Святозар. Встретив волхва в зале совета, Ингвар проводил его к круглому столу и в ожидании рассказа плюхнулся на свободный стул рядом с ним.

— Ну, волхв, не томи душу. Выкладывай, что нашел?

— Какой ты нетерпеливый, княже, — не торопись, разглаживая седые усы, отозвался верховный волхв Новгорода. — Ну да ладно. Нашел я пока только два места и оба в сторону Белоозера в двух днях пути. Места эти дикие, и людей там почти не бывает. Лес глухой. Поэтому силы в них скопилось много. Но на пути к одному из мест живет племя неведомое. Как на них никто прежде не наткнулся, ума не приложу. Послал я последить туда двух разведчиков. Да вот незадача, схватили их раньше, чем они поближе к веси подобрались. Кстати, весь большая, дворов триста. Воинов около четырех сотен. Но не это главное. Когда они моих молодцев схватили, я уж думал не видать мне более сынов перуновых. Ан нет, ошибся. Их к вождю отвели, а тот, мол, чьи они ратники будут. Ну, наши запирались не стали, сказали, что так, мол, и так. Служим мы новгородскому князю Ингвару Рюриковичу, что уже год владеет землей этой. И показалось им, что вождь сквозь густые усы пробормотал: «Так вот значит, как обернулось. Князь наш объявился». Потом рукой махнул, ну воины его копыя и опустили. А затем он к нашим воинам обратился: «Вы, славяне, служите мужу доблестному. Скажите мне, нет ли у него знака на плече в виде сокола?». Разведчики мои, видя, что их резать никто не собирается, говорят, мол, да, есть. На плече, на левом. То ли татуировка, то ли ожег в виде сокола. А вождь им в ответ: «Присягали мы с вами служить одному человеку, и если князь Ингвар захочет нас видеть, пусть либо сам придет, либо гонца пришлет, и мы к нему всей весью сами придем. А ему передайте, что мы варяги Рюрика и служили конунгу своему честно, но во время зрады (предательства) многих в лагере не было — несли мы дозоры дальние, а когда вернулись, все было уже кончено. Так что пусть на нас зла не держит, мы не трусы и не предатели. А теперь идите и передайте, что я просил». После этого их проводили до места, где скрутили, пожелали доброго пути и вернулись за высокий частокол. Ну, мои сразу мне все рассказали, я и решил, что если они двадцать лет ждали, то два дня ничего не решат. Вот и поехал дальше к месту силы. А там тоже немало интересного. Видать, образовалось оно недавно. И торчат в нем четыреста мечей и секир, а на небольшом холме меч воткнут древний. Сделан он из незнакомого мне металла, но ни время, ни дожди со снегом ничего ему не сделали. Попытался я его вытащить тебе в подарок, да не вышло. Сила в нем огромная. Ну, осмотрели мы все и в обратный путь.

— Святозар. А ты, что думаешь? — переварив рассказ волхва, спросил Ингвар.

— Если князя интересуют мои мысли, то скажу я вот тебе что. Скорее всего, место силы — это могилы варягов Рюрика, а на холме его сожгли, и меч в золу воткнули. И если я все правильно понял, вытащить его не сможет никто, кроме тебя. И если ты его получишь, то еще больше сблизись с Трувором. А к варягам к тем тебе надо лично ехать, да вывести их из лесов белоозерских. Нам в предстоящей войне лишние силы пригодятся.

— Прав ты, Святозар. Так я и сделаю. Завтра на заре и тронусь в путь. Сначала заеду к варягам, а потом на место силы. Ты как? Со мной поедешь?

— А чего не поехать? Давай съездим, княже. Может, еще разок полезным буду.

— Святозар, — прикрикнул Ингвар. — Ты бога-то не гневи. Ты сегодня огромное дело

сделал — меч отца для меня нашел, из его отряда варягов последних разыскал. Так что иди, отдыхай и распорядись во второе место силы жреца Перуна направить, статую бога туда у резчиков закажи.

— Как скажешь, княже, — и, поклонившись, волхв зашагал в сторону дверей.

Осмотрев на карте места, указанные Святозаром, Ингвар сильно удивился, почему раньше на варягов никто не наткнулся. Ингвар хлопнул в ладоши. Вошел воин и застыл, ожидая приказаний.

— Найди мне Гостомысла, пусть сюда идет, — приказал Ингвар. — Да пусть особо не торопиться, но и не затягивает.

Воин кивнул и исчез.

Ингвар же переваривал услышанное: «Последние варяги Рюрика осели на земле этой и продолжают служить своему князю. Скорее всего, они, вернувшись в лагерь и увидев бойню, что там случилась, собрали мертвых, а может, кого и раненым нашли, после чего ушли подальше от проклятого места, да и осели в лесу, а место силы возникло уже после похорон Рюрика и воинов его. Да, варяжские мечи лишними в этой войне не будут. Это большая удача, что Святозар наткнулся на них. Надо будет их из леса вывести и в Новгороде поселить. Сейчас прямо и прикажу на свободном месте внутри стен заложить варяжский конец». Его размышления прервал ратник, сообщивший о приходе Гостомысла.

— Веди, — приказал Ингвар и вернулся к рассмотрению плану города. Найдя место для варяжского конца, Ингвар поднял глаза на боярина.

— Здравия желаю, княже. Чего изволишь?

— И тебе, Гостомысл, здоровья крепкого. А хочу я от тебя узнать, что за лес здесь и чем знаменит.

Боярин склонился над картой и внимательно всмотрелся в темное пятно, на которое указывал Ингвар.

— Ну, княже, место это зовется «духов лес». По опушке он безопасный, а вот в чащу лучше не соваться. Из тех, кто туда ходил, назад ни один не вернулся. Народ поговаривает, будто в том лесу живут все духи новгородские. А началось все это двадцать лет назад, когда на берегу Ладоги твоего отца порубали. А через какое-то время после гибели варягов над лесом три дня подряд дым стоял. И после этого в лес этот не стало дороги ни конному, ни пешему. Ну, вот вроде и все, княже.

— Ладно, Гостомысл. Не буду я тебя больше мучить. Нашли мы со Святозаром разгадку тайны этого леса. Живут в его чаще не духи, а варяги, что моему отцу служили, да бойни на берегу Ладоги избежали. Дым тот, что двадцать лет назад над лесом стоял, от похоронных костров Рюрика и его дружины. А из леса они никого не выпускают, чтоб тайна их не открылась.

— Вот тебе раз, — озадачено пробормотал боярин, — и что дальше, княже?

— А дальше, Гостомысл, я поеду туда и приведу варягов в Новгород. — Ингвар показал на план Новгорода. — Вот здесь строительства еще не велось, так что собирай плотников и начинай строить варяжский конец. Приведу варягов, они и помогут отстроиться.

— Когда, княже, уезжаешь?

— Завтра с утра, боярин. Так что не медли, если есть вопросы, помогу решить, а нет, тогда Перун тебе в помощь.

Гостомысл на несколько секунд задумался:

— Да нет, княже, вроде пока справлюсь, а если чего понадобится, потом попрошу.

— Ну, тогда ступай, собирай плотников и начинай строить дома. Думаю, через два дня приведу лесных отшельников.

Боярин откланялся и заспешил к себе в финансовый дом. Озадачил его князь: надо финансы подсчитать, да людей набрать на строительство.

Ингвар же велел позвать Лису. Через несколько минут в зал быстрым шагом проскользнула главная охранница и застыла рядом с князем, ожидая приказаний.

— Вот что, сотница, собирай своих орлов и орлиц. Завтра с утра отправляемся в «духов лес». Примерно дня на два, так что бери все необходимое.

Сотница кивнула.

— Еще что-то, княже?

— Я слышал, вам Данила Мечеславович пять малых арбалетов прислал?

Она утвердительно кивнула.

— Прекрасное оружие, княже. Взять с собой?

— Да, Лиса, возьми на всякий случай, хотя я думаю, поход будет мирным. Иди собирайся. Завтра на рассвете отправляемся.

Лиса кивнула и покинула зал.

— Гонца сюда, — крикнул Ингвар в сторону дверей. За ними послышалось шевеление и приказ князя, летящий дальше по коридору от одного поста к другому.

Через пять минут раздался топот и в зал вбежал гонец.

— Звал, княже?

— Подойди!

Гонец быстро подбежал и застыл рядом с тронном князя.

— Вот что, бери самого быстрого коня и стрелой несись в Ладогу к Трувору, скажи, что Ингвар Новгородский нашел остатки дружины Рюрика и через пять дней приведет их в Новгород. Если наместник хочет, может в гости пожаловать, авось кого из старых знакомцев встретит. И запомни, если кому проболтаешься об этом, за горло скараю.

Гонец кивнул и бросился исполнять приказ князя.

Ингвар же решил лечь спать пораньше, а то завтра снова в седло. Надо хорошенько выспаться.

Наутро, проснувшись с первыми лучами солнца и быстро умывшись, облачился в княжеский кафтан, и, накинув сверху харлужную пластинчатую броню и взяв с собой оба меча, выскочил на крыльцо терема. Увидев его, сотня, уже выстроенная у крыльца, приветствовала князя ударом в грудь и криком «слава Новгороду!». К нему неслышно подошла Лиса.

— Княже, мы готовы выступить, ждем только Святозара с десятком ратников. А вот и он, — и кивнула за спину Ингвара.

— Тогда трогаемся. Порядок движения выбери сама, что-нибудь среднее между «быстро» и «нормально».

Лиса кивнула, и пошла отдавать приказы. К Ингвару приблизились Ратибор и Гостомысл.

— Когда тебя ждать, княже? — подал голос воевода.

— Если все хорошо будет, дней через пять. Если задержусь, пришлю гонца. Город на вас оставляю: за порядком следить, беззаконие пресекать. И, Ратибор, увидишь Данилу, передай ему мой приказ, пусть трое выступают. Он поймет. Все, по коням, — скомандовал Ингвар, взлетая в седло своего верного Черена.

Людская масса пришла в движение, и вскоре из ворот терема вынеслась на встречу утру кавалькада всадников.

Дорога была нетрудная, правда, в одной веси, что попалась на дороге недалеко от «духова леса», пришлось задержаться. В ноги Ингвара бросился староста.

— Княже, не вели казнить, дозволю слово молвить.

— Говори! — приказал Ингвар.

— Княже, ты же в «духов лес» собрался? — спросил старик.

Ингвар нехотя ответил.

— Да, дела у меня там.

— Не ходи, княже, голову сложишь, никого духи оттуда не выпускают. Три дня назад мой сын туда ушел лес на опушке рубить, да больше его никто не видел. Не ходи, княже, пропадет Новгород без тебя.

— Не волнуйся, старик, ничего со мной там не случится. А если повезет, я тебе и сына верну.

Старик, продолжавший валяться в ногах, поднял глаза, и было в них столько печали и муки за любимого князя, что Ингвару стало жаль старика. Ведь тот не знал того, что знает он.

— Ладно, не печалься, — сказал ему, Ингвар. — Я ведь Перуном избран, так что вряд ли меня духи тронут. Но сегодня уже поздно в лес идти, поэтому у тебя в веси переночуем. В хаты не полезем, а вот лагерь на околице поставим. Единственное, что попрошу, так это воинов накормить и за лошадьми поухаживать. А это тебе за издержки, — и кинул старику золотую монету. Староста поклонился и начал торопить народ.

Сидя в шатре за накрытым столом, Ингвар обдумывал свои следующие шаги. Денежную реформу, образование, военное дело. С финансовыми аспектами он был не очень знаком, но даже дураку было понятно, что товарно-денежные отношения на Руси безвозвратно устарели и нуждались в суровых переменах. Ингвар уже представлял, как можно собрать примитивный станок для чеканки собственных денег. Теперь надо было организовать монетный двор. То, что сейчас за одну греческую или арабскую золотую монету дают пятнадцать серебряных, а отсутствие собственной денежной единицы плохо сказывалось на экономике. И задумал Ингвар чеканить собственные деньги. Серебряные и золотые. За одну золотую новгородскую гривну давать десять серебряных, а остальные деньги, арабские и греческие, скупать и переплавлять, хождение их свободное запретить. А чтоб купцы заморские не возмущались, установить обменные пункты, где можно бы было обменять свои золотые на новгородские. С этими мыслями он закончил ужин и лег спать.

Утро было солнечное и ясное, на траве еще лежала роса, а отряд Ингвара уже приближался к «духову лесу». На опушке князь велел остановиться.

— Разбить лагерь и дожидаться моего возвращения. Я же с Святозаром и двумя десятками ратников пойду в лес. До моего возвращения или гонца от меня ничего не предпринимать.

— Лиса, — позвал Ингвар сотницу. — Выдели мне два десятков ратников и оставайся в лагере. Смотри в оба. Обстановка на время моего отсутствия приближена к боевой. Посты двойные.

Лиса быстро кивнула и поспешила отдавать приказания. Спустя час, проверив, как выполняются его распоряжения, и оставшись доволен, Ингвар и Святозар с двумя десятками ратников и разведчиком, который уже был в веси, вошли под темные своды леса. Путь был

не легким и не трудным, через два часа после входа в лес Ингвару показалось, что за ними наблюдают. И с каждым шагом его уверенность в этом росла. Слева, шагах в двадцати, затрещала сорока, но Ингвар мог поклясться, что ее пародировал человек. Его уверенность в том, что здесь есть люди, полностью подтвердилась, когда его маленький отряд прорвался сквозь бурелом.

— Княже, — подал голос один из десятников, — а ты заметил, что все завалы, которые мы прошли, за исключением двух, рукотворные и сделаны с большим искусством.

— Да, Храбр, ты прав. Там, куда мы идем, есть люди, — и, видя, как занервничал десятник, Ингвар поспешил его успокоить. — Они нам не враги, но пока все не выяснится, держаться на стороже.

В этот момент к нему подошел их проводник.

— Княже, еще две поляны и мы на месте, прикажешь идти дальше?

— Нет, всем стоять. — Ингвар вышел за границу круга воинов и громко крикнул. — Варяги, я, князь новгородский Ингвар Рюрикович, пришел к вам с миром и прошу вас проводить меня к вашему походному вождю. А если не рады мне здесь, то дайте ответ, чтобы я не наматывал лишние круги по лесу.

Лес оставался безмолвным. Неужели Ингвару показалось, что буквально в двух метрах от него люди. Сзади раздался предостерегающий крик Храбра. Из-за ближайших деревьев выходили люди с мечами в руках. Они были со всех сторон, Ингвар и его воины были окружены.

Удивляло другое, как такое количество людей умудрялось оставаться незаметными. Ингвар в мыслях поставил им высший бал по подготовке.

— Следуй за нами, — проговорил один из лесовиков. По-видимому, он был здесь главным и, не дожидаясь ответа князя, зашагал в сторону, куда ранее указывал проводник. Ингвар махнул рукой, приказывая своим воинам следовать за ним, и двинулся вслед. Так, в плотном кольце охраны, они вышли на огромную поляну, на которой стояла варяжская весь. В ней начитывалось около трехсот дворов, по периметру был высокий частокол с четырьмя вышками. Ворота были гостеприимно распахнуты. Главный лесовик оглянулся, словно проверяя, на месте ли его подопечные, и двинулся к воротам.

Только пройдя ворота, их охрана стала потихоньку рассеиваться, и к тому времени, как они вышли на главную деревенскую площадь, сопровождающих осталось всего десять, включая главного. Ингвар застыл в середине площади, окруженный кольцом своих ратников. На площадь же уже спешило все население варяжской веси.

— Здрав будь, князь, — раздался за спиной громкий голос.

Ингвар повернулся, рассматривая человека на возвышении, которое служило ему трибуной.

— И тебе желаю, хозяин, здравствовать долгие годы. Но не назовешься ли, а то ты знаешь меня, а я тебя нет.

Крепкий мужик с золотыми волосами и глазами цвета моря легко поклонился, принимая ответ Ингвара.

— И ты меня знаешь, Ингвар Рюрикович, только не помнишь. Я тебя на руках держал, когда ты был еще совсем маленьким. А зовут меня Свенельдом, я был первым сотником у отца твоего Рюрика. Я рад, что ты сам пришел ко мне. Теперь мы можем многое обсудить.

— Прости меня, Свенельд, если мой вопрос тебя заденет, но что стало с людьми, попавшими к тебе?

— Ничего, — просто ответил сотник, — почти все здесь. Они добровольно решили остаться у меня.

— Ну, — с облегчением сказал Ингвар, — тогда нет препятствия для нашей беседы.

Свенельд кивнул и спустился с помоста. Подойдя к Ингвару, он его крепко обнял и попросил следовать к его дому.

— Оставь своих храбрых воинов здесь, — указал он на лавки, что стояли рядом с ломившимися от яств столами, — пусть отдохнут, а тебя с волхвом прошу к себе в горницу.

Он распахнул перед гостями дверь, пропуская их вперед. Тут же появились две молоденькие девчушки и споро, в четыре руки, накрыли стол. Озорно стрельнув глазами в Ингвара, они исчезли.

— Присаживайтесь к столу, гости. Сначала угостимся, потом поговорим.

Ингвара и Святозара два раза упрашивать не пришлось. Опустившись на лавку, они приступили к уничтожению пищи, перебрасываясь с хозяином ничего не значащими фразами. Когда блюда перед ними опустели, те же девчушки прибрали со стола, и начался серьезный разговор. Отдавая инициативу хозяину, Ингвар обратился в слух. Свенельд внимательно оглядел гостей и бросил первую фразу.

— Я знаю, князь, зачем ты пожаловал, хочешь нас в Новгород сманить, так мы и не против, скучно моим соколам в лесу. Двадцать лет здесь сидим. Племя новое выросло полуславянское, полуваряжское, да и делать нам в лесу больше нечего. Нас около двух тысяч, и почти все хотят уйти в мир, что за лесом. Молодых тянет к битвам, старых к спокойствию. Знаю я, что месяц назад к тебе пожаловал твой дядька Трувор, и ты его приветливо встретил, землей наделил, наместником своим назначил. Но нам это не надо. Мы тебе еще в младенчестве служить присягали, так что хочешь, не хочешь, мы твои люди, твой род, твое племя. Но есть одна загвоздка. Ведун, что служил Рюрику, дал пророчество, а звучит оно так: «В месяц первый лета, года двадцать второго с даты гибели Рюрика, князя нашего, придет сюда юноша и назовется сыном его Ингваром. Так вот пусть тот юноша возьмет в руки меч отца своего. Коли сможет он его из земли вынуть, значит, тот он. Ингвар Рюрикович. И ведом ему путь». Этому пророчеству уже девятнадцать лет. И как только ты возьмешь в руки меч отца, я присягну тебе, и вместе мы выйдем из этих лесов.

— Что ж, Свенельд, я готов исполнить пророчество. Как скоро мы сможем отправиться на могилу отца?

— А завтра и пойдем, — сказал воевода. — Путь туда недалог, всего несколько часов, а сейчас будь моим гостем.

— Позволишь ли ты мне отправить гонца к моим воинам, что стоят на опушке леса лагерем.

— Конечно, Ингвар. С сегодняшнего дня этот лес перестал быть запретным.

— Святозар, сделай милость, позови своего разведчика, — попросил князь.

Старец быстро поднялся и вышел, но буквально через секунду вернулся с воином, что привел их сюда.

— Слушай внимательно, — обратился Ингвар к разведчику. — Стрелой несись в лагерь, который мы оставили на краю леса, и передай сотнице Лисе, чтобы, не мешкая, послала гонца в Новгород к боярину Гостомыслу. Пусть поторопится со строительством. А лично Лисе передай, чтоб ждала нас через три дня. Все ступай. — Разведчик поклонился и исчез. — А теперь, Свенельд, не расскажешь ли ты мне, что было после того боя на Ладогe, — попросил Ингвар.

— Конечно, князь, — отозвался с грустью в голосе варяг. — Когда моя сотня сутра возвратилась в лагерь, то застала в нем лишь десять заговорщиков, да и то раненых. Быстро дорезав предателей, мы осмотрели все тела и нашли много раненых. Но среди них не было ни тебя, ни Хельги, ни Буревоя. По рассказам раненых, мы примерно составили картину бойни, но изменить ничего не могли. Рюрика мы нашли обезглавленным. Видать, предатель Буревой прихватил голову князя как доказательство. Мертвых и раненых воинов мы забрали с собой. Везли на телегах, а женщин и детей, которых в лагере перебили, сожгли там, на месте. Нашлось немало и живых, которые по кустам разбежались. А затем мы тронулись по следам, оставленным Хельги и Буревоем. Так через три дня мы нашли место последнего боя храброго воеводы. Там и решили сжечь мертвых. Хельги и Рюрика мы сожгли на вершине холма, а остальных храбрых воинов рядом с ними. Затем мы вышли на эту поляну и поставили деревню. Было нас тогда не больше четырех сотен. Большинство из вышедших на это место были детьми да бабами. Кстати, в отдельном доме лежит казна Рюрика и множество всякого оружия. Предатель не успел забрать. Нам это не принадлежит, это твое. Когда придем в Новгород, сам решишь, что со всем делать и кому чего давать.

— Ну, Свенельд, — отозвался Ингвар, — быть тебе боярином новгородским. Казну Рюрика пустим на постройку варяжской слободы, а что останется, людям своим отдашь.

— Подожди радоваться, — отозвался Свенельд, — я ж тебе главного не сказал. Там, в том же доме, где казна и оружие, десять возов меха сложены. Мы знали, что когда ты прейдешь, тебе будет трудно и копили силы и средства. В лесу ведь шкурку не поменяешь, а с местными мы не общались. Только в лес не пускали. Кто же до нас доходил, оставался здесь навсегда.

— Да, новости твои и впрямь замечательные. Только вопрос у меня к тебе. Три дня назад у старосты веши, что недалеко от края леса, сын пропал. У тебя его случайно нет?

— Как же нет. Здесь он. Второй день домой просится, бежать пытался.

— Кликни кого-нибудь из своих молодцов, — попросил Ингвар, — пусть приведут.

Свенельд поднялся из-за стола и вышел.

Ингвар пристально глянул на Святозара.

— Что скажешь, волхв?

— Да нечего тут говорить. Во всяком случае, он не врет, а Новгороду сейчас любая помощь нужна.

— Я с тобой согласен. Воины Свенельда будут очень кстати.

Дверь распахнулась, в нее влетел молодой парень и растянулся на полу посреди горницы, вслед за ним появился Свенельд.

— Идти не хотел, — обратился он к Ингвару. — Я ему, мол, тебя новгородский князь к себе требует, а он ни в какую. Говорит, ври кому-нибудь другому.

Ингвар поднялся с лавки.

— Встань! — приказал он парню.

Тот нехотя встал и посмотрел на него. Вдруг у парня расширились глаза, и он бухнулся Ингвару в ноги.

— Прости, княже, — взвыл он. — Не признал я тебя.

— Встань, — повторил Ингвар. — Через три дня дома будешь. А теперь иди, откуда пришел.

Парень послушно повернулся и вышел.

— А чего не сейчас отпустил? — спросил Свенельд.

— Во-первых, здесь распоряжаешься ты. А во-вторых, время позднее, еще в лесу заблудится. Ищи его потом. Да и не хочу я, чтобы за пределами леса знали, кто здесь живет, и зачем я сюда пришел.

— Разумно, — сказал сотник. — Ну, чего, княже, желаешь? Может девок тебе прислать?

— Нет, Свенельд. Женат я и других мне не надо, а вот поспать нужно.

— Как скажешь, — поклонился сотник, — сейчас организуем. Эй, там! — крикнул он за дверь, что вела на другую половину дома. Тут же дверь распахнулась, и появились все те же девки. — Приготовить две горницы для князя и волхва, — приказал он.

Девчушки кивнули и исчезли.

Свенельд же продолжил выспрашивать у Ингвара новости больших земель. Узнав, что грядет война, хмуро ухмыльнулся:

— Давно я сотни в атаку не водил. Да видно скоро придется вспомнить, как это делается. Ты не тужи, князь, отобьемся и от Полоцка с Вадимом, и Отону рога поотшибаем. А я тебе восемь сотен ратников дам. Сам учил их биться: и в строю, и по одиночке. Знатные воины вышли.

— Это мой воевода проверит, — отозвался Ингвар, — а то, может, и переучит где.

— Ну там видно будет, — миролюбиво отозвался Свенельд.

Дверь приоткрылась, и девичий голосок сладко пропел, что горницы готовы. Ингвар глянул на закимарившего в уголке волхва, и тихо шепнул сотнику.

— А давай под Святозара девок подложим?

Тот удивленно выгнул бровь.

— Да не уж-то ты думаешь, что ему девки нужны? Он уже лет сто от этой проблемы избавлен.

— А вот и проверим, — улыбнулся Ингвар. — Мне кажется, старичок не только девок оприходует, но и нас с тобой на мечях побьет.

— Ну, бог с тобой. Если что, за шутку злую тебе отдуваться, а я посмеюсь, — бросил Свенельд и отправился к девкам.

Ингвар разбудил Святозара и отправил его спать. Сам же вышел во двор поглядеть, как его воины устроились.

На часах возле дома стояли два ратника из его охранной сотни.

— Остальные где? — спросил их Ингвар.

— Вон там, на сеновале, устроились, — махнул рукой в сторону сарая воин. — Через два часа меняемся.

— Ладно, бдите. И чтобы ушки на макушке.

Еще раз оглядев двор, князь вернулся в дом и пошел искать свою горницу. Если бы он знал, что так выйдет со Святозаром, шутить бы не стал. Найдя свое ложе, он уже намеривался уснуть, как из-за стенки раздались охи-ахи. Горница волхва оказалась через стенку от князя. Полночи Ингвар не мог уснуть и лишь под утро забылся беспокойным сном. К завтраку вышел злой и не выспавшийся, зато за столом сидел довольный волхв и поедал свое любимое лакомство: блины с медом. Рядом с ним, недоуменно глядя на Ингвара, сидел Свенельд.

— Спасибо, княже, за широкий жест, — увидев Ингвара, сказал Святозар, — сорок лет уже на девок не залазил, а девки сочные оказались. Хорошее племя от них пойдет. Святозарово.

— Да не за что, — буркнул Ингвар, присаживаясь к столу.

— Что, князь, не выспался? — спросил Свенельд.

— Ты что ли выспался? — огрызнулся Ингвар, отрезая кинжалом огромный ломоть от жаренного поросенка.

— Нет, и как мне сообщили, в ближайших домах никто не выспался, — продолжил свою речь Свенельд.

Святозар мстительно улыбнулся. Ингвар одарил его такой рожей, что волхв поперхнулся.

Быстро закончив завтрак, Ингвар умылся и вышел во двор. За ним выскочил Свенельд.

— Да, пошутили. Пятерых девок оприходовал и еще хотел, да заметил, что светает, и уснул, — сказал грустно сотник.

— Сколько? — переспросил Ингвар.

— Пятерых, — повторил Свенельд. — Если он на мечях бьется так, как девок любит, мне его не одолеть.

— Нет, сотник, на мечях, скорее всего, он бьется намного лучше, — печально заметил Ингвар. — А сейчас собирай своих, пойдем за мечем Рюрика.

Через два часа они вышли на поляну, где двадцать лет назад принял последний бой воевода Рюрика Хельги или по-русски Олег.

Как только Ингвар вышел на поляну, в его мозг ворвались сотни голосов, повторяющих одно и то же: «Ингвар», «Ингвар», «Ингвар»... Люди столпились на краю, он же пошел прямо на холм, где из земли в одиночестве торчал меч его отца. Подойдя к нему, он взялся за рукоять. И тут же все исчезло: лес мечей внизу, его ратники, люди из варяжской веси. Он стоял в круге камней, где ведогон его лечил, где ему выжгли сокола.

— Ну вот ты и пришел, — раздался сбоку голос. — Теперь можно спокойно поговорить. — Не выпуская рукоять воткнутого в алтарь меча, Ингвар повернул голову. Справа от него стоял высокий человек с синими усами и наголо бритой головой, с которой свисал один светлый чуб. — Да ты рукоять-то не выпускай, а то я не смогу с тобой говорить. Ты уже догадался кто я?

Ингвар утвердительно кивнул.

— Ну и хорошо, — тихо проговорил призрак. — Итак, сын, есть одно дело, которое необходимо обсудить. И это....

— Мечь, — выдохнул Ингвар.

— Нет, сын. Мечь ничего не решает. С ее помощью невозможно создать ничего нового. Я же хочу поговорить о созидании. Пора создать мощное государство. С законами, с понятиями чести, верности. Я знаю, тебе сейчас нелегко. На тебя навалилась огромная тяжесть, но все когда-нибудь кончается. В том, что тебе тяжело, есть доля и моей вины. Я погиб слишком рано и не успел научить тебя всему, что знаю сам. Но ты приобрел свой опыт, побывав в другом мире с более длинной историей, и сумеешь не повторить ошибок предшественников. Я горжусь тобой. За год ты сделал невозможное: поставил крепкий город, которому скоро предстоит стать столицей всей Руси, ты завоевал уважение местных племен, причем сделал это не огнем и мечем, а словами и поступками. Что касается Отона и Буревоя, то все их деяния известны. Ну, а если столкнешься с ними в бою, будь осторожен. Они очень сильные воины. А теперь тебе пора, ты итак задержался на кромке. Только когда будешь тянуть из земли меч, думай не о мести, а о созидании. Этот меч никогда не служил злу.

Ингвар кивнул, и видение поблекло, а потом и вовсе растаяло.

Он стоял на том же холме, держа за рукоятку воткнутой в землю меч отца. Оказалось, никто и не заметил его отсутствия. Он был в призрачном мире около десяти минут, а здесь не прошло и двух секунд. Ингвар потянул за рукоять, меч не шелохнулся. «Во имя созидания», — пронеслось в мозгу. Рукоять сама прыгнула в расслабленную ладонь. Сомкнув пальцы, он потянул клинок. Тот шел на удивление легко, как будто не в землю воткнут, а в подтопленное масло. Казалось, земля сама выталкивала наружу чужеродный предмет.

Ингвар вытянул меч и поднял высоко над головой. Солнце скользнуло по блестящим граням клинка и ушло внутрь чудесного оружия.

— Чтоб Новгород жил! — закричал он.

И сотни людей, пришедших увидеть истинного князя, упали на колени.

— Свенельд, подойди, — позвал Ингвар.

Бывший сотник Рюрика поднялся на вершину холма и опустился перед князем на одно колено.

— Будешь ли ты служить мне, как отцу моему Рюрику?

— Да, княже, — последовал незамедлительный ответ.

— Будешь ли ты заботиться о граде Новгороде, как о своем собственном?

— Да, княже.

— Тогда встань, боярин варяжского конца. Отныне и навсегда ты будешь служить русской земле и людям, что завтра уйдут отсюда вместе с тобой. — Ингвар повернулся к толпе, стоящей у подножья невысокого холма. — Люди земли новгородской, люб ли вам такой боярин?

— Люб, — в один голос отозвалась толпа.

— Пойдете ли вы за ним в стольный град Новгород и будете ли вы служить ему?

— Да, княже, — последовал единодушный ответ.

— Тогда я жду клятвы верности. Встаньте на колени и повторяйте за мной. Клянемся служить Новгороду и Руси, князю Ингвару, не щадя живота своего.

Народ, стоя на коленях, послушно приносил клятву верности, повторяя слова князя слово в слово. Когда последний голос смолк, и глаза людей вопрошающе уставились на Ингвара, князь поднял меч и произнес:

— Встаньте с колен, свободные новгородцы. Все, кто завтра уйдут со мной и боярином Свенельдом в Новгород, должны собрать свои вещи и быть готовыми к завтрашнему рассвету. С первыми лучами солнца мы покинем весь.

Люди пришли в движение и потянулись в сторону веси, чтобы последний день побыть в старом доме. Ингвар обратился к Свенельду:

— Помоги собраться. Ничего важного здесь не оставляй, когда мы выйдем отсюда, и тайна леса раскроется, эти дома займут другие люди. Я не собираюсь им мешать, пусть живут и плодятся. Это нужно Новгороду. Все иди, боярин. Я же немного побуду здесь.

Свенельд поклонился и пошел вслед за своими людьми.

Охрана Ингвара вместе с Святозаром отступила за край поляны и устроилась под деревьями. Негромко переговариваясь, они разложили еду и приступили к трапезе.

Ингвар же опустился на колени в месте, где раньше торчал меч, и воззвал к Перуну.

— Отец наш! Ты водишь своих воинов в битвы и принимаешь их последние вздохи, подскажи своему верному ратнику, как отвести беду от Новгорода?

Как и на той поляне, близ Пскова, голос бога обрушился на Ингвара отовсюду.

— Все, что ты делаешь и задумываешь, верно. А совет у меня один. Пусть твои воины крепче сжимают мечи и не теряют веру в победу. Это все, чем я могу тебе помочь. Следующий раз, когда ты меня услышишь, будет после победы над врагами. А если ты, князь, потерпишь поражение, то мы увидимся лично. Прощай! — пророкотало в голове у Ингвара последний раз. И вокруг князя наступила тишина.

Посидев еще немного, Ингвар поднялся и направился в сторону веси. Его ратники незаметно пристроились следом. Святозар, шедший рядом, внимательно посматривал на Ингвара, пытаясь угадать его чувства.

— Княже, дозволю спросить? — наконец-то решил задать вопрос волхв. Увидев утвердительный кивок, продолжил. — Княже, а откуда у тебя ножны к мечу Рюрика и почему ты несешь его в руке?

Ингвар затормозил так резко, что в него врезался охранник, идущий следом.

— Какие ножны, Святозар? — не понял он.

— А вот эти, посеребренные, — и волхв указал на пояс князя.

Два меча Ингвара покоились за плечами. Он всегда их так носил, следуя варяжской традиции. Но на поясе висели пустые ножны, отделанные серебром, очень подходящие к обнаженному клинку в его руке.

— Не знаю, Святозар, — честно ответил Ингвар, — наверно, отец незаметно надел, когда я был на кромке.

Увидев удивленный взгляд волхва, Ингвар быстро рассказал о том, как взялся за рукоять и попал на холм в святилище Перуна, как говорил с Рюриком. Волхв понимающе улыбнулся.

— То-то мне показалось, что когда ты взялся за воткнутый в землю меч, твое тело на секунду исчезло. Но я списал это на солнечный зайчик, попавший в глаза.

Ингвар убрал обнаженный меч в ножны. И как только клинок занял в них свое место, Ингвару показалось, что встретились две половинки одного целого. Он даже испугался, что не сможет снова обнажить этот дивный клинок, но демонстрация прошла успешно, и меч бесшумно и послушно покинул ножны. Так, думая каждый о своем, они достигли веси. Картина, которую они застали в деревне, больше напоминала бегство, нежели сборы. Туда-сюда сновали люди, грузились телеги, в своих загонах орала скотина. На главной площади новоиспеченный боярин, ругаясь, отдавал приказания. Ингвар не стал лезть к нему с советами, это его народ, а значит, Свенельд лучше знает, как и что нужно делать. Устроившись на лавке во дворе, Ингвар несколько минут наблюдал за всей этой суетой, а потом решил подремать, тем более что ночью не удалось выспаться. И снился ему дивный сон, что возвращается он в Новгород из похода дальнего, а на крыльце терема его ждет Ярослава. На руках у нее младенец, а рядом с ней стоит мальчик лет четырнадцати. И только Ингвар соскочил с коня и направился к крыльцу, как его разбудили.

Увидев перед собой лицо Святозара, Ингвар решил не ругаться, а выяснить, для чего волхв прервал столь чудный сон. И с удивлением обнаружил, что на улице темно, а на весь опустилась теплая летняя ночь.

— Княже, прости, что разбудил, — сказал Святозар. — Но сейчас уже полночь и я подумал, что в горнице тебе удобней будет.

— Спасибо, волхв. Люди собрались?

— Да, княже, на рассвете отправимся, всего в обозе двести одиннадцать телег, десять из которых твои. А еще я нашел бесценные записи с тайнами древними, выполненные на глиняных дощечках. Рюрик таблички с Буяна вывез, а волхв местный настоял, чтобы

Свенельд забрал их с собой, когда поле бранное на Ладоге покидал.

— Да, бесценный груз повезем завтра, — отозвался Ингвар. — Вели упаковать их получше, чтоб дорогой не побились.

— Уже, княже, уже. Они для меня сейчас дороже, чем казна Рюрика и восемь телег с мехами, что Свенельд для тебя отобрал.

— Восемь телег?! — изумился Ингвар.

— Да, княже. Еще четыре он отдал двум своим купцам, чтоб деньгу за них выручили, на дома новые и прокорм на первое время. Казна же Рюрика, что тебе досталась, насчитывает две тысячи монет золотом и вдвое больше серебром.

— Да, это богатство будет кстати, — заметил Ингвар, направляясь к своей горнице. — Не думал я, что, приехав сюда, решу многие проблемы. А так и воинов для дружины нашел и казну княжескую преумножил. Ладно, Святозар, уже поздно. Прикажи кому-нибудь разбудить меня на рассвете. — Волхв кивнул и направился в сторону девичьей горницы. — Ты только не очень шуми, — попросил Ингвар, — а то сюда все боги слетятся, на своего жреца посмотреть.

Волхв улыбнулся:

— Они останутся довольны, — и он скрылся за поворотом коридора.

Устроившись на лавке, Ингвар попытался уснуть, но как назло сон не шел. Ингвар решил выйти и пройтись недалеко. Так, по веси прогуляться. Выйдя из терема Свенельда, он знаком приказал своим дружинникам оставаться на месте. И пошел вдоль улицы ведущей к выезду из села. Неясное чувство беспокойства разгоралось в нем, и он заспешил к воротам. Когда до них оставалось метров пятьдесят, через стену перемахнула неясная тень, вот она тянет запорный брус, и ворота распахиваются во всю ширь. Ингвар потащил из ножен отцовский клинок, луна блеснула на лезвии и застыла. Меч даже в тени продолжал сиять ровным холодным светом. Уж больно расслабились варяги в последний день пребывания в лесу. Стражи нет, только ворота заперты. Вот и воспользовались этим неизвестные враги. На миг полная луна осветила ворота, в которые тихо крались огромные волки. «Тревога!», — заорал Ингвар и бросился в бой. Тишина разом рухнула. Жуткий вой обнаруженных зверей разнесся по всей веси. Два меча князя мелькали с поражающей быстротой, но клинок Людоты не мог ничего поделывать с огромными волками. Он только рассекал шкуры, которые тут же затягивались. Зато меч Рюрика крушил зверье направо и налево. Звери, как можно быстрее, мечтали миновать страшного воина в воротах, который мешал им добраться до сонных варягов. Но Ингвар стоял и отбивался, с ног до головы залитый кровью, а перед ним валялись мертвые волки. «Почему меч Людоты не может их убить?», — металась в голове князя странная мысль. Догадка пришла сама собой: людская фигура, открывающая ворота, полная луна. «Да это же оборотни!». Ингвар начал уставать, руки вращали меч все медленней, в них появилась тяжесть. Но делать нечего, надо сражаться за людей, что сзади тебя, за себя, за Ярославу, за Новгород.

— За Новгород! — заорал он и увеличил скорость вращения мечей.

За спиной уже бежали на помощь князю люди Свенельда. Натягивались боевые луки, свистели стрелы. Натиск на князя ослаб, варяги сбивали оборотней в кучу и добивали серебряными стрелами. Ни один не ушел. Ингвар устало прислонился к створке ворот. К нему подбежал Свенельд.

— Прости, княже, что забыл предупредить про оборотней. Не думал я, что они сегодня заявятся. Завтра бы мы ушли, и долгой войне конец, а видишь, как получилось.

— И давно вы так воюете? — отдышавшись, спросил Ингвар.

— Почитай уже лет десять. Две тысячи серебряных монет из казны княжеской на стрелы, да на кромки мечей переплавили. Но сегодня был последний бой, мы всех до единого перебили, ни одного оборотня в лесу не осталось. Если бы не ты, княже, они бы нас как курей передавили.

— Ладно каяться, — бросил Ингвар. — Войне конец и то ладно. Люди все целы?

— Да, княже, ты же считай их всех в одиночку своим чудесным мечем перебил.

— Сколько же их было?

— Где-то с сотню, — немного подумав, сказал Свенельд.

— Да много, если бы в ворота прорвались, то ничего бы нас не спасло. А где они жили?

— В лесу у них землянки, — сказал бывший сотник. — Туда мои воины побежали, волчат добить.

— Ладно, пойдем, поможешь умыться, — попросил Ингвар, — а то я весь в крови.

Когда начало светать, в весь вернулись воины, что ходили волчат добывать. Принесли тела двух своих.

— Волчицы загрызли, — пояснили они.

— Быстро сжечь, — приказал Свенельд, — а то еще встанут, и все сначала.

— Да вот еще, что, — замялись воины, выложив перед воеводой десять мешочков, — здесь золото.

Ингвар и боярин переглянулись. Мешочки были размером с голову взрослого человека.

— Тут тысячи на три, — прикинул Ингвар. — Твои люди, боярин, ты и дели.

— Вот что, — сказал Свенельд, — шесть мешочков твои, остальное жителям раздам.

— С чего такая щедрость, боярин? Обычно князю полагается десятая часть от воинской добычи, а тут больше половины.

— Так почти вся воинская добыча твоя. Ты же оборотней в воротах встретил, ты большинство из них и порубал. Так что все по правде.

— Ну, я с радостью приму твой дар. Не сочти за труд, отнеси мою долю в обоз к казне Рюрика, приеду в Новгород, разберусь.

На другой стороне веси раздался плач, там готовили к сожжению убитых воинов. Когда погасли последние угли их костров, а на улице стало достаточно светло, Ингвар приказал выступать. За сегодня им надо выйти из леса и достичь веси, где в ногах у князя валялся староста, а заодно ему и сына вернуть.

Дорога была нетрудная. Оказывается, еще вчера воины Свенельда растащили все завалы на их пути. И к полудню первая телега покинула лес. Ингвар подозвал одного из своих ратников.

— Скачи в лагерь и передай Лисе, чтобы сворачивалась. Встречаемся около веси, что на западе отсюда, там и переночуем.

Ратник кивнул и ускакал. Дождавшись, когда последняя телега покинет лес, Ингвар указал направление и двинулся впереди обоза, который растянулся на несколько километров. По бокам телег шли пешие варяги, вооруженные до зубов. Оно и понятно: чужой мир, а добра везут немерено. К вечеру обоз подошел к веси. Навстречу им выехал конный отряд. Реакция варягов была мгновенной: заблестело оружие, натянулись луки. Взмахнув рукой, показывая, что все нормально, Ингвар двинулся навстречу всадникам. Подъехав поближе, Ингвар услышал звонкий удар в грудь, за которым последовало неизменное: «Слава Новгороду!».

— Слава! — отозвался он. — Как прошли два дня? — спросил Ингвар, заметив Лису.

— Все спокойно, княже, — просто отозвалась она. — А как твои дела?

— Да вот, сама видишь, чуть больше двух тысяч народу из леса вывел. Тысяча хороших воинов в новгородской дружине появилось. Да около четырех тысяч золотом привез и серебра столько же. Плюс брони, щиты варяжские, да мечи с копьями. Так что, улов богатый.

В этот момент к ним подъехал Свенельд.

— Знакомься, боярин, — произнес Ингвар, — начальница моей охраны, звать Лиса.

Свенельд почтительно отвесил полупоклон.

— Рад видеть, — произнес бывший сотник, — что столь красивая дева умеет обращаться с оружием и охраняет столь доблестного мужа.

После такой речи Лиса отчаянно покраснела и попыталась скрыть свое смущение поклоном.

— А это — Свенельд, боярин варяжского конца и бывший первый сотник конунга Рюрика.

Девушка поклонилась еще раз.

— Боярин, скажи своим, чтоб в веси не безобразничали, а то за горло скараю, и отпусти на побывку всех, кто к тебе отсюда забрел. А захотят остаться, неволить не буду.

Свенельд поклонился и заспешил к своим.

Обоз послушно устраивался на ночлег. Запыхали костры, возле них раздавался смех, и звучали песни. Ингвар прекрасно понимал этих людей: после долгого вынужденного затворничества они радовались огромным пространствам, которые теперь не закрывали от них деревья. Радовались победе над оборотнями, одержанной с помощью меча Рюрика, что покоился теперь в ножнах за спиной молодого князя. Варяг двадцати лет от роду по имени Сигурд, признанный певец и стихоплет лесной веси, сочинил огромную балладу, посвященную приходу Ингвара Рюриковича. Последние строки он дописывал уже на телеге, выезжая из леса, и теперь с огромным удовольствием исполнял свое творение перед соплеменниками. Ингвару, находившемуся в своем шатре недалеко от исполнителя, длинная песнь Сигурда очень понравилась.

Отодвинув полог шатра, вошел часовой.

— Княже, только что примчался гонец из Новгорода. Пустить?

Ингвар кивнул и, накинув на себя простую рубаху, опустился на раскладной стул. Вход в шатер запахнулся и быстрым шагом вошел гонец. Ударив себя в грудь кулаком, и сказав стандартное приветствие «Слава Новгороду!», он передал князю пергамент от наместника Трувора и застыл, ожидая дальнейших приказаний.

— Благодарю за службу. Иди, отдыхай. Понадобишься, позову.

Гонец кивнул и исчез. Ингвар торопливо содрал печати Трувора. Первые строки послания вызвали у Ингвара легкую улыбку.

«Дорогой, племяш. Я рад новостям о том, что нашлись варяги из дружины брата моего Рюрика. И, как можно быстрее, спешу в Новгород. Но есть вести и с других краев. За день до твоего гонца у меня побывал человек от Синеуса. Брат мой шлет тревожные вести. Викинги Отона готовятся к походу, и их не четыре тысячи, как мы с тобой предполагали, а шесть. Судя по тому, как они снаряжаются, Отон задумал переждать в Новгороде период зимних штормов, а, может быть, и вообще осесть на этих землях. Также Синеус велел передать, что тоже собирается к нам вместе со своими ратниками и домочадцами и выходит он очень

скоро. Как сказал его гонец, Отон не позволит, чтобы у него за спиной находилось три тысячи варягов из рода Руса. И перед походом обязательно расправиться с ним. Поэтому, племян, жди в гости еще три тысячи ратников. В Новгороде буду через два дня, как раз к началу июля, там и поговорим».

Вести от наместника в Ладогe не на шутку встревожили Ингвара. Ведь, если Отон навалится на городок всей своей силой, Трувору не устоять. Сейчас там две тысячи варягов, да тысяча лучников из Белоозера. Остается надеется, что Синиус придет на помощь брату и поможет отбиться. Надо спешить. Через два дня Ингвару надо быть в Новгороде. Если обо не будет успевать, взять с собой Свенельда, оставить людям провожатых и спешно скакать в город. Раздумья князя прервал все тот же ратник, что сообщил о прибытии гонца.

— Княже, там рядом с шатром человек мнетя, говорит староста веси, возле которой стоим. Пустить?

Ингвар кивнул. Полог шатра откинулся и семенящей походкой в сопровождении ратника вошел мужик, что валялся у него в ногах и заклинал не ходить в лес.

— Княже, — поклонился он. — Ты не гневайся на меня, я поблагодарить тебя пришел, за то, что ты мне сына вернул. И он стал торопливо разворачивать ткань на свертке, что держал в руках. Ратник, стоявший у старосты за спиной кивнул, мол, все нормально, в свертке ничего опасного. Наконец тряпица упала на пол, и в руках старика оказался большой рог, отделанный серебром. — Княже, прими от меня в знак благодарности. Еще будучи молодым нашел я его в «духовом лесу», да оставил себе. Сила в нем скрыта мне непонятная, но если в него протрубить на поле боя, то все, кто слышит его глас, становятся бесстрашными воинами, а у врагов начинается смятение и паника.

— Спасибо, старик, — принимая рог из рук старосты, произнес Ингвар. — Думаю, очень скоро ты услышишь его звук, а теперь иди, мне надо побыть одному. Ратник, — окликнул князь воина, уже выходящего из шатра.

— Да, княже?

— Найди мне Свенельда. Пусть придет, вопрос у меня к нему.

Ратник поклонился и поспешил исполнить просьбу князя.

— Звал, княже? — раздался от входа голос Свенельда.

— Да, боярин, проходи. Да взгляни вот на эту диковинку. Не знакома она тебе? — протягивая бывшему сотнику только что подаренный старостой рог, Ингвару на секунду показалось, что он пытается оторвать себе руку, но когда рог переключал в руки Свенельда, наваждение схлынуло.

Внимательно оглядев со всех сторон протянутый ему рог, варяг лишь пожал плечами.

— Никогда не видел, княже. Если ты думаешь, что это рог Рюрика или Хельги, заблуждаешься. У твоего отца был похожий, но он был утерян еще на Буяне, а Хельги такими не пользовался. Он орал громче, чем любой рог.

— Я могу сказать, чей рог, — раздался от входа в шатер голос волхва.

Две головы синхронно повернулись в сторону говорившего.

— Ну ничего от тебя не скроешь, Святозар, — отозвался Ингвар. — Говори, чья это дудка.

— Да, было это лет сто пятьдесят тому назад. Молодой всадник проезжал через эти земли, ехал он просто так, в сторону Белоозера. Какие у него там дела были, мне не ведомо. Да ночью, когда он на опушке на отдых расположился, напали на него тати лесные. Всех побил этот воин, а было их без малого три десятка, но вот беда, рог он где-то потерял. Два

дня искал, да так и не смог найти. Тогда махнул он рукой на свою любимую, как ты, княже, выразился дудку и поехал дальше. А рог, видать, так и остался лежать на бранном поле. Ну а более мне про это ничего не известно, кроме имени того воина. — Волхв сделал вид, что задумался, вспоминая имя.

— Не томи, Святозар. Как его звали? — взорвался после длинной паузы Ингвар.

— Эх, молодые. Какие вы все торопливые. Ну да ладно, не буду я вас мучить. Имя воина было Перун.

— Разыгрываешь, волхв. Неужели ты считаешь, что это, — и Ингвар указал на посеребренный рог, — рог бога, с которым он водил в бой свою небесную дружину.

Святозар кивнул.

— Я же сказал князь, что воин тот о потере печалился очень, и пять лет затем изготовлял новый. Но почему-то не нравился он ему. Все тосковал по этому, да потом смирился.

— Так надо его вернуть, — воскликнул Ингвар, — порадуем бога.

— Нет, княже. Спустя сто тридцать лет, а точнее двадцать лет назад, Перун нашел его. Услышав глас на поле боя, он поспешил на знакомый звук. Видел он и ту битву, и рог, и то, что ведомо лишь ему одному, и оставил он все как есть. Может быть, узнал, к кому в итоге попадет этот рог, и что послужит он на дело милой его сердцу Руси. Так что владей, княже, и ни о чем не думай. Просто, если будешь разговаривать с ним, поблагодари его за дорогой дар. А сейчас прости меня, княже, спать пойду, устал я за сегодня.

И кивнув Ингвару, волхв покинул шатер.

— Да дела, — отозвался Свенельд, — и много у тебя, княже, таких вот подарков?

— Не очень, — сказал задумчивый Ингвар. — Двуручный бой, да мудрые советы. А таких, как этот, — Ингвар кивнул на рог, — прежде не было. — На долю секунды Ингвару послышался далекий смех. Мотнув головой, он опустил на походный трон. — Ладно, Свенельд, иди. Завтра будет тяжелый день. Нам надо спешить в Новгород. До него день ходу, но у нас большой обоз, и если он пойдет медленней, мы с тобой его оставим. Через два дня к вечеру я должен быть в Новгороде. Так что, либо обоз спешит, либо двигается без нас.

Свенельд кивнул и вышел.

Сутра лагерь был свернут, и длинная цепочка телег потянулась в сторону Новгорода.

Спустя шесть дней, после своего внезапного отъезда, Ингвар вернулся. У ворот города, названных с легкой руки князя Золотыми, его ждала огромная толпа народа. Ингвар въезжал в город во главе длинного каравана, насчитывающего более двухсот телег. Ингвар поднял руку, призывая людей к тишине, и одновременно останавливая обоз. Толпа, увидев жест князя, мгновенно стихла. С высоты седла Ингвару удалось разглядеть несколько варяжских шлемов: «Значит, Трувор уже прибыл и ждет меня. Надо быстро здесь закругляться и в терем, прихватив всех советников».

— Люди Новгорода! — зычно крикнул он. — Сегодня в городе знаменательный день. К нам пришли люди, что служили моему отцу. Я привел их в Новгород, чтобы они здесь жили и трудились вместе с вами. Свенельд, подойди, — обратился Ингвар к бывшему сотнику, застывшему в седле. Когда тот поравнялся с князем, Ингвар указал на него. — Это — боярин варяжского конца Новгорода, Свенельд. С этого дня он состоит в моем малом совете. Я надеюсь, что все честные новгородцы помогут новоприбывшим освоиться в городе. А сейчас мне пора в терем.

Народ послушно расступился перед князем, переваривая услышанное. Ингвар

повернулся к Свенельду, который с удивлением разглядывал огромный город.

— Хватит паяться, боярин. Завтра осмотришь. Я сам, лично, все покажу. Нам пора в княжеский терем. Обозу я дам провожатых. Твоих людей проводят и разместят, а сегодня ты погостишь у меня. Лиса, отряди пятьдесят провожатых из нашего эскорта для сопровождения обоза в варяжский конец и найди Гостомысла.

— А меня не надо искать, княже. Я уже здесь, — раздался за спиной Ингвара голос первого боярина Новгорода.

— Ну, боярин, ты меня когда-нибудь заикой сделаешь. Познакомься — Свенельд, боярин варяжского конца, а это — Гостомysl, один из самых умных в городе людей. В его ведении находится финансовый дом и почти все городские вопросы. Именно он смотрит за строительством варяжских домов, а по совместительству, он мой хороший друг и советник. — Оба боярина поклонились друг другу. — Теперь, когда вы познакомились, Гостомysl проводи Свенельда и обоз до места, разместите людей на ночь, проследите, чтобы они ни в чем не нуждались, а потом быстро ко мне в терем, и собери остальных советников.

— Княже, — сказал Гостомysl. — Вадим вернулся, может, и его позвать. Как никак твой тысячник.

Ингвар согласно кивнул.

— Конечно, позови. Я жду от него отчета.

Гостомysl кивнул и вместе с Свенельдом поскакал вслед свернувшему на другую улочку обозу. Ингвар же в сопровождении Святозара, Лисы и полусотни отправился в терем. Во дворе была привычная суэта. Там разгружали восемь телег, пришедших вместе с обозом. Оказывается, умница Лиса сообразила и послала их под охраной сразу на княжий двор. Ингвар подозвал сотницу:

— Молодец, что не растерялась, — похвалил он. — Назначь караулы и можешь отдыхать, только предупреди Трувора, что мы вернулись, и я жду его в зале совета.

— Уже, княже. Караулы заняли свои посты пять минут назад, а к Трувору я послала сразу, как вы только в город въехали.

Святозар, стоящий за спиной опешившего Ингвара, весело рассмеялся.

— Княже, твои деяния достойны похвал, твои воины не только умелы в бою, но еще и сообразительны.

— Лиса, ценю твою инициативу, но в следующий раз, не бери на себя такие вопросы, как с Трувором. По этому поводу позволь мне отдавать приказы. — С напускной сердитостью произнес Ингвар.

— Да, княже, — виновато потупила взор охранница. — Прости, я не подумала.

— Ничего, но впредь просто будь внимательней или спроси у меня. Голову рубить не буду.

Дождавшись кивка сотницы, Ингвар вместе с волхвом направились в зал совета.

— Много воли дал, — тихо сказал князь Святозару.

— Да нет, княже. Все нормально, — отозвался волхв, — просто все хотят помочь тебе и стараются в меру сил. Не губи их инициативу на корню, иначе в скором времени будешь управлять послушным стадом рабов.

— Может ты и прав. Не буду сердиться, она ведь только пыталась сделать, чтобы всем было удобно. И мне, и Трувору. Кстати, откуда вы всех этих слов нахватали? Инициатива и множество других.

— Да ты так говоришь, княже, — слегка поклонился Святозар, — вот и мы немного учимся. Слова-то не бранные, а красивые. И смысл их постигаем по твоей реакции.

— Да-а, — протянул Ингвар, — не мир я вам принес, но меч.

— Поясни, — тут же среагировал волхв.

— Ну, это, когда... — на секунду замялся князь. — Чтобы жить мирно, нужно всем врагам головы поносить.

— Хорошая поговорка, — улыбнулся Святозар. — Я запомню.

— Ну, у меня таких поговорок целый воз, и целый караван свежих для вас анекдотов. Историй таких смешных. Но их-то вы от меня не услышите.

— Почему?

— Незачем дурью головы забивать, о делах думать надо. А то только и делать будете, что анекдоты пересказывать, да новые придумывать. Вот наладится все, тогда и расскажу. А сейчас дел по горло, — с этими словами Ингвар распахнул двери в зал совета.

Трувор сидел за круглым столом и внимательно разглядывал карту новгородских земель. Повернувшись на звук распахнувшейся двери, он поднялся из-за стола и направился навстречу племяннику. На изуродованном шрамами лице старого воина была своеобразная улыбка, очень похожая на оскал, но Ингвар прекрасно знал, что его дядька Трувор, рад его видеть. На середине зала они крепко обнялись, и молодой князь поспешил представить ладожскому наместнику верховного волхва Новгорода.

— Ну что же, — произнес князь, обращаясь к Святозару и Трувору, — прошу вас за стол. Остальные члены совета будут чуть позже, а пока мы вкратце обсудим положение вещей на сегодняшний день.

Когда все расселись, Ингвар обратился к наместнику.

— Трувор. Как дела с отстройкой Ладоги и ратными делами?

— На данный момент на берегу Ладожского озера стоит деревянная крепость, небольшая, но довольно ладная. Место для обороны удобное. Если все пойдет хорошо, Отон мимо нее пройти не сможет, так и упрется в стены. А если подойдет Сিনিус, то мои варяги викингов Отона не только задержат, но и разгромят. Сейчас в Ладоге около двух тысяч опытных варягов и тысяча лучников из Белоозера. Мои сотники гоняют их с утра до вечера. Думаю, к нужному нам времени они превратятся в грозную силу.

— Ладно, Трувор. Новости хорошие. Если подойдет Сিনিус, пусть в Новгород не спешит, а поможет тебе Отона отбить, а там и посмотрим. Если все нормально будет, и Новгород выстоит, и вы живы будете, то тоже посажу его наместником, землю дам.

Трувор, выслушав племянника, кивнул.

— Согласен, княже. Мечи его дружины мне пригодятся, ну, а если падет Новгород, то и нам не выстоять. А падем мы, и Сিনিусу и мне будет все равно, сколько и на каких условиях будет у нас земли.

— Ты прав, — наконец произнес Ингвар, пристально посмотрев в глаза Трувора. — Мы сильны только все вместе: варяги и славяне. По одиночке нас раздавить будет намного проще. Тебе нужна какая-нибудь помощь?

— Да вроде бы нет, — отозвался дядька, — пока справимся, если что понадобится, попрошу.

Ингвар кивнул и свернул разговор на тему последнего похода за остатками дружины Рюрика. Вкратце пересказав события, произошедшие в Новгороде с момента отбытия Трувора на Ладогу, он рассказал о том, как узнал о племени варягов в «духовом лесу», о мече

Рюрика и битве с оборотнями. О том, как вывел из леса двухтысячное племя, и что теперь в Новгороде будет варяжский конец. Выслушав князя, Трувор нахмурился.

— Оборотни, говоришь. И много этих зверушек по лесам прячется?

За Ингвара ответил молчавший до этого момента Святозар.

— Если верить тому, что после этого боя мне поведал Перун, а в его словах я не сомневаюсь, это были последние остатки древнего народа славян. А точнее, прародители этого племени. Просто последующие поколения утратили возможность перевоплощаться в диких зверей: волков и медведей, а эти, так сказать, предки одичали, и вела их с этого момента только жажда крови. Так что бояться угрозы с этой стороны не следует. Их время кончилось, и возродиться, им уже не дано.

В этот момент двери в зал распахнулись, и вошедший ратник сообщил, что прибыли члены совета или, как он выразился, бояре круглого стола. Сам того не подозревая, он дал малому совету князя точное название.

— Пусти, — приказал Ингвар и тут же потерял интерес к охраннику.

В зал шумною толпой ввалились почти все советники Ингвара. Не хватало только Позвизда, дежурившего вместе с полусотней возле веси Агапия. Ратибор, Василько, Ясна, Мал, Вадим и Данила быстро прошли к столу и заняли свои места. Последними в зал вошли Гостомысл и Свенельд. Первый новгородский боярин, оставив Свенельда на середине зала, юркнул на свое место. Ингвар встал и вышел навстречу новому боярину. Встав рядом с ним, князь указал на свободные места.

— Выбери любое из них, кроме того дальнего. Оно принадлежит Позвизду, который находится сейчас далеко от Новгорода.

Свенельд внимательно оглядел пять оставшихся мест и сел рядом с Гостомыслом. Ингвар вернулся на свое место и, стоя, обратился ко всем присутствующим:

— Бояре круглого стола, разрешите представить вам нового члена нашего совета, боярина варяжского конца Новгорода и бывшего сотника конунга Рюрика, Свенельда.

Взглядом он попросил боярина подняться. Свенельд неторопливо, оглядев всех, встал и представился, затем с каждым крепко обнялся. Перекинулся парой слов с Ратибором и Василько. Трувор же был настолько обрадован, встретив старого друга, что просто отказался выпускать его из своих крепких объятий. Пришлось Ингвару напомнить, что у давно не видевшихся варягов еще будет время предаться воспоминаниям, а сейчас надо заняться делами. Когда в зале стихло, Ингвар предоставил слово ладожскому наместнику. Трувор вкратце пересказал послание Синиуса, о том, что викингов Отона будет больше, чем предполагалось, и о том, что в Ладогу должно прибыть около трех тысяч варягов под предводительством самого Синиуса.

— И тогда вместе с ратниками Синиуса силы Ладоги и Отона окажутся равны, — подвел итог наместник.

— Что ж, лишние мечи и секиры Ладоге не помешают, — заметил Ратибор, — если все окажется, как предполагает наместник, и силы Отона и варягов будут равны, то с той стороны угрозы для Новгорода нет. Хорошо бы, на всякий случай, перекрыть Волхов цепями, тогда драккары Отона не смогут прорваться к Новгороду, минуя крепость. А иначе он может частью своих сил связать боем варягов в Ладоге, а с остальными драккарами плыть к незащищенному в этот момент Новгороду. Ведь, если я правильно понимаю, дружина в этот момент будет биться с ратниками Рогволда и Влада на болотах, а в городе останутся недоученные отроки, да две сотни Данилы.

— Разумно говоришь, — заметил Ингвар. — Реку перекрыть надо. Трувор, цепями я тебя обеспечу, подумай и сделай так, чтобы драккары Отона при таком развитии событий остались рядом с Ладогой.

Наместник кивнул.

— Хорошо, княже, сделаем. Есть там место удобное, как раз от Ладоги недалеко и, если драккары на цепях застрянут, можно будет прямо со стен их из луков расстрелять. Да и цепи спрячем так, что их отцепить не смогут.

— Ну, советники, чем еще порадуете?

— Князь, свою задачу я выполнил, — подал голос Вадим. — Две тысячи лучников прибыли и с завтрашнего дня начнут обучение на воинских дворах.

— Молодец, тысячник, — довольно хлопнул в ладоши Ингвар, — быстро справился с заданием. Эти лучники станут отдельным полком, и от них будет зависеть судьба Новгорода. Свести всех на один воинский двор и гонять в стрельбе и пешем бою до потери пульса. Чтоб с утра до ночи стреляли и мечами махали. Самых опытных наставников отдать туда. К сентябрю должна быть боеспособная часть. Василько, Мал, позаботьтесь об этом. Ратибор, возьми завтра тысячу варягов, что со Свенельдом пришла, и посмотри, чего они в поле стоят. Если надо, переучи, но сильно не налегай. Да боярина с собой возьми, поможет. — Свенельд и Ратибор послушно склонили головы. — Гостомысл, как обстоят дела с постройкой варяжского конца?

— Строим, княже, — отозвался боярин, — и днем и ночью топоры стучат. Но сделать предстоит еще очень много. Людей не хватает, да лес подвозить не успевают. Боярин Свенельд уже выделил людей, моим в помощь, и денег от себя дал, плюс через меня будет продавать меха, что из леса вывез. Мы с ним уже договорились, что деньги с них на слободу пойдут, да варягам на первое время, чтоб обживались, да хозяйством обзаводились.

— Тогда, боярин, и мои восемь телег продай, что мне Свенельд выделил, а деньги вырученные — Ратибору, да на военный заказ пусти. И я от себя еще серебра подкину. Благодаря Свенельду, мне досталась казна Рюрика в размере четырех тысячи серебром и столько же золотом. Так что, пока деньги есть, просите, не стесняйтесь.

— Княже, у тебя больше месяца лежит моя просьба на триста золотых, — подал голос Данила.

— Ну, тогда задержись после совещания, — улыбнулся Ингвар, — деньги получишь, и вопросы некоторые обсудим.

Данила кивнул и уступил место другим просителям. К удивлению князя, их набралось не так уж и много. Да и суммы, которые просили, были не велики. Всех переплюнул Трувор, попросив пять сотен для заказа арбалетов. За полночь советники или, как назвал их ратник, дежуривший у дверей, бояре круглого стола, пожелав князю спокойной ночи, потянулись к выходу. Последними уходили Трувор и Свенельд. Кивнув князю, они оставили его с Данилой наедине.

— Держи, — протянул Ингвар Даниле увесистый кошель. — Здесь триста пятьдесят золотых. Лишними не будут.

Начальник охранного дома кивнул и отложил деньги в сторону.

— А теперь слушай, — зашептал Ингвар, — бери своих людей, тех, кто уже хоть как-то подготовлен, и пускай они наблюдают за пристанью и самыми подозрительными местами в городе: тавернами, гостиницами, рыночной площадью. Денег не жалея, дам еще, пусть слушают и запоминают разговоры. Пришлых в городе сейчас очень много, а следить за ними

некому. Особое внимание купцам. У них есть своя охрана. Я не хочу ударив спину, когда выйду на рать против Рогволда и Влада. Осведомителям плати честно. За важную информацию отдельно. На всякую мелочь, что обо мне плохо говорят, не отвлекайся. Ты все понял?

— Да, княже. Только людей у меня мало, — задумчиво проговорил Данила, — а где их взять?

— Ну здесь я тебе ничем не смогу помочь. Плати трактирщикам, девкам гулящим, но чтобы результат был. Наверняка, у тебя есть списки самых надежных и преданных купцов и трактирщиков. Вот их и запрягай. А будет результат, разрешу набрать еще человек триста к тем двум сотням, что уже есть. Но учти, с мелочью ко мне даже не суйся, а за подлог голову потеряешь. Вопросы?

— Нет, княже!

— Ну, с богом, иди и дай результат.

Кивнув, Данила покинул зал совета.

— Лиса, — громко позвал Ингвар, почувствовав, что начальница охранной сотни где-то недалеко.

— Да, княже, — раздался звонкий голос из-за маленькой дверки позади трона, — звал меня?

Немного отдохнувшая охранница быстро пересекла расстояние, разделявшее их, и встала перед князем.

— Лиса, завтра раньше десяти утра не будить. Мне надо отдохнуть. Разве у Данилы будет что-то важное, но я в этом сомневаюсь. А для остальных меня нет.

Лиса кивнула и пошла отдавать приказание. Ингвар пересек зал совета и вышел в коридор, не дойдя всего несколько дверей до своей комнаты, Ингвар споткнулся о большой предмет, валявшийся на полу. Чертыхнувшись, он уже собирался продолжить путь в полной темноте к долгожданной кровати, как понял, что предмет на полу не что иное, как стражник из его охраны.

— Тревога! — заорал Ингвар вовсе горло, и, обнажив меч отца, кинулся в свою комнату.

Распахнув ногой дверь и никого не обнаружив, Ингвар бросился обратно в коридор. Там уже было светло как днем. Над телом стражника столпились ратники его охраны во главе с Лисой и челядь, прибежавшая на крик князя. Все факелы в коридоре уже полыхали, и Ингвар с удивлением обнаружил, что страж, вызвавший переполох, жив, поднялся, хоть и с трудом, пытаясь попутно прояснить ситуацию своей начальнице. Подойдя ближе, Ингвар разобрал его сумбурную речь.

— Не гневайся, сотница, когда ты меня послала коридор проверить, я так торопился, что в потемках о порог двери запнулся. Ну, и вошел головой в стену, а дальше не помню ничего.

Дослушав столь сбивчивое объяснение, Ингвар расхохотался.

— Ну, ты и наделал шума, друг сердешный. Я уж грешным делом подумал, что ты на убийцу нарвался, да спугнул его. Ладно, иди лечи свою шишку, а я пока с прислугой разберусь. Лиса, прикажи кому-нибудь его проводить, а сама найди мне человека, кто в тереме за освещение отвечает, и приведи в мою комнату.

Обрадованный тем, что легко отделался, ратник, опершись на руку товарища, заспешил прочь от злосчастливого порога.

Ингвар же решил устроить маленький разнос факельщику. «Голову он вряд ли потеряет,

но должности лишиться точно», — с такими мыслями Ингвар добрался до своей комнаты.

Через десять минут на пороге появилась Лиса, таща за шкурку невысокого тщедушного человечка.

— Вот, княже, тот человек.

Запахнув трясущегося от страха человека в комнату, она прикрыла дверь и загородила ее, не давая тому ни одного шанса на побег. Ингвар встал и поставил валяющееся на полу тело на ноги. Внимательно оглядев его, вернулся на место.

— Как звать?

Трясаясь всем телом и пытаясь произнести хоть слово, смотритель факелов повалился князю в ноги.

— Не вели казнить, княже. Я сегодня зажег все факелы, и не знаю, почему они были потушены. А кличут меня Белянном.

— Кто-нибудь может подтвердить твои слова?

— Да, княже. Чернава, что на кухне заправляет. Она проходила мимо, я как раз последний факел зажег.

— Лиса, приведи Чернаву. И пошли кого-нибудь за Данилой.

Лиса кивнула и скрылась за дверью.

— Ну, если обманул меня, Белян, не пощажу, а если слова твои подтвердятся, в покое оставлю, и буду искать человека, кто их погасил.

Через три минуты дверь распахнулась и в нее вошла заспанная Чернава:

— Звал, княже?

— Да, Чернава. Ты, случайно, не видела, как Белян факелы зажигал в коридоре, что ведет к моей спальне?

— Видела, княже. Он это минут за двадцать до твоего приезда сделал. Я как раз мимо проходила, он последний факел зажигал.

— Спасибо, — задумчиво произнес Ингвар. — Иди досыпай.

Чернава поклонилась и вышла. Ингвар задумался. Ясно, что кто-то специально загасил факелы в коридоре, а охранник, влетевший в стену, спугнул его.

— Княже, а со мной, что? — раздался из угла голос Беяна.

— А ты еще здесь? — удивился Ингвар. Потом вспомнил, что забыл отпустить факельщика, кинул ему серебряную монету и указал на дверь. — Иди и всегда проверяй, горят ли факелы, которые ты зажигаешь.

Беян кивнул и выскользнул за дверь.

— Лиса, — крикнул Ингвар.

— Да, княже, — дверь приоткрылась, и в комнату в который уже раз вошла начальница стражи.

— Придет Данила, отведи его сразу ко мне. По дороге перескажи ему историю с факелами, а что делать дальше, я ему сам объясню.

Лиса кивнула и тихо скрылась за дверью.

До появления Данилы прошло полчаса, и Ингвар решил их потратить с умом. Взяв со стола пергамент и чернила, он принялся составлять чертеж станка для чеканки денег.

Минут через двадцать его отвлек стук в дверь.

— Данила, заходи. Я не сплю.

Когда дверь открылась и, пропустив человека, тут же закрылась, Ингвар, сидевший спиной к двери, почувствовал смутное беспокойство. Он уже начал оборачиваться на

странный звук, а вернее на его отсутствие, ведь вошедший действовал очень тихо, как сталь кинжала блеснула перед глазами и заскрежетала по кольцам кольчуги, не причиняя князю никакого вреда. Если бы Ингвар снял кольчугу, то все уже было бы кончено. Удар человека в плаще и в маске, закрывающей лицо, был точен и профессионален. Поняв, что князь готов к обороне, и кинжалом его не достать, убийца прыгнул в сторону окна, к несчастью Ингвара широко распахнутого, и сиганул головой вперед в оконный проем. Выглянув в окно вслед убийце, покинувшего столь оригинальным способом его комнату, он увидел того уже на гребне стены. Но там убийцу заметил часовой. С криком: «Стой!», он бросился к фигуре в плаще. Свистнул кинжал, и часовой, схватившись за пробитое горло, стал оседать на узкий парапет стены. Сзади Ингвара распахнулась дверь. В проеме с мечом на изготовку застыл Данила. У его ног, плавающая в луже крови, лежало тело еще одного стражника с перерезанным горлом.

— И много таких? — кивнул Ингвар на мертвого ратника.

— Пока один, может, где еще есть, — пожал плечами Данила.

— Еще один на стене с пробитым горлом. Убийца его, походя, прирезал. Ладно, звал я тебя по пустяковому делу, а теперь, видишь, как получилось. Поднимай мою охрану и своих сыскарей, пусть здесь всех допросят, а заодно и проверят, может, еще кого не хватает. Попробуй в городе поискать, но вряд ли узнаешь больше. Убийца был в черном плаще и в маске. Да и скажи, чтоб здесь прибрали. Если что срочное, буди не задумываясь, ну, а если нет, то пусть до утра подождет.

Данила кивнул и исчез в ярко освещенном коридоре. Заперев дверь и окно, Ингвар повалился на кровать. «Придется спать в броне и в духоте», — тоскливо подумал он и уснул. Ночью его так и не потревожили.

Зато сутра, прямо в трапезную, завалился Данила с воспаленными красными глазами. Увидев приглашающий к столу жест князя, он с радостью плюхнулся на свободное место и начал поглощать все, до чего мог дотянуться. Видя, с какой жадностью и скоростью ест его помощник, Ингвар решил, что пять последних дней Данила пил лишь пустую воду.

— Ты чего такой голодный? — воплотил он свои мысли в слова.

— Всю ночь на ногах. Событий слишком много в городе произошло, — попытался объяснить Данила, но набитый карасями в сметане рот выдал лишь подобие этой фразы.

— Не понял, повтори, — попросил Ингвар.

Данила кивнул и, прожевав последнего карася, начал рассказ:

— В общем, когда ты мне указания выдал, я твою охрану поднял и терем законопатил так, что даже комар вылететь не смог бы. Тут же послал Лису за всеми твоими охранниками, что когда-то у меня учились. Ну, объяснил я им задачу, а сам в город рванул, и не зря. Вот что мы в одной из подворотен подобрали. — Он протянул Ингвару плащ и маску. — В общем, опросив хозяев всех близлежащих домов, выяснили, что видели они человека в похожем плаще в одной из гостиниц, что рядом с рыночной площадью. Ну, я людей хватаю и быстрее туда, да что толку. На площади рядом с гостиницей толпа народу. Пробиваюсь я в первые ряды, а у входа два мертвых стражника из охраны ювелирного квартала, а третий стражник, с окровавленным мечом, добывает противника в лохмотьях. Еще один такой же в нищенском рубище рядом валяется, а в руках у него кинжал, точь-в-точь как в горле у охранника, что на стене погиб. Ну, не успел я. Второго стражник тоже добил. Так рвался за товарищей отомстить, что чуть моих соколов не порубал. Пришлось связать и доставить к себе в охранный дом. А парень толковый, я его себе заберу. В общем, как сказал мне

владелец гостиницы, это его постояльцы. Только одежда на них срамная, а до этого в приличной ходили. Поселились они у него четыре дня назад. Трое их было, платили щедро серебром и золотом, вели себя тихо, ни с кем не встречались и не разговаривали. Третьего он описал довольно подробно. Сейчас у всех моих агентов описание это имеется, его ищут. А трое их было потому, что покушений ночью было три: на тебя княже, на Трувора и Гостомысла. Никто не пострадал. Трувор до утра со Свенельдом разговаривал, а когда заметил убийцу, что со спины подкрадывался, поднял тревогу. Тут и Свенельд, задремавший, проснулся. Вдвоем они его к стене прижали, да больно ловкий тот, в окно сиганул и был таков. Третье покушение было на Гостомысла, но финансовый дом, где тот сегодня ночью спать лег, сам по себе маленькая крепость, и охраны там два десятка. Заметили убийцу еще на стене, но взять не смогли. Так что, все живы и здоровы. Двое из убийц мертвы, третьего ищут. Но, скорее всего, в городе его уже нет. Городские патрули усилены. И еще, я взял на себя смелость и отправил гонца в Белоозеро к своему человеку, ведь убрать попытались и тебя и Трувора, так что логично ожидать покушения и на Святослава.

— Молодец. Все правильно сделал, — подвел итог Ингвар. — Предотвратить покушение не удалось, но это не твоя вина. Меры твои оправданы. И теперь моя очередь выполнять обещания. Набирай себе еще три сотни. Деньгами на обучение и оснащение обеспечу. Только забудь о дружине. Оттуда людей не трогай, бери из новых отроков, что недавно пришли, а еще лучше, людей со стороны. Список необходимых затрат вечером мне на стол.

Данила внимательно посмотрел на князя, может еще что скажет, но Ингвар молчал. Склонив голову, он обдумывал, как улучшить работу «охранного дома», чтобы убийц хватали не после преступления, а до.

— Ты еще здесь? — удивился Ингвар, подняв от стола глаза и обнаружив напротив себя спокойно сидящего сотника.

— Да, княже. Есть еще один вопрос, который мне нужно с тобой обсудить. Мои лучшие оружейники осмотрели кинжалы, находившиеся у убийц. Их мнение одинаково: ковали их в Полоцке, и имя оружейника Тавр.

Ингвар на секунду задумался, решение он нашел быстро. Поманив к себе Данилу, он зашептал ему на ухо.

— Твои люди уже в Полоцке? — Увидев утвердительный кивок, он продолжил. — Свяжись с ними и отдай приказ убить оружейника. Оружие убийства самое обычное — метательный нож или меч, если не жалко. Поскольку его придется оставить в теле Тавра. На трупе пусть оставят записку Рогволду: ИДЯ ЗА ШЕРСТЬЮ, МОЖНО ВЕРНУТЬ СТРИЖЕННЫМ. Слово в слово запомнил? Хорошо. Сколько людей погибло при всех покушениях?

Данила на секунду задумался.

— Восемь, княже. Из них шесть — твои дружинники.

— Так вот, помимо кузнеца, необходимо убить восемь дружинников Рогволда. Убить дерзко, нагло, среди бела дня, чтобы все это видели. Справятся твои парни? — Данила утвердительно кивнул. — Тогда на все про все четыре дня, — подытожил Ингвар. — Это их боевое крещение.

— Все сделаю, — прошептал Данила и поднялся из-за стола. — Разреши выполнять, княже? — Увидев утвердительный кивок, сотник покинул трапезную.

Ингвар поспешил в зал совета. Наверняка кто-то из бояр круглого стола пришел с

докладом. И очень удивился, увидев в зале за круглым столом почти всех советников, за исключением Василько и Мала. Ратибор, неспешно переговариваясь с Трувором, Гостомыслом и Свенельдом, поигрывал тем самым кинжалом работы полоцкого мастера Тавра.

— Ну, княже, и ночка была. Это мне мои отроки подарили. Сегодня с утра какой-то дурачок пытался из города проскользнуть. Они его всего лишь обыскать собирались, да пинка на прощание дать, а он на них с этой игрушкой полез.

— Потери? — спросил Ингвар, усаживаясь на свое место.

— Никаких. Данила еще ночью всю стражу предупредил, чтобы всех бродяг, да чужих досматривали. Взять живым только не смогли. Пришлось пристрелить.

— Ну не смогли, так не смогли, — попечалился для виду Ингвар. — Я уже отдал приказ об ответной акции. Скоро мы заставим Рогволда очень сильно понервничать. А пока у кого какие дела?

Ратибор пожал плечами.

— Да вроде все нормально, княже. Я сегодня осмотрел оружие и доспехи, те, что ты с собой из «духового леса» привез. Предлагаю передать все Трувору, у него похожих много, да и лишними не будут — ополченцев снарядит. А то у нас вроде бы как военная форма уже получается. Я там мечей сто отобрал — можно как учебными пользоваться.

— Ты как, Трувор, не против такого подарка?

— Еще как не против, княже, — подал голос наместник. — Броней и щитов всегда не хватает, а если ополчение придет, я его одену. Кстати, за все могу заплатить золотом.

— Ну на этом и порешим, — улыбнулся Ингвар. — Гостомысл, что у тебя с мехами?

— Княже, продал я сегодня все меха по выгодной цене. Деньги на три части разделил: варягам, Новгороду и в твою казну. Всего получилось около трех тысяч золотых.

— Хорошо. Свенельд, твои люди как? Обустраиваются?

— Да, княже. Место хорошее, дома новгородцы ставят красивые и добротные. Мои уже чем могут, помогают. Сегодня с Ратибором выведем варягов в поле, покажут воеводе, чего умеют.

— Ну и ладно. Трувор, когда обратно в Ладогу?

— Думаю, княже, завтра сутра плыть.

— Возьмешь с собой стрелы для Белоозерских лучников. Ратибор, сколько у нас сейчас есть?

— В арсенале тысяч восемьдесят лежит, — не задумываясь, дал ответ воевода.

— Отдай, — Ингвар на секунду задумался, — ну, скажем, пятьдесят тысяч. Трувору много понадобится. И для Белоозерских лучников, и для своих.

— Княже, а мы с чем останемся? — взмолился Ратибор.

— Мы еще наделаем, воевода. А им взять будет негде. — Покорно склонив голову, Ратибор принял решение князя. — Так что, Трувор, — продолжил Ингвар, — бери пятьдесят тысяч стрел и грузы на свою ладью, но учти мне больше взять неоткуда.

— И на том спасибо, князь, — отозвался наместник, — а то лучники есть, а стрел почти нет.

— Ладно, наместник, не благодари. Чем могу, помогаю, у кого-нибудь есть вопросы? — В зале повисла тишина. — Ну, если нет, тогда все свободны. Ратибор и Свенельд, вечером вас жду на доклад.

Воевода с боярином переглянулись и покинули зал, вслед за ними откланялись Трувор с

Гостомыслом.

К вечеру Ингвар получил подробные сведения о проведенных варягами учениях. Характеристика Ратибора была краткой.

— Прекрасные воины, сильные и умелые. Свенельд научил их самому нужному. Моим наставникам осталось показать нескольким новгородских построений и преподать нашу тактику боя. Думаю, мои наставники с этим справятся. Правда, есть маленькая загвоздка: не хватает брони, которые носят все новгородские ратники.

— Сколько? — торопливо спросил Ингвар.

— Четыре сотни варягов остались без доспехов.

— Держи, — Ингвар кинул Ратибору два больших мешочка. — Здесь тысяча золотых, отдай оружейникам, путь немедленно начинают ковать. Если среди варягов найдутся кузнецы, пусть тоже учатся.

Ратибор кивнул и, забрав деньги, вышел из зала.

С момента нападения на Ингвара и его бояр прошло три дня. В кузнице Тавра, самого именитого полоцкого оружейника, кипела работа. Его изделия были очень дорогими, и не всякий боярин Полоцка мог себе позволить меч или броню, сделанную этим мастером. Но сегодня он работал бесплатно: заказ от князя Рогволда был небольшой, всего на десять броней, но не таких, какие обычно носили полоцкие ратники, а новгородских, точных копий брони, лежавшей перед оружейником. Она была вся в крови. «Понятно, с трупа сняли», — подумал Тавр и, отложив изучение методов новгородскойковки, вышел во двор. Ночная прохлада остудила разогретое тело кузнеца. По ту сторону забора кузни дежурили два ратника из охраны Рогволда. Им был дан конкретный приказ: никого не пускать, никого не выпускать. Они были так уверены в своем превосходстве внутри крепких полоцких стен, недалеко от кремля своего князя, что несли дежурство из рук вон плохо.

Три фигуры в черных плащах пересекли открытое пространство и затаились в двух шагах от беспечных ратников. Они тихо беседовали меж собой. Сами того не подозревая, они поведали трем гостям о необычном заказе Рогволда по изготовлению десяти новгородских броней. Это несколько изменило планы троицы. Один из них кивнул двум оставшимся и скрылся в темноте. Ему нужно было торопиться: князь должен узнать о кознях Рогволда как можно быстрее. Оставшиеся двое бесшумно скользнули за спину беспечных недалеких стражей. Хруст шейных позвонков раздался в ночной тишине, как барабанная дробь, но слышали эту дробь только фигуры в черных плащах. Два тела полоцких ратников были аккуратно уложены в тень забора, и черные фигуры одним прыжком перемахнули изгородь, отделявшую их от мастерской Тавра.

Сам же кузнец, не зная о событиях, происходящих в десяти метрах от него, повернулся спиной к изгороди и направился в кузню. Он так и не узнал, что ударило его в шею. Тяжелое лезвие метательного ножа, раздробив шейные позвонки, вышло из его горла точно над кадыком. Беззвучно рухнув в нескольких метрах от входа в кузню, Тавр умер.

Две фигуры, приблизившись и удостоверившись, что работа выполнена, скользнули в дверь кузнецы придворного оружейника. Два подмастерья внимательно разглядывали точную копию новгородской брони, только что законченную ими.

— Тавр, мы закончили, — не оборачиваясь на скрип двери, подал голос один из них.

— Очень неплохо получилось, — поддакнул второй, — да, у новгородцев знатная защита. Нашим бы ратникам такие.

— Не будет у ваших ратников таких, — раздался голос от двери.

Подмастерья быстро обернулись. Последнее, что они успели заметить, это резкое движение двух фигур, закутанных в черные плащи. Два метательных ножа нашли свои цели.

— Здесь все. Итого у нас на счету пятеро. Осталось еще трое. Но эти умрут завтра на базарной площади.

Второй кивнул на доспех, выпавший из рук помощников Тавра:

— А ведь действительно похожи, — заметил он.

— Давай-ка подождем здесь все, чтоб не смогли закончить начатое. А то ведь Рогволд других кузнецов нагонит.

Первый кивнул и, прихватив три кинжала, точные копии тех, что были у убийц в Новгороде, стал выбрасывать из горна угли. Через минуту кузня напоминала адский котел: много сухого дерева, углей и, наконец, язычки пламени, лижущие деревянные стены.

— Пора, — произнес второй, — им уже не потушить. Брось на труп тавра записку и уходим.

Закутанные в черные плащи люди выскочили за дверь и схватили за ноги мертвого Тавра. Быстро оттащили его к забору.

— Еще загорится рядом с домом. Все труды насмарку, — заметил один из них, прикалывая к одежде записку с коротким текстом для Рогволда: «ИДЯ ЗА ШЕРСТЬЮ МОЖНО ВЕРНУТЬСЯ СТРИЖЕННЫМ».

— А он поймет? — спросил другой.

— Не поймет, повторим, — глухо отозвался тот. И черные фигуры растворились в ночной мгле.

Ранним утром на базарной площади три городских стражника задержали двух неопрятного вида простолюдинов с котомками за спиной.

— Сейчас повеселимся, — сказал старший караула, отвешивая одному нищему сильный пинок. Да такой, что тот потерял равновесие и отлетел в сторону метра на два, сбив с ног другого стражника. Нищий неторопливо поднялся, а ратник остался лежать.

— Ты чего творишь? — взревел старший, обнажая меч и бросаясь на поднявшегося оборванца. Третий стражник, стоящий в стороне, потешался и над теми, и над другими.

Лезвие кинжала вошло между пластин его панциря, навсегда отучив его смеяться над чужими ошибками. Захлебнувшись кровью, хлынувшей изо рта, он повалился на землю. Старший же, ничего не замечая, продолжал наступать. Удар кинжала, изготовленного в кузнице Тавра, поставил точку в жизни полоцкого десятника со специфическим чувством юмора. Двое оборванцев, оглядевшись по сторонам и никого не заметив, растворились в лабиринте полоцких улочек, оставив за спиной три мертвых тела.

Через два дня Ингвар получил от Данилы подробный доклад о ликвидации Тавра.

— Молодец, сотник, — сказал Ингвар, — или теперь тебя называть полутысячником?

— Теперь полутысячник, — улыбаясь, отозвался Данила. — Три сотни набраны. Да не из дружины, как ты говорил, но и не из отроков: дети купеческие (народ хитрый и грамотный), девиц набрал, да бедняцких детишек, которые посмышленее, приспособил. Нечего им кошелю на торге срезать. Теперь обучим сыскным да охранным премудростям.

— Н-да, — улыбнулся Ингвар. — Нахватались вы от меня словечек. Ну да ладно, учиться всегда полезно. А что там с новгородскими бронями, обнаруженными в мастерской Тавра?

— Есть одно предположение, княже. Думается мне, что десять человек должны были в начале сентября проникнуть в Новгород, а с началом штурма переодеться и, перебив стражу

у ворот, открыть их воинам Рогволда и Влада.

— Разумно, — кивнул Ингвар, — наши мысли здесь совпадают. Ты своих соколов награди как-нибудь, когда вернуться. И усиль стражу на воротах, пусть при каждой смене твой человек дежурит. Проверяй всех: крестьян, купцов, простых путников. Если что найдешь, сразу сообщай мне. Кстати, как отреагировал Рогволд на нашу диверсию?

Данила улыбнулся.

— А я думал, ты и не спросишь? Когда ему сообщили о сожженной кузнице и передали записку, найденную на теле Тавра, он пришел в такое бешенство, что, сорвав со стены топор, разрубил надвое начальника стражи, который принес ему дурные вести. А через полчаса, узнав о побоище на базарной площади, велел обезглавить командира полоцкого гарнизона и его помощника.

— Итак, счет одиннадцать — восемь в нашу пользу. Плюс мы умудрились сорвать его планы.

Данила кивнул:

— Мы предупреждены, а значит вооружены.

— У тебя все?

— Да, княже. Разреши откланяться и заняться пополнением?

— Иди. И пускай твои новобранцы будут не хуже прежних.

Данила поклонился и покинул зал.

Глава девятая Смутное время

Время летело неумолимо. В конце июля в Новгород вернулась Ярослава. Ингвар так обрадовался приезду любимой, что свалил все дела на своих советников. Влюбленные не расставались ни на минуту.

В знак благодарности за ценные сведения Мстислав Китежский прислал с дочерью обоз с полным вооружением для двух сотен ратников. Ингвар сразу же отправил брони на доработку. Подарок подарком, но новгородцы должны воевать в своих бронях, а не в китежских. Ратибор подарку князя очень обрадовался, у него катастрофически не хватало оружия и доспехов. Варяги Свенельда были почти готовы. На середину августа были назначены общие учения всех полков Новгорода. Ратибор собирался вывести все силы новгородцев в поле и посмотреть, чего они стоят все вместе.

Своих советников прислали Трувор и Святослав. Поучиться у новгородцев уму разуму, да перенять некоторые тактические приемы. Надо ли говорить, что Ингвар остался доволен ратниками Ратибора. Советники наместников пришли в полный восторг от слаженных действий новгородских полков и отбыли в Ладогу и Белоозеро в прекрасном расположении духа.

Во время пира по случаю возвращения княгини из Китежа, Ингвара ждало еще одно потрясение.

— Я в положении, — тихо шепнула Ярослава на ухо мужу.

У Ингвара подкосились ноги, и упал бы храбрый воитель, если бы не вездесущая Лиса. Подведя князя к трону и смекнув, что она сейчас здесь лишняя, быстро выпроводила из зала советников и гостей, прикрыла за собой двери. Новость в тайне сохранить не удалось. И в Новгороде по поводу такого события устроили грандиозный пир. Но время шло, война приближалась. В августе в Новгород начали свозить продовольствие на случай осады. В лесах сбивались ватаги крестьян, готовых по первому слову князя собраться у стен города. Ингвар не душил крестьян налогами, поэтому почти каждый имел меч или боевой топор. У особо зажиточных имелись кольчуги.

К середине августа полоцкие дружинники предприняли два рейда на новгородскую территорию. Небольшим отрядом они с наскока пытались овладеть пограничной всеью. Крестьянам с десятком ратников, что на всякий случай поставил здесь Ратибор, удалось отбить нападение. Но весь пришлось оставить и под конвоем уцелевших воинов Ингвара уходить в сторону Новгорода. Иначе судьба крестьян была бы решена. При вторжении полоцкая рать разнесла бы весь по бревнышку. Второй налет случился неделей позже. Весь, атакованная дружинниками Рогволда, находилась в стороне от пути, по которому должны были пройти захватчики. Десяток новгородцев вместе с крестьянами враги застали врасплох. Среди бела дня полсотни конников ворвались в распахнутые ворота, и уже ничто не могло остановить их. Началась резня. Дружинники Ингвара погибли сразу. Двое в воротах, остальные перегородили улицу, и с копьями наперевес пытались задержать лихой бег полоцких всадников. Но этих смельчаков было не восемьдесят, а восемь. Они погибли почти мгновенно, но каждый из них забрал жизнь врага. Поскакавшие дальше всадники ожесточились от оказанного им сопротивления и резали всех, кого встретят. К счастью, большинство людей, как обычно в конце августа, находилось в поле на уборке хлеба, а в веси были только дети и старики. Мстя за своих погибших, дружинники Рогволда не пощадили

никого. В деревне не осталось ни одного живого существа. Убив всех людей, они принялись за домашнюю живность, затем весь подожгли.

Спустя сутки Ингвар в сопровождении охранной сотни ехал по сожженной веси. Из двух сотен жителей уцелела половина. С безумием в глазах выжившие раскидывали в стороны обгоревшие бревна, доставая из-под завалов убитых родственников и односельчан. Ратники Ингвара с обезображенными лицами были сложены на деревенской площади.

— Лиса, — крикнул Ингвар, опускаясь перед ними на одно колено и осматривая обезображенные лица, стараясь запомнить каждую черту. Он не собирался мстить, но собирался выставить огромный счет Рогволду.

— Да, княже, — раздался голос сотницы у него за спиной.

— Приготовь их к сожжению, и отряди людей помочь погорельцам. Через три часа мы вместе с ними уходим в Новгород.

— Да, княже, сейчас распоряжусь.

Ингвар резко поднялся и пошел в сторону дома, где молодая женщина раскидывала сгоревшие доски. Не говоря ни слова, он стал помогать разбирать завал на месте ее дома. Уже через полчаса его руки были разодраны в кровь, но это было ничто по сравнению с тем, что он обнаружил под завалом. Тщедушное тело старца с плотницким топором в руках закрывало тела двух девочек лет шести и мальчика годовалого возраста. Голова старца была разможена ударом булавы, девочек изрубили на куски, скорее всего двуручным топором. Страшные раны и запекшаяся кровь говорили о долгой и мучительной смерти. Скорее всего, девочки были еще живы, когда убийцы подожгли дом. А годовалый мальчик захлебнулся кровью сестер. Взяв на руки его тельце, Ингвар ничего не видя, пошел в сторону деревенской площади. Первый ратник, который его увидел, потерял от страха сознание. И действительно, вид князя был ужасен: перепачканный сажей с ног до головы, с разодранными в кровь руками, на которых лежал младенец. Зрелище не для слабонервных. Больше всего Ингвар напоминал демона, только что вышедшего из ада и задравшего младенца. Водрузив свою ношу на поленницу, Ингвар собирался вернуться за девочками, но тут его перехватила Лиса.

— Княже, — тихо прошептала она, — присядь, мы сами все сделаем.

Ингвар хотел оттолкнуть ее, но сил на это не осталось. Ноги подогнулись, и он опустился на землю. Сделав знак двум ратникам отвести князя подальше от всего этого, Лиса продолжила следить за разбором завалов. Через три часа два больших костра унесли в Ирий души крестьян и ратников. Ингвар стоял впереди толпы, в которой вперемешку сгрудились его ратники и уцелевшие крестьяне. Глядя в языки пламени, он произнес только два слова, но произнес громко и отчетливо, чтобы его слышали все: «Новгород отомстит!».

В середине следующего дня Ингвар и погорельцы достигли Новгорода. Поручив Лисе заботу о выживших, Ингвар добрался до терема, заперся с Ярославой у себя в комнате и напился. Всю ночь Ингвара мучили кошмары, потом во сне появился ведогон и что-то шепнул князю на ухо: лицо спящего разгладилось и он забылся спокойным сном.

Вскоре к Новгороду стали стягиваться полки. Пришла дружина из Белоозера во главе с Варяжко, который за это время стал тысячником. Как и обещал Святослав, воинов было ровно двенадцать сотен. Была отозвана с псковской земли сотня Позвизда.

Оружейники тоже не подкачали. Оправдали надежды молодого князя и изготовили не восемьсот арбалетов, а тысячу. Ратибор тоже не оплошал. К концу лета, как и обещал, в новгородской дружине было шесть тысяч пятьсот ратников. В сумме с ратью Белоозера и варягами Свенельда к осенней кампании Ингвар имел восемь тысяч семьсот воинов. Гроза

приближалась. Первого сентября из Полоцка прилетел голубь от шпиона Гостомысла с данными о том, что четвертого числа сего месяца четыре тысячи ратников выходят в поход. «Плохо не проверишь», — подумал Ингвар. После той акции возмездия пришлось убрать людей Данилы из Полоцка. Их чуть не схватили — облавы были каждый день. И троице шпионов чудом удалось выскользнуть из капканов.

Прочитав еще раз донесение, Ингвар обернулся: за его спиной застыла преданная Лиса. Глянув в ее сторону, Ингвар коротко бросил:

— Оповести всех членов совета, что я жду их в зале через полчаса. Пусть поторопятся, время дорого.

В этот момент двери распахнулись, и влетел запыхавшийся Данила.

— Княже, беда! — с порога заорал он. — Полоцкая рать и четыре тысячи воинов Влада идут на Новгород.

— Не вижу причину для беспокойства. Завтра они покидают Полоцк, — спокойно сказал Ингвар, показывая Даниле записку.

— Княже, — выкрикнул Данила, — опомнись! Это ложь. Они будут здесь через восемь часов. И их двенадцать тысяч.

— Тревога, — спокойно сказал Ингвар. — Городскому ополчению собраться на базарной площади. Все войска на стены, разведку в поле. Затворить ворота. — Так началась первая осада в его жизни. Как он ни готовился, противнику удалось застать его врасплох.

В зале совета было шумно. Ингвар пристально вглядывался в лица, споривших до хрипоты, советников, пытаясь, найти в их словах ответ на вопрос: «Как разбить врага, превосходившего их числом», но ответа пока не было.

Василько сцепился с Ратибором, доказывая, что нужно выходить и строить полки перед городом. Правым краем упереться в стены, а левым в крутой берег озера. Ратибор же утверждал, что нужно отбиваться со стен. Остальные советники, в основном, поддерживали либо один план, либо другой. Мнения разделились почти поровну. И, все же, сторонников Ратибора было больше.

Ингвару давно надоел этот ор. Его советники сейчас больше напоминали баб на базарной площади, чем государственных мужей, собравшихся для решения важного вопроса. «Пора это прекращать», — пронеслось в голове молодого князя. Громкий хлопок в ладоши заставил всех замолчать и обратить внимание на сердитого Ингвара.

— Ели есть что сказать, говорите, а то проку от вашего ора никакого. Ну кто первый?

Поднялся Ратибор.

— Княже, — неторопливо начал он, — я, по-прежнему, настаиваю на том, что нам нужно отбиваться из-за стен. В городе много провизии и колодцев. Почти вечно можно держаться.

— Достаточно, — оборвал его Ингвар. — А в это время остальная часть их войск расползется по окрестностям и займется нашими крестьянами. Если я правильно понял, ты предлагаешь принести их в жертву. Я на это пойти не могу. Кто еще?

— Предлагаю вывести войска из города и расположить их между рекой Ловать и западной стеной. Так мы сможем контролировать ворота, а со стены нам смогут помогать горожане и новобранцы, которые не пойдут в бой. Слева нас обойти не смогут, помешает река Гзень, и врагам останется только одно — атаковать нас снизу вверх и прямо в лоб. — Закончив свою речь, Василько сел и переглянулся с Ратибором. На лице воеводы была глубокая задумчивость: «Если врагу удастся прорвать центр, то правый фланг будет обречен.

Его либо сбросят в Ловать, либо перебьют на обрыве. Но затея Василько не лишена смысла, а если заставить правый фланг отступить и сделать полукруг, а левым, что будет уперт в стену, поднажать чуть посильнее, то врага самого можно сбросить в Ловать». Эта идея так увлекла его, что он, не задумываясь, озвучил ее.

Лицо князя просветлело. Предложения воеводы заставило задуматься остальных советников. Идея была рискованной, ведь задуманное ложное отступление может перерасти в бегство.

— Принимается, Ратибор, — наконец, озвучил свое решение Ингвар. — Между берегом Ловати и стеной около километра мы поставим шесть тысяч воинов, еще тысяча конников будет в резерве, скроем их от глаз Рогволда и Влада. В решающий момент они нанесут удар по левому флангу прижатых к воде врагов, и либо опрокинут их, либо собьют в кучу. Еще одна тысяча будет в городе — это резерв на крайний случай.

— Княже, — раздался голос Лисы, дежурившей около двери. — Только что вернулись разведчики, прикажешь пустить?

— Да, Лиса, проводи их сюда, — отозвался князь. — Послушаем, что Ратиборовы разведчики скажут.

Двери распахнулись. Трое уставших людей в дорожных запыленных плащах быстро прошли к столу.

— Княже. Все подтвердилось, — быстро заговорил старший из разведчиков, — их двенадцать тысяч, в основном, тяжелая пехота, а с ней около двух тысяч конницы и четыре тысячи лучников. Идут быстро. Уже через пять часов будут под стенами. Порядок их движения таков: пехота и лучники в походной колонне, по бокам прикрывает конница, дальние разъезды состоят из легкой степной кавалерии. И мне кажется, княже, что сзади движется еще войска.

— Почему так думаешь? — быстро спросил Ингвар.

Разведчик на секунду задумался.

— Уж больно нагло прут, княже. Как будто прячут что. Пылят специально. Пыль не оседает в течение получаса, значит, в ней можно спрятать еще тысячи три, а то и пять.

— Спасибо тебе, — задумчиво отозвался Ингвар, — идите, отдыхайте. Стража вас проводит.

Кивнув князю и советникам, разведчики покинули зал. Как только двери за ними закрылись, тишина, стоящая в зале рухнула:

— Им неоткуда взять еще пять тысяч! — в один голос вскричали Ратибор и Василько.

Потом, посмотрев друг на друга, Василько уступил слово старшему. Не торопясь, Ратибор поднялся с места.

— Княже, негде врагам взять пять тысяч, и три негде. Их итак больше, чем ожидалось. Рогволд и Влад и так все резервы вычерпали. У Полоцка в дружине восемь тысяч мечей. Влад послал четыре, как и собирался. Ну откуда им взять еще воинов?

— Из степи, — кратко ответил Ингвар, — и может, их там и не пять тысяч, а все десять, если Влад с хазарами договорился, а это возможно, поляжет вся наша дружина под стеной, когда степняки со спины навалятся.

Ратибор так и застыл с открытым ртом.

— Разведчиков ко мне, только свежих, — опомнившись, заорал он.

Двери распахнулись и в зал вбежали пятеро крепких парней.

— Звал, воевода? — быстро спросил старший.

— Скачите к колонне врага, обогните ее со спины и проверьте, есть ли в пыли, что за войском поднимается, еще ратники. Если есть, быстро назад. В любом случае, вы должны вернуться обратно и все рассказать.

Старший пятерки кивнул и, чеканя шаг, в сопровождении товарищей покинул зал.

До возвращения разведчиков дальнейшие действия было решено не предпринимать. Нехватка информации могла стоить множества жизней. Ратибор и Василько, прихватив с собой Мала и Ясну, отправились к войскам. Ингвар же решил проехаться по городу, посмотреть, как жители готовятся к обороне и какие настроения бродят среди народа. Спустя десять минут Ингвар с Ярославой в сопровождении Гостомысла и десятка ратников ехали по новгородским улочкам. Везде была заметна суета, но никаких признаков паники не было. Заметив кавалькаду, жители бросали свои дела и внимательно вглядывались в лицо своего князя, словно пытаясь прочесть на нем, как обстоят дела. Но, не смотря на неутешительные новости о противнике, народ был воодушевлен и был готов защищать свой город.

Лошади вынесли Ингвара и его свиту на базарную площадь. Там собралась огромная толпа. Тысяч пять, в основном мужчины, но были заметны яркие платки, блестящие и рогатые кики. На высоком помосте, с которого обычно говорил с народом Ингвар, стоял человек в потертой одежде, высокий, бородатый, с смуглой кожей. Он пламенно, ничего не замечая вокруг себя, обращался к толпе. В фигуре незнакомца было что-то очень знакомое, но давно забытое. Решив сначала послушать, а потом выяснить, кто это, Ингвар обратился вслух.

— Новгородцы! Над нашим молодым и уже могучим городом нависла беда, враг у наших стен, и он никого не пощадит.

«Что-то знакомое, — подумал Ингвар. — Да это же из речи Сталина, когда враг был у стен Москвы. Так Верховный обращался к защитникам столицы, провожая их на битву. Ну, посмотрим, что мужик еще скажет».

Но мысль вела оратора дальше, и больше он к Сталину не возвращался.

— Город в опасности! — кричал он. — Мы должны сделать все для его защиты. Наш враг могуч, и он не сдастся, а значит должен быть уничтожен.

— Смерть врагу! — взорвалась толпа.

— Ну, вот теперь и нам пора появиться на сцене, — под нос себе пробормотал Ингвар. — А то этот горячий парень склотит дружину и погубит ее прямо под стенами города. Лиса, проложи дорогу к помосту. Я хочу говорить с народом, и присмотри за этим крикуном, только силу не применяй. Я позже поговорю с ним.

Кивнув князю, сотница и восемь ратников стали пробивать проход для Ингвара. Аккуратно, чтобы кого не помять конями, они раздвигали толпу.

— Князь, — пронеслось по толпе. — Князь здесь. Княже, молви свое слово.

Ингвар и Ярослава в сопровождении Гостомысла неспешно ехали по коридору, пробитому Лисой. Взойдя на помост, Ингвар с удивлением обнаружил, что с его приездом толпа увеличилась, причем значительно. Если она выйдет из-под контроля, сдержать ее в городе будет трудно. Придется применить силу. При таком развитии событий ратники Ратибора завалят улицы трупами. Во что бы то ни стало, надо направить их гнев в мирное русло. Ингвар поднял руку, призывая к тишине. Гул голосов смолк.

— Новгородцы! Сейчас наша дружина сильна как никогда. Да, врагов много, но мы сумеем дать им отпор. Кто хочет сражаться, может записаться в ополчение. Каждому такому

отряду будет придан сотник, который проверит боеспособность, а воевода укажет место в бою. Любые другие отряды будут считаться незаконными и будут либо разоружены, либо уничтожены. Я этого не потерплю.

Народ молчал, переваривая слова князя. Потом из толпы послышались отдельные выкрики:

— Князь дело говорит.

— Даешь народные дружины.

— Вступай в законное ополчение.

Ингвар перевел дух, бунта удалось избежать. Когда выкрики стихли, он продолжил.

— Скоро здесь появятся ваши сотники. Все, кто хотят сражаться, должны организованно ждать их на площади.

— Лиса, — шепнул он, — пошли гонца к Ратибору, пусть пришлет десятников посообразительней. Надо организовать эту толпу и превратить ее в народное войско.

Сотница кивнула, дав понять, что все поняла, и куда-то исчезла. Ингвар повернулся в сторону оратора.

— Ну, друг, ты и задал мне работы. Почти бунт организовал.

Безымянный оратор, в лице которого было так много знакомого, глядя в глаза князя, нагло улыбался.

— А ты, Ингвар, все такой же, — весело сказал он. — За два года, что мы не виделись, ты так и не изменился. Как десантурой был, так ей и остался.

Охрана Ингвара потащила из ножен мечи. Никто не смел так разговаривать с новгородским князем.

— Серега? — удивился Ингвар.

— Я, земля. Или тебя теперь князем величать?

— Зови князем. Мне уже так привычней. И давно ты в Новгороде воду мутишь?

— Да нет, я здесь вторую неделю. До этого в Китеже жил, да уму разуму набирался. Как изучение воинской науки закончил, так решил к тебе податься. А у тебя тут нашествие, то, се. Вот я и решил отличиться. Может, и тебе на что сгожусь.

— И я рад тебя видеть, чертяка. — Друзья крепко обнялись. — Ладно, хватит лясы точить. Поехали в терем, а там разберемся, чем ты будешь заниматься, хотя, если честно, то я тебе работу уже нашел. Но об этом после. Кстати, познакомься — моя жена, княгиня Ярослава.

Только тут Сергей заметил стоящую рядом с Ингваром рыжеволосую красавицу.

— Рад с вами познакомится, — пролепетал он и опустился перед ней на колени. — Теперь я раб вашей красоты. Одно слово, и я умру за вас с улыбкой на лице.

— Не надо, Серегей, — улыбнулась Ярослава. — Ваша жизнь принесет больше пользы, чем смерть. Я рада приветствовать старого друга Ингвара в Новгороде.

— Ладно, Серега. Покривлялся и хватит, — прервал поток красноречия Ингвар. — Время дорого. Мне пора вернуться в терем. Скоро соберутся мои советники, и я хотел бы тебя кое с кем познакомить.

— Лиса. Найди для Сергея коня, и скачем обратно в терем.

— Как скажешь, княже, — отозвалась сотница и поспешила исполнить приказ.

Ярослава была уже в седле, а Ингвар с Сергеем только направлялись к своим коням, как на площадь вылетел гонец из Ладоги. Увидев несущегося всадника, Лиса вскинула малый арбалет, наводя его на лошадь, но, поняв, что князь абсолютно спокойно ждет этого

человека, опустила оружие. Однако не убрала. Найдя глазами Ингвара, всадник поскакал к князю. Осадив коня в метре от него, он спрыгнул на землю, ударив себя в грудь и выкрикнув: «Слава Новгороду!», и протянул Ингвару свиток из выделанной бересты.

— Княже, я только что из Ладоги. Это велел передать тебе наместник Трувор.

Взяв свиток и не распечатывая его, Ингвар взлетел в седло Черена.

— Скачи за нами, — приказал он гонцу. — Серега ты тоже.

Дождавшись кивка друга, Ингвар с Ярославой покинули площадь и отправились в терем. Через двадцать минут они были на месте.

— Лиса, устрой гонца. Серега, следуй за мной.

— Да, княже, — отозвались сотница и бывший десантник в один голос. Переглянувшись и улыбнувшись друг другу, Сергей поспешил за князем, а Лиса исполнять приказ Ингвара.

Быстрыми шагами Ингвар вошел в зал совета и, прикрыв за собой двери, внимательно оглядел круглый стол. К его удивлению, за ним находился человек, которого Ингвар очень желал найти в зале. Изучая подробную карту Новгорода и ничего не замечая, за столом сидел Данила.

— Сергей, познакомься. Это — мой лучший ученик и начальник охранного дома Данила Мечеславович. Он будет твоим новым начальником.

Серега внимательно оглядел фигуру Данилы и быстрым скользящим шагом преодолел разделявшее их расстояние.

— Рад познакомиться со своим командиром. Правда князь не посвятил меня, чем я буду заниматься, но думаю, работа придется мне по душе.

— Я тоже рад знакомству и надеюсь, князь все сейчас объяснит.

Пока будущие коллеги знакомились, Ингвар приказал страже десять минут никого не пускать.

— Итак, Данила. Это мой старый друг Сергей. Он пришел со мной из другого мира, но судьба разлучила нас. И я думаю, мы услышим о его похождениях, если в живых останемся. А служить он у тебя будет инструктором и возглавит несколько специальных направлений: специальные операции и диверсионная тактика, а также рукопашный бой. Предоставишь все, что ему понадобится.

— Да, княже. Я все понял, — мгновенно отреагировал полутысячник.

— Серега. Ты понимаешь, что многое из того мира здесь не годится. У них нет ни стволов, ни взрывчатки, и даже не думай изготавливать их, иначе мне придется убить тебя. Так что опирайся на местный колорит. Данила тебе покажет все, чем я его пока обеспечил. Может, добавишь что, но в основном на тебе теория проведения секретных операций и рукопашный бой. Тебе понятно?

Серега взвешивал все за и против. Такая же специализация была у него в том мире. И если это нужно другу, почему бы не стать инструктором по подрывной работе в этом мире.

— Я согласен, — улыбнулся он Ингвару, — тем более, ты меня берешь на мою прежнюю должность. Так что, думаю, справлюсь без особых проблем. Да и с условиями я твоими согласен. Надоели мне пистолетики, да тротилловые палочки. Мечи все же намного интересней.

— Ну вот и хорошо, — улыбнулся Ингвар. — Думаю, вы поладите, Данила покажет тебе все и введет в курс дела, а теперь извини. Тебе придется подождать в другой комнате, сейчас здесь соберутся мои советники.

— Нет проблем, — весело отозвался Серега. — Я думаю, мы еще поговорим.

— Лиса, — крикнул Ингвар, — проводи Сергея в горницу, пусть подождет Данилу, а после окончания совета пойдет вместе с ним.

Кивнув, Лиса пристроилась на шаг впереди нового инструктора и повела его из зала. Когда за ними закрылись двери, Ингвар повернулся к Даниле:

— Присмотрись к нему повнимательней. Я не видел его два года. Пошли голубя в Китеж. Он сказал, что последний год жил и тренировался на воинском дворе у Мстислава. Так что проверь его.

— Хорошо, княже.

— Если с ним все нормально, тогда тебе крупно повезло. Специалист он высокого класса и научить может многому. А теперь давай посмотрим, что прислал Трувор.

Свиток был скреплен личной печатью наместника. Сковырнув сургуч, Ингвар сосредоточился на тексте. Сначала его лицо разгладилось, но с каждой следующей строчкой становилось все мрачнее. Дочитав до конца, Ингвар отложил пергамент в сторону.

— У Трувора проблемы. Начнем с того, что в Ладогу прибыл его брат Сিনিус с тремя тысячами воинов и пятью тысячами простых жителей. Теперь в Ладоге чуть больше шести тысяч ратников. Сিনিус согласился помочь Трувору, но с условием, что получит земли не менее богатые, чем у брата. Это не беда, вопрос решаем. Проблема в другом: два дня назад в Ладогу примчался гонец с финского залива, ну, там, где Радмир распорядился поставить наблюдательный пост; так вот, новости не утешительные, воинов Отона примерно на четыре тысячи больше, чем мы ожидали. Итак, наш викинг привел около десяти тысяч воинов.

— Откуда он взял еще четыре тысячи? — просчитывая ситуацию, спросил Данила. — Ведь Трувор говорил, что у него больше нет.

— Скорее всего, он подкупил кельтов.

— Кто это? — удивился Данила. — Никогда о них не слышал.

— В том мире, это дикари, обитавшие на территории Ирландии. Они прославились тем, что пили кровь и ели печень побежденных врагов. Если они возьмут Ладогу, то никого не оставят в живых. Там, где проходили кельты, оставались лишь трупы и пепелища. Так что все, что мы можем сказать: «Пусть Перун поможет Трувору и нам заодно».

В зал вошли Ратибор, Свенельд, Мал, Ясна и Василько.

— Княже, — подал голос воевода. — Разведчики вернулись, прикажешь позвать.

— Зови, только быстро, времени в обрез.

— Заносите, — крикнул воевода с такой болью в голосе, что Ингвар понял, дело плохо.

В двери зала вошли четыре ратника и внесли носилки. На них лежал старший группы, в его груди торчало пять стрел.

— Княже, ты здесь? — прошептал он.

— Да, ратник, я князь Ингвар. Говори.

Склонившись почти к самым губам разведчика, он расслышал еле слышимый шепот:

— Мы выполнили задание. В пыли восемь тысяч хазар. Это воины хана Бирека, его отец зарубил в степи два года назад. Он сам вызвался помочь Владу. Его сердце горит мстостью. Мы взяли языка, но не довели, и воины мои не дошли я последний. Княже, не дай погибнуть Новгороду, не дай погибнуть всему, что я любил.

— Клянусь тебе в этом, воин, — прошептал Ингвар ему на ухо.

— Вот и хоро... — начал было воин, но не договорил, и дух храброго ратника отправился в дружину Перуна.

Поднявшись с колен, Ингвар хмуро оглядел стоящих рядом советников.

— Этот воин заслужил золотую гривну, и пусть никто не оспаривает моего решения. Сегодня он спас жизнь Новгороду.

Стоящие рядом советники печально склонили головы.

— Ты не все знаешь, князь, — тихо сказал Василько. — Он привез тело своего разведчика, и я уверен, если бы у него была возможность, он привез бы тела всех своих воинов.

— Да, его подвиг достоин уважения, — отозвался Ингвар, — но время скорби еще не пришло. Мы обязательно вспомним всех мертвых, но сейчас важно думать о живых. Унесите носилки в холодную, — скомандовал он ратникам. — И проследите, чтобы тело сохранилось.

— Слушаемся, — ответил старший. И неся на плечах скорбный груз, четверо охранников покинули зал.

— Время дорого, — напомнил советникам Ингвар и направился к трону. Все поспешно заняли свои места. — Итак, какие предложения? — продолжил Ингвар. — Я надеюсь, все понимают, что предыдущий план не годится?

В знак согласия все советники молчали, никто не хотел говорить первым, но говорить что-то надо, встал Ратибор.

— Княже, Новгород на краю гибели, даже с ополчением, нас меньше. В таких условиях бой в чистом поле невозможен. Отбиваться придется на стенах, тогда у нас есть хоть какой то шанс.

— А если они не пойдут на приступ? — Ингвар задал вопрос, который созрел у него еще во время первого совета.

Этим вопросом он так поразил Ратибора, что старый вояка растерялся.

— То есть, как не пойдут? — не понял он.

— А так. Встанут лагерем, окружат город. И все. Сами частью войск двинут к Ладоге и покончат с Трувором и Синусом, а потом возьмут нас измором.

Ратибор настолько растерялся, что молча сел на место, и развел руками.

— Ну, тогда все кончено, — подвел он итог.

— Нет! — отрезал Ингвар. — Все только начинается. За такие речи буду казнить, чтоб в последний раз я такое слышал. — Его бешенный взгляд блуждал по лицам советников, пристально заглядывая в глаза каждого. Ингвар искал признаки страха, но видел лишь сумасшедшею отвагу. — Ладно, хватит об этом. Проследите, чтобы таких разговоров в войсках не было, а то нас победят без боя. — Советники послушно кивали. — Тогда слушай план, — скомандовал он. — Сейчас темно, враги подойдут не раньше, чем через час. Они не торопятся и знают, что мы будем отбиваться из-за стен. Поэтому, Ратибор, выводи войско из города и прячь его в лесу, что в часе ходьбы от Новгорода. В городе останется ополчение, лучшие лучники и арбалетчики, и тысяча варягов Свенельда. Других войск через час здесь быть не должно. В Новгороде из тысячников остается Мал, остальным выполнять мой приказ. Как только они подойдут и встанут лагерем, мы зажжем на сигнальной башне три костра. Это будет знаком к выступлению. На рассвете, когда самый крепкий сон, пехота атакует вражеский лагерь. Конников держи в резерве — это будет наш последний козырь. Удара со спины они ждать не будут. Действуй, как при битве с чудью.

Ратибор поднялся.

— Княже, это безумие, но именно оно может сработать. Я подчиняюсь.

Примерно с такими же словами остальные те, кто уходил с дружиной, покинули зал.

Ингвар устало опустил голову на стол. «Что же я наделал? — металось в голове. — Скольких людей я обрек на смерть?». «Это не ты обрек их на смерть, — ответил человек внутри князя, — это Рогволд, Влад, Отон. Это они привели свои рати под стены Новгорода, это они развязали эту войну».

— Ладно, время дорого, — громко сказал Ингвар, — Мал, всех оставшихся людей на стену, если возможно обряди ополченцев в кольчуги. В любые: старые, пробитые, но враг должен думать, что в Новгороде вся дружина. Стрелкам приказ — бить всех птиц, летящих в город и из города. Ни одна живая душа не должна сообщить врагам об уходе дружины. Данила, тебе приказ особый: все твои люди должны рассредоточиться по городу и не дать возможности шпионам послать это сообщение. Свенельд, тебе будет лучше тоже подняться на стену вместе с твоими ратниками. Я скоро буду там.

Оставшиеся советники, кивнув князю, покинули зал. Завтра должна решиться судьба Новгорода.

Ингвар дошел до своей комнаты и стал облачаться в пластинчатый доспех, выкованный специально для него Людотой.

— Будь осторожен, мой князь, — раздался за спиной Ингвара голос Ярославы. — Если сегодня ты погибнешь, я умру вместе с тобой. Как бы мне хотелось куда тебя не выпускать из терема, но я знаю, что это невозможно, и ты обязан идти. Просто обещай мне, что будешь осторожен.

— Я обещаю тебе, что все будет хорошо. Мы победим, и Новгород будет жить, — тихо на ушко сказал ей Ингвар.

Ярослава прекрасно поняла, что он обещал не то, что она просила, но поправлять мужа не стала.

— Я оставляю тебе пятьдесят самых преданных ратников из своей сотни. Затвори ворота терема и жди, когда я вернусь. И если кто-нибудь скажет, что со мной что-то случилось, не верь. Правду скажут только четверо: Лиса, Ясна, Мал или Ратибор.

Ярослава кивнула и пошла в зал совета.

— Лиса, — крикнул Ингвар.

— Да, княже, — раздалось из-за двери.

— Оставь в тереме пятьдесят ратников, самых лучших, самых преданных, пусть стерегут Ярославу как зеницу ока. Если хоть один волос упадет с ее головы, ответят все.

— Хорошо, княже. Сейчас распоряжусь.

— Поторопись, через двадцать минут мы должны быть на стене.

Но эти слова он уже говорил в спину сотницы. По коридору слышалась ее легкая поступь. У нее был приказ, и она спешила его выполнить. Следуя варяжской традиции, князь закрепил оба меча за спиной. Надев шлем и взяв в руки щит, Ингвар направился во двор терема. Выйдя на высокое крыльцо, он оглянулся: в окнах зала совета горел свет, где-то там была его Ярослава. Она не вышла проводить Ингвара, да он был и рад этому.

Во дворе была небольшая суета. Отряд его охраны разделился надвое. Воины, чьи оставались, прощались со своими друзьями, прекрасно понимая, что князь за спины ратников прятаться не будет. Он всегда идет туда, где звенит сталь и наибольшая опасность. Очень немногие из тех ратников, что уйдут с ним, вернутся обратно. А может случиться так, что к концу боя в Новгороде не останется живых людей, будут лишь враги, что приближаются сейчас к стенам.

— По коням, — закричал Ингвар, и первым взлетев в седло, развернул Черена в сторону

от ворот терема. Он не оглядывался, хотя на сто процентов был уверен, что Яра сейчас стоит у окна и смотрит вслед всадникам, лихо скачущим по улицам ночного города.

Город готовился к бою. На улицах появлялись баррикады. Везде были мужчины с оружием. Всех женщин и детей давно укрыли в домах. Быстро достигнув городских ворот, Ингвар увидел, что там его уже поджидают Мал и Свенельд.

— Княже, — начал Свенельд. — Все наши войска здесь, на стене. В твоём распоряжении семь тысяч ополченцев, тысяча моих варягов и пять сотен лучников и арбалетчиков. Итого у нас восемь с половиной тысяч защитников города.

— Хорошо, боярин. Давай поднимемся на стену и осмотрим наше воинство, а заодно глянем на неприятеля. Ведь он появился?

— Да, княже. В двух версях от стен появились первые конные разъезды.

— Ну, тогда не будем тянуть и пойдём, глянем на них.

И Ингвар легко взбежал по ступеням, ведущим на стену. Здесь, в тусклом освещении факелов, длинной цепью стояли его ратники. На восемьдесят процентов это были обычные мужики с топорами и рогатинами. Мал выгреб все кольчуги и панцири, которые были в Новгороде, и почти каждый из защитников был в броне и шлеме. Ингвар шел вдоль этой цепи, изредка поглядывая с двадцатиметровой стены за действиями противников. Почти все его стрелки были расположены в четырех башнях, смотрящих в сторону неприятеля. Новгород был уникален по своему расположению: стены города можно было атаковать только со стороны городских ворот, в других местах город защищала река, образуя своеобразный полуостров, который давал возможность собрать всех защитников в одном месте, а на остальных направлениях выставить небольшие наблюдательные посты.

Пройдясь по стене и переговорив с некоторыми бойцами, Ингвар выяснил царящее на стене настроение. В основном, ратники были готовы к штурму. В их ответах Ингвару слышался призыв к действию и безграничная верность молодому князю. Ему верили и не задавали глупых вопросов, почему за час до подхода врага новгородская дружина с убранными прапорами тихо покинула город. Если князь так решил, то значит, так надо. Ингвар вернулся к Золотым воротам, именно там он решил устроить командный пункт. Именно туда будет направлен главный удар объединенного войска Полоцка, Вадима и хазар.

Ингвар стоял спиной к бойнице, не глядя на поле, и спорил с Малом о возможных действиях неприятеля. Оба сходились в одном: враг атаковать пока не будет.

— Княже, — раздался за спиной голос Лисы, — взгляни на поле, они строятся для битвы или штурма.

— Не может этого быть, — поворачиваясь к бойнице, произнес Ингвар. — Они что же думают, что я выйду в поле с дружиной, чтобы принять честную смерть, и тем самым открыть им врата Новгорода. Не будет этого!

Из рядов врага, уже готового к бою, выехал огромный всадник и, подняв обе руки, показывая новгородцам, что он безоружен, направился в сторону городских ворот. Подъехав на расстояние полета стрелы, он остановился и стал ждать.

— Я поеду к нему и узнаю, чего он хочет, — громко сказал Мал.

— Нет, тысячник. Ты к нему не поедешь, — отозвался Ингвар, — если они задумали атаковать, то хотят выяснить, в городе я или уже сбежал. Я сам поеду и раздражню их. Этот штурм должен состояться в ближайшие часы, тогда у нас будет шанс на победу. Они полезут на стену и забудут про свой тыл, а туда ударит Ратибор. И значит, мы должны отражать все атаки, пока не придет дружина. Мне нужно их спровоцировать. Вели приоткрыть ворота, —

уже спускаясь вниз, бросил Ингвар, — и всем арбалетчикам взять на прицел всадника и ряды неприятеля. Пойду дразнить зверя.

— Уже сделано, княже, хоть сейчас можем превратить его в ежа, — отозвался Мал.

Ингвар спокойно сидел в седле верного Черена перед поднятой стальной решеткой. Ворота были еще закрыты, но воины уже сняли запоры и готовились приоткрыть одну створку.

— Давайте, — скомандовал князь и неторопливо ударил задниками сапог в бока черного коня, давая тому приказ неторопливо двигаться вперед.

Створка раскрылась ровно настолько, чтобы пропустить Ингвара, и осталась в этом положении. Проезжая этот проем, Ингвар ощутил противный липкий страх, ползущий по спине. Ведь не каждый день выезжаешь из-под защиты надежных стен в одиночку, против двадцатитысячного войска, желающего только одного. Твоей смерти.

Спокойным шагом конь вез князя к застывшему в ста пятидесяти шагах от ворот всаднику. Приблизившись на десять шагов, Ингвар остановил Черена и стал ждать начала разговора. Он не случайно отдал инициативу своему противнику, чтобы самому не говорить, а только отвечать. И отвечать так, чтобы противнику оставалось только одно — начать штурм. Злость, как известно, плохой советчик, и чем больше ошибок допустят атакующие, тем больше шансов будет у новгородцев.

— Ты князь Ингвар Рюрикович, что в Новгороде сидит? — наконец подал голос его оппонент, с ног до головы закованный в металл. По сравнению с ним, броня Ингвара выглядела летней рубашкой.

Ингвар кивнул. Пока он решил не подавать голоса, тем самым, еще больше разозлив своего собеседника.

Меж тем гора железа продолжала:

— Я сын Рогволда полоцкого, Лейф, и сейчас под стенами твоего города стоит двадцатитысячное войско. Твои десять тысяч ничего не смогут поделаться с лучшими ратниками трех народов. Скоро я начну приступ, и никто в городе не уцелеет. Я говорю это для того, чтобы ты понял, твои часы сочтены, и будет лучше, если ты найдешь гибель на поле боя и не увидишь того, что станет с городом, когда он падет. Я вырежу всех, даже собак новгородских, и буду править здесь. Именно этот город и эти земли отдает мне отец.

— А теперь послушай меня, собака урманская, — спокойно ответил Ингвар, — ты долго и красиво говорил. Я же скажу все быстро и без красивых слов. Когда ты будешь умирать от моего меча, а я постараюсь, чтобы ты умирал долго, наматывая на кулак свои кишки, оглянись на поле боя, может, на нем уже не будет твоей банды разбойников и грабителей. А будут мои восемь тысяч ратников. Ты ошибся, в Новгороде не десять тысяч мечей, а восемь. Но и их будет достаточно для того, чтобы никто из твоих бандитов не ушел отсюда. А через три дня я пойду и возьму Полоцк. И поверь, в живых там не останется никого, а твою сестру Рогнеду я отдам своим ратникам на потеху. Вот для чего я выехал к тебе. Просто сообщить, что с вами будет.

Лицо викинга налилось кровью.

— Ты заплатишь за свои слова, — крикнул он, разворачивая коня в сторону своих ратников.

Ингвар последовал его примеру, и, не спеша, поскакал в сторону ворот. Сзади его догнала песнь боевых рогов и стук сотен копыт, несущихся в его сторону. Когда он был на расстоянии нескольких шагов от ворот, в последний раз оглянулся на зеленое поле:

хазарская конница во весь опор неслась на встречу своей смерти. Над новгородскими стенами раздалась мелодия, приятней которой Ингвар не знал. Это была музыка выпущенных из луков сотен стрел. «Смешались в кучу кони, люди», — вспомнилось Ингвару «Бородино» Лермонтова. Так началась новгородская битва.

Спокойно миновав приоткрытые ворота, Ингвар велел быстро закрыть их и опустить решетку. Скоро здесь будет самое опасное место.

Поднявшись на крепостную стену, Ингвар оглядел поле битвы еще раз. Теперь оно уже не выглядело безмятежно: впереди бежали пехотинцы и ополченцы с приставными лестницами, сзади них для нового удара в ворота готовили таран, еще дальше слегка потрепанная отступавшая хазарская конница. Ингвар прошел к своим советникам в надвратную постройку Золотых ворот. Там его уже ждали Свенельд, Мал и, к удивлению князя, Гостомysl в полной броне и с мечем в руках. Рядом с бойницами находились воины Ингвара из его охранной сотни. Они изредка стреляли из мощных арбалетов по самым защищенным воинам врага.

— Боярин, а ты что здесь делаешь? — удивился Ингвар. — Разве ты не должен запереться в финансовом доме согласно моему приказу?

— Должен, княже, — последовал неторопливый ответ, — но сил сидеть взаперти, нет. Здесь льется кровь, и атакуют викинги, а я с ними бился еще до твоего прихода. А значит, мое место здесь, а не в норе рядом с новгородским золотом.

— Ну что ж, боярин, оставайся. Я доволен твоим ответом, — улыбнулся Ингвар, — только надеюсь, что рядом с новгородским золотом остались умелые воины?

— А как же, княже. Я там оставил весь свой личный десяток. Так что золото пока в безопасности.

Ингвар кивнул и пошел в сторону бойницы, у которой перезаряжала свой арбалет Лиса.

— Ну как там? — спросил Ингвар у сотницы, выглядывая на поле.

— Атакуют, княже, но пока безуспешно. Хотя в двух местах они сосредотачивают крупные силы для прорыва на стены. Метят в край наших защитных порядков. Там башни, но если они их возьмут, защита стен станет бесполезной. Вся дружина на этих камнях поляжет.

Ингвар кивнул.

— Мал, — позвал он. — Ты слышал слова Лисы, усиль те места, куда они готовят свои главные удары. Башни не должны пасть.

— Да, княже, — откликнулся тысячник и бросился на стену.

— Свенельд, будь рядом со мной, твой совет может пригодиться. А ты, Гостомysl, ступай на сторожевую башню и зажги там три костра. Пора позвать новгородскую рать.

Гостомysl отвесил полупоклон и, взяв с собой двух ратников, бросился исполнять приказ.

— Лиса, ты и еще десяток ратников пойдете со мной, остальным остаться здесь и помогать защитникам ворот.

Взяв в руки средний круглый щит и обнажив меч отца, Ингвар бросился на стену. За ним спешила Лиса с десятью ратниками. Они успели вовремя. В двадцати метрах от ворот обнажился целый участок стены. Все его защитники полегли от метких хазарских стрел. В результате десятиметровый участок остался полностью беззащитным. К нему-то полоцкие ратники и приставили сразу четыре лестницы, по которым сейчас карабкалось около сотни воинов. Ингвару и его ратникам удалось спихнуть вниз только одну лестницу, остальные три были князю недоступны. С них на стену уже перебралось четверо врагов, и лезла еще целая

куча. Появление Ингвара и его воинов смешало все планы нападавших. На новгородской стене, свободно, не стесняя друг друга, в ряд могли биться сразу трое ратников. Но не разобравшиеся полоцкие дружинники попытались атаковать князя вчетвером. Крайний из них, неудачно взмахнув мечем, потерял равновесие и рухнул с крепостной стены на каменную дорогу Новгорода. Упасть с двадцатиметровой высоты и остаться в живых почти невозможно, и чуда не случилось. Три остальных ратника на секунду замешкались, пытаясь разобраться в причине гибели их товарища, и малые арбалеты охранников Ингвара не оставили им никаких шансов. Но за их спинами на стену лезли и лезли вражеские ратники.

— Ура! — заорал Ингвар на все поле и прыгнул с мечем в руке в толпу только что перелезших на стену врагов.

Свист клинка — и голова в легком шлеме отделяется от тела и летит в сторону поля, сшибая по пути стоящего на верху лестницы человека. Его последний крик заставляет противников с удвоенным усердием нападать на князя. Но толпа на стене не всегда хорошо: викинги мешают друг другу и быстро гибнут, кто под страшными ударами от меча Ингвара, кто от метких болтов из арбалетов княжеских охранников.

Наконец, участок стены очищен от врага, и князю удается столкнуть лестницу с карабкавшимися по ней людьми в бок. Падая, она увлекает за собой еще две. Больше поблизости лестниц нет, можно и передохнуть.

— Княже, все в порядке? — раздался за спиной голос Мала.

— Да, тысячник, перебрось на этот участок десяток ратников.

— Как скажешь, княже, — отозвался Мал. За его спиной стояло четыре десятка воинов. — Тавр, твой десяток останется здесь, не допусти прорыва.

Десятник быстро и умело расставил своих ратников, закрыв всю брешь.

— Ладно, заканчивай свои дела, — обратился Ингвар к Малу, — а я в воротах буду.

Повернувшись, Ингвар направился в сторону, откуда недавно начал свою атаку, за время этой потасовки его десяток уменьшился на два воина.

— Лиса, — обратился он к сотнице, идущий рядом с ним, — от Ратибора нет вестей.

— Нет, княже. Новгородская дружина пока не появилась.

Ингвар пристально взглянул на сигнальную башню: три костра ярко горели, посылая Ратибору и дружине сигнал о начале битвы, а заодно, и призыв о помощи.

— Как обстоят дела с обороной стены?

— Пока прорывов нигде нет, — отозвалась Лиса. — Мы потеряли около пятисот воинов, но по сравнению с потерями врага — это мелочь. Первый натиск ослаб, они готовятся ко второму. Им удалось слегка повредить ворота, но это все, чего они добились.

— Хорошо, — тихо произнес Ингвар, — главное не дать им овладеть стеной, тогда у нас есть шанс.

Они достигли надвратной постройки как раз в тот момент, когда враг снова пошел в атаку. Примерно три тысячи лучников сосредоточили свою стрельбу на участке стены правее ворот. Защитники не могли поднять головы, чтобы осмотреться, все, кто пробовал это сделать, падал, пораженный стрелой в лицо. «Если так будет продолжаться, — подумал Ингвар, — они скоро будут на стене». Стрелки из ближайшей башни пробовали отвечать, но успеха достигли только арбалетчики, коих было немного. Под таким обстрелом защитники не решались сталкивать лестницы, и воины врага беспрепятственно карабкались по ним, подбираясь все ближе и ближе к гребню стены.

— Если ничего не предпринять, они захватят этот участок, — заметил стоящий рядом с

князем Свенельд, — там мои варяги вперемешку с ополченцами. При таком количестве врагов их просто сбросят вниз.

— Всем стрелкам, — приказал Ингвар, — бить ратников, что лезут вверх. Наша позиция позволяет стрелять, а значит надо помочь на том участке.

В воротах сосредоточилось около двух сотен стрелков, почти все с арбалетами. Позиция, действительно, благодаря удачному расположению была просто удачной: у ворот, чуть вынесенных вперед, можно увидеть почти всю стену в обе стороны.

Запели арбалеты и боевые луки. Сдавленно крича, с лестниц падали пробитые навывлет арбалетными болтами тела. Карабкающиеся вверх враги сделали единственно возможное в их ситуации. Перекинув щиты на правые руки, они, как можно быстрее, пытались преодолеть расстояние, отделявшее их от гребня стены, чтобы схватиться с защитниками и прикрыться их телами от коротких металлических стрел, летящих со стороны городских ворот. Десятку везунчиков даже удалось перелезть на стену, но их уже там ждали. Удары копьями снизу опрокинули почти всех этих смельчаков. Только двоим почти удалось закрепиться на стене, но их сняли стрелами из ближайшей башни. Враги, скинутые вниз, падая, переломали и увлекли за собой четыре лестницы. Вскоре бой на этом участке стих. Противник отошел назад и сосредоточил всех своих стрелков напротив ворот. Именно сюда были брошены основные силы атакующих. Снова принесли таран, и снизу раздались глухие удары. Но, то ли Рогволд не рассчитал, то ли таран делали впопыхах, но для новгородских ворот он был слишком легкий. И сломать им массивные створки, обитые сталью, было невозможно. При этом на нападающих по специальным желобам лилась кипящая смола, а простые горожане сбрасывали им на головы тяжелые камни.

— Княже, беда, — раздался из-за спины голос Мала. — Им удалось захватить участок стены. Пока держимся, но к ним прибывает подкрепление, и они начали ломать дверь башни.

Ингвар повернулся к Лисе.

— Ну, что, сотница, бери десятков и атакуем левый участок стены. Я впереди, за мной ты, остальные поддерживают нас из малых арбалетов.

Лиса кивнула и последовала за князем.

Пробегая по стене, Ингвар то и дело спотыкался о тела защитников, лежавших вперемешку с ратниками Полоцка, воинами Влада, ему на глаза попадались даже несколько трупов хазар. Впереди, пытаясь сдержать три десятка врагов, что захватили участок стены, пятились трое варягов Свенельда. Изредка из башни летела стрела — и на одного противника становилось меньше. Но на его место по трем десяткам лестниц карабкались все новые и новые воины. Один из защитников, получив секирой удар в грудь, повалился на парапет и продолжил свободное падение, сломав при этом только что прислоненную лестницу. Ингвар быстро занял место убитого:

— Отступайте, — приказал он оставшимся варягам, — здесь вы уже не поможете.

— Но, княже, как так? Значит, ты будешь на мечи лезть, а мы в сторонке стоять, не бывать этому.

— Это не просьба, ратник. Это приказ. Сейчас вы своими спинами прикрываете противника от десятка болтов. А ну быстро отсюда, или я вас ради Новгорода со стены сброшу.

Ратники поняли, что спорить с князем бесполезно, и начали пятиться. Ингвар оказался в одиночестве с двумя обнаженными мечами он стоял против троих здоровенных ратников в

доспехах Полоцка. Пехотные щиты, секиры, крепкие брони, шлемы. Вот какие противники предстали перед князем. Наверняка эти воины прошли ни одну битву, на их счету был ни один поверженный враг, но Ингвара это не волновало. У этих здоровых парней не было шансов, только случайность могла их спасти. Ингвар шагнул вперед и два меча запели победную песню. Он был слишком быстр для них. Вот один, хватаясь за разрубленную грудь, валится на каменный переход стены. Меч отца режет кольчугу из закаленных толстых колец, как масло. Второй, прикрываясь щитом от летящего навстречу меча Людоты, толкает в бок напарника, и тот с громким предсмертным криком падает со стены. Меч Ингвара продолжает движение — и здоровенный викинг падает с разрубленной шеей. Залп трех арбалетов из-за спины князя сметает второй ряд врагов. Затем еще залп, и еще один. Все. Теперь Лисе надо дать время на перезарядку, и Ингвар бросается вперед. Свистит сталь, сверкают мечи, падают раненные и убитые князем враги. Попутно, Ингвару удастся столкнуть в сторону две лестницы. Падая, они сшибают остальные. Принцип домино не подкачал и сейчас. Больше им здесь подмоги не будет. В башне ожили стрелки, и помогают князю, выкашивая задние ряды. Залп арбалетов из-за спины, затем еще, и еще. Впереди врагов нет. Очередной приступ отбит. К месту прорыва спешат новые ратники, свежие, в сверкающих бронях, впереди них несется Данила.

— Что, княже, не ждал? А я привел помощь, три сотни замечательных ратников с арбалетами. Большими и малыми. Думаю, теперь мы стену без проблем удержим.

— Принимай здесь командование, — отдышавшись, приказал Ингвар, — и главное, не приказываю, прошу, удержи стену.

— Будет сделано, — отрапортовал Данила и принялся расставлять ратников по местам. — А знаешь, княже, в городе бой был.

— Какой бой? Откуда вражеские войска в Новгороде?

— Да не войска, княже, свои новгородские. Видать, купил их чем-то Рогволд. Полсотни из городского отребья пытались пробиться к воротам. Все до единого подняты на копья. Потерь нет.

— Ну, надеюсь, этот сюрприз был последний, — внимательно выслушав доклад начальника охранного дома, произнес Ингвар.

— Я тоже, княже, на это надеюсь.

— Ладно, держи стену, а мне пора обратно.

И уводя своих ратников, Ингвар отправился обратно к воротам, на которые был нацелен очередной удар. Подошел он вовремя.

— Княже, — сказал Мал, когда Ингвар приблизился, — серьезно повреждены створки ворот. Еще одного такого натиска им не выдержать, на исходе смола, сейчас разогревают последние два чана. Также осталось мало стрел и болтов. Боюсь, скоро придется схватиться в рукопашную.

— Придется, так придется, — ответил Ингвар, — и если через час не подойдет Ратибор, будет уже все равно, держатся ли наши ворота или нет. Просто у нас не останется людей, чтобы защищать стены.

— Княже, — крикнула Лиса, внимательно смотрящая на поле из бойницы, — они идут на приступ. Похоже, что всеми силами двинулись, тысяч десять будет.

— А где остальные? — спросил Ингвар. — Не могли же мы перебить десять тысяч.

— Так то только на стены, еще две тысячи будут атаковать ворота.

— Ну вот и все Мал. Это последняя атака, и мы ее не отобьем. Стягивай лучшую сотню

к воротам, я сейчас тоже пойду туда.

Мал поклонился и поспешил собирать воинов. Ингвар же вышел на стену и поднес к губам рог Перуна. Чистый звук пронесся над полем, и ратники, стоящие рядом с князем, просветлели лицами. Они были готовы голыми руками сбрасывать со стены врагов. Враги же, наоборот, замедлили свой бег и стали какими-то вялыми, шли, словно нехотя, их лучники потеряли точность, стрелы летели, куда не попадая, иногда даже в своих. Ингвар улыбнулся и повесил свой рог на пояс. «Да, хорошая вещь, — подумал он. — Жаль только враги лишь на время теряются. Вот если бы мертвыми падали, другое дело».

Сбежав со стены, Ингвар обнаружил у ворот две сотни ратников с тяжелыми пехотными щитами и длинными копьями. Первый ряд держал копья, стоя на колене, второй, положив их на плечи товарищей, по бокам застыли арбалетчики.

— Князь с нами! — громко рявкнули воины. — Слава Ингвару! Слава Новгороду!

— Ратники, вы все, доблестные воины, — крикнул Ингвар, — я надеюсь, мы не пропустим врага в эти ворота. Отступить нам некуда. Так давайте, победим или погибнем.

— Да, княже! — отозвалась шеренга. — Они здесь все лягут и дальше нас не пройдут.

В это время разбитые ворота потряс удар. Сверху на осаждавших полилась смола, из-за створок слышались крики обваренных людей. Потом снова смола, снова крики.

— Это последняя порция, — сказал Мал. — Сейчас они выломают ворота, и здесь будет жарко.

— Приготовится, — заорал Ингвар, — и ни шагу назад!

В это время ворота рухнули, и лавина воинов устремила в пролом. Чего они не ожидали, так это решетки, в которую уперлись. Оцепенение быстро прошло, но таран бросили у разбитых ворот, а народу набежало столько, что его не возможно было протащить.

— Копьями как один, — приказал Ингвар.

И сотни копий качнулась вперед, раздались стоны и проклятия, началась давка, в которой затаптывали живых и раненых. Передние ряды пытались прорваться обратно, задние перли вперед. Копья продолжали колоть. Вот уже у решетки образовался вал из трупов. Теперь полоцкие ратники вперед не лезли и пытались притащить таран. Когда им это удалось, в дело вступили новгородские арбалетчики. Расстреляв тех, кто уже намеривался ударить тараном в решетку, они принялись отстреливать одиночек, пытавшихся его подхватить. Атака на ворота захлебнулась. Уцелевшие осаждающие отхлынули от решетки и спрятались под стеной. Этот прорыв им стоил около пятисот жизней. Ингвар поднялся на стену. Картина была удручающая. Стена держалась, но было ясно, что через десять минут ее возьмут, а значит, шансов удержать город, больше нет.

И тут за последними рядами врага запели боевые рога новгородцев. Это пришел Ратибор. Семь тысяч отборных ратников Новгорода, выстроенных единым строем, теснили в сторону крепости хазарскую конницу, которая пыталась сходу атаковать правый фланг ратников Ратибора. Вот запели вражеские рога, отзывая от стен свои потрепанные полки. Услышав сигнал общего сбора, атакующие бросали почти занятые стены и спешили на помощь своим. В их строю осталось примерно десять тысяч ратников, усталых после долгого перехода и четырехчасового ночного штурма, но, все равно, боеспособных и злых. Ингвар сорвал с пояса свой рог и тоже затрубил сигнал сбора: все сотни должны были оставить стены и собраться у ворот вместе со своими воинами.

— Лиса, — громко позвал Ингвар. За спиной раздались шаги, но они были не женские.

— Княже, — раздался мужской голос. — Я десятник Любим. Сотница тяжело ранена.

стрела сломала ключицу. Так что прибыть она не может. Я слушаю твои приказы.

— Ладно, Любим. Принимай командование полусотней. Лису вели доставить в княжий терем, пусть Святозар ее осмотрит и лечит. Пошли с ней кого-нибудь из своих. На вопросы обо мне отвечать: жив, здоров, все в порядке. Понял?

— Да, княже.

— Сколько у тебя ратников из полусотни осталось?

— Семнадцать, княже. Остальные либо мертвы, либо тяжело ранены.

— Двоих отправишь с Лисой, остальные под твоей командой пусть спускаются к воротам.

— Да, княже, все сделаю, — ответил Любим и поспешил отдавать приказы.

На поле же творилась весьма интересная картина. В пятистах метрах от стены застыл строй новгородцев. На него, как волны, накатывались враги, но строй стоял непоколебимо. «Они так долго не выдержат, — промелькнуло в голове у Ингвара. — Если сейчас не ударить сзади, то все пропало, и все жертвы были зря». Он спустился вниз к воротам. Там его ждала последняя дружина Новгорода. Три тысячи ратников.

— Новгородцы! Пришла помощь. Ратибор в поле сдерживает около десяти тысяч врагов. Ему тяжело, и если он не выдержит, значит, пять тысяч защитников стены полегли просто так. Враг не ждет нас со спины, ударив сейчас, мы его раздавим, чем поможем Ратибору. Я прошу вас еще раз обнажить ваши затупившиеся мечи и топоры и дать последний бой незванным пришельцам. Вы со мной?

— Да, княже, веди нас, — раздались отдельные выкрики.

— Все поляжем, а Новгород защитим, — поддержали другие.

— Ну тогда вперед! — крикнул Ингвар, прыгая прямо со ступенек в седло Черена. — Сотники, когда выйдем из города, не останавливаясь, перестройте воинов в две шеренги. Если хоть на секунду замешкаемся, нас опрокинут. Все конники за мной! Клином им в спину. Потом ваша очередь.

Поскольку проход Золотых ворот был до верха завален трупами врагов, выйти через него не представлялось возможным. Ингвар скомандовал:

— Всем, кто идет в бой, бегом к четвертой башне.

В ней были малые ворота, построенные специально на этот случай. Илья Кремень постарался и замаскировал их так, что об этом не знали даже новгородцы, не говоря уже об остальных.

Пехота, пропустив вперед оставшихся в распоряжении князя конников, хлынула в ворота. Ингвар оглянулся. За ним, перестраиваясь в клин, скакали полторы сотни всадников. Пятьсот метров — не расстояние для свежих коней, и маленький отряд Ингвара преодолел его быстрее, чем хотелось. За несколько секунд до столкновения с вражеским строем Ингвар снова обернулся: клин сформировался. Справа от Ингвара скакал Любим, слева незнакомый десятник. «Что ж и такое прикрытие сойдет», — мелькнуло в голове у Ингвара. Позади клина на бегу перестраивалась последняя пехотная стена. До строя неприятеля ей было еще далеко, но князь знал, что Мал и Свенельд будут спешить. Главное, продержаться до их прихода, а там полегче будет. Ингвар, перекинув на левую руку щит, а в правую взяв отцовский клинок, заставил Черена прыгнуть в самую гущу врагов. С криком «слава Новгороду» он обрушил свой меч на нерасторопного воина со щитом, на котором красовался орел, держащий в лапах меч. Ингвару не повезло, он попал в самое пекло. Здесь собирались для атаки тяжелые пехотинцы Влада, и Ингвар оказался у самого прапора с орлом

мятежного князя. В давке, которая образовалась, его не могли ткнуть копьём, зато для мечей здесь было раздолье.

«Стоптать знаменосца и разрубить прапор. Это посеет панику», — промелькнула в мозгу спасительная мысль. Заставить Черена сделать еще один прыжок было не просто, но Ингвар справился. Он оказался на расстоянии вытянутой руки от молодого парня, держащего в руках вражеское знамя. Удар мечем сверху вниз: знаменосец видит сталь, летящую ему навстречу. Единственное, что он мог сделать, это подставить под удар знамя. Так, не раздумывая, он и поступил. Но меч князя даже не заметил преграды, он просто разрубил подставленное под удар древко вместе с головой человека. Прапор упал, скрывая под собой изуродованное тело. Не долго думая, Ингвар подал коня вперед, стоптав воина, кинувшегося к упавшему стягу. Копыта коня Ингвара топтали материю, сам же князь крутился в седле, принимая удары на щит, обрубая наконечники копий, разрубая головы и тела. Озверевшие от потери стяга ратники Влада, пытались согнать коня Ингвара с истоптанного полотнища, но Черен вставал на дыбы и успел разбить своими копытами не один череп. Удары со спины прекратились, и Ингвар услышал голос Любима:

— Князь здесь! Все сюда!

Охранники Ингвара, разряжая в упор малые арбалеты, пробились к своему князю. Их было пятеро. Сзади них, держа фронт, сражались еще около семидесяти ратников.

— Держись, княже. Помощь близко.

Но Ингвар уже не слышал. На него снова обрушилась тяжелая пехота. За время краткой передышки ратники Влада сумели перестроиться, и на Ингвара качнулся абсолютно правильный пехотный строй. Несколько сотен ратников, ошестинившись копьями, стали теснить Ингвара и его всадников в сторону новгородских ворот. Ингвар заставил Черена попятиться. Поверженное и истоптанное копытами знамя, охранники Ингвара подняли и унесли. Теперь можно было спокойно отступать до прихода Свенельда и Мала. «Полк без знамени, уже не полк», — мелькнула в мозгу Ингвара заученная фраза. Отбиваясь от наконечников копий, которыми ратники Влада пытались его сбить на землю, Ингвар продолжал пятиться. Он уже ничего не видел, кроме десятков копий перед собой. Прикрывшись щитом, он рубил, не переставая, и как-то пропустил момент, когда удары в щит прекратились. Тряхнув головой и, тем самым, прояснив затуманенный взор, он огляделся. Пропустив князя внутрь строя, пехотинцы Свенельда теснили вражеский полк.

— Княже! — заорал Любим. — Они отступают.

Ингвар и сам видел, как вражеские полки спешно отходят влево. Его ратники уже соединились с войском воеводы, и теперь общим строем гонят противника к Ильменскому озеру. Вперед вырвалась кавалерия Новгорода. Ратибор послушался совета Ингвара и оставил тысячу всадников в резерве. Теперь те, с веселым гиканьем, гонят противника, оставляя за собой лишь небольшие очаги сопротивления, которые давила пехота, следующая за всадниками. Со стен врага обстреливали арбалетчики Данилы. Тот получил четкий приказ — стеречь город — и прекрасно выполнял эту функцию, принимая участие в битве, не покидая стены. Когда враги поняли, что загнаны в ловушку, что отступать дальше некуда: впереди вода, слева городские стены, а справа конница Новгорода, — они остановились и развернулись в сторону ратей Ингвара. Перестроившись по всем правилам военной науки: впереди копьеносцы, позади стрелки, по краям уцелевшие всадники Полоцка и хазары, — они стали ждать своего конца, желая одного, подороже продать свои жизни. Инвар протрубил коннице отбой атаки. И опять рог Перуна ему помог. Кони застыли как

вкопанные, несколько всадников, не удержавшись в седлах, полетели на землю, но к счастью быстро поднялись и вернулись на свои места. К Ингвару подъехал Ратибор:

— Княже, пора заканчивать этот бой. Я уже перестроил своих воинов для атаки. Сначала стрелки заставят их поднять щиты, затем лучницы смешанных сотен утыкают стрелами первый ряд, а дальше удар копьями накоротке при поддержке стрелков должен довершить дело.

— Что ж, Ратибор, план хорош. Их четыре-пять тысяч. Не больше. Нас около десяти. В любом случае, сделаем по-твоему. А пока я хочу поговорить с ними.

Расступившись, передний ряд пропустил князя на открытое пространство. Подняв вверх руки, показывая, что оружия нет, Ингвар выехал на середину поля.

— Эй, Лейф, — громко крикнул Ингвар, — если тебя не убили, выезжай, поговорим.

Копьеносцы врага расступились, пропуская вперед того самого викинга, что советовал Ингвару погибнуть на поле боя.

— Чего ты хочешь, варяг? — заорал он. — Ты победил, чего тебе еще надо?

— Мне хотелось еще раз поговорить с тобой. До того, как ты упадешь мертвым к моим ногам.

— Говори и давай побыстрее закончим с этим. Я недооценил тебя и за это заплатил победой.

— Ты заплатил не победой, а жизнями своих воинов. И я не буду предлагать им сдаться. Они умрут, как ратники, в бою. Я не могу себе позволить оставлять в живых мстителей. А ведь они придут мстить?

— Да, Ингвар. Они прейдут, — отозвался Лейф.

— Так вот, я, Ингвар Рюрикович, Князь Новгородский, предлагаю тебе поединок. Если победишь ты, мои воины пропустят вас. Вы уйдете с оружием. Если выиграю я, вы все умрете. Сначала ты, потом они. Согласен?

— Согласен, — отозвался Лейф. — Если твоя смерть поможет сохранить жизнь моим воинам, я готов с тобой биться.

— Тогда не будем откладывать, викинг. Будем драться конными на мечах.

Лейф кивнул и потянул из ножен меч. Не торопясь, Ингвар обнажил клинок отца и, не спеша, двинулся навстречу Лейфу. Ударив Черена в бока, Ингвар одним прыжком оказался рядом с противником. Меч Рюрика наискось, сверху вниз, опустился на подставленный круглый щит. Край, окованный медью, просто срезало. Рука Лейфа, сжимавшая щит, безвольно повисла вдоль тела. Кончиком меча Ингвар пробил доспехи и серьезно повредил руку сына Рогволда. Ответный удар викинга был сильный, но бесполезный. Отчаянье уже поселилось в его сердце, даровав новгородскому князю половину победы. Легко парировав удар, Ингвар заставил Лейфа продолжить движение своего меча и качнуться вперед. Меч князя опустился на незащищенную шею противника и голова сильного, но дурного викинга покатила по земле. На поле брани стояла жуткая тишина. Ингвар сорвал с пояса рог Перуна, и чистый звук разорвал эту тишину. Со стороны новгородцев засвистели стрелы, вперед на вражескую конницу понеслись на свежих конях ратники Новгорода. Со стен ударили арбалеты воинов Данилы. Разгром был полный. Через полчаса сборное войско Влада, Рогволда и хана Бирека перестало существовать. Отдельные очаги сопротивления были быстро подавлены. Тысяча ратников успела сдаться в плен, остальные были перебиты.

К Ингвару подскакал Ратибор:

— Мы победили, княже.

— Нет, воевода, мы не выиграли и не проиграли. Мы просто выжили для следующей битвы.

— Как же, князь? Это победа.

— Нет, Ратибор. Победой была бы мирная жизнь, без вот этой бойни. — Ингвар с тоской оглядел бранное поле. Кровь ручейками стекала в Ильмень. Трава еще вчера была зеленой, а теперь в рассветных лучах — ярко-алой. — Как ты думаешь, воевода, сколько уцелело народу из пятитысячного ополчения и варягов Свенельда.

— Не знаю, княже. Только знаю, что, спасая других, сложили головы Вадим и Позвизд. Ясна тяжело ранена, как и Варяжко. А всего у меня потерь тысячи полторы. Для такой бойни не так уж и много.

— Нет, Ратибор. Не стоила эта битва такой крови. Много славных людей погибло. Ладно, договорим позже, а сейчас спешу в город. Пусть на поле и на стены выходят похоронные команды. Наших мертвых в одну сторону, трупы врагов в другую. Раненых собрать всех, лечить как своих, так и чужих. А Гостомыслу я сам о сыне скажу. Все ясно?

— Да, княже.

И Ратибор с десятком воинов поскакал в сторону Новгорода. Ингвар, не спеша, тронул коня и поехал в сторону бранного поля. Рядом с ним пристроился Любим. Видя хмурое настроение князя, с вопросами он не лез, а лишь пристально смотрел по сторонам, не шевельнется ли тело, не бросится ли кто на князя с обломком меча или с зазубренной секирой.

Ингвар с грустью смотрел по сторонам. Картина случившейся бойни его не радовала. Трупы, с обезображенными лицами и выпущенными кашками, отрубленные руки, сжимающие оружие.

— Любим, — позвал он. — Найдите голову Лейфа и отнесите в самый холодный погреб. Она должна остаться невредимой.

— Да, княже. Сейчас исполним, — отозвался он и отдал приказ одному из воинов, сопровождающих Ингвара. Тот проворно развернул коня и поскакал на место недавнего поединка.

Как ни противно было Ингвару отдавать этот приказ, но предъявить Рогволду голову сына он был обязан. Этот удар для престарелого викинга будет страшнее, чем казнь за нападение на Новгород. В голове Ингвара начал вырисовываться план по захвату Полоцка. Нельзя было оставлять непокоренный город, разделявший его с Китежем. Завтра закончив погребение своих погибших, он возьмет четыре тысячи дружины и пойдет в поход на Полоцк. Василько, взяв еще тысячу ратников, двинется в сторону Ладоги. Не известно, как там бой сложился. Удалось ли варягам Трувора и Синиуса сдержать Отона, или послезавтра Ловать принесет к Новгороду чужие драккары. Ингвар не заметил, как выехал на место начала битвы дружины под предводительством Ратибора. Здесь на пеших лучников и легкую пехоту Новгорода налетело около шести тысяч хазар. Ингвар как будто не своими глазами видел, как спешно перестраиваются в стену легкая пехота под предводительством Вадима, как позади них занимают удобную позицию пешие лучники Позвизда. «Я покажу тебе этот бой, — раздался в голове голос ведогона. — Они спасли всю рать. Если бы они не остановили лихой наскок хазар, то вся дружина бы полегла. А теперь смотри».

Время как будто замедлилось. Пропали всадники из его эскорта, трупы людей и лошадей, трава снова стала зеленой. Он видит походную колонну дружины Ратибора. Впереди идет авангард — тысяча пеших стрелков и такое же количество легкой пехоты. От

Ратибора их отделяет около полутора километров. Из-за холма вылетают хазары, они не ждали ратников, а собирались перестроиться для нового наскока на стены. Их замешательство длится несколько секунд, затем вся масса устремляется на успевших занять выгодную позицию пехотинцев и стрелков. Позвизд не подкачал, и стрелы с луков новгородцев сорвались на секунду раньше хазарских. Многие из степных конников так и не успели выстрелить, выбитые из седел бронбойными стрелами новгородцев трупы падают под ноги отстающих. Но слишком много хазар, туча стрел, выпущенная степными наездниками, превращает разгорающийся рассвет в ночь. Смерть собрала обильную жатву. В основном, падают лучники: у них лишь легкие кольчуги и нет щитов. Первый залп уносит жизни нескольких сотен. Но новгородцы и не думают прятаться за спиной пехоты, они стоят во весь рост, и посылают стрелы с бешеной скоростью. Смерть гуляет по рядам скачущих во весь опор хазар. Но численный перевес на их стороне. Второй залп и следующий за ним третий выкашивают новгородцев. В строю остается не больше пяти десятков, среди них Ингвар замечает Позвизда. Тысячник уже ранен: две короткие хазарские стрелы насквозь пробивают тело тысячника, но он продолжает стоять и командовать боем. В это время хазары на полном скаку врзаются в ряды пехоты. Короткие копы новгородцев не дают преимущества. Еще два года назад, в степи, Ингвар обратил внимание на выучку степных всадников. Умение играть легкой пикой и выездка коней у них, родившихся в седле, была на порядок выше, чем у легкой китежской кавалерии. Ну вот и все — копы новгородцев отклонены в сторону, они взяли за мечи. Со стороны Ратибора несется на помощь своим тяжелая кавалерия Новгорода, но помочь она не в силах. На поле боя остаются отдельные очаги сопротивления. Одним из таких командует Вадим. Под его ногами лежит уже с десяток хазар, но исход боя он решить не может — кривой сабельный удар рассекает двойную кольчугу тысячника и он без звука падает на землю. Наскок новгородцев страшен. Степняки разворачивают коней, но подошедшие смешанные сотни довершают разгром. Последний хазарин разворачивает коня и вовсю прыть скачет в сторону осажденного города. Сразу десяток стрел настигают его, разрывая в клочья кожаную куртку с нашитыми металлическими пластинами. От ратников Вадима осталось едва ли три сотни. Из тысячи стрелков на ногах осталось стоять не больше двух десятков, с ног до головы залитых кровью, в изрубленных кольчугах и пустыми колчанами. Две сотни конников спешиваются и начинают исследовать поле боя метр за метром. Среди горы трупов находят Вадима. Он мертв. Лицо его спокойно, и Ингвару показалось, что тысячник улыбается. Всего нашлось около семисот раненых. Их сносят на чистое пространство и аккуратно складывают до подхода войскового обоза. Потрепанная тысяча Вадима остается охранять раненых. Дружина, ударив рукой в грудь, с криком «Слава Новгороду!» продолжает движение. Когда последний ратник скрывается за холмом, картина начинает мутнеть и превращается в круг камней. Все как обычно: посреди алтарь, рядом парит ведогон.

— Вот, княже, и все, — тихо произнес он. — Остальное ты знаешь. Эта битва была необходима, а скоро тебе предстоит самому перейти в атаку и взять Полоцк. Если ты этого не сделаешь, то придут другие воины и сотрут Новгород с лица земли. Так что не медли. Пора заканчивать эту войну. Полоцк должен стать твоим или быть сожжен.

— Ведогон, — позвал Ингвар, — скажи, а прав ли я, затеяв эту бессмысленную войну?

— Ее затеял не ты, а Влад, и его сердце требует мести Новгороду, Китежу, Белоозеру. Если в ближайшее время его не остановить, он уничтожит всех. Чтобы жили люди, которые тебе дороги, Влад должен уйти. Так что копи силы, договаривайся с Китежем и уничтожь

угрозу для Руси.

— Я понял тебя. Ответь еще на один вопрос. Как дела в Ладоге.

— Тяжело говорить: крепость устояла, приступ Отона провалился, Синиус погиб, остатки варягов присягнули Трувору, и сейчас там около двух тысяч воинов. Отон разбил лагерь вокруг Ладоги. Город в кольце почти четырех тысяч викингов. Они и рады бы уйти, но варяги Трувора сожгли почти все драккары. Не медля, посылай туда часть дружины. А теперь тебе пора. Тебя ждет много дел и помни, если ударишь сейчас по Полоцку, обойдешься малой кровью. Там почти не осталось воинов.

— Я так и сделаю, — грустно отозвался Ингвар. — Спасибо тебе за помощь.

— Не за что, — отозвался ведогон. И видение стало меркнуть.

— Княже, с тобой все в порядке? — слышался голос Любима.

— Да, десятник, спасибо, — отозвался Ингвар, — давай двигаться в сторону Новгорода. У нас много дел. Тронув коня, Ингвар, не оглядываясь, поскакал в сторону разбитых и сорванных с петель ворот.

Глава десятая Поход

В городе стоял плач. Очень многие воины и простые горожане, что храбро сражались на стене и в поле, не вернулись домой. Ингвар, еще подъезжая к городу, заметил на стене тучное тело Гостомысла. Тот напряженно вглядывался в даль, ища глазами полк своего сына. Ингвар нахмурился, впереди были мрачные минуты. Только он мог рассказать боярину о смерти Вадима. Любой другой, сообщивший эту новость, имел все шансы быть убитым на месте.

Миновав ворота, Ингвар поднялся на стену, и встал рядом с Гостомыслом.

— Княже, — подал голос боярин. — А где полк моего сына?

Ингвар кивнул в сторону бранного поля:

— Там, воевода, и сын твой и полк его. Если бы не Вадим со своими смельчаками и Позвизд со своим стрелками, мы бы, наверное, не увидели этот рассвет. Почти все полегли, но спасли дружину. Ты прости меня, боярин, но такова судьба воина. Не многие люди с таким образом жизни встречают старость. Прости меня, не сберег я твоего сына.

— Спасибо тебе, княже, что весть принес. Да я догадывался, ведь почти все полки уже в городе, потрепаны, но вернулись. А полков Вадима и Позвизда не видно. Я кого только не спрашивал, да все глаза отводили, да лопотали, что, мол, все хорошо.

— Не тужи, боярин. Время скорби еще не пришло, и еще очень много ратников ляжет на этих полях с криком «Новгород». Мне пора в терем. Там Ярослава уже измучилась, да и советники собираются, нужно часть дружины на Ладогу послать, чтобы помочь Трувору снять осаду. А вторая часть дружины со мной на Полоцк пойдет. Ты как, со мной на совет пойдешь?

— Да, княже. Лучшее средство от печали — это работа и вино. Так что я с тобой.

— Ну и хорошо, — тихо сказал Ингвар. — Приведи себя в порядок и через полчаса жду тебя в зале совета.

Развернувшись, Ингвар спустился со стены и прыгнул в седло.

— В терем, — крикнул он и погнал коня по узким улочкам.

Людей на улице было мало. Жители либо разбирали баррикады, либо помогали ратникам в поле собирать раненых и мертвых. Не было радостных песен и бурных застолий. Слишком дорого Новгород заплатил за эту победу. Почти на каждом новгородском дворе был траур. Тихо было и в княжеском тереме. Едва Ингвар вступил на крыльцо, ему на грудь бросилась Ярослава.

— Живой. Целый, — тихо шептала она, целуя его лицо. — Я так боялась. Мне казалось, что вот-вот придет Ратибор и скажет, что тебя больше нет. — Слезы тихо капали из ее огромных зеленых глаз.

— Не плачь, — прошептал ей на ушко Ингвар. — Все хорошо. Все почти кончилось. И я жив, и Новгород стоит. Раненные поправятся. Так что все будет хорошо. Вот скоро воину закончим и немного отдохнем. А сейчас пора идти в зал совета. Прикажи туда доставить воду и чистую одежду. Мне надо привести себя в порядок. Да, пошли гонца, пусть собирает малый совет. К Ясне, Варяжко и к Вадиму с Позвиздом не посылай. Гостомысл и Ратибор в курсе. Придут сами. Найди Василько, Мала, Свенельда, Данилу и Святозара.

— А почему за Ясной, Вадимом, Позвиздом и Варяжко не посылай? Иль неуютны они тебе, — тихо спросила Яра.

— Да нет, любимая. Ясна и Варяжко тяжело ранены, а Позвизд с Вадимом там, в поле остались. Храбро дрались и головы сложили. Так что иди, распоряжайся, а я в зале совета пока передохну. И пускай советники поторопятся. Время дорого.

Ярослава кивнула и пошла в сторону стражи терема. Ингвар же побрел в зал. Туда уже спешили слуги, там быстро накрывали стол. Но Ингвару было не до еды, нерешенных вопросов было слишком много. Ингвар скинул на пол пластинчатую броню, на нее упал шлем и оба меча. Ополоснувшись чистой холодной водой, он принял из рук теремной девки чистую рубаху.

— Вели отнести броню и оружие в мою комнату. Этот меч, — он взял в руки клинок отца, — останется со мной. Остальное вычистить. Если броня где помята, поправить.

— Да, княже, — отозвалась девчушка. — Я сейчас, мигом, — и упорхнула. Через минуту она явилась с двумя парнями, забравшими броню и меч князя.

В дверях появился Святозар. Ингвар махнул рукой, мол, проходи, присаживайся, и закрыл глаза. Так хотелось отдохнуть, да видно не судьба сегодня даже поспать. К обеду, до которого осталось не так много времени, дружина должна выйти в поход. Вдруг усталость начала медленно отступать, в руки вернулась прежняя сила, сон пропал. Ингвару хотелось как можно быстрее начать действовать. Открыв глаза, он понял, откуда такая активность. Рядом с ним стоял Святозар и совершал вращательные движения руками над его головой, бормоча что-то про себя.

— Спасибо, волхв, — искренне поблагодарил он, — твоя помощь как всегда вовремя.

— Да не за что, княже. Ведь Перун просил тебе помогать, вот я и стараюсь, как могу. Где советом, где силой.

— Ну ладно, Святозар, давай о делах поговорим, пока никого нет. — Ингвар хлопнул в ладоши, привлекая внимание слуг. — Можете идти, если понадобится, позову. — Слуги поклонились и вышли, плотно закрыв за собой двери. — Скоро соберется совет, на нем будет решаться вопрос, жить Новгороду или умереть. Там все и обсудим, а сейчас давай перекусим, а то я со вчерашнего дня ничего не ел.

— Пойдем, подкрепимся, княже, — согласился волхв, — судя по твоим словам, день будет тяжелым.

Они прошли к столу и принялись за обильное угощение, приготовленное Черnavой. Не успел Ингвар взяться за карасей в сметане, как двери распахнулись, и в зал ввалились Ратибор с Василько, за ними словно уменьшившись, скорбно шел Гостомysl.

— Ого, да тут пир идет, — воскликнул Ратибор. — Можно, княже, присоединиться?

— Проходите, присаживайтесь, — отозвался Ингвар, — когда еще нормально поесть удастся.

Не успели вновь приглашенные пройти к столу, пришли Свенельд, Данила и Мал.

— А нам, княже? — спросил Данила, указывая на стол.

— Садитесь, да не отвлекайте меня пустой болтовней. Вот поедим и обсудим все вопросы.

В течение десяти минут на столе не осталось ничего. Измотанные битвой воины расправились со всем, что приготовила Чернава.

— Ладно, советники, обед закончен, — объявил Ингвар, поднимаясь со своего места. — Двигайтесь к круглому столу и обсудим, у кого что накипело.

Задвигались резные стулья, советники быстро заняли свои места, ожидая вопросов и приказов князя.

— Ратибор, в каком состоянии дружина?

— Княже, из шести тысяч семисот мечей, что были со мной, на ногах твердо стоит четыре. Тысяча раненых, остальных, прости, княже, не уберегли.

— Ладно, Ратибор. Не спеши. Время для печали еще наступит. Мал, Свенельд. Что с воинами, которые стену защищали?

— Плохо, княже, — заговорил Мал. — Из пятитысячного ополчения едва полторы тысячи уцелело, а о своих варягах, да стрелках, что нам помогали, Свенельд скажет.

— Княже. Стрелки уцелели почти все, сотни четыре точно наберется, и варягов моих в живых осталось не меньше семи сотен. Так что больше тысячи воинов в твоём распоряжении.

— Хорошо, — подвел итог Ингвар, — постоянных дружинников больше пяти тысяч. Ополчение распустить по домам. Вернусь, награжу. А теперь о главном. — Ингвар пристально посмотрел на советников, как-то они отнесутся к его решению. Тяжело вздохнув, он начал говорить. — В обед дружина уходит в поход. Часть войска пойдет на помощь Трувору, который сидит в осаде. Туда пойдут три тысячи ратников: смешанные сотни, новгородские девы и тяжелая пехота. Командовать этой частью будут Мал и Василько. Остальные ратники пойдут со мной к Полоцку. Дружина Рогволда вся здесь полегла, так что, есть шанс город без большой крови захватить. Если все удастся, то через три дня в наших руках будет еще один город.

— Княже, — взмолился Ратибор. — Ратники устали, им отдых нужен, а ты их снова в бой кидаешь.

— Я понимаю, Ратибор, но если мы этого не сделаем, то все сегодняшние жертвы будут напрасны. И вновь на стенах Новгорода будет литься кровь. Врага надо добить. Больше такого шанса не будет. — Ратибор покорно склонил голову, надо так надо, такова ратная доля. — Гостомысл, — позвал Ингвар, отвлекая боярина от его печальных мыслей, — к обеду должно быть готово два обоза с провиантом, да и стрел должно быть вдоволь.

— Хорошо, княже, — отозвался боярин. — Все сделаю.

— Свенельд, ты останешься в Новгороде. Выделяю тебе две сотни воинов, на всякий случай. Расставь на стенах караулы и наблюдай за окружающей местностью. — Варяг кивнул, соглашаясь с решением князя. — Теперь к тебе, Данила, — продолжил Ингвар. — Ты выделишь три десятка самых лучших своих людей. На них ляжет особая задача. Они выезжают раньше моей дружины и скачут в Полоцк. Просочившись в город, пусть вооружаются, и держаться поближе к воротам. Когда на опушке леса, недалеко от Полоцка, покажется первая сотня новгородской конницы, пусть начинают действовать. Их главная задача — не дать воинам Рогволда закрыть городские ворота. Их нужно держать открытыми до подхода всадников. Все ясно?

— Да, княже. Только ведь эти тридцать воинов идут на верную смерть.

— Не трави душу, Данила Мечеславович, — отреагировал Ингвар на слова полутысячника. — Мне тоже жаль тех, кто погибнет, но штурм, даже ослабленного Полоцка, обойдется сотнями жизней. Прости меня, но по-другому нельзя. Святозар, — продолжил князь, — у меня к тебе особая просьба: займись ранеными, попытайся помочь всем, кому сможешь, но особое внимание удели Ясне, Варяжко и Лисе. Они мне очень дороги.

— Конечно, княже, — заговорил волхв, — я уже осмотрел Лису. — Через две недели она снова будет на ногах. К остальным я наведуясь сразу же после окончания совета.

— Тогда не медли, волхв, — сказал Ингвар, — совет закончен. Все знают что делать?

Тяжелое напряженное молчание повисло за столом.

— Княже, — подал голос Ратибор. — Это первая крупная победа, надо бы наградить ратников. Кого орденом, кому просто «спасибо» сказать.

— Конечно, воевода. Предоставь наградные списки. Но учти, всех, кого ты представишь к Золотой Гривне, я проверю. Просто так ее не получит ни один. Сейчас в Новгороде всего два кавалера этого ордена. Один из них представлен к ней посмертно, второй тяжело ранен. И пока Ясна не поправится, я не смогу никого наградить. Для оценки более скромных заслуг я ввожу новый орден: Серебряная Гривна первой, второй и третьей степени. Первая степень будет самая высшая, третья самая низшая, а различаться они будут наличием и качеством подвески. На третьей степени ее не будет, на второй она будет из серебра, на первой из золота. Подвеска должна быть выполнена в виде новгородского сокола. Ты доволен?

— Да, княже, — привстав, поклонился Ратибор. — Ты, как всегда, нашел самый верный путь. После окончания похода я представлю тебе наградные листы.

— Гостомысл, ты все слышал? — спросил Ингвар.

— Да, княже, что от меня требуется?

— Поговори с золотых дел мастерами и отдай заказ, ну, скажем, на сто орденов первой степени, двести второй и пятьсот третьей. Все ясно?

— Да, княже, только где мне столько серебра взять?

— Скажи Ярославе, пусть выдаст из княжеской казны рубленых серебряных монет. Но, Ратибор, учти, что такое количество орденов не значит, что мы раздадим их все. Орден дается только за что-то важное. Ты понял?

— Да, княже, все ясно, — кивнул головой воевода.

Тут оживился Святозар:

— Княже, а как с мертвыми быть?

— Просто, волхв. Очень просто. Врагов сжечь за городом, а всех наших сложить в холодные погреба, чтобы не разложились. Вернется дружина, проводим их и тризну справим, и орденами посмертно наградим. Все как полагается. Если же родня попросит тело, отдай, пусть сами сжигают. Но это касается только ополчения. Устраивает тебя мой ответ?

— Да, княже.

— Ну, тогда не вижу смысла продолжать, — громко сказал Ингвар, — собирайте дружину в поход. Через пять часов мы покидаем город. Ратники Данилы отправляются немедленно. Все, совет окончен.

Бояре круглого стола поднялись и поспешили по своим делам. Ингвар же, придвинув к себе карту Новгорода и прилегающих земель, стал изучать дорогу к Полоцку.

Примерно через час пришла Ярослава, вместе с ней и провел Ингвар оставшиеся до похода часы. Лежа в комнате с опущенными шторами, Ингвар нежно перебирал пальцами рыжие вьющиеся пряди: «Как же не хочется никуда ни скакать, ни размахивать мечем, ни отправлять воинов на верную смерть. Но чтобы жила Ярослава, Новгород и все люди, что ему безгранично верят, нужно завершить эту бойню, а значит, захватить или уничтожить Полоцк». Настойчивый стук в дверь вернул Ингвара в реальность.

— Да, — крикнул он.

— Княже, — раздался из-за двери голос Любима, — здесь Ратибор и Василько. Говорят, что дружины готовы к выступлению, обозы собраны.

— Скажи, сейчас выйду, — отозвался он. За дверью раздались торопливые шаги, которые вскоре стихли. — Прости, но мне надо идти. Рога поют, дружина ждет.

Но Ярослава поняла все и без слов.

— Иди, — шепнула она ему на ухо, — и возвращайся скорее. Я буду ждать.

Быстро одевшись, Ингвар надел пластинчатую броню, закрепил за спиной мечи, взял в руки шлем и тихо вышел за дверь. Так повелось, что князь не любил прощаться. С каждой лишней секундой, проведенной в горнице с Ярославой, ему все больше хотелось остаться. Но сейчас надо взять себя в руки и спешить на новую битву. Тяжелой поступью он прошел через весь терем и вышел на залитое солнцем крыльцо.

— Пора, княже, — раздался справа от него голос воеводы. — Нужно спешить, пока весть о разгроме не достигла Полоцка. В твоём распоряжении две тысячи ратников, из которых восемь сотен тяжелых всадников, пять сотен арбалетчиков и семь сотен посаженных на коней тяжелых пехотинцев. Я думаю, что к завтрашнему вечеру мы будем в Полоцке.

— Княже. Мы тоже готовы к выступлению, — подал голос стоящий рядом с Ратибором Василько. — У меня три тысячи ратников, в основном, пехота хирда, смешанные сотни, новгородские девы, оставшиеся лучники и арбалетчики. Думаю, что через два дня мы будем у Ладоги. Обоз готов. Как ты и приказал, много стрел и еды.

— Ну ладно, Василько, Перун тебе в помощь. Выходи сразу за нами и поспешай: дела Трувора идут не очень. Делай, что хочешь, но помоги наместнику.

— Я все сделаю, княже. Положись на меня. Да, вот еще что. Данила велел передать: три часа назад его лучшие люди ускакали в Полоцк. Он очень просил тебя, привести обратно как можно больше его спецов. Прикипел он к ним, лучших людей в отряд дал. Побереги их, княже.

— Если увидишь его, передай, что сделаю все, что смогу. А сейчас по коням. Пора в путь.

Взлетев в седло Черена, Ингвар развернул его и в сопровождении десятка Любима понесся к городским воротам, за которыми была дорога, ведущая в Полоцк. Вслед за ним скакал Ратибор. Василько приотстал — у него был свой путь, не менее опасный, чем у князя, и более долгий. Поскольку конных у него не было, всех лошадей отдали Ингвару ради выигрыша в скорости. Так начался поход на Полоцк.

Дружина Ингвара быстро скакала в сторону болот и уже к вечеру была на месте засады, в которую попал князь в начале лета. У подножья памятного холма князь приказал разбить лагерь — ночью в болота соваться не следовало. Да и людям с лошадьми требовался отдых. Ночь прошла спокойно, но заря разгоралась и впереди была битва. Неприятности начались, когда следопыты доложили о следах недавнего боя. Ингвар ехал впереди колонны вместе с Ратибором и решил взглянуть на находку разведчиков. Картина битвы его не обрадовала. Недавно здесь располагалась засада ратников Полоцка. Князь насчитал двадцать тел, почти все они были убиты малыми арбалетными болтами. Таким оружием пользовались его охранники и спецы Данилы. Догадка князя подтвердилась почти сразу: в сторонке, в тени большего дуба, лежало четыре тела в черных плащах. Судя по всему люди Данилы случайно налетели на полоцких дружинников, что сторожили гать. Многих из них удалось сразу побить из арбалетов, но остальные оказали сопротивление, и ратникам Данилы пришлось заплатить за прорыв четырьмя жизнями. К Ингвару подъехал десятник следопытов.

— Княже, я проверил следы. Все полоцкие лежат здесь, никто не ушел.

— И то хорошо, — улыбнулся Ингвар. — Ребят в черных плащах несите в обоз, этих сложите в тени. На обратном пути сожжем.

— Как скажешь, княже. Будет сделано, — отозвался десятник, делая знак своим.

Вскоре дружина продолжила путь. Остальная часть дороги прошла спокойно. Весей по дороге не встретилось, но разведчики получили четкий приказ, всех встреченных людей задерживать и вести к князю, который незамедлительно отправлял их к таким же неудачникам в обоз. Для их охраны была выделена отдельная сотня, а благодаря обозу, в котором и находились невольные попутчики, князя и дружину ничего не задерживало.

Ратибор не ошибся, к вечеру они приблизились к Полоцку. Ингвар с опушки ближайшего леса внимательно рассматривал стену и ворота, находившиеся прямо напротив него. В воротах десять ратников, на стене еще пять. Что ждет за воротами неизвестно, но по беспечности охранников Ингвар понял, Рогволд не знает о поражении своей дружины. Ингвар вернулся в лагерь новгородцев. Передовой отряд в три сотни устроился на небольшой полянке, в двухстах метрах от опушки.

— Ратибор, иди сюда, — негромко позвал Ингвар.

— Что княже? — отозвался воевода.

— Слушай внимательно. Пока я насчитал только пятнадцать ратников, больше не видно. Если спецам Данилы удалось войти в город, они перебьют всю эту братию в воротах раньше, чем мы до них доскачем. Но что будет дальше, я не знаю. Так что слушай мой план: я беру все три сотни конных и во весь опор несусь к городу. Вместе со мной, впереди скачет десяток Любима — у них есть легкие арбалеты. Так что, если парням Данилы не удастся сломить сопротивление стражей, мы там лишними не будем. Как только мы покинем поляну, выводите основные силы и, вслед за нами, спешите в город. Там разобьешь сотни на десятки, чтобы наши могли рассыпаться по всему городу. Дружинников бить, мирное население не трогать, дома не грабить и не жечь. Если узнаю, виновных повешу на городских воротах. Запомни, этот город наш. — Дождавшись кивка воеводы, Ингвар продолжил. — Семьсот ратников пошли мне в помощь к кремлю, так они называют княжий двор. Если я все правильно взвесил, то именно туда Рогволд стянул основные силы. И именно там будет самое жаркое место. Ты все понял?

— Да, княже. Только, может, вместо тебя я на первый приступ с конниками пойду?

— Нет, Ратибор. Ты командуешь резервом. И закончим на этом. Твоя задача — сохранить город. Ты все понял?

Воевода кивнул и, покинув князя, поспешил к остальной части дружины, находящейся на соседней поляне.

Ингвар же, быстро объяснив всадникам порядок движения, не прибегая к помощи стремян, взлетел в седло верного Черена. За ним клином выстроились его охранники, а дальше за ними три сотни тяжелых всадников Новгорода.

— Ну, Перун нам в помощь! — крикнул он и погнал коня к дороге, что выходила из леса.

Всадники устремились за ним. Их заметили не сразу. Конники преодолели около трехсот метров, когда со стены послышались вопли стражей. В воротах началась суэта, створки начали закрываться, но остановились на полдороге. Ингвар видел, как один из стражей, стоящих на стене, резко повернулся в сторону внутренних построек Полоцка, но от сильного удара в грудь покачнулся и перевалился через парапет стены. Ингвар прикинул расстояние: до стены еще двести метров. Ворота в полуприкрыты, и там идет бой. Если он и

его всадники не успеют, то Полоцк можно будет взять только приступом. Но они успели. Рванув из ножен меч, Ингвар влетел в город. И ему тут же попался полоцкий ратник, укрывшийся за тяжелым пехотным щитом. Стоя на колене, он длинным копьём не давал воинам Данилы приблизиться к створкам ворот. К счастью князя, он стоял спиной к воротам и не видел Ингвара и его всадников. Меч отца опустился на затылок невнимательного воина, тот умер мгновенно. И Ингвар поспешил направить коня туда, где еще два полоцких ратника с помощью длинного копья и меча зажали в угол девушку в платье крестьянки. Единственное, что отличало эту девушку от простолюдинки, было наличие меча и ловкость, с которой она отбивалась. Ингвар проскакал мимо, походя ударив мечем ратника, держащего копьё. Второй противник обернулся на звук копыт, предоставив своему товарищу сдерживать девушку. За что и поплатился, заметив, что копьеносец мертв, а всадник далеко, он снова повернулся к своей жертве, но лишь за тем, чтобы увидеть падающее на голову лезвие меча. Дальнейшего участия князя не требовалось. В ворота влетели всадники из его охраны и на полном скаку из малых арбалетов добили оставшихся стражей. Ингвар, не спеша, подъехал к девушке:

— Все, красавица, — поднимая личину шлема, произнес он, — ворота наши. Где их основные силы?

— Княже, прости, не узнала, — пролепетала девушка, падая на колени, — благодарю тебя. Ты спас мне жизнь.

— Время дорого, — напомнил ей князь о своем вопросе.

— Конечно, княже, — быстро затараторила она. — Все силы Рогволд стянул к кремлю. Стены там невысокие, метров десять, но ворота крепкие. У него около четырех сотен воинов. Это все ратники Полоцка.

— Ну, тогда найди коня и указывай дорогу, — приказал Ингвар.

— Да, княже, — воскликнула девушка и бросилась к коновязи, что была поблизости от ворот.

В это время к Ингвару приблизился хромающий человек в черном плаще.

— Княже, — поклонившись, начал он, — задание выполнено. Потери: десять человек. Сейчас в строю четырнадцать воинов и двое тяжело раненых.

— Как звать, — спросил Ингвар.

Человек в плаще на секунду замялся.

— Княже, у нас нет имен, только прозвища. Мое — Дубок, а девушку Елью кличем.

— Благодарю за службу, — громко сказал Ингвар, — теперь я вижу, что Сокол послал лучших. А теперь все, кто на ногах, пусть седлают коней и следуют к кремлю.

Дубок кивнул и, отдав приказ дальше, поспешил к коновязи. Рядом с Ингваром остановила коня Ель.

— Княже, я готова.

— Тогда вперед! — и Ингвар повернул коня вслед за девушкой.

За ним тронулись все всадники, принимавшие участие в атаке. Уже двигаясь по прямой, как стрела, улице, ведущей к полоцкому кремлю, Ингвар заметил, как в распахнутые ворота влетают на полном скаку всадники Ратибора и, делясь на десятки, расползаются по городу. Соппротивление было сломлено, город пал. Лишь на подступах к кремлю кавалькаду всадников обстреляли из луков. Но стрела, застрявшая в щите князя, подсказала Ингвару, что это не воины, а простые горожане. Скорее всего, охотники. Дом, откуда прилетели стрелы, был мгновенно окружен, и все, кто в нем был уничтожены. Еще одной неприятностью был

цветочный горшок, брошенный со второго этажа богатого каменного дома. Зазвенела спущенная тетива арбалета — и молодая девушка, с пробитым навывлет горлом, выпала на улицу прямо под ноги Черена. Ингвар укоризненно посмотрел на стрелка и, объехав неподвижное тело, продолжил путь. Вскоре показался кремль Рогволда. Остановив своих всадников на безопасном расстоянии, Ингвар выехал вперед. Две стрелы, не долетев до князя десяти метров, упали на дорогу. Либо это лучшие лучники пробовали свои силы, либо совсем молодые юнцы решили проявить рвение. Ингвар отстегнул с пояса рог Перуна, чистый звук которого, разлившийся по взятому городу, вызывал Рогволда на переговоры. Над воротами кремля замахали белым полотном.

— Любим, — позвал Ингвар. — Где голова Лейфа?

— Сейчас, княже, — отозвался охранник, отстегивая от седла мешок и протягивая его Ингвару.

Взяв в руки военный трофей, некогда бывший сыном полоцкого конунга, Ингвар в сопровождении Любима тронулся к воротам.

Не доезжая тридцати метров, он остановил коня и стал ждать. Вскоре ворота открылись и из них показались два могучих всадника. Они остановились в пяти метрах от Ингвара.

— Я — Конунг Рогволд. Что тебе здесь надо и зачем ты перебил моих воинов и вторгся в Полоцк?

— Звать меня Ингваром. Я — князь новгородский. А пришел я для того, чтобы покорить Полоцк или стереть его с лица земли. И это не вторжение, а возмездие. Ты отправил своего старшего сына Лейфа вместе с дружиной под стены Новгорода, и я принес от него послание.

— Давай, — спокойно сказал Рогволд.

Ингвар, не спеша, подъехал и протянул конунгу мешок. Затем также неторопливо вернулся назад. Рогволд долго возился с завязками, стягивающими мешок, но в итоге справился и заглянул внутрь.

— Ну что же, — с грустью сказал он, передавая мешок своему сопровождающему. — Ты оказался сильнее, чем я думал. И за мою ошибку заплатил Лейф. Но я еще жив, и полоцкий кремль еще в моих руках. Пока бьется мое сердце и сердце моего младшего сына, ты, новгородец, его не получишь.

— Я знал твой ответ, конунг, — притворно опечалился Ингвар, — что ж драться, так драться. Но учти, при таком раскладе я вырежу всех обитателей кремля. Пожалей воинов, сдай крепость, и я обещаю тебе и твоему сыну почетную смерть с оружием в руках.

— Нет, — подал голос второй всадник, — мы с отцом будем драться до последнего ратника.

— Ну что ж это печально, но вы свой выбор сделали, — подвел итог князь. — Гибель старшего сына тебя ничему не научила, конунг. Придется мне перебить всех в кремле. — И развернув коня, Ингвар вернулся к ожидавшим его всадникам. — Готовьтесь к штурму! Всех арбалетчиков ко мне, — приказал он.

Вскоре последние приготовления были закончены. Арбалетчики и лучшие лучники расползлись по крышам близлежащих домов. Взяв на прицел стену и ворота кремля, команда добровольцев, раздобыв тяжелое бревно, готовилась к штурму ворот. Ингвар выехал на открытое пространство и дал сигнал к началу штурма. Сидя в седле, он с грустью наблюдал, как со стены падают пробитые тяжелыми болтами тела. Новгородские стрелки свое дело знали, и вскоре стены, на которых недавно суетились воины, казались безжизненными. То тут, то там слышалось одинокое пение тетивы, свист болта и крик за стеной кремля. Вскоре

желающих охранять стену не нашлось. Полоцкие ратники оставили ее, скрывшись внутри.

— Таран вперед, — приказал Ингвар, и дружинники, подхватив тяжелое бревно, бросились к воротам.

Свистнули стрелы оборонявшихся, один из ратников, несущих бревно, схватился за грудь и упал на землю. Снова запели арбалеты новгородцев, доказывая стрелкам Рогволда, что они не правы. Несущие таран ратники, преодолев открытое пространство, застыли перед воротами. Бревно качнулось и врезалось в створки ворот, затем еще и еще. На одиннадцатом ударе створки рухнули, и из проема ворот засвистели стрелы. Из двадцати человек, штурмующих ворота, в живых осталось пятеро. Они укрылись за крепостной стеной, рядом с воротами, вне досягаемости стрелков Полоцка.

— Арбалетчиков к воротам, — приказал Ингвар.

Шеренга из пятидесяти стрелков двинулась к стене, некоторые стреляли на ходу. Вскоре стрелковая дуэль стихла. Полоцкие лучники, держащие под прицелом ворота, либо скрылись, либо погибли.

— Тяжелая пехота на штурм! — крикнул Ингвар, взяв большой пехотный щит и становясь в первый ряд. Ощетинившись копьями, качнулась вперед пехотная стена из трех сотен воинов. По ним никто не стрелял. Позади пехотинцев шли арбалетчики, готовые пустить в дело свое страшное оружие. Длинная цепь воинов миновала ворота и расположилась полукругом во внутреннем дворе кремля. Арбалетчики взяли на прицел каждое окно терема. Ингвар вышел из строя и двинулся к высокому крыльцу.

Свистнули стрелы, и Ингвару пришлось спешно укрыться за большим щитом. В ответ новгородцы дали залп из луков и арбалетов. Ингвар же, прикрываясь щитом, продолжал идти вперед. Пехотинцы не спеша, следовали за ним.

— Выломать дверь! — приказал Ингвар.

И два десятка ратников кинулись с бревном в руках к крыльцу кремля. Засвистели стрелы, падали ратники, несущие бревно, гибли лучники, решившиеся на выстрел.

— Вперед! — заорал Ингвар и, бросив щит, схватился за пустую скобу на бревне.

Еще десяток пехотинцев, бросив щиты, кинулись на помощь князю. До бревна добежали четверо. Схватившись за скобы в тот момент, когда таран был раскачан до максимума, они так сильно толкнули его, что дверь расколосась надвое от первого же удара.

— Вперед! — снова заорал Ингвар и первым бросился в темный коридор. Свистели стрелы, узкие коридоры не давали пространства для маневра.

«Это тебе не твой терем, — промелькнула в голове князя мысль, — у нас в переходе можно четверых в ряд поставить, да еще и место останется, а здесь трое с трудом расходятся». Стрелы щадили Ингвара. Рядом с ним пало уже с десяток раненых, а на нем ни царапины. Навстречу бежит ратник с мечем. Косой удар снизу, так называемый отнойной, и еще одно тело падает ему под ноги. Двое впереди перегородили проход. У них в руках длинные копья и тяжелые щиты. Рядом появляется Любим с малым арбалетом — и один из них падает на своего товарища с болтом в глазнице. Ингвар огибает упавшие тела и добивает второго противника. «Так. Дальше. Где же Рогволд? — стучится в голове мысль. — А вот ты где». Ноги выносят Ингвара в большой зал. На другом его конце около трона стоит Рогволд, сжимая в руках огромную секиру, рядом с ним его сын с мечем наизготовку и высокая девушка с пепельными волосами и узкими скулами, сжимающая в маленьких ладошках кинжал. «Скорее всего — это Рогнеда, дочь конунга». За Ингваром в зал вбегают его охранники и десяток пехотинцев. Новгородцы строят небольшую стену, и две группы

замирают напротив друг друга. Ингвар сделал несколько шагов в сторону воинов Рогволда.

— Конунг, — позвал Ингвар. — Ты меня слышишь?

— Да, варяг, — отозвался упрямый викинг, — но разговаривать с тобой не хочу. Ты победил. Чего тебе еще надо?

— Да вот хочу жизни воинов сберечь, да дочь твою спасти.

— И как ты собираешься это сделать? — ехидно спросил Рогволд.

— Да вот вызываю тебя и сына твоего на поединок. Если одолеете меня, вас отпустят на все четыре стороны, и идите куда хотите. А если я выиграю, то уж не обессудь. Только ратникам прикажи, в случае своего поражения, оружие сложить, да у Рогнеды кинжал забери, а то полоснет себя по горлу, и получится, что я слово не сдержал. Им всем, — Ингвар указал на воинов, — жизнь гарантирую. Дочь твоя в Новгороде жить будет. Она не в ответе за твои деяния. Никто ей зла не причинит. Она останется свободной, но Новгород покинуть не сможет. Ты согласен?

Тяжелая стариковская морщина появилась на лбу викинга. Какое-то время он обдумывал и взвешивал слова варяга.

— Ты прав, — наконец-то заговорил он. — Довольно крови. Поклянись, что ты не причинишь зла моим воинам и Рогнеде, и я с Улафом выйду сражаться против тебя.

— Клянусь Перуном, — отозвался Ингвар, — что ни я, никто из моих воинов не причинит им вреда.

— Что ж, клятва прозвучала, — подвел итог Рогволд. — Воины, сложите оружие. Вы честно мне служили, но сегодня последний день вашей службы. — Воины стали опускаться на колени и класть оружие на пол. — Рогнеда, — обратился конунг к дочери, — может, он и враг, но он достойный противник. Покорись.

И северная красавица, склонив голову, отдала свой кинжал отцу.

— Да, отец, прозвучал ее холодный голос, он мог стать другом, а стал врагом. Мне жаль, но на этот раз Полоцк совершил ошибку, встав не на ту сторону.

Старый конунг покачнулся, как от удара, но сумел справиться с собой.

— Может ты и права, — тихо сказал он и, швырнув на трон алый плащ с меховым подбоем, раздвинув ряд латников, поигрывая секирой, пошел к Ингвару. Следом за отцом с двуручным мечем шел Улаф.

Ингвар сделал несколько шагов им навстречу, давая себе больше места для маневра, и призывно крутанул мечами. Щит он решил не брать. Против секиры Рогволда он не продержался бы и минуты. А вот два меча — другое дело — ими можно парировать любой удар.

Викинги зашли с двух сторон и напали одновременно. Секира Рогволда подсекла князя снизу, а меч Улафа нанес удар горизонтально полу, на уровне груди. Эта мельница могла убить любого, и викинги это знали. Вот поэтому Ингвар не стал подпрыгивать вверх, а прыгнул вперед, через летящую навстречу секиру и проходящий в трех сантиметрах над ним двуручный меч. Кувырок — и он уже стоит на ногах в шаге от Улафа. Меч оказался очень тяжел и, не встретив сопротивления, увел молодого викинга сторону, прямо под удар меча Ингвара. Скрежет металла о металл ударил по уху. Секира Рогволда, встретив оружие князя на полдороге к незащищенной спине Улафа, отклонила его в сторону. Ингвар отпрыгнул. Старик оказался намного сильнее, чем поначалу казалось князю. Он думал быстро разделаться с ним и заняться сыном, да, видать, придется делать наоборот. Приняв решение, Ингвар легко уклонился от удара старика, парировав тяжелый меч Улафа, он собирался

завершить атаку, но что-то подсказало — угроза сзади. И верно, секира конунга уже летела в его спину. Удача снова сопутствовала новгородскому князю. Уклонившись от коварного удара, Ингвар отступил и занял оборонительную позицию. Моментально на него посыпался град ударов. Ингвар стоял на месте, не отступая ни на шаг от центра импровизированной арены. Странные вещи происходили в этом поединке: молодой викинг уже выдыхался, размахивая своим двурушником. Его удары становились все слабее и медленнее, зато старик оживал на глазах. Он превратился в сверкающий смерч. Удары сыпались на Ингвара с такой силой и точностью, что еще пару минут такого поединка, и князь будет просто задавлен таким напором. И Ингвар взорвался. Его мечи засверкали с поразительной скоростью. Секира Рогволда отведена в сторону, едва не вырвавшись из рук престарелого конунга. Меч Улафа принят на скрещенные клинки Ингвара, и изделие Людоты описывает дугу, отделяя быкообразную шею викинга от головы. Огромное тело Улафа еще стояло на ногах, а князь уже атаковал Рогволда. Быстро перетекая из удара в защиту, Ингвар готовился к последнему удару. Он прекрасно знал, что в следующий миг сделает конунг. Все случилось так, как он задумал. Удар Рогволда был тяжелым, сверху вниз, и князь не стал его парировать. Быстро уйдя с линии атаки, он зашел с правого бока Рогволда. Не найдя цели, секира из золотистого булата ударилась об пол и разлетелась на куски. «Жаль, — подумал Ингвар. Хороший бы трофей был, но пора заканчивать». Меч Рюрика устремляется к горлу Рогволда и, пробив его насквозь, окрашивается горячей кровью. Тело викинга подает на пол. Выдернув меч, Ингвар не спешил прятать его в ножны. Ему казалось, что железо словно напитывается кровью врага. И действительно, через десять секунд лезвие было сухое и абсолютно чистое. Ингвар неторопливо прошел к трону, на котором лежал алый плащ Рогволда. Взяв его и накинув себе на плечи, князь занял трон.

— Отныне земли Полоцка навсегда отходят под руку Новгорода.

При этих словах все, кто были в зале, встали перед ним на одно колено. Ингвар поднял руку, поманив к себе старшего из полоцких ратников. Тот испуганно приблизился, встав на колено и опустив глаза в пол, тихо проговорил.

— Чего изволишь, княже?

— Похороните конунга и его сына по своим обычаям, а также займитесь всеми воинами, что пали сегодня от рук моих ратников. Любим, — позвал он своего охранника, — отдай приказ, чтобы им не мешали, а по возможности, и помогли.

— Как скажешь, княже, — отозвался десятник.

— И оповестите население города, чтобы собрались через час на площади, что за крепостной стеной кремля. Я буду говорить с людьми. Насилия в городе не чинить, мародеров буду вешать на воротах. Всех участников штурма наградим.

Любим кивнул и вышел из зала, прихватив с собой тяжелых пехотинцев. Вскоре по всему терему раздавался его зычный голос, отдающий приказы. Полоцкие ратники подняли тела конунга и его сына и понесли к выходу из зала.

— Позволь мне пойти с ними, — раздался за его спиной голос Рогнеды. — Я хотела бы проводить своего отца и брата в палаты Одина.

— Иди, — и кивнул вдогонку воинам, уносившим тела. — Я тебя не держу. В конце концов, это твой терем. То, что я сижу на месте твоего отца, многое меняет — управлять ты, конечно, не будешь, но знатный род не спрячешь. Так что я не собираюсь тебе ничего запрещать. Иди, только за пределы кремля не выходи.

— Спасибо, князь, — ответила она и, гордо выпрямившись, пошла к дверям зала.

Ингвар устало откинулся на спинку трона и закрыл глаза. Как же он устал за эти дни. Но вот Полоцк взят, вроде бы можно немного отдохнуть, но не выйдет. Он должен успеть как можно больше за то время, что ему отпущено.

Ингвар открыл глаза и внимательно оглядел зал: на стенах висит оружие, брони и щиты. Пройдя вдоль стен, ему стало казаться, что чего-то не хватает. Охрана внимательно наблюдала за его действиями, но не приближалась. Еще раз обойдя зал, Ингвар понял, что ему показалось странным, кремль был намного больше, чем представлялось снаружи. Князь огляделся в поисках Любима, но не нашел. Пришлось позвать первого попавшегося охранника:

— Как звать? — спросил он.

— Аскольдом родители назвали, — отчеканил страж.

— Вот что, Аскольд. Вы не всех здешних слуг поубивали?

— Ну, если с оружием не бросались, то не трогали.

— Так вот, найди управителя кремля или того, кто лучше всех его знает, и веди сюда.

— Сейчас, княже. Я мигом, — и Аскольд со всех ног бросился из зала.

Буквально через минуту он вернулся, ведя впереди себя сухого мужичка.

— Вот, княже, урман, — скороговоркой произнес он, — управитель делами Рогволда. Звать его Вейлем.

Ингвар прищурился.

— Скажи-ка мне, Вейль. Почему мне кажется, что кремль несколько больше.

— Ты прав, господин. Терем действительно больше, но никто не знает ответа. Построил его прадед Рогволда, да унес он тайну с собой в могилу, сказав лишь, что только настоящий правитель сможет открыть его секрет. Мой бывший хозяин искал отгадку всю жизнь, даже пробовал стены ломать, да так ничего и не нашел.

— Так-так, — произнес Ингвар, делая еще один круг по залу.

Проходя вдоль стены, которая находилась прямо за тронем, он почувствовал огромный приток сил. За стеной что-то было. Но ломать стену бесполезно, природа у этого прохода, скорее всего, другая. Может, магическая, а, может, научная. Потрогав стену, Ингвар обнаружил обычный камень, но какой-то не такой, как будто мягкий. Ингвар сосредоточился и послал вызов ведогону: «Если можешь, приди. Мне нужна помощь».

Круг камней появился внезапно, но не четкий, как всегда, а прозрачный на фоне стены. Ведогон больше напоминал тень и еле колыхался рядом с алтарем.

— Слушай и запоминай, — произнес он. — Подними правую руку, сжатую в кулак, трижды постучи в камень на уровне своих глаз и шепни свое имя. Должно сработать. А теперь мне пора, я не могу здесь долго находиться. Пока в городе не будет Перунова капища, мы не сможем видаться. Прощай.

Призрачный каменный круг распался. Тогда Ингвар поднял правую руку, сжал ее в кулак и трижды постучал в камень на уровне глаз. В его мозг ворвался голос. И столько силы было в нем, что князь поначалу оробел.

— Кто ты, и зачем тебе тайна, скрытая за этой стеной?

— Я — Ингвар Рюрикович. А тайна мне не нужна, — четко ответил он. — Просто не люблю чего-то не знать.

— Я доволен твоим ответом, — произнес голос. — Войди и возьми то, что тебе принадлежит.

Стена послушно отошла в сторону, открывая узкий проход.

— Стойте здесь, — приказал Ингвар ошеломленным охранникам. — Я пойду туда один, и чтобы ни случилось, не приближайтесь к проходу.

Закончив речь и взяв факел, Ингвар вступил в темный проход. Тут веяло сыростью. Коридор уводил резко вниз, дальше все терялось во мраке. Ингвар шел, не торопясь, но насторожено. Вдруг боковые стены неожиданно исчезли, а факел не мог раздвинуть круг света больше, чем на шаг. «Помоги», — мысленно попросил Ингвар. Факел в руке князя начал разгораться все сильнее и сильнее, но жара больше, чем обычно, не дал. Когда свет достиг своего максимума, Ингвар увидел большой зал метров двадцать в длину. На другом его конце стояло возвышение, на котором что-то лежало.

— Подойди, — приказал голос.

На негнущихся ногах Ингвар преодолел это расстояние. На возвышении лежала книга, покрытая толстым слоем пыли.

— Это фолиант богов, — заговорил голос. — Открой его и ты узнаешь все, что захочешь.

— Нет, — ответил Ингвар. — Во-первых, я же сказал мне ничего не надо, а во-вторых, пусть знающими будут боги, а не люди. От большого знания много горя.

— Я в тебе не ошибся. Ты прошел испытание, — сказал голос. Книга исчезла, и на ее месте появилось кольцо. — Возьми и не вздумай отказываться. Носи его, не снимая. Может быть, ты когда-нибудь откроешь его секрет, но не сейчас. А теперь иди.

Ингвар послушно взял кольцо, повертел его в руках и, не задумываясь, положил обратно.

— Я же сказал, да видно еще раз повторить придется. Мне ничего не надо.

— Ты странный, — задумчиво произнес голос. — И я удивлен, что ты отказался. Еще никто этого не мог сделать. А теперь уходи, ты всего добьешься сам, тебе не нужна помощь, иди. Ты великий правитель, да будет твой род славен только хорошими деяниями.

— Спасибо, — ответил Ингвар и, развернувшись, пошел к выходу. Через несколько минут он снова стоял на пороге зала, ярко освещенного факелами. Проход за ним бесшумно закрылся.

— Прощай, — произнес голос. — Последняя моя услуга, эта дверь закрывается навсегда, и ни один человек не сможет ее открыть.

«А вот это действительно ценный дар», — подумал Ингвар, но ответа не услышал. Внимательно оглядев людей, находящихся в зале, князь обнаружил несколько новых действующих лиц. Теперь здесь находились Ратибор и Рогнеда. Факелы были погашены, сквозь слюду в окнах пробивался солнечный свет.

Ратибор шагнул вперед, напряженно вглядываясь в лицо Ингвара.

— Княже, с тобой все в порядке? — наконец задал свой вопрос воевода. — Тебя не было больше трех часов. Мы уже хотели спуститься в ход, и, вдруг, выходишь ты.

— Все хорошо, Ратибор. Я не знал, что прошло так много времени. Прошу запомнить всех, этой комнаты не существует, дверь закрылась навсегда, и больше ни один человек не сможет туда попасть. Что происходит в городе?

— Все спокойно, княже, — отрапортовал воевода. — Полоцк полностью под нашим контролем, были небольшие стычки, но уже все кончилось. Двое новгородских ратников ждут твоего суда: ворвались в богатый дом, перебили всех, девицу изнасиловали, потом пограбили немного. Думали, никто не узнает. Поймал их наш патруль, когда они из дома выходили. Соседи слышали шум и кликнули наших. В общем, сидят в погребке, тебя ждут.

Народ с площади разошелся, так тебя и не дождавшись. Велишь заново собрать?

— Да, Ратибор, сделай милость. Объяви еще один сбор, через час. Там и осудим ратников. А сейчас я хотел бы осмотреть казну Рогволда. Рогнеда, ты мне не покажешь кремль, а заодно и его кладовые.

— Конечно, князь, пойдем, — как всегда холодно, но без вражды ответила скандинавская красавица и направилась к двери, ведущей из зала.

Ингвар направился вслед за ней. За его спиной пристроился Любим с двумя ратниками. Узкими переходами терема Рогнеда провела князя в противоположное крыло второго этажа. В конце коридора, у единственных дверей, застыли два стражника с обнаженными мечами. По черным плащам Ингвар понял, что это парни Данилы.

— Кто распорядился выставить стражу? — спросил Ингвар Любима.

— Я, княже, — ответил десятник. — Прости за вольность боялся, что местные растащат. Вот и приказал ребятам Данилы Мечеславовича взять под контроль весь терем.

— Молодец, хвалю, — сказал Ингвар, подходя к стражникам. — Князь Ингвар желает осмотреть полоцкую казну.

Отсалютовав мечами, стражники распахнули перед ним двери и отступили в сторону.

Ингвар вошел в достаточно большой зал. Поменьше, чем тот, в котором стоял трон Рогволда, но такой же просторный. Вдоль стен стояли сундуки, плотно прикрытые крышками, на самих стенах висели дорогие доспехи и оружие. Ингвар остановился в центре зала, не зная, с чего начать. Сундуков было около трех десятков, да малых ларцов он насчитал с полсотни. Подойдя к первому попавшемуся на глаза ларцу, Ингвар попытался открыть крышку, та не сдвинулась с места.

— Заперто, — констатировал он и повернулся к Рогнеде. — Красавица, а может, ты знаешь, где ключи?

— У меня, князь, — отозвалась та, протягивая князю увесистую связку, — на теле отца были, ну, я и сняла, — пояснила она.

Взяв связку, Ингвар внимательно посмотрел на замок, прикинул внешний вид ключа, не торопясь, перебрал связку. Выбрав ключ, он вставил его в замок и повернул. Легкий щелчок был ответом, что он угадал. Подняв крышку, Ингвар ошалело уставился на содержимое ларца. «Да тут тысяч пять золотом, — прикинул он. — Хватит и на Псков, и на Ладогу, и в Белоозеро послать в виде благодарности Святославу. Если в остальных сундуках хотя бы половина этого, то Новгород оторвал приличный куш». Открыв еще несколько ларцов, Ингвар понял что ошибся. В одном из них лежала груда драгоценных камней, тысяч на сорок золотом, а другом пятьдесят тысяч серебром.

— Любим, — позвал он.

— Да княже. Что прикажешь?

— Возьми пятерых самых честных ребят, что на золото и стекляшки не падки. Даю вам сутки: открыть все сундуки, пересчитать все до последнего резана, составить бумагу со всеми цифрами. Надеюсь, грамоте и счету обучен?

— Да, княже, все сделаем.

— Но учти, Любим, при выходе вас обыщут.

— Как прикажешь, князь.

— За честность награжу, за воровство руки лишитесь. Ты все понял?

— Да, княже.

— Ну, вот и ладно, а понаблюдает за всем этим Рогнеда, ведь она полоцкая княжна. Ты

согласна? — поворачиваясь к скандинавской красавице, спросил Ингвар.

— Да, княже, я не против. Тем более, есть сундуки, в которых твои люди не разберутся, и я им помогу.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Ингвар, — а теперь мне пора, скоро народ соберется, да и убивцы наши заждались. А ты, Любим, приступай немедленно.

Князь, развернувшись, твердым шагом направился к двери. Остановившись около стражников, он пристально оглядел их.

— Вы все слышали? — спросил он.

— Да, князь. Всех обыскивать, кто выходить будет.

— Не всех, — грозно сказал Ингвар, — княжну Рогнеду даже пальцем не трогать. Узнаю о непочтительном обращении с ней, лишу этих самых пальцев.

— Да, князь, мы все поняли, — отрапортовал старший из стражников.

— Ну, вот и хорошо, — бросил Ингвар и направился к выходу из терема.

Стражник, стоящий у дверей в кремль, увидев князя, отдал салют обнаженным мечем и снова застыл каменной статуей. Заметив Ингвара, на крыльцо поднялся Ратибор.

— Князь, жители Полоцка потихоньку подтягиваются на площадь. Я думаю, минут через двадцать соберется приличная толпа.

Ингвар на секунду задумался.

— Ратибор, размести на крышах ближайших домов два десятка арбалетчиков и столько же лучников. Только незаметно. Покорность покорностью, но о безопасности забывать не стоит.

— Как скажешь, князь, — и, подзвав к себе сотника стрелков, он шепнул ему на ухо соответствующий приказ.

— Будет исполнено, — отчеканил ратник и отправился исполнять приказ.

— Ратибор. Какие потери мы понесли при штурме Полоцка и кремля? — поинтересовался Ингвар.

— Ты не поверишь, княже. Пятьдесят восемь ратников убито, еще сорок ранено. Для штурма такого города это просто невероятно. Когда мне доложили, я не поверил своим ушам. В лучшем случае, я рассчитывал оставить под этими стенами четыре сотни, и это только убитыми.

— Хорошо, воевода, а теперь приведи наших преступников, и будем начинать.

Ингвар неторопливо отправился к стене, опоясывающей кремль. Над воротами была удобная площадка, судя по голосам, народ собирался напротив нее. «Видать, Рогволд разговаривал с народом именно отсюда. Что ж не будем нарушать традицию». Ингвар вступил на первую ступеньку, когда сзади его окликнули. Ингвар развернулся и увидел Рогнеду.

— Княже, не торопись. Прежде чем ты пойдешь туда, хорошенько подумай, что ты скажешь людям. Народ любил отца, налогами тот не душил, а до нападения на Новгород им дела нет.

— Не волнуйся, княжна. Я найду, что сказать, а если хочешь послушать, милости прошу со мной.

— Не откажусь, княже. Может, чем смогу помочь.

— Тогда вперед, — откликнулся Ингвар и начал подниматься по ступеням.

Но до верха он так и не добрался. Вслед за ним и княжной на лесенку втащили двух упирающихся парней в простых рубахах, на которых кое-где были пятна крови.

— Стойте, — крикнул Ингвар стражникам. — Вы их что били?

— Как можно, княже, — обиделся старший, — такого приказа не было, это кровь людей из того дома, где они всех вырезали.

— Ну тогда тащите. Только держите их так, чтобы до нужного момента их не видели. Когда подам знак, тогда и кинете преступников к моим ногам.

Старший кивнул и пленников поволокли вслед за князем.

Ингвар вышел на неширокую площадку, примерно три на три метра. Внизу была толпа, плохо управляемая и совсем чужая. Ингвар вспомнил новгородские сборища, где на него глядели с восторгом и ожиданием. А тут у большинства на лицах — настороженность и недоверие, у многих читалось плохо скрываемые ненависть и презрение. «Пора», — сказал он сам себе и поднял вверх руку, призывая к тишине. Гул стихал, но народ продолжал перешептываться, и полная тишина так и не установилась. «Ну и черт с этим», — подумал Ингвар.

— Люди Полоцка, я, князь Ингвар Новгородский, прошу вас выслушать меня. Вчера вечером мои ратники взяли под контроль город, и ваш конунг, Рогволд, вместе сыном Улафом, погибли, защищая кремль. Они пали в поединке с оружием в руках. Старший сын Рогволда Лейф убит моей рукой три дня назад под стенами Новгорода. Он пришел к моему городу с огромной ратью, пришел грабить и убивать. Я не виню вас за ошибки вашего правителя и его сыновей. Они поплатились за них. Новгород наказал захватчиков. Вот рядом со мной стоит Рогнеда, полоцкая княжна гордая и свободная. Она не принимала участия в заговоре против моего княжества. Я не собираюсь превращать вас в рабов. Вы остаетесь свободными жителями Полоцка, будете платить обычные налоги, какие платили всегда. Но полоцкое княжество перестало существовать. С этого дня оно входит в состав новгородских земель. Я же клянусь защищать этот город от любых врагов, внешних и внутренних. Что скажете?

Толпа загудела, переваривая услышанное.

— Князь, — раздался из толпы голос. — Ты говоришь складно, а как же быть с воинами, совершившими разбой. Что-то я не вижу их на воротах, как ты обещал. Уж не покрываешь ли ты их?

— Ты прав, — отозвался Ингвар, — на воротах их действительно нет. Но я их не покрываю, я хочу судить их здесь и сейчас. — Сделав знак стражам вывести пленников, Ингвар повернулся к толпе. — Вот они, нарушившие мой приказ и ожидающие моего суда. Я не буду покрывать их. Они преступники. Вся рать знает, что отныне Полоцк часть земли новгородской, а, значит, здесь мой закон, и суд пройдет на ваших глазах. В чем вы их обвиняете, жители Полоцка?

— В убийстве, — заорали одни.

— В насилии, — не менее громко вторили им другие.

— В грабеже, — кричали третьи.

Ингвар поднял руку, призывая к тишине.

— Я слышал обвинения, — сказал он. — Теперь выслушаем их. Говорите, — приказал князь.

— Княже, — прохрипел старший из убийц, — вины за нами нет. Мы с Браздом действовали по праву победителей. И взяли только то, что нам причитается, поэтому вины за собой не признаем.

Младший кивнул, подтверждая слова старшего.

— Смерть им! — взревела толпа. — Они даже каяться не хотят.

Ингвар поднял руку, призывая к тишине.

— Я выслушал обе стороны и принял решение. Только хочу спросить вас, — обратился он к преступникам. — Разве не князь отдает приказ о правах победителя? Разве не я должен был приказать грабить город? Но я помню свои слова, и таких там не было, поэтому ваших прав не признаю и отказываю в помиловании. А за упорство ваше я отдаю вас на суд тех, кого вы обидели. Жители Полоцка, вы сами решите, что с ними делать. Сейчас их к вам спустят. А когда вы закончите суд, я хотел бы знать, примите ли вы меня как князя и наместника моего как вашего правителя?

Над толпой воцарилась тишина. Люди были не готовы к такому резкому переходу и не знали, что ответить. Вдруг кто-то крикнул:

— Князь, позволь нам выбрать пятерых наиболее уважаемых людей из жителей города. Они придут к тебе в терем, и будут говорить от нашего имени.

— Да будет так, — ответил Ингвар. — После суда я жду их, пусть не мешкают.

Закончив говорить, Ингвар сделал знак стражам, отдать убийц народу, и пошел со стены прочь. Ему очень не хотелось наблюдать очередную казнь, придуманную толпой. Вслед за князем, словно угадав, что сейчас произойдет, поспешила Рогнеда. Догнав Ингвара, она тихо сказала.

— А ты жестокий, я даже не ожидала. И с толпой ты поладил — отныне город твой.

— Ну не совсем, — ответил он, — еще предстоят переговоры с выборными.

— Это всего лишь дело времени, — тихо сказала она и, ускорив шаг, пошла в сторону кремля, оставляя князя наедине со своими думами.

Ингвар вернулся в зал. Уцелевшая челядь, быстро разобравшись, кто в доме хозяин, начала всячески угождать победителям. В большом зале к приходу князя накрывали столы. Ингвар на них даже не взглянул. Пройдя через весь зал, он опустился на трон. Смотря на суету челяди, он вспоминал, как еще сутки назад эти самые люди баррикадировали двери и оттуда страшали нападавших всяческими небесными карами, которые на них обрушатся, если захватчики немедленно не покинут Полоцк. Но в один прекрасный миг все переменилось. Погиб Рогволд, пал его сын. И они поняли, что время викингов ушло, а ему на смену пришел суровый новгородский князь, который казнит собственных воинов, если они поступают не по правде. За этими думами его и застал Любим:

— Княже, — позвал он. — Полоцкие выборные уже у дверей, велишь позвать?

— Зови, — отозвался князь. — Веди сразу к столам, что слуги накрыли. Я там буду.

Десятник кивнул и направился к двери. Вскоре он исчез из его поля зрения, скрывшись за массивными створками. Ингвар поднялся и тряхнул головой, прогоняя сон, «Как же я устал», — пронеслось в голове. Но больше не было Ингвара человека, был Ингвар князь, который должен был идти к столу и решать важнейший вопрос, что будет с Полоцком. «А что будет? — подумал он. — Либо они покорятся, либо снова кровь, плачь, смерть. Сейчас выборные решат жить граду или умереть».

Двери распахнулись и под пристальным взглядом Любима в зал вошли полоцкие делегаты. Неторопливо, словно хозяева, они прошествовали к трону, некогда принадлежащего Рогволду, а ныне занятому Ингваром. На колени не опустились, отвесили полупоклон и застыли, ожидая реакции узурпатора. Ингвар, не нарушая молчания царившего в зале, продолжал их рассматривать. Было их пятеро, по числу слобод и цехов города. Крепкие мужики в дорогих одеждах, глаза не выражают ни ненависти, ни покорности, стоят

прямо, смотрят на варяга ни как на врага, а как на сильного. Тянулись вязкие секунды, Ингвар не торопился начинать разговор, они же первыми говорить не смели. Наконец, у самого молодого из посланцев не выдержали нервы. Тщательно подбирая слова, стараясь не рассердить сильного князя, он решился заговорить:

— Здрав будь, Ингвар Новгородский, ты посылал за нами?

— Посылал, — отозвался Ингвар, внимательно разглядывая их. — И хотел бы узнать, зачем вы, уважаемые мужи Полоцка, пришли сюда? Если о мире поговорить, то прошу к столу, ну, а если собираетесь воду в городе мутить, то на плаху. Так зачем вы здесь? Чего вы хотите больше: крови или процветания?

На секунду они смутились, если и выстраивали сообща какой-то план, то сейчас его приходилось менять на ходу.

— Полоцк хочет мира, — заговорил старший, судя по одежде, самый богатый купец княжества. — Мы, я говорю за весь город, не хотели войны с Новгородом, и, прошу тебя, не чини разорения городу.

— Хорошо, — отозвался Ингвар. — Тогда объясни, почему вы не сказали Рогволду, что не хотите войны, а вместо этого помогали снаряжать дружину?

— Прости нас, могучий новгородец, но Рогволд и его советники не оставили нам выбора: либо мы помогаем добровольно, либо нас всех под нож, а деньги наши идут на подготовку войны. Испугавшись, мы решили, что уж лучше сделать все для победы Полоцка, чем умереть.

Стоящие рядом с ним выборные кивнули в знак согласия.

— Ладно, оставим это, — сказал Ингвар. — Прошое не переделать, теперь надо решить, какая судьба ждет Полоцк: либо город покориться, либо будет уничтожен. Я надеюсь, что на сей раз вы сделаете правильный выбор. Мои условия таковы: Полоцкое княжество перестает существовать и его земли входят в состав новгородских земель, налоги я оставляю на прежнем уровне. Вы признаете меня князем и принимаете моего наместника, Рогнеда, дочь Рогволда, будет жить в Новгороде. В городе будет создан совет из самых влиятельных людей Полоцка. Он будет помогать наместнику в управлении. Но без наказания я вас оставить не могу, и за каждого убитого в бою новгородца возьму с горожан золотую гривну, за раненого серебряную, за ратников, получивших серьезные увечья, половина золотой гривны, также в городе должно быть заложено Перуново капище. Согласны ли вы с такими условиями?

— Да, княже! — и выборные опустили на колени. — Ты все рассудил по правде. Мы видим, рушить ты ничего не собираешься, людей не губишь, так почему бы Полоцку не отойти под сильную руку? Мы принимаем твою волю.

— Я рад, что вы оказались разумными, — поднимаясь с трона, произнес Ингвар. — Надеюсь, мой наместник оценит это, и вы окажетесь в совете. А сейчас прошу к столу, давайте отметим конец наших переговоров.

Спустя несколько часов, слегка захмелевшие, выборные покинули терем и отправились к народу, стоящему перед кремлем. А князь, проводив их, направился в горницу некогда принадлежавшую Рогволду. Распахнув дверь, Ингвар ошалело уставился на широкую лавку. На ней под меховым одеялом лежала Рогнеда.

— Ты что здесь делаешь? — сурово спросил он.

— Как что? — удивилась девушка. — Грею твою постель, князь!

— Извини, княжна, но ты это делаешь зря, — решительно сказал он и подошел к

лавке. — Ты же знаешь, я женат на самой красивой женщине и безумно ее люблю. Так что ничего у тебя не выйдет!

— Я что тебе совсем не нравлюсь? — поджав обиженно губы, спросила скандинавская красавица.

— Ты очень красивая девушка, — улыбнувшись, ответил Ингвар, — но у меня уже есть жена?

— Ты сильный, и у тебя может быть несколько жен. К тому же исконная вера это позволяет.

— Позволяет, — не стал спорить Ингвар, — но и не принуждает к этому. Я стараюсь жить, так как велит мне мое сердце, а не отросток в паху. Так что прости меня. Я немного устал за последние трое суток и мне надо поспать.

— Я тебя понимаю, — с грустью в глазах сказала она, выскользывая из-под одеяла и в одной сорочке, направляясь к двери.

— Правда? — удивился Ингвар.

— Да, ты красивый, сильный, умный. Ты всего за несколько лет сумел построить довольно сильное княжество, и его силы хватило, чтобы сокрушить одряхлевший Полоцк. И тебе нет нужды доказывать свое превосходство в постели. Этим занимаются те, кто не смог ничего достичь в жизни. Прости меня за этот минутный порыв, я больше не приду к тебе, и не буду навязывать то, чего тебе не надо. Хотя ты мне, действительно, очень понравился, — и с этими словами она гордо вышла за дверь.

«Пожалуй, не стоит брать ее с собой в Новгород, — подумал Ингвар, — а то они с Ярославой друг дружке все волосы повыдергивают». — С этими думами Ингвар разделся и лег под одеяло. Сон мгновенно смежил веки. Князь уснул.

Больше книг на сайте - Knigolub.net